Stanford University Libraries
3 6105 024 441 169

МЕТАЛЛЫ,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ

и

МИНЕРАЛЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ГОРНАГО ПРОМЫСЛА)

СОЧИНЕНІЕ

М. Д. ХМЫРОВА

ИСПРАВЛЕНО И ДОПОЛНЕНО **К. СКАЛЬКОВСКИМЪ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1875

МЕТАЛЛЫ,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ

И

МИНЕРАЛЫ

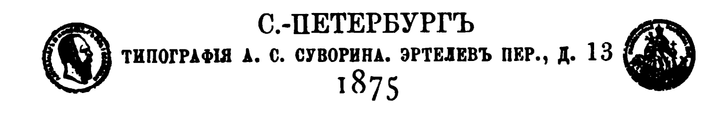
ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ГОРНАГО ПРОМЫСЛА)

СОЧИНЕНІЕ

М. Д. ХМЫРОВА

ИСПРАВЛЕНО И ДОПОЛНЕНО **К. СКАЛЬКОВСКИМЪ**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1875

Текстъ книги напечатанъ въ типографіи В. А. Полетики. Обложка—въ типографіи А. С. Суворина въ 1891 г.

МЕТАЛЛЫ,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ

И

МИНЕРАЛЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По случаю бывшаго 21 октября 1873 года столѣтняго юбилея горнаго института, горный ученый комитетъ, желая ознаменовать день этотъ наиболѣе соотвѣтственнымъ образомъ, съ разрѣшенія г. министра финансовъ Михаила Христофоровича Рейтерна, назначилъ въ 1869 году конкурсъ на составленіе, въ теченіе трехлѣтняго срока, исторіи горнаго промысла въ Россіи, съ выдачею авторамъ: сочиненія, признаннаго лучшимъ 4,000 руб., сочиненія, втораго по достоинству 1,500 руб., и третьяго 500 руб., или же, если признанъ будетъ достойнымъ награды трудъ только одного автора, то съ предоставленіемъ послѣднему всѣхъ 6,000 рублей. При этомъ горный ученый комитетъ положилъ не отвергать и сочиненій, которыя, не объемля всей заданной программы, представятъ изслѣдованія одной, или нѣкоторыхъ частей ея. Программа конкурса была опубликована во всѣхъ ежедневныхъ періодическихъ изданіяхъ, а срокъ для представленія сочиненій назначался къ 21 октября 1872 года. Печатаніе сочиненія, признаннаго лучшимъ, горный ученый комитетъ принималъ на себя.

Къ означенному выше сроку членъ горнаго ученаго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Рожковъ, представилъ въ комитетъ рукопись, сочиненіе покойнаго литератора Михаила Дмитріевича

Хмырова, обнимающее собою свѣдѣнія о металлахъ, монетѣ, соляхъ и металлическихъ издѣліяхъ въ древней Россіи, начиная съ IX вѣка до единодержавія Петра Великаго.

Горный ученый комитетъ разсмотрѣніе труда г. Хмырова поручилъ членамъ своимъ: генералъ-лейтенанту Александру Дмитріевичу Озерскому, тайному совѣтнику Александру Андреевичу Іоссѣ 2 и дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Степановичу Татаринову, которые, по разсмотрѣніи рукописи Хмырова нашли, что оцѣнка этого труда можетъ быть выражена слѣдующими общими выводами *):

1) Трудъ г. Хмырова представляетъ только компиляцію, сводъ мнѣній и выписокъ, составленную безъ строгаго сличенія и часто безъ опредѣлительныхъ заключеній;

2) Онъ не былъ просмотрѣнъ лицемъ не только свѣдущимъ въ горныхъ наукахъ, но даже знакомымъ съ вспомогательными къ нимъ науками—химіей и геогнозіей;

3) Въ выработкѣ его замѣчается поспѣшность, доказываемая нѣкоторыми противорѣчіями;

4) Ни исторіи горной, ни очерковъ ея съ основанія русскаго государства за періодъ до-Петровскій изложить въ послѣдовательности не представляется возможнымъ, потому что первыя попытки горнопромышленной дѣятельности русской,—если не считать чудскихъ копей и выдѣлки желѣза въ сыродутныхъ горнахъ за горный промыселъ,—указываются лѣтописями не ранѣе XV вѣка.

5) Весь *металлическій обиходъ*, выражаясь словами самаго Хмырова, т. е. изслѣдованіе распредѣленія бла-

---

*) Мнѣніе гг. Озерскаго, Іоссы 2 и Татаринова напечатано въ „Горномъ Журналѣ" 1873 г., № 12, стр. 333—355.

городныхъ и другихъ металловъ въ дѣлѣ и въ сыромъ видѣ, источники снабженія металлами, также сѣрою, селитрой и солью, — составляетъ главную цѣль труда г. Хмырова, который собралъ въ этомъ отношеніи изъ печатныхъ источниковъ все, что имѣетъ съ этими предметами прямую и даже косвенную связь.

6) Богатѣйшій запасъ фактовъ, число которыхъ за послѣдніе, ближайшіе къ намъ вѣка XV, XVI и XVII поражаетъ своею многочисленностью, составляетъ въ трудѣ г. Хмырова матеріалъ превосходный.

7) Въ его рукопись введены, однако, цѣликомъ многіе документы: духовныя великокняжескія, дарственныя записи и другія грамоты, которыя затрудняютъ частымъ перерывомъ чтеніе и нарушаютъ, такъ сказать, руководящую нить изложенія;

и 8) Слогъ рукописи представляетъ большую разнородность, что не могло быть иначе, такъ какъ выписки и цитаты, изложенныя дѣловымъ или лѣтописнымъ слогомъ, рѣзко отличаются отъ языка, усвоеннаго г. Хмыровымъ съ явнымъ поползновеніемъ на краснорѣчіе и витіеватую отдѣлку.

Поэтому печатаніе рукописи г. Хмырова въ такомъ видѣ гг. Озерскій, Іосса 2 и Татариновъ признавали неудобнымъ, и полагали необходимымъ: а) рукопись г. Хмырова тщательно просмотрѣть и исправить не только по сдѣланнымъ этими лицами замѣчаніямъ, но вообще подвергнуть ее строгому критическому анализу, не посягая, однако, на коренную переработку текста; b) текстъ рукописи разбить на главы и снабдить ихъ приличными заглавіями, и с) составить подробное оглавленіе и алфавитный указатель.

Горный ученый комитетъ согласился вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ и имѣя въ виду, что изданіе съ необходимыми исправленіями труда покойнаго Хмырова „о металличе-

ской и минеральной промышленности въ древней Россіи" составитъ пріобрѣтеніе для нашей горной литературы и удовлетворяетъ условіямъ конкурса, назначеннаго для написанія исторіи горнаго дѣла въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящей эпохи, испросилъ у г. министра финансовъ:

1) Пріобрѣсти у г. Рожкова рукопись покойнаго Хмырова за полторы тысячи рублей.

2) Поручить исправленіе означенной рукописи по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ гг. Озерскимъ, Іоссой 2 и Татариновымъ, секретарю горнаго ученаго комитета.

и 3) Напечатать исправленную рукопись г. Хмырова на казенный счетъ.

Его высокопревосходительство М. Х. Рейтернъ изъявилъ на предложеніе горнаго ученаго комитета полное согласіе и ассигновалъ необходимыя для этого суммы.

Приступивъ къ обработкѣ рукописи г. Хмырова, я вполнѣ убѣдился въ совершенно вѣрной оцѣнкѣ ея достоинства назначенною горнымъ ученымъ комитетомъ коммиссіей. Рукопись, въ особенности вторая ея половина, состояла изъ ряда объемистыхъ цитатъ, связанныхъ часто только нѣсколькими самыми необходимыми словами автора. Въ этихъ условіяхъ выдѣленіе цитатъ въ приложенія было равносильно уничтоженію самаго сочиненія; поэтому нѣкоторыя части его, особенно XVII вѣкъ, пришлось значительно передѣлать.

Кромѣ того, во всемъ сочиненіи господствовало два существенныхъ недостатка: одинъ — сохраненіе слога цитированныхъ сочиненій, хотя бы это были самыя незначущія ссылки на второстепенныхъ, даже современныхъ авторовъ, другой — смѣшеніе важнаго съ имѣющимъ чисто случайный интересъ. Насколько было возможно, я старался отстранить эти недостатки, придать

сочиненію болѣе живости, уничтоживъ пестроту слога, и затѣмъ сокративъ многія вовсе ненужныя мелочныя подробности, интересныя только въ отдѣльныхъ спеціальныхъ археологическихъ монографіяхъ.

По манерѣ изложенія, г. Хмыровъ былъ трудолюбивый компиляторъ, а по теоретическому воззрѣнію на исторію — славянофилъ, нѣсколько одностороній. Эта точка зрѣнія, ложная въ особенности по отношенію къ промышленности, находившейся въ древней и московской Руси на очень низкой степени, приводила г. Хмырова къ весьма невѣрнымъ заключеніямъ. О древнемъ до-монгольскомъ періодѣ г. Хмыровъ держался даже совершенно устарѣвшей точки зрѣнія Карамзина и представлялъ эту эпоху въ несравненно болѣе величавомъ видѣ, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Вообще я старался по возможности ослабить и уравновѣсить слишкомъ рѣзкія и своеобразныя выходки и воззрѣнія, нерѣдко встрѣчавшіяся въ предлагаемомъ трудѣ.

Во всякомъ случаѣ, я долженъ признаться, что сочиненіе г. Хмырова, любопытное по собраннымъ и сгруппированнымъ въ немъ свѣдѣніямъ, не можетъ быть названо историческою монографіею въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ ограничивается чисто внѣшнею стороною дѣла. Для исторіи собственно горнозаводства тутъ собраны и связаны только различные разрозненные офиціальные документы; относительно же металлическаго производства, хотя и подобраны многочисленныя и часто мелочныя указанія разныхъ авторовъ, но невыяснена самая важная сторона этого производства—художественная. Между тѣмъ, если что интересно прослѣдить въ этихъ остаткахъ древности, то именно тѣ инородныя стихіи, которыя постепенно входили, вытѣснялись и мало по малу создали то, что называется теперь русскимъ стилемъ. У г. Хмырова есть указанія на историческія эпохи измѣ-

Текстъ книги напечатанъ въ типографіи В. А. Полетики. Обложка—въ типографіи А. С. Суворина въ 1891 г.

МЕТАЛЛЫ,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ

И

МИНЕРАЛЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

СОДЕРЖАНІЕ.

извѣстныхъ сношеній и столкновеній, и потому не могли передать другъ другу этихъ названій. Это сходство родственное, идущее изъ эпохи единства индо-европейскихъ племенъ. Выдѣляясь изъ общаго племеннаго потока, каждый народъ забралъ съ собою и запасъ словъ, образовавшійся въ эпоху этнологическаго единства; съ теченіемъ времени старыя слова забывались, замѣнялись новыми, или же видоизмѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ и историческихъ условій. Намъ неизвѣстны въ точности внутреннія причины этихъ видоизмѣненій; но существованіе законовъ, по какимъ совершались эти измѣненія, не подлежитъ сомнѣнію. На это указываютъ постоянство и правильность фонетическихъ измѣненій въ языкахъ. И если взглянуть на названія металловъ у различныхъ племенъ съ точки зрѣнія законовъ, дѣйствовавшихъ въ языкахъ индо-европейскаго корня, то всѣ названія окажутся не только сходными, но и родственными, идущими отъ одного корня. Арійскимъ племенамъ, еще до разселенія ихъ, было извѣстно употребленіе металловъ: золота, серебра и мѣди въ болѣе или менѣе чистомъ состояніи. Санскритскій, латинскій, нѣмецкій и кельтскій языки сходятся въ названіяхъ мѣди; славянскій, литовскій и нѣмецкій — въ названіяхъ золота, серебра и желѣза; санскритскій, зендскій, греческій, латинскій, кельтскій — въ названіяхъ серебра [1]). А такъ какъ языкъ вообще, при отсутствіи всѣхъ другихъ вещественныхъ доказательствъ, остается единымъ свидѣтелемъ древности до-исторической, то, въ виду сейчасъ упомянутыхъ филологическихъ выводовъ, падаетъ сама собою и новѣйшая теорія одного шведскаго ученаго, относящая начало мѣднаго періода въ Европѣ къ непосредственному вліянію финикіянъ [2]). Не кажется вполнѣ убѣдительнымъ и доводъ нашего маститаго академика, что „если бы племенамъ арійскимъ были извѣстны всѣ металлы, прежде развѣтвленія, то бронза не

[1]) *Котляревскій, А. А.*: Металлы и ихъ обработка въ до-историческую эпоху у племенъ индо-европейскихъ. Москва. 1867. с. 20. (Оттискъ изъ „Трудовъ Московскаг Археологическаго Общества“. 1867. т. I, вып. I).

[2]) *Nilsson:* Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens. Hamburg. 1863.

могла бы долго употребляться у нихъ для рѣжущихъ инструментовъ; тогда не существовало бы отдѣльнаго періода бронзы“ [1]); не выдерживаетъ, наконецъ, строгой критики и заключеніе извѣстнаго русскаго знатока индо-иранскихъ языковъ; будто бы индоевропейскіе народы, при переселеніи своемъ въ Европу, не были знакомы съ обработкою металловъ; что народы этого племени, занявшіе Балканскій и Аппенинскій полуострова, познакомились съ обработкою металловъ (сначала мѣди) черезъ жителей Малой Азіи, а впослѣдствіи южная Европа передала умѣнье обработывать мѣдь и желѣзо западной части сѣверной Европы, снабжая ее передъ тѣмъ долгое время готовыми металлическими произведеніями [2]). Противъ этого послѣдняго мнѣнія есть, впрочемъ, и не-филологическое возраженіе. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, сличивъ нѣсколько сотъ химическихъ анализовъ древне-европейской бронзы, ратуетъ за самостоятельное производство бронзовыхъ предметовъ и въ сѣверной Европѣ, доказывая, что предметы эти изготовлялись нѣкогда въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ отыскиваются въ настоящее время [3]).

Все вышесказанное располагаетъ принять началомъ, такъ называемаго, мѣднаго или бронзоваго періода въ Европѣ [4]) переселеніе на европейскую почву племенъ арійскихъ, — переселеніе, происходившее также въ эпоху до-историческую и не вдругъ. Изъ первичнаго гнѣзда арійцевъ, на равнинахъ Азіи, выдѣлялись

---

[1]) *Бэръ:* О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ. Прилож. къ Мѣсяц. 1864. с. 63.

[2]) *Лерхъ:* Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. См. „Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества“ 1864. т. V, вып. 4, стр. 217. (Статья третья и послѣдняя).

[3]) *Wibel:* Die Cultur der Bronzezeit Nord-und Mittel-Europa's, Chemisch-antiquarische Studien über unsere vorgeschichtliche Vergangenheit und deren Bergbau, Hüttekunde, Technik und Handel. Kiel. 1865.

[4]) К. М. Бэръ сожалѣетъ печатно (Прил. къ Мѣсяц. 1864. с. 28), что названіе *бронзовый вѣкъ* сдѣлалось общимъ, вмѣсто болѣе приличнаго названія *мѣдный вѣкъ*. „Настоящая бронза, т. е. соединеніе мѣди съ небольшимъ количествомъ олова (а иногда свинца), говоритъ онъ, дѣйствительно была первоначально въ употребленіи на сѣверѣ; однако позже, въ нѣкоторыхъ странахъ, а именно къ сѣверо-востоку отъ Альповъ, вошла въ употребленіе смѣсь мѣди и цинка, сплавъ, который мы называемъ теперь латунью“. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что по несовершенству металлургическихъ пріемовъ древніе почти не знали металловъ въ чистомъ видѣ, но преимущественно въ видѣ сплавовъ.

постепенно толпы, которыя, принимая на себя физіономію народностей обособленныхъ, двигались одна за другой и, въ теченіе ряда вѣковъ, проходили средней Европой до Балтійскаго, Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана, причемъ впереди шли кельты, за ними германцы, потомъ литва и славяне [1]). Движеніе это, исторіей ни къ какимъ извѣстнымъ вѣкамъ не пріуроченное, но ею не забытое, совершалось до того времени, пока колоніи арійскія не упрочились на новыхъ мѣстахъ въ Европѣ двумя громадными индо-европейскими вѣтвями: греко-итало-кельтскою и литовско-славяно-нѣмецкою. Первая изъ нихъ знала употребленіе мѣди и серебра, послѣдняя, кромѣ того, — золота.

Съ такимъ запасомъ свѣдѣній металлургическихъ, переселенцы арійскіе, разумѣется, не могли удовлетворяться каменною культурой аборигеновъ европейскихъ — и вотъ естественное начало бронзоваго періода въ Европѣ, современнаго, между прочимъ, Иліадѣ, въ пѣсняхъ которой орудія и доспѣхи все еще мѣдные, и Гезіоду (IX в. до Р. Х.), изобразителю третьяго поколѣнія людей, сражавшагося (оружіе), обстроеннаго (дома) и пахавшаго (плуги)—мѣдью же.

Но, по самымъ свойствамъ мѣди, металла легко добываемаго и обдѣлываемаго, бронзовый періодъ могъ быть только переходнымъ; при дальнѣйшемъ же освоеніи переселенцевъ арійскихъ съ дикой, лѣсистой природой тогдашней Европы, этотъ металлъ долженъ былъ замѣниться другимъ, болѣе прочнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: едва успѣвъ совладать съ неудобствами окружающей мѣстности и устранить главнѣйшія препятствія, или приспособиться къ нимъ, индо-европейскія племена практически взялись за желѣзо, не мало издѣлій изъ котораго замѣчается уже и въ предметахъ очевидно бронзоваго періода.

Тогда-то началась новая эпоха европейская — желѣзный вѣкъ, и честь этого прогресса принадлежитъ скиѳамъ, племени,

---

[1]) *Schleicher:* Die ersten Spaltungen des Indo-germanischen Urvolkes. См. Algem. Monatsschr. für Liter. und Wissensch. 1853. с. 786—787.

которое у древнихъ историковъ, географовъ и поэтовъ обозначается весьма неопредѣленно, большею частію собирательно для всѣхъ вообще народовъ къ сѣверу и востоку отъ Чернаго моря; но многими новѣйшими учеными признается, не безъ основанія, также индо-европейскимъ [1]). Хотя академикъ Бэръ полагаетъ, что сѣверно-европейскія племена заимствовали обработку желѣза отъ финновъ, искуснѣйшихъ кузнецовъ того времени [2]), но раскопки финно-чудскихъ могилъ даютъ весьма слабый процентъ находокъ желѣзныхъ, сравнительно съ мѣдными; точно также, слово *руда*, будто бы финское, по изслѣдованіи Шегрена—славянскаго корня [3]).

Во всякомъ случаѣ, еще Геродотъ, писавшій за четыре съ половиною вѣка до Р. Х., зналъ, что золото и желѣзо въ его время были употребительными металлами у скиѳовъ, и даже занесъ въ IV книгу своего знаменитаго творенія сказаніе, что главный запасъ скиѳскаго золота стережется на сѣверѣ грифами, у которыхъ воруютъ его какіе-то аримаспы. „Эти баснословные грифы, замѣчаетъ Карамзинъ, кажутся отчасти историческою истиною и заставляютъ думать, что драгоцѣнные рудники южной Сибири были издревле знаемы“ [4]). Послѣ басни о скиѳскомъ золотѣ, Геродотъ въ той же IV книгѣ сообщаетъ, что желѣзный мечъ, символъ войны, былъ распространенъ въ Скиѳіи повсемѣстно; далѣе онъ сообщаетъ свѣдѣнія о мѣди у скиѳовъ, и, наконецъ, повѣствуетъ, что серебра послѣдніе не употребляли. Другой греческій писатель, Павзаній, жившій во II в. по Р. Х., свидѣтельствуетъ, что желѣзо не было обыкновеннымъ металломъ у собственныхъ скиѳовъ (Геродотъ имѣлъ въ виду скиѳовъ, такъ называемыхъ, царскихъ), но одинаково съ Геродотомъ отрицаетъ существованіе скиѳскаго серебра. Зато касательно массагетовъ,

---

[1]) *Grimm* (Iacob): Geschichte der Deutschen Sprache. 1853. т. I. *Lenormand*: Les antiquités du Bosphore Cymmérien. Paris. 1861. *Fustel de Coulanges*: Cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de. Rome. Paris. 1866.

[2]) Приложеніе къ Мѣсяцеслову на 1864 г., ст. 63—64.

[3]) Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker. См. Schœgren's Gesammelte Schriften. S.-Petersburg. 1861. t I, s. 625—638.

[4]) *Карамзинъ*: Исторія Государства Россійскаго. С. П. Б. 1842. т. I, с. 4.

воинственнаго племени, причисляемаго древними писателями къ вѣтви скиѳовъ азійскихъ и занимавшаго нынѣшнія Киргизскія степи, извѣстія Геродота и Павзанія не расходятся; оба они пишутъ, что массагеты жили на почвѣ, богатой золотомъ и мѣдью, но не знали ни серебра, ни желѣза. Это извѣстіе сходно съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ о почвѣ Киргизскихъ степей.

Интересно вглядѣться нѣсколько ближе въ уцѣлѣвшіе памятники скиѳскаго, пожалуй скиѳо-чудскаго, металловѣдѣнія; подобные, тожественные экземпляры издѣлій, по закону культурной преемственности, не могли не имѣть вліянія на горное дѣло славянъ, такъ или иначе обусловившее собою и весь ходъ старинной русской металлической промышленности. Тутъ приходится имѣть дѣло главнымъ образомъ съ результатами раскопокъ, точнаго и подробнаго описанія которыхъ, за младенчествомъ русской археологіи, еще не существуетъ. Но и изъ отрывочныхъ извѣстій по этой части, прежде всего, явствуетъ, что скиѳскія могилы хранятъ въ себѣ четыре вида металловъ: мѣдь, золото, желѣзо, серебро, и послѣдняго сравнительно меньше, нежели первыхъ. Затѣмъ оказывается, что такія могилы сгруппированы преимущественно въ южной Россіи, гдѣ нѣкогда рядомъ съ развитіемъ полукочеваго скиѳскаго быта, процвѣтали торговыя колоніи грековъ и сильное Воспорское царство [1]). Наконецъ, этимъ же сосѣдствомъ объясняется очевидная разница художественности въ отдѣлкѣ предметовъ, по крайней мѣрѣ золотыхъ и серебряныхъ, доставляемыхъ могилами. Изящнѣйшіе экземпляры, очевидно, пріобрѣтены скиѳами отъ цивилизованныхъ сосѣдей путемъ войны или купли; грубѣйшіе—скиѳская самодѣльщина—изъ металла, добытаго, безъ сомнѣнія, на Уралѣ и Алтаѣ другими сосѣдями скиѳовъ, чудью, племенемъ, принимаемымъ нѣкоторыми учеными за тѣхъ же скиѳовъ [2]).

[1]) По мнѣнію г. Бестужева-Рюмина (Русская Исторія ч. 1 стр. 8) этимъ колоніямъ не слѣдуетъ приписывать значительнаго культурнаго вліянія. Уже Мишле замѣтилъ, что греки держали себя всегда въ сторонѣ въ сношеніяхъ съ варварами, и только художники ихъ на службѣ варварскихъ царей оставили памятники своего искусства, которымъ, безъ сомнѣнія, грубо подражали и самые варвары.

[2]) *Эйхвальдъ:* О чудскихъ копяхъ. См. „Записки Императорскаго Археологическаго Общества“ 1857 г. т. IX, вып. II, стр. 270—370:

Изъ раскопокъ кургановъ, признанныхъ наукою скиѳскими, извѣстнѣйшими считаются, такъ называемыя: Александропольскій курганъ (или Луговая могила), Долгая могила и курганъ Чертомлыкъ, всѣ три въ одномъ и томъ же екатеринославскомъ уѣздѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ геродотовымъ, находился Герросъ — мѣсто погребенія царей скиѳскихъ. Ученое изслѣдованіе всѣхъ названныхъ кургановъ не восходитъ раньше послѣдняго двадцатилѣтія, и производилось на счетъ правительства, по иниціативѣ просвѣщеннаго графа Л. А. Перовскаго. Ограничиваясь рамками нашего очерка, мы представимъ только металлическое содержаніе каждой изъ трехъ скиѳскихъ могилъ.

Александропольскій курганъ (Луговая могила), близь казеннаго селенія Александрополя, въ 60—70 в. отъ р. Днѣпра и въ 30 в. отъ Базавлука, имѣвшій 150 саж. въ окружности и 10 саж. въ вышину, разрывался подъ наблюденіемъ: сначала г. Терещенко, потомъ г. Люценко, въ 1852—1856 годахъ. Тутъ въ нѣсколькихъ катакомбахъ найдены на остовахъ человѣческихъ и конскихъ слѣдующіе предметы: А) *золотые*: изображеніе кабана изъ дутаго листоваго золота, съ кружево-образнымъ основаніемъ; шесть полукруглыхъ украшеній, съ загнутыми (у пяти) продыравленными краями и двумя (у одного) звѣриными головками по срединѣ; множество гвоздиковъ, вѣроятно, для прикрѣпленія помянутыхъ украшеній; болѣе 700 вещицъ, повидимому, съ одежды: довольно массивныя бусы различной величины, бюстикъ оленя, выбитыя изъ листоваго золота, изображенія львовъ, тигровъ, птицъ, розетокъ, цвѣтковъ, треугольниковъ, четыреугольниковъ и круглыя бляшки съ изображеніями грифоновъ, львиныхъ и человѣческихъ головъ, большія и маленькія пуговки съ ушками,—все это изящной греческой работы III или IV вѣка до Р. Х.; нѣсколько круглыхъ бляхъ съ серебряными ушками, для конскаго головнаго убора; наузныя украшенія; двѣ полукруглыя подвѣски къ шейному конскому убору, вѣсомъ болѣе $^1/_2$ фунта; двѣ пары накладокъ на сѣдельныя луки; Б) *серебряные*: кувшинъ, жезлъ, продолговатыя подвѣски съ ушками, граненыя трубочки, круглые

бубенчики; пять пластинокъ изъ листоваго серебра, въ видѣ дерева, съ тремя дырочками въ каждой; восемь бусъ; четыре пуговки; кольцо; двѣ серьги изъ толстой проволоки, обломки мелкихъ вещицъ, сильно окислившихся; В) *мѣдные*: 18 колокольчиковъ, служившихъ привѣсками; 60 грудныхъ изображеній неопредѣленныхъ животныхъ изъ листовой мѣди; 3 фигуры крылатаго коня, также изъ листовой мѣди, но безъ дырочекъ по краямъ; 318 нѣсколько вогнутыхъ бляхъ; полосы длиною въ $^3/_4$ аршина и болѣе, шириною въ $2^1/_2$ дюйма—остатки какой-то оковки; обломки разной посуды и проч.; Г) *бронзовые*: два изображенія птицы на четырехгранныхъ трубкахъ, съ треугольными просвѣтами въ каждой сторонѣ и двумя ушками снизу; четыре плоскихъ изображенія грифона въ четыреугольныхъ рамкахъ, къ нижней части которыхъ придѣлано съ обоихъ краевъ по кольцу съ висящимъ на немъ колокольчикомъ, и въ срединѣ по трубкѣ съ двумя ушками; 510 нѣсколько вогнутыхъ бляхъ съ вытиснутою на нихъ розеткой; 12 плоскихъ бляхъ; 6 бубенчиковъ; 244 полубубенчика; 66 трубочекъ разной величины; 5 листовыхъ кружковъ; 5 пластинокъ въ видѣ полумѣсяцевъ; обломки цѣпочекъ; тазъ; ожерелье спиральнымъ кольцомъ въ два обвода; обломки колесничныхъ украшеній; десятки наконечниковъ трехгранныхъ стрѣлъ, немного желобковатыхъ и хорошо отпущенныхъ, группирующихся вообще въ два главные вида, химическіе анализы которыхъ показали: въ первомъ, цвѣта бѣловатаго, длиною $1^1/_4$ верш., шириною внизу $^1/_4$ вершка, на 100 частей сплава: олова 4,27, свинца 29,65,. мѣди 66,07, итого 100; въ другомъ, цвѣта красноватаго, длин. $^{11}/_{16}$, а шир. $^5/_{16}$ верш., на 100 частей сплава: олова 2,53, серебра 0,42, мѣди 97,05, итого 100 [1]); Д) *желѣзные*: оковка для 6 колесъ; удила; пряжка, повидимому отъ подпруги; гвозди; скобки; крючья; петли въ родѣ сундучныхъ; части чешуйчатой кольчуги, у которой каждая чешуйка покрыта листовымъ золотомъ; обломки плоскаго браслета, обручей и полосъ.

---

[1]) *Кёне*: Описаніе музеума покойнаго князя Василія Викторовича Кочубея. С.-Петербургъ. 1866 г., т. II, стр. 413.

Въ девяти гробницахъ сосѣдней Александропольскому кургану Долгой могилы, имѣвшей почти 122 саж. въ окружности, при 2 саж. высоты и разрытой въ 1856 г., найдено только два мѣдныхъ тонкихъ копейныхъ наконечника [1]).

Зато курганъ Чертомлыкъ, близъ рѣчки того же названія и верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ м. Никополя, доставилъ г. Забѣлину въ 1862—1863 гг. слѣдующіе металлическіе предметы: А) *золотые*: гладкое массивное ожерелье, вѣсомъ около 1 фунта; начельникъ, чеканный травами, съ бляшками въ видѣ цвѣтовъ и розетокъ; два широкіе гладкіе браслета; девять перстней гладкихъ и одинъ съ изображеніемъ летящей птицы; еще перстень съ рѣзнымъ камнемъ, на которомъ изображена Афродита, кормящая грудью Эрота; кольцо, свитое спиралью изъ проволоки; мужскія и женскія серьги изъ колецъ съ подвѣсками; бляшки и пластинки съ изображеніями разныхъ звѣрей и чудовищъ; пластинка отъ ноженъ меча съ изображеніемъ боевой сцены, въ которой участвуютъ эллины и скиѳы; рукоятка меча; Б) *серебряные*: позолоченная ваза съ фризомъ вокругъ верхней ея части, на которомъ изображены въ выпуклыхъ фигурахъ кони и ухаживающіе за ними скиѳы—прекрасный памятникъ греческаго искуства того времени, доказывающій, что скиѳы не были ни монголами (Нибуръ, Нейманъ), ни финнами (Эйхвальдъ), а арійцами; мужское ожерелье, въ видѣ обруча, покрытаго листовымъ золотомъ; В) *бронзовые*: зеркало; кучка стрѣлокъ; Г) *желѣзные*: копье, стрѣла и небольшой ножикъ [2]).

Въ землѣ Войска-Донскаго, смежной съ Екатеринославской губерніей, также были становища скиѳовъ, и встрѣчаются находки, правда, случайныя, но относящіяся видимо къ скиѳскому періоду. Такими находками можно считать, напримѣръ, двѣ, сдѣланныя тутъ въ одномъ и томъ же 1864 году. Первая имѣла мѣсто подъ

---

[1]) Древности геродотовой Скиѳіи. Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ. Изданіе Императ. Археологической Коммисіи. Выпускъ I. С.-Петерб. 1866 г.

[2]) *Забѣлинъ*: Скиѳскія могилы, Чертомлыцкій курганъ. См. «Труды Московскаго Археолог. Общества». 1865 г., т. I, вып. I, стр. 71—90.

Новочеркасскомъ, въ могилѣ Хохлачъ, гдѣ, при устройствѣ резервуара для водопровода, открыты разные металлическіе предметы, изъ которыхъ золотые (кромѣ статуэтки Эрота, играющаго на свирѣли—произведенія весьма изящнаго), отличаются стилемъ чрезвычайно грубымъ, хотя довольно оригинальнымъ, что наводитъ на мысль, не дѣлали ли ихъ сами скиѳы. Все металлическое содержаніе могилы Хохлачъ состояло въ слѣдующемъ: головной уборъ изъ листоваго золота, украшенный разноцвѣтными камнями и жемчугомъ, изображеніями оленей, птицъ и деревьевъ, съ различными привѣсками изъ золота; массивное золотое ожерелье; два золотыхъ браслета; три золотыя складныя коробочки; золотой флаконъ; продолговатый агатовый цилиндръ, украшенный съ одного конца переднею, а съ другаго заднею частью какого-то животнаго изъ чеканнаго золота; двѣ нашивки изъ листоваго золота; нѣсколько тонкихъ золотыхъ нитей; два серебряные кувшина; три бронзовые поломанные сосуда и обломки четвертаго; бронзовые ножъ и шило; небольшой кусокъ обдѣланнаго желѣза [1]). Другая донская находка въ 14 верст. отъ станицы Мигулинской, Усть-Медвѣдицскаго округа, состояли изъ браслета изъ листоваго золота; кованнаго и золотаго вѣнка, вѣсомъ обѣ вещи 119 золотн.; кубка полуовальной формы изъ электра, вышиною до 3 верш., съ ручкою въ видѣ собачки и греческой надписью по горлышку, вѣсомъ 84 золотн.; обломковъ серебрянаго кувшина, вѣсомъ въ 60 золотниковъ [2]).

Не меньше описанныхъ любопытны для насъ и результаты раскопокъ на Керченскомъ полуостровѣ, далеко не чуждомъ скиѳамъ. Для примѣра, можно взять извѣстную могилу Кулобы, скиѳскаго богача, быть можетъ, геродотовыхъ временъ. Тутъ, подлѣ человѣческихъ остововъ, имѣвшихъ на себѣ одинаково остроконечныя скиѳскія шапки съ золотыми тиснеными бляхами по

1) Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1864 годъ. С.-Петерб. 1865 г.

2) *Амфилохій*, Архимандритъ: Находка древностей въ юрту станицы Мигулинской на Дону. См. труды Московскаго Археологическаго Общества. 1867 т. I. вып. II ст. 197—200.

краямъ, были найдены слѣдующіе металлическіе предметы: А) *золотые*: массивное мужское ожерелье съ застежками, изображающими длинноволосыхъ скиѳскихъ всадниковъ въ широкихъ шароварахъ; два грудныя украшенія: мужское, въ видѣ плоскаго круга, съ разными тиснеными изображеніями, между прочимъ, нѣкоторыхъ черноморскихъ рыбъ и маленькихъ головъ стараго, длиннобородаго скиѳа въ остроконечной шапкѣ, вѣсомъ до $1^1/_2$ фунт., женское, на подобіе медали, съ разными аллегорическими изображеніями и привѣсками на тончайшихъ цѣпочкахъ, мастерской работы; нѣсколько браслетовъ, изъ которыхъ одинъ, мужской, замыкается фигурами сфинксовъ, держащими въ переднихъ ногахъ змѣй; пластинка отъ скиѳскаго кнута; барельефы, изображающіе разныхъ звѣрей; ваза, влагалище для лука, статуэтка и бляхи, круглыя и четыреугольныя, изъ электрума или серебристаго золота; Б) *серебряные:* нѣсколько чашекъ, изъ которыхъ одна плоская, какъ блюдечко, а другіе напоминаютъ роги, употреблявшіеся древними для питья; В) *мѣдные:* два котла, каждый на высокой ножкѣ и о двухъ ушкахъ; двѣ вазы съ фигурами разныхъ животныхъ рѣзной золотой работы; два копья; пучки такихъ же стрѣлъ, какія попадаются нерѣдко въ степяхъ новороссійскихъ и пескахъ днѣпровской украйны, гдѣ одинъ любитель собралъ ихъ болѣе 40 видовъ, подраздѣленныхъ имъ на восемь родовъ (двубокія, трехбокія, прамидальныя, желобленыя, корытчатыя, бороздчатыя, знаковыя, гладкія) и два главные отряда: крючковатыхъ (два первые рода) и трехгранныхъ [1]); Г) *желѣзные:* мечъ прямой о двухъ лезвеяхъ, съ золотыми изображеніями древесныхъ листьевъ на рукояти, и шесть ножей. Вѣсъ одного золота, вынутаго изъ могилы Кулобы, больше трехъ пудовъ [2]).

Должно, наконецъ, упомянуть и о раскопкѣ на полуостровѣ Тамани двухъ близницъ, громадныхъ кургановъ-могилъ надъ ли-

---

[1]) *Максимовичъ:* Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы. См. Археологическій Вѣстникъ. 1867 г. сентябрь и октябрь, с. 204—219.

[2]) *Dubois de Montpereux:* Voyage autour du Caucase et en Crimée. Paris. 1840. Serie IV.

пейской культуры и избытка населенія, а просто станціи, мимо которыхъ шла индѣйская торговля. Современный Аденъ очень похожъ на этотъ видъ колоній. Генуэзцы, спасаясь кочевниковъ, едва ли бы устраивали горные промыслы такъ далеко отъ своихъ прибрежныхъ поселеній.

Что касается благородныхъ металловъ, почва территоріи собственно скиоской ихъ не производила. Обиліемъ же грубыхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, образчики которыхъ встрѣчаемъ въ могилахъ завѣдомо скиоскихъ, скиоы были обязаны массагетамъ, а страбоновы скиоы—аорсамъ (эрзамъ) и зиранамъ (зырянамъ), жившимъ, какъ и массагеты, по южнымъ отклонамъ Урала, откуда племена эти вели обширную торговлю не только съ Алтайскимъ хребтомъ, тогда еще заселеннымъ таинственною чудью, но и съ другими частями Азіи. Обходя этимологическія догадки о томъ, что исчезнувшіе массагеты прозвались такъ отъ р. Міяса, близъ Міяскаго завода, а сосѣди ихъ, также не существующіе, исседоны, быть можетъ, отъ р. Исети,—приведемъ лучше извѣстія о древнѣйшемъ т. е. чудскомъ горномъ промыслѣ въ Сибири.

Чуди, по мнѣнію г. Эйхвальда, извѣстна была плавка мѣди. Это доказывается нахожденіемъ мѣдныхъ кирокъ и каилъ и другихъ орудій для добыванія мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ, которыя чудь добывала изъ верхнихъ пластовъ тамошнихъ горъ. Чудскіе рудники по рѣкамъ Катуни, Кондомѣ, Мрассѣ и другимъ весьма многочисленны, и многіе рудники южнаго Алтайскаго хребта открыты русскими горными рудокопами по слѣдамъ древнихъ чудскихъ копей. Эти послѣднія не идутъ далеко въ глубь, такъ какъ мѣстныя руды заключаются въ діоритовыхъ и другихъ твердыхъ горныхъ породахъ, въ которыхъ нельзя работать безъ желѣзныхъ орудій и употребленія пороха; сверхъ того, встрѣчаемыя въ этихъ твердыхъ пластахъ руды бываютъ или сѣрнистыя, какъ сѣрный колчеданъ и мѣдный колчеданъ, или же окисленныя, какъ магнитный желѣзнякъ, которыя всѣ трудноплавки. Золото точно также добывалось изъ розсыпей верхнихъ мягкихъ

масса проковывалась ручными молотами. А такъ какъ, при сильномъ дутьѣ, металлъ, не вполнѣ насыщенный углеродомъ, плавился и получалась сталь, въ то время никуда не употреблявшаяся, то, вѣроятно, существовалъ и грубый способъ передѣла, состоявшій во вторичномъ, быть можетъ на одномъ огнѣ, нагрѣваніи металла, съ примѣсью древеснаго угля, и направленіи дутья на его поверхность: тогда только могъ окончательно выгорѣть углеродъ, а желѣзо—пріобрѣсти ковкость и крѣпость, въ соединеніи съ мягкостью.

Проплавка, патріархальностью пріемовъ подобная описанной, совершалась и съ мѣдью, которая очевидно извлекалась изъ рудъ окисленныхъ, какъ болѣе легкихъ для обработки. Слѣды добыванія мѣди, какъ кажется, еще скиѳами, обнаружились недавно въ Екатеринославской губерніи, этомъ центрѣ скиѳской жизни. Гор. инж. Носовъ въ пермской формаціи, около хуторовъ Клиновскихъ, съ лѣвой стороны рѣчки Клиновой, въ 10 верстахъ на юго-западъ отъ города Бахмута, нашелъ отвалы древней разработки и плавки мѣдной руды; шлаки, куски древеснаго и каменнаго угля; части горшковъ (тиглей), въ которыхъ, вѣроятно, плавилась мѣдная руда; также кости животныхъ, пропитанныя мѣдною зеленью. Все это запутано въ красной рухляковой глинѣ, что ясно видно въ развѣдочныхъ рвахъ, заложенныхъ въ отвалахъ, Отвалы имѣли видъ неправильнаго округленнаго четыреугольника, въ длину 120 саж. и въ ширину 70 саж.; въ срединѣ отваловъ находятся двѣ глубокихъ впадины, занесенныя красною рухляковою глиной [1]). Г. Носовъ склоненъ приписывать время найденной имъ древней разработки эпохѣ хазарскаго или генуэзскаго владычества въ южной Россіи; но подобное мнѣніе противорѣчитъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ о характерѣ генуэзскихъ колоній на югѣ Россіи. Это не были колоніи въ томъ смыслѣ, какъ это понимается теперь въ Америкѣ и Австраліи, для водворенія евро-

---

[1]) Письмо поручика корпуса горныхъ инженеровъ Носова 2. «С.-Петербургск. Вѣдом.» 1865. № 250.

пейской культуры и избытка населенія, а просто станціи, мимо которыхъ шла индѣйская торговля. Современный Аденъ очень похожъ на этотъ видъ колоній. Генуэзцы, опасясь кочевниковъ, едва ли бы устраивали горные промыслы такъ далеко отъ своихъ прибрежныхъ поселеній.

Что касается благородныхъ металловъ, почва территоріи собственно скиѳской ихъ не производила. Обиліемъ же грубыхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, образчики которыхъ встрѣчаемъ въ могилахъ завѣдомо скиѳскихъ, скиѳы были обязаны массагетамъ, а страбоновы скиѳы—аорсамъ (эрзамъ) и зиранамъ (зырянамъ), жившимъ, какъ и массагеты, по южнымъ отклонамъ Урала, откуда племена эти вели обширную торговлю не только съ Алтайскимъ хребтомъ, тогда еще заселеннымъ таинственною чудью, но и съ другими частями Азіи. Обходя этимологическія догадки о томъ, что исчезнувшіе массагеты прозвались такъ отъ р. Міяса, близъ Міяскаго завода, а сосѣди ихъ, также не существующіе, исседоны, быть можетъ, отъ р. Исети,—приведемъ лучше извѣстія о древнѣйшемъ т. е. чудскомъ горномъ промыслѣ въ Сибири.

Чуди, по мнѣнію г. Эйхвальда, извѣстна была плавка мѣди. Это доказывается нахожденіемъ мѣдныхъ кирокъ и кайлъ и другихъ орудій для добыванія мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ, которыя чудь добывала изъ верхнихъ пластовъ тамошнихъ горъ. Чудскіе рудники по рѣкамъ Катуни, Кондомѣ, Мрассѣ и другимъ весьма многочисленны, и многіе рудники южнаго Алтайскаго хребта открыты русскими горными рудокопами по слѣдамъ древнихъ чудскихъ копей. Эти послѣднія не идутъ далеко въ глубь, такъ какъ мѣстныя руды заключаются въ діоритовыхъ и другихъ твердыхъ горныхъ породахъ, въ которыхъ нельзя работать безъ желѣзныхъ орудій и употребленія пороха: сверхъ того, встрѣчаемыя въ этихъ твердыхъ пластахъ руды бываютъ или сѣрнистыя, какъ сѣрный колчеданъ и мѣдный колчеданъ, или же окисленныя, какъ магнитный желѣзнякъ, которыя всѣ трудноплавки. Золото точно также добывалось изъ розсыпей верхнихъ мягкихъ

пластовъ, которыхъ вездѣ по Алтайскому и Уральскому хребтамъ изобильнѣе, чѣмъ коренныхъ мѣсторожденій въ нижнихъ твердыхъ породахъ; къ тому же жильное золото гораздо труднѣе добывается чѣмъ намывное изъ розсыпей. Для плавки мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ чудь имѣла въ разныхъ мѣстахъ Алтайскаго хребта плавильныя печи, остатки которыхъ найдены во многихъ пунктахъ, какъ напр., не далеко отъ устья р. Шульбы, впадающей въ Иртышъ; тутъ же найдены и шлаки расплавленныхъ рудъ, въ которыхъ видна была мѣдь въ запутанномъ состояніи, что указываетъ на несовершенство металлургическихъ пріемовъ. Главная плавка у чуди была мѣдная, потому что большая часть находимая случайно и при раскопкахъ домашнихъ сосудовъ сдѣлана изъ мѣди: гораздо рѣже была добыча золота и серебра; хотя эти два металла были предметомъ обширной торговли, которую чудскіе народы вели съ западными, жившими тогда въ южной Россіи и, въ особенности, на Крымскомъ полуостровѣ. Чудь знала употребленіе крѣпи при своемъ горномъ промыслѣ (во многихъ копяхъ найдены деревянныя крѣпи на потолкахъ камеръ), но нерѣдко выработки проваливались и рудокопы отъ этого погибали, о чемъ свидѣтельствуютъ находимые въ тѣхъ копяхъ человѣческіе скелеты, и при нихъ сумки съ рудами. При обработкѣ рудъ, чудскіе рудокопы наблюдали всегда направленіе металлоносныхъ истоковъ или жилъ и преслѣдовали ихъ. Подобная система замѣчается во всѣхъ древнихъ рудникахъ (римскихъ, испанскихъ) и объясняется какъ незнаніемъ геогнозіи для соображенія объ общемъ устройствѣ мѣсторожденія, такъ и неизвѣстностью пороха, почему проходъ пустыхъ породъ казался задачею почти неразрѣшимою. Многочисленныя чудскія копи указываютъ вообще на обширное горное производство чуди на Алтаѣ, и на то, что она занималась горнымъ промысломъ не только для собственнаго употребленія, но и преимущественно для торговли съ народами южной Россіи, какъ о томъ уже упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ [1]).

---

[1]) *Эйхвальдъ*: О чудскихъ копяхъ, стр. 273—275.

Чтобы судить о составѣ металловъ древнѣйшаго чудскаго производства, пред-

Металлическія издѣлія, кромѣ желѣзныхъ, попадающіеся въ чудскихъ могилахъ, весьма разнообразны. Словцовъ пишетъ, что на лѣвомъ берегу рѣки Алея, впадающаго въ Иртышъ, находится 16 кургановъ и въ одномъ, главномъ изъ нихъ, въ два поиска найдено кладоискателями золота до 16 фун. въ разныхъ издѣліяхъ. Докторъ Бель, бывшій въ свитѣ посланника въ Китай (1719—1720), капитана гвардіи Измайлова, между прочими рѣдкостями, вырытыми изъ могилъ кузнецкихъ, видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ металла (?), и нѣсколько звѣрковъ изъ золота. Одинъ изъ кладоискателей говорилъ Белю, что разъ онъ дорылся въ курганѣ до свода, подъ которымъ лежалъ остовъ человѣка на серебряной доскѣ, съ доспѣхами: лукомъ, стрѣлами и колчаномъ. Сибирскій исторіографъ Миллеръ въ алтайскихъ заводахъ купилъ изъ могильныхъ драгоцѣнностей золотаго всадника, на конѣ сидящаго; также пріобрѣлъ золотой кувшинчикъ, обронной работы. Путешественникъ Гмелинъ (въ 1735 г.) видѣлъ у красноярскаго воеводы вырытый изъ кургана родъ подноса и небольшой горшокъ изъ позолоченаго серебра; на подносѣ изображены разныя фигуры. Онъ же свидѣтельствуетъ, что въ прежнее время выкапывали изъ древнихъ могилъ, находящихся

ставляемъ нѣкоторые результаты химическихъ анализовъ г. Струве надъ предметами изъ чудскихъ могилъ Западной Сибири, и покойнаго Гебеля — надъ такими же съ Алтайскаго хребта:

Изъ Западной Сибири:	Мѣди.	Олова.	Желѣза.	Свинца.
Обломокъ ножа желтокраснаго цвѣта, снаружи и въ разломѣ; вѣсъ 9,5 грам.	90,20.	9,64.	0,05.	—
Закругленный ножъ, въ разломѣ желтоватый, снаружи потемнѣвшій отъ окиси; длин. 16 сант., ширина 16 и 11 миллим., вѣсъ 42 грамма. . .	88.67.	10,10.	0,28.	—
Ножъ, въ разломѣ краснаго цвѣта, на поверхности потемнѣвшій, вслѣдствіе окисленія. Въ однемъ концѣ круглое отверстіе. Длина 13 сант., шир. 13 мил., вѣсъ 23 грамма.	93,00.	6,35,	0,18	—
Ножъ изъ красной мѣди, 13 сант. длины, въ одномъ концѣ отверстіе при ширинѣ въ 20 мил., въ другомъ концѣ ширина въ 14 миллим. Вѣсъ 40 граммъ.	99,00.	0,32.	0,34.	—
Обломокъ отъ гроба.	80,27.	19,66.	—	—
Тоже.	73,0.	26,74.	—	—
Рука изящной формы отъ статуэтки, вышиною въ 7 дюйм.	87,98.	9,83.	—	2,5.
Тоже.	91,50.	6,75.	—	1,75

Дѣйствительно, разница между тѣмъ, что мы видѣли и увидимъ — велика. Выдѣлившись изъ земли арійской, разнородность быта которой (кочеваго, напримѣръ, у скиѳовъ царскихъ, осѣдлаго у скиѳовъ—земледѣльцевъ) сплочивалась иногда единствомъ территоріальнымъ, племена славянскія, отходившія сѣвернѣе другихъ соплеменниковъ, двигались, сравнительно съ ними, такъ быстро и, быть можетъ, такъ бѣдственно, что, до прибытія на мѣста болѣе удобныя и безопасныя, не имѣли ни времени воздвигать надъ костьми своихъ покойниковъ громадные курганы, ни средствъ богато украшать родные гробы. Этимъ только объясняется интересное и справедливое наблюденіе одного изъ нашихъ извѣстныхъ археологовъ, что курганы средней Россіи, которые могутъ быть приписаны славянскому племени, географически отдѣляются отъ скиѳскихъ и греческихъ кургановъ южной Россіи пространною полосою, вовсе не представляющею кургановъ [1]). Соглашаясь вполнѣ и съ другимъ, не менѣе дѣльнымъ замѣчаніемъ графа Уварова, что курганныя древности средней Россіи часто поражаютъ сходствомъ съ такими же, открываемыми въ Литвѣ, Польшѣ и Богеміи, изъ чего должно заключить о несомнѣнной принадлежности тѣхъ и другихъ подраздѣленіямъ одного и того же племени, позволяемъ себѣ, кромѣ того, допустить, что одинаковыя причины сопровождаются одинаковыми послѣдствіями.

Собственно курганныя древности средней Россіи изслѣдованы до сихъ поръ такъ недостаточно, что не представляютъ еще возможности сдѣлать какіе нибудь выводы о металлическомъ производствѣ и горнопромышленности у племенъ исключительно славянскихъ. Этого намъ, впрочемъ, и не нужно. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, прослѣдить и сгруппировать всѣ историческія черты горнопромышленности, по скольку встрѣчаются онѣ на всей территоріи нынѣшней Россіи, Европейской и Азіатской, мы не считаемъ себя обязанными ограничиваться одними только славя-

---

[1]) *Уваровъ, графъ А. С.:* Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. С.-Петербургъ. 1851. Выпус. I.

бубенчики; пять пластинокъ изъ листоваго серебра, въ видѣ дерева, съ тремя дырочками въ каждой; восемь бусъ; четыре пуговки; кольцо; двѣ серьги изъ толстой проволоки, обломки мелкихъ вещицъ, сильно окислившихся; В) *мѣдные*: 18 колокольчиковъ, служившихъ привѣсками; 60 грудныхъ изображеній неопредѣленныхъ животныхъ изъ листовой мѣди; 3 фигуры крылатаго коня, также изъ листовой мѣди, но безъ дырочекъ по краямъ; 318 нѣсколько вогнутыхъ бляхъ; полосы длиною въ $^3/_4$ аршина и болѣе, шириною въ $2^1/_2$ дюйма—остатки какой-то оковки; обломки разной посуды и проч.; Г) *бронзовые*: два изображенія птицы на четырехгранныхъ трубкахъ, съ треугольными просвѣтами въ каждой сторонѣ и двумя ушками снизу; четыре плоскихъ изображенія грифона въ четыреугольныхъ рамкахъ, къ нижней части которыхъ придѣлано съ обоихъ краевъ по кольцу съ висящимъ на немъ колокольчикомъ, и въ срединѣ по трубкѣ съ двумя ушками; 510 нѣсколько вогнутыхъ бляхъ съ вытиснутою на нихъ розеткой; 12 плоскихъ бляхъ; 6 бубенчиковъ; 244 полубубенчика; 66 трубочекъ разной величины; 5 листовыхъ кружковъ; 5 пластинокъ въ видѣ полумѣсяцевъ; обломки цѣпочекъ; тазъ; ожерелье спиральнымъ кольцомъ въ два обвода; обломки колесничныхъ украшеній; десятки наконечниковъ трехгранныхъ стрѣлъ, немного желобковатыхъ и хорошо отпущенныхъ, группирующихся вообще въ два главные вида, химическіе анализы которыхъ показали: въ первомъ, цвѣта бѣловатаго, длиною $1^1/_4$ верш., шириною внизу $^1/_4$ вершка, на 100 частей сплава: олова 4,27 свинца 29,65,. мѣди 66,07, итого 100; въ другомъ, цвѣта красноватаго, длин. $^{11}/_{16}$, а шир. $^3/_{16}$ верш., на 100 частей сплава олова 2,53, серебра 0,42, мѣди 97,05, итого 100 [1]); Д) *желѣзные*: оковка для 6 колесъ; удила; пряжка, повидимому отъ подпруги; гвозди; скобки; крючья; петли въ родѣ сундучныхъ; части чешуйчатой кольчуги, у которой каждая чешуйка покрыта листовымъ золотомъ; обломки плоскаго браслета, обручей и полосъ.

---

[1]) *Кёне*: Описаніе музеума покойнаго князя Василія Викторовича Кочубея. С.-Петербургъ. 1866 г., т. II, стр. 413.

Въ девяти гробницахъ сосѣдней Александропольскому кургану Долгой могилы, имѣвшей почти 122 саж. въ окружности, при 2 саж. высоты и разрытой въ 1856 г., найдено только два мѣдныхъ тонкихъ копейныхъ наконечника [1]).

Зато курганъ Чертомлыкъ, близъ рѣчки того же названія и верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ м. Никополя, доставилъ г. Забѣлину въ 1862—1863 гг. слѣдующіе металлическіе предметы: А) *золотые*: гладкое массивное ожерелье, вѣсомъ около 1 фунта; начельникъ, чеканный травами, съ бляшками въ видѣ цвѣтовъ и розетокъ; два широкіе гладкіе браслета; девять перстней гладкихъ и одинъ съ изображеніемъ летящей птицы; еще перстень съ рѣзнымъ камнемъ, на которомъ изображена Афродита, кормящая грудью Эрота; кольцо, свитое спиралью изъ проволоки; мужскія и женскія серьги изъ колецъ съ подвѣсками; бляшки и пластинки съ изображеніями разныхъ звѣрей и чудовищъ; пластинка отъ ноженъ меча съ изображеніемъ боевой сцены, въ которой участвуютъ эллины и скиѳы; рукоятка меча; Б) *серебряные*: позолоченная ваза съ фризомъ вокругъ верхней ея части, на которомъ изображены въ выпуклыхъ фигурахъ кони и ухаживающіе за ними скиѳы—прекрасный памятникъ греческаго искуства того времени, доказывающій, что скиѳы не были ни монголами (Нибуръ, Нейманъ), ни финнами (Эйхвальдъ), а арійцами; мужское ожерелье, въ видѣ обруча, покрытаго листовымъ золотомъ; В) *бронзовые*: зеркало; кучка стрѣлокъ; Г) *желѣзные*: копье, стрѣла и небольшой ножикъ [2]).

Въ землѣ Войска-Донскаго, смежной съ Екатеринославской губерніей, также были становища скиѳовъ, и встрѣчаются находки, правда, случайныя, но относящіяся видимо къ скиѳскому періоду. Такими находками можно считать, напримѣръ, двѣ, сдѣланныя тутъ въ одномъ и томъ же 1864 году. Первая имѣла мѣсто подъ

---

[1]) Древности геродотовой Скиѳіи. Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ. Изданіе Императ. Археологической Коммисіи. Выпускъ I. С.-Петерб. 1866 г.

[2]) *Забѣлинъ*: Скиѳскія могилы, Чертомлыцкій курганъ. См. «Труды Московскаго Археолог. Общества». 1865 г., т. I, вып. I, стр. 71—90.

Новочеркасскомъ, въ могилѣ Хохлачъ, гдѣ, при устройствѣ резервуара для водопровода, открыты разные металлическіе предметы, изъ которыхъ золотые (кромѣ статуэтки Эрота, играющаго на свирѣли—произведенія весьма изящнаго), отличаются стилемъ чрезвычайно грубымъ, хотя довольно оригинальнымъ, что наводитъ на мысль, не дѣлали ли ихъ сами скиѳы. Все металлическое содержаніе могилы Хохлачъ состояло въ слѣдующемъ: головной уборъ изъ листоваго золота, украшенный разноцвѣтными камнями и жемчугомъ, изображеніями оленей, птицъ и деревьевъ, съ различными привѣсками изъ золота; массивное золотое ожерелье; два золотыхъ браслета; три золотыя складныя коробочки; золотой флаконъ; продолговатый агатовый цилиндръ, украшенный съ одного конца переднею, а съ другаго заднею частью какого-то животнаго изъ чеканнаго золота; двѣ нашивки изъ листоваго золота; нѣсколько тонкихъ золотыхъ нитей; два серебряные кувшина; три бронзовые поломанные сосуда и обломки четвертаго; бронзовые ножъ и шило; небольшой кусокъ обдѣланнаго желѣза [1]). Другая донская находка въ 14 верст. отъ станицы Мигулинской, Усть-Медвѣдицскаго округа, состояли изъ браслета изъ листоваго золота; кованнаго и золотаго вѣнка, вѣсомъ обѣ вещи 119 золотн.; кубка полуовальной формы изъ электра, вышиною до 3 верш., съ ручкою въ видѣ собачки и греческой надписью по горлышку, вѣсомъ 84 золотн.; обломковъ серебрянаго кувшина, вѣсомъ въ 60 золотниковъ [2]).

Не меньше описанныхъ любопытны для насъ и результаты раскопокъ на Керченскомъ полуостровѣ, далеко не чуждомъ скиѳамъ. Для примѣра, можно взять извѣстную могилу Кулобы, скиѳскаго богача, быть можетъ, геродотовыхъ временъ. Тутъ, подлѣ человѣческихъ остововъ, имѣвшихъ на себѣ одинаково остроконечныя скиѳскія шапки съ золотыми тисненными бляхами по

1) Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1864 годъ. С.-Петерб. 1865 г.

2) *Амфилохій*, Архимандритъ: Находка древностей въ юрту станицы Мигулинской на Дону. См. труды Московскаго Археологическаго Общества. 1867 т. I. вып. II ст. 197—200.

краямъ, были найдены слѣдующіе металлическіе предметы: А) *золотые*: массивное мужское ожерелье съ застежками, изображающими длинноволосыхъ скиѳскихъ всадниковъ въ широкихъ шароварахъ; два грудныя украшенія: мужское, въ видѣ плоскаго круга, съ разными тисненными изображеніями, между прочимъ, нѣкоторыхъ черноморскихъ рыбъ и маленькихъ головъ стараго, длиннобородаго скиѳа въ остроконечной шапкѣ, вѣсомъ до $1^1/_2$ фунт., женское, на подобіе медали, съ разными аллегорическими изображеніями и привѣсками на тончайшихъ цѣпочкахъ, мастерской работы; нѣсколько браслетовъ, изъ которыхъ одинъ, мужской, замыкается фигурами сфинксовъ, держащими въ переднихъ ногахъ змѣй; пластинка отъ скиѳскаго кнута; барельефы, изображающіе разныхъ звѣрей; ваза, влагалище для лука, статуэтка и бляхи, круглыя и четыреугольныя, изъ электрума или серебристаго золота; Б) *серебряные*: нѣсколько чашекъ, изъ которыхъ одна плоская, какъ блюдечко, а другіе напоминаютъ роги, употреблявшіеся древними для питья; В) *мѣдные*: два котла, каждый на высокой ножкѣ и о двухъ ушкахъ; двѣ вазы съ фигурами разныхъ животныхъ рѣзной золотой работы; два копья; пучки такихъ же стрѣлъ, какія попадаются нерѣдко въ степяхъ новороссійскихъ и пескахъ днѣпровской украйны, гдѣ одинъ любитель собралъ ихъ болѣе 40 видовъ, подраздѣленныхъ имъ на восемь родовъ (двубокія, трехбокія, прамидальныя, желобленыя, корытчатыя, бороздчатыя, знаковыя, гладкія) и два главные отряда: крючковатыхъ (два первые рода) и трехгранныхъ [1]); Г) *желѣзные*: мечъ прямой о двухъ лезвеяхъ, съ золотыми изображеніями древесныхъ листьевъ на рукояти, и шесть ножей. Вѣсъ одного золота, вынутаго изъ могилы Кулобы, больше трехъ пудовъ [2]).

Должно, наконецъ, упомянуть и о раскопкѣ на полуостровѣ Тамани двухъ близницъ, громадныхъ кургановъ-могилъ надъ ли-

---

[1]) *Максимовичъ*: Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы. См. Археологическій Вѣстникъ. 1867 г. сентябрь и октябрь, с. 204—219.

[2]) *Dubois de Montpereux*: Voyage autour du Caucase et en Crimée. Paris. 1840. Serie IV.

маномъ Цикуромъ, близъ селенія Стеблеевки. Судя по найденному тутъ, на женскомъ остовѣ большой близницы, золотому головному убору, украшенному чеканнымъ изображеніемъ борьбы молодыхъ скиѳовъ съ грифонами, — близницы эти едва ли также не скиѳскаго происхожденія, и, быть можетъ, древнѣйшаго, потому что ни въ одномъ изъ нихъ, между множествомъ вещей золотыхъ и нѣкоторыми бронзовыми (золоченое зеркало, наузднія бляхи), до сихъ поръ еще не отыскано ничего желѣзнаго, ни серебрянаго [1]).

Прежде, нежели переходить къ міру славянскому, необходимо высказать хотя нѣсколько догадокъ о томъ, откуда брали скиѳы металлы, имъ извѣстные и, слѣдственно, ими завѣщанные славянамъ, если предполагать послѣднихъ племенными или даже просто территоріальными наслѣдниками первыхъ?

На мѣста добыванія желѣза у скиѳовъ прямыхъ историческихъ указаній нѣтъ, хотя желѣзные о двухъ лезвеяхъ мечи скиѳскіе были извѣстны еще Геродоту, и скифамъ, преданіемъ науки, приписывается честь введенія желѣза въ употребленіе общеевропейское. Во всякомъ случаѣ, можно предположить съ достовѣрностью, что скиѳы, по самому времени появленія ихъ на поприщѣ исторіи, обработывали желѣзо свое патріархальнымъ способомъ, изъ рудъ, встрѣчающихся нерѣдко во многихъ мѣстахъ нынѣшней Россіи, такъ что рѣдкая губернія не заключаетъ ихъ хотя въ маломъ количествѣ [2]). Для обработки этихъ рудъ скиѳы поступали такъ, какъ поступаютъ теперь африканскіе дикари и др. нецивилизованные народы: т. е. устраивали небольшіе горна, закладывали туда, вмѣстѣ съ полѣньями сухихъ дровъ, руду, и дрова сожигали, причемъ горѣніе поддерживалось дутьемъ; легкоплавкія части руды отдѣлялись сами собою, а остающаяся губчатая

---

[1]) Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1864 г. С.-Петерб. 1865 г. *Тизенгаузенъ*: Новѣйшія археологическія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ. См. Труды Московскаго Археологич. Общ. 1869 т. II. вып. I с. 3€—46.

[2]) Недавно найдены, но еще научно не изслѣдованы (*Л. Штриппельманъ.* Южнорусскія мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ) слѣды древнихъ разработокъ желѣзныхъ рудъ и плавиленныхъ печей въ окрестностяхъ Криваго Рога и балки Большой Дубовой. Слѣды эти, по всей вѣроятности скиѳскаго происхожденія.

масса проковывалась ручными молотами. А такъ какъ, при сильномъ дутьѣ, металлъ, не вполнѣ насыщенный углеродомъ, плавился и получалась сталь, въ то время никуда не употреблявшаяся, то, вѣроятно, существовалъ и грубый способъ передѣла, состоявшій во вторичномъ, быть можетъ на одномъ огнѣ, нагрѣваніи металла, съ примѣсью древеснаго угля, и направленіи дутья на его поверхность: тогда только могъ окончательно выгорѣть углеродъ, а желѣзо—пріобрѣсти ковкость и крѣпость, въ соединеніи съ мягкостью.

Проплавка, патріархальностью пріемовъ подобная описанной, совершалась и съ мѣдью, которая очевидно извлекалась изъ рудъ окисленныхъ, какъ болѣе легкихъ для обработки. Слѣды добыванія мѣди, какъ кажется, еще скиѳами, обнаружились недавно въ Екатеринославской губерніи, этомъ центрѣ скиѳской жизни. Гор. инж. Носовъ въ пермской формаціи, около хуторовъ Клиновскихъ, съ лѣвой стороны рѣчки Клиновой, въ 10 верстахъ на юго-западъ отъ города Бахмута, нашелъ отвалы древней разработки и плавки мѣдной руды; шлаки, куски древеснаго и каменнаго угля; части горшковъ (тиглей), въ которыхъ, вѣроятно, плавилась мѣдная руда; также кости животныхъ, пропитанныя мѣдною зеленью. Все это запутано въ красной рухляковой глинѣ, что ясно видно въ развѣдочныхъ рвахъ, заложенныхъ въ отвалахъ, Отвалы имѣли видъ неправильнаго округленнаго четыреугольника, въ длину 120 саж. и въ ширину 70 саж.; въ срединѣ отваловъ находятся двѣ глубокихъ впадины, занесенныя красною рухляковою глиной [1]). Г. Носовъ склоненъ приписывать время найденной имъ древней разработки эпохѣ хазарскаго или генуэзскаго владычества въ южной Россіи; но подобное мнѣніе противорѣчитъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ о характерѣ генуэзскихъ колоній на югѣ Россіи. Это не были колоніи въ томъ смыслѣ, какъ это понимается теперь въ Америкѣ и Австраліи, для водворенія евро-

---

[1]) Письмо поручика корпуса горныхъ инженеровъ Носова 2. «С.-Петербургск. Вѣдом.» 1865. № 250.

пейской культуры и избытка населенія, а просто станціи, мимо которыхъ шла индѣйская торговля. Современный Аденъ очень похожъ на этотъ видъ колоній. Генуэзцы, опасясь кочевниковъ, едва ли бы устраивали горные промыслы такъ далеко отъ своихъ прибрежныхъ поселеній.

Что касается благородныхъ металловъ, почва территоріи собственно скиѳской ихъ не производила. Обиліемъ же грубыхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, образчики которыхъ встрѣчаемъ въ могилахъ завѣдомо скиѳскихъ, скиѳы были обязаны массагетамъ, а страбоновы скиѳы—аорсамъ (эрзамъ) и зыранамъ (зырянамъ), жившимъ, какъ и массагеты, по южнымъ отклонамъ Урала, откуда племена эти вели обширную торговлю не только съ Алтайскимъ хребтомъ, тогда еще заселеннымъ таинственною чудью, но и съ другими частями Азіи. Обходя этимологическія догадки о томъ, что исчезнувшіе массагеты прозвались такъ отъ р. Міяса, близъ Міяскаго завода, а сосѣди ихъ, также не существующіе, исседоны, быть можетъ, отъ р. Исети,—приведемъ лучше извѣстія о древнѣйшемъ т. е. чудскомъ горномъ промыслѣ въ Сибири.

Чуди, по мнѣнію г. Эйхвальда, извѣстна была плавка мѣди. Это доказывается нахожденіемъ мѣдныхъ кирокъ и кайлъ и другихъ орудій для добыванія мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудъ, которыя чудь добывала изъ верхнихъ пластовъ тамошнихъ горъ. Чудскіе рудники по рѣкамъ Катуни, Кондомѣ, Мрассѣ и другимъ весьма многочисленны, и многіе рудники южнаго Алтайскаго хребта открыты русскими горными рудокопами по слѣдамъ древнихъ чудскихъ копей. Эти послѣднія не идутъ далеко въ глубь, такъ какъ мѣстныя руды заключаются въ діоритовыхъ и другихъ твердыхъ горныхъ породахъ, въ которыхъ нельзя работать безъ желѣзныхъ орудій и употребленія пороха; сверхъ того, встрѣчаемыя въ этихъ твердыхъ пластахъ руды бываютъ или сѣрнистыя, какъ сѣрный колчеданъ и мѣдный колчеданъ, или же окисленныя, какъ магнитный желѣзнякъ, которыя всѣ трудноплавки. Золото точно также добывалось изъ розсыпей верхнихъ мягкихъ

ская, той же губерніи: серебряныхъ — кувшина, вѣсомъ въ $2^1/_2$ фунта; жгута, искусно витаго, съ застежками; подвѣсокъ и серегъ; обломковъ отъ золотыхъ колецъ и разныхъ восточныхъ монетъ V — VII вѣковъ по Р. Х., вырытая близъ д. Шестаковой и берега р. Иргина, въ 1851 г. [1]); 5) галичская, костромской губерніи: мѣдныхъ — небольшаго идола, вылитаго изъ красной мѣди; ножа, повидимому, жертвеннаго; головы отъ маленькаго истукана; огромнаго кольца; какой-то вещицы; наконецъ, нѣсколькихъ серебряныхъ бездѣлушекъ, весьма разновидныхъ, открытая въ селѣ Туровскомъ, въ 1836 году [2]).

Итакъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что племена и народы, происхожденія хотя бы различнаго, но долженствовавшіе современемъ войти въ составъ русскаго государства, уже задолго до этого, если не порознь, то вмѣстѣ взятые, знали и употребляли, по крайней мѣрѣ въ издѣліяхъ, четыре металла: золото, серебро, мѣдь и желѣзо. Если же изъ племенъ и народовъ этихъ станемъ выдѣлять одну только славянскую вѣтвь, то и въ ней одной окажется такое же знаніе. Въ томъ и другомъ убѣждаютъ насъ, независимо отъ кургановъ и кладовъ: разнообразіе почвенныхъ богатствъ нынѣшней русской территоріи; удобства ея географическаго положенія въ смыслѣ торговомъ; свидѣтельства, (правда отрывочныя) чужеземцевъ, современныхъ развитію русскославянскаго государственнаго быта, слывущаго родовымъ; наконецъ, несторова „Повѣсть временныхъ лѣтъ", первая изъ нашихъ отечественныхъ лѣтописей.

Постараемся собрать главнѣйшія доказательства всего, сейчасъ нами сказаннаго, и приведемъ ихъ въ порядкѣ самихъ металловъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„Да будемъ золоти, яко золото се", говаривали русскіе славяне, полагая оружіе, щиты и золото къ ногамъ идола, въ знакъ

---

[1]) *Савельевъ:* Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи. См. журналъ Минист. Внут. Дѣлъ. 1852, іюль с. 122.

[2]) Костромскія находки. Письмо преосвящ. Павла, епископа черниговскаго. См. Русскій историческій сборникъ, изд. Общ. исторіи и древностей россійскихъ. Москва, 1837, т. I, к. I, с. 101.

клятвы соблюдать заключаемый миръ, и древній обрядъ этотъ удостовѣряетъ насъ, что славянамъ надо было свыкнуться съ золотомъ прежде, нежели давать ему обрядовое значеніе въ своемъ патріархальномъ быту. Для того, чтобы извѣстному понятію пріобрѣсти въ быту какого либо народа значеніе лексическое и обрядовое,—требуется немало времени. Такова-то давность золота у русскихъ славянъ, имѣвшихъ, однако, благоразуміе, или, скорѣе, не имѣвшихъ средствъ, зарывать этотъ металлъ въ свои сѣверныя могилы, гдѣ золото до сихъ поръ, повидимому, не найдено.

Серебро, находимое, какъ мы видѣли, и въ славянскихъ курганахъ, въ русско-славянскомъ быту, безъ сомнѣнія, современно золоту, на ряду съ которымъ оно достигло у русскихъ славянъ значенія обрядоваго. Такъ въ рукописномъ „Житіи муромскаго благовѣрнаго князя Константина Святославича“ читаемъ, что язычники, славяне, „очныя ради немощи (въ кладезяхъ) умывающеся, и сребреницы въ ня повергающе“,—суевѣрный обычай, встрѣчающійся до сихъ поръ въ нашихъ деревняхъ и существующій у сербовъ [1]. „Сребреницы“ русскихъ славянъ были, по всей вѣроятности, куфическіе диргемы, начало привоза которыхъ изъ аравійскихъ владѣній Персіи на территорію нынѣшней Европейской Россіи восходитъ къ VIII вѣку [2]. Но были ли также серебряными, какъ полагаетъ Карамзинъ, несторовы „щльяги“, платившіеся въ дань хозарамъ славянскими племенами [3], это еще вопросъ; потому что въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ „Судной ярославской грамоты“, вмѣсто *щльягъ*, *стлязъ*, *стелязъ*, изъ чего Карамзинъ заимствовалъ свое словопроизводство *шиллингъ* [4]), стоитъ *златичъ* или *златникъ*, а въ одномъ даже объясняется: „*стлязъ*, рекше *златницъ*“ [5]).

Какъ бы то ни было, мы согласны съ Карамзинымъ, что сла-

---

[1]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Россійскаго, т. I, прим. 214.
[2]) *Бартоломей:* О древности монетъ съ именемъ Владиміра. См. Извѣстія Импер. Археолог. Общества 1861, т. III, вып. 2, стр. 106.
[3]) Лаврентіевская лѣтопись. См. Полн. Сборн. русск. лѣтоп. т. I, стр. 10.
[4]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Россійскаго, т. I, прим. 300.
[5]) Русскія достопамятности, изд. Императорск. Общ. исторіи и древностей россійскихъ. 1843, ч. II, стр. 149.

вяне „знали цѣну золота и серебра“; но не можемъ допустить, какъ онъ, что „эти металлы не были еще въ народномъ употребленіи между ними“ [1]). Скорѣе можно думать, что золото и серебро, обращаясь въ русско-славянскомъ быту издавна, въ свою очередь служили къ образованію и другихъ понятій, другихъ условій въ кругу того же быта. На этомъ-то основаніи, охотно раздѣляемъ мнѣніе г. Казанскаго, что еще во времена до-историческія славяне имѣли обычай носить на шеѣ, въ видѣ украшенія, золотыя и серебряныя монеты, какъ носятъ ихъ и теперь мордва, башкиры и другіе полудикіе народы. Отъ этого обыкновенія носить золотыя и серебряныя монеты, стали считать *гривнами*, т. е. ожерельями изъ монетъ золотыхъ или серебряныхъ. Обычай могъ даже утвердить ношеніе опредѣленнаго числа монетъ, судя по ихъ величинѣ и вѣсу, на одномъ ожерельѣ. Кажется, только одно это предположеніе и можетъ сколько нибудь объяснить, почему *гривна*, означающая шейное украшеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялась и какъ высшая счетная единица въ монетной системѣ [2]).

Не производя ни золота, ни серебра у себя дома, до-рюриковскіе славяне, по крайней мѣрѣ метрополіи Новгорода, начавшаго свое бытіе не позже VI вѣка [3]), а быть можетъ и въ I в. по Р. X. [4]), добывали благородные металлы мѣновымъ торгомъ: золото изъ Греціи и, какъ можно думать, угорской земли (Венгрія), наконецъ, съ отдаленнаго востока; серебро—изъ Чехіи (Богемія) и въ особенности изъ Біарміи (включавшей и нынѣшній Алтай).

Древнѣйшимъ изъ этихъ славянскихъ торговъ долженъ почитаться греческій, извѣстный уже Геродоту, который еще въ скиѳскія времена писалъ, что жители южнаго приднѣпровья отправ-

---

[1]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс., т. I, стр. 25.
[2]) *Казанскій*: Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ. См. Записки Импер. Археол. Общ. 1851, т. III, от. I, стр. 111.
[3]) *Бутковъ*: Разборъ новыхъ толковъ о древностяхъ Россіи. Новгородъ въ VI в. См. Сынъ Отечества, 1838, октябрь, от. III, стр. 47.
[4]) Лаврентіевская лѣтопись. См. Полн. Сборн. русск. лѣт., т. I, ст. 4.

ляли пеньку во Фракію [1]). Съ разселеніемъ отъ устьевъ Днѣпра къ прибрежью Балтики, славянскія племена не прерывали торговыхъ связей съ Греціей, для чего былъ у нихъ извѣстный водный путь „изъ Варягъ въ Греки", скрѣпившій собою единство русской земли въ первые три вѣка ея государственнаго существованія. Путь этотъ шелъ, по словамъ Нестора, вверхъ отъ Днѣпра волокомъ до Ловати, далѣе по рѣкѣ Ловати въ Ильмень, потомъ по Волхову въ Ладожское озеро и наконецъ въ Балтійское море р. Невою [2]). На этомъ-то пути сѣверныя славянскія племена дружно сходились съ южными (наз. у грековъ и арабовъ руссами), метрополіей которыхъ былъ Кіевъ, восходящій, по сказаніямъ, къ V вѣку отъ Р. Х. [3]). Этимъ путемъ ввозилось греческое золото въ дѣлѣ, преимущественно въ сосудахъ, домашней утвари, платейныхъ украшеніяхъ и т. п. [4]). Для вывоза же золота восточнаго въ вещахъ, принадлежащихъ больше къ конской сбруѣ, у славяно-руссовъ до-рюриковскаго періода былъ иной путь, обозначенный императоромъ Константиномъ такъ: „вверхъ по р. Днѣпру жительство имѣютъ россіяне, которые этою рѣкою ходили въ Черное море, а по нему въ Черную (Дунайскую) Болгарію, въ Хозарію и въ Сирію" [5]). Золото въ деньгахъ могло получаться славяно-руссами изъ земли Угорской (Венгрія), которую населяли тогда какіе-то „угри бѣліи", о которыхъ одна древняя географія заключаетъ сказаніе: „страна Угорская и Чешьская королевство, изо многихъ лѣтъ Крали были самовластные, и нарицается златые отоцы, что златые руды куплютъ множествомъ, и златыя Угорскія идутъ во всѣ земли" [6]).

Извѣстіе объ обиліи золота въ Венгріи и Чехіи, обиліи ко-

---

[1]) *Чулковъ*: Историческое описаніе росс. коммерціи т. I, ст. I, стр. 25.
[2]) Лаврентіевская лѣтопись. См. Полн. Сборн. русск. лѣт., т. I, стр. 3.
[3]) *Чулковъ*: Историческое описаніе россійск. коммерц т. I, кн. I, стр. 40.
[4]) *Забѣлинъ*: О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка. См. Записки Импер. Археол. Общества, 1853, т. V, стр. 2.
[5]) *Стриттеръ*: Извѣстія византійскихъ историковъ, ч. III, стр. 48.
[6]) Книга, глаголемая козмографія, сложена отъ древнихъ философовъ, переведена съ римскаго языка. См. Временникъ Имп. Общ. исторіи и древн. росс. Москва. 1853 кн. 16. Смѣсь. с. 3.

нечно относительномъ, такъ какъ до открытія Америки металлъ этотъ встрѣчался гораздо рѣже серебра въ употребленіи, не лишено основанія. Древнѣйшее на Руси серебро, независимо отъ серебряныхъ денегъ, приходившихъ къ радимичамъ и вятичамъ, какъ думаетъ Карамзинъ, отъ хозаръ [1]), получалось также изъ Чехіи (Богеміи). Это засвидѣтельствовалъ и великій князь Святославъ I, который, поименовывая „благая", приходящія въ землю его, не забылъ упомянуть: „изъ Чехъ же, Угоръ — серебро и комони (лошади)" [2]). Другимъ богатѣйшимъ источникомъ полученія серебра славяно-руссами была Біармія, обширная страна, вмѣщавшая въ своихъ древнихъ предѣлахъ нынѣшнія губерніи: архангельскую, вятскую, вологодскую, пермскую, и населенная чудскими племенами, которыми, по мѣстному преданію въ г. Холмогорахъ, „велико-новгородскіе славяне овладѣли въ древнія времена, предварившія первоначальное самодержавство въ Россіи великаго князя Рюрика" [3]). Ни добываніемъ, ни обработкой благородныхъ металловъ древніе біармы, эти знаменитые чародѣи временъ сказочныхъ, не занимались, потому что не имѣли въ томъ надобности: къ нимъ въ древнюю великую Пермь, нынѣшній городъ Чердынь на р. Колвѣ, являлись на торги персы и отдаленные подданные Великаго Могола, всѣ съ множествомъ серебра и золота [4]), обогащаться которыми приходили сюда сосѣдніе весяне съ Бѣлоозера; спѣшили союзные весянамъ славяно-руссы; даже, если вѣрить исландскимъ сагамъ, напр. Alfii saga, пріѣзжали скандинавскіе владѣтельные князья [5]). Клады, до сихъ поръ находимые въ нынѣшней пермской губерніи, оправдываютъ эти извѣстія, въ особенности относительно серебра, составляющаго часто исключительное содержаніе одного и того же клада. Такова, напр., сдѣланная въ 1851 г., близъ села Рождественскаго, соликам-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго. Т. I, прим. 300.
[2]) Лаврентіевская лѣтопись. См. Пол. Сб. рус. лѣт. т. I, с. 28.
[3]) *Крестининъ:* Начертаніе исторіи гор. Холмогоръ. СПБ. 1790, с. 3.
[4]) Историческое описаніе россійской коммерціи. Т. I, к. I, с. 69.
[5]) *Размуссенъ:* Историческій и географическій опытъ о торговлѣ и сношеніяхъ арабовъ и персовъ съ Россіею и Скандинавіею въ среднемъ вѣкѣ. См. Русскій Зритель. 1828, №№ VII и VIII.

скаго уѣзда, находка 5½ фун. серебряныхъ вещей глубокой древности, между которыми оказался слитокъ, вѣсомъ въ 1 фун. 80½ зол., покрытый съ одной стороны письменами (какъ полагаютъ, китайскими іероглифами), вырѣзанными вглубь [1]). Такъ какъ сѣверный Уралъ, входившій въ составъ Біарміи, серебряными рудами бѣденъ, то вѣроятнѣе всего, что, кромѣ серебра отдаленнаго востока, приходило туда серебро алтайское, многочисленныя мѣсторожденія котораго, особенно богатыя на выходахъ, продолжали вѣроятно разработываться со временъ чудскихъ.

Мѣдное дѣло на Руси описываемаго періода, какъ показываютъ курганныя раскопки, производилось въ значительныхъ размѣрахъ. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго: человѣку необходимо ѣсть, и онъ, при самой первональной цивилизаціи, обзаводился прежде всего котелкомъ; потому-то и мѣдное дѣло вообще въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ называлось *котельнымъ*, а мѣдные мастера *котельниками*. За удовлетвореніемъ голода являлась настоятельная потребность защиты, и, послѣ котелка, выдѣлывалось оружіе; стрѣлы и даже наконечники копій изъ мѣди встрѣчаемъ въ курганахъ, о „сѣкирахъ“ и „рожанцахъ мѣдныхъ“ читаемъ въ древнихъ рукописныхъ памятникахъ [2]). Потомъ уже, вѣроятно, принимались отливать идоловъ; наконецъ мастерили разныя украшенія: серьги, запястья, кольца, перстни, головные уборы, заключающіяся преимущественно въ обручахъ или жгутахъ, свитыхъ изъ двухъ-трехъ проволокъ. Подобное широкое распространеніе мѣди въ общежитіи и теперь можно наблюдать на востокѣ, гдѣ часто все цѣнное имущество крестьянскаго или городскаго семейства состоитъ въ мѣдной посудѣ.

Но всѣ издѣлія разбираемаго періода, съ ихъ насѣчкой и чеканкой, представляютъ самую ничтожную степень художества, обличающую простѣйшіе пріемы первобытныхъ мастеровъ. Со всѣмъ

[1]) *Ешевскій:* Персидскія древности, находящіяся въ Москвѣ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. См. Пермскій сборникъ. Москва. 1860 г. кн. II. Отд I, с. 35—40.

[2]) *Аристовъ:* Промышленность древней Руси. Спб. 1866, с. 117.

тѣмъ, извѣстные пріемы мастерства въ то отдаленное время не только существовали, но были распространены повсемѣстно, доказываясь поражающимъ сходствомъ типа металлическихъ, въ особенности мѣдныхъ, предметовъ, находимыхъ въ курганахъ владимірской губерніи, на Кавказѣ, въ Эстляндіи. Такое явленіе, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ археологовъ, наводитъ на мысль, что была эпоха (съ VIII по XI вѣкъ), когда отъ вологодской губерніи, даже до подошвы Кавказа, и отъ нижегородской губерніи до балтійскаго побережья, господствовалъ болѣе или менѣе общій стиль издѣлій, частью мѣстной работы, частью византійской или восточной, или поддѣлки подъ послѣднія. Эта эпоха, богатая металлическими украшеніями различныхъ вычурныхъ формъ, начало которой кроется, можетъ быть, въ чудскихъ сибирскихъ копяхъ, сливается съ эпохою основанія русскаго государства и распространенія христіанства, которые сгладили характеръ и бытъ чудскаго племени, сливъ его съ господствующимъ народомъ [1]). Мѣди, добываемой, вѣроятно, въ біармскомъ приуральѣ и югорскихъ (нѣкогда чудскихъ) копяхъ, было тогда на Руси такъ достаточно, что, по сказанію арабскихъ писателей Ибнъ-Гаукала и Якута, ее вымѣнивали у славяно-руссовъ хозары [2]). Какимъ образомъ обработывалась эта мѣдь—неизвѣстно, но почти нѣтъ сомнѣнія, что широкое распространеніе и легкость обработки окисленныхъ рудъ пермской формаціи именно къ нимъ привлекала вниманіе современныхъ рудокоповъ.

Желѣзное производство у русскихъ славянъ до Рюрика имѣло одинаковую давность и стояло на равной степени съ мѣднымъ. Древнѣйшему русскому языку уже извѣстны названія, слѣдственно и употребленіе, желѣзныхъ орудій, предметовъ и издѣлій земледѣльческихъ: лемеха, рала, косы, серпа; плотнично-столярныхъ: пилы, долота, сверла, тесла; кузнечныхъ: наковальни, молота,

---

[1]) *Савельевъ*: Древности, найденныя на Кавказѣ. См. Записки Императ. Археологич. Общества. 1856, т. IX, вып. I. с. 29.

[2]) *Frehn:* Jbn-Fozlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer. Zeit. St. Petersburg. 1823, s. 71—147.

клещей; кухонныхъ: котла, треноги или тагана, сковороды, црѣна, (солеварная сковорода); домашняго хозяйства: топора или сѣкиры, ножа и ножницъ, заступа (онъ же: рогалія, мотыка, лыскарь, кирка), косаря, гвоздя, шила, удочки, замка, желѣзъ (цѣпей); оружія: меча, сабли, копья (оно же: лущъ, сулица, ослопъ, совень), рогатины, щита, шелома (онъ же чечакъ, прилбица), брони, кольчуги, папорзей (родъ латъ), лука и стрѣлъ [1]). Все это выдѣлывали мастера, называвшіеся *ковалями*. Кровные славяно-руссы кузнечнымъ промысломъ не занимались, предоставляя его инородцамъ, быть можетъ, чудскаго происхожденія, цѣлая колонія которыхъ, до сихъ поръ не исчезающая въ потомкахъ съ не-русской физіономіей и особымъ складомъ рѣчи, называемой мѣстно *чухарою*, отъ временъ незапамятныхъ, до-рюриковыхъ, поселилась въ крестности нынѣшняго г. Устюжны и обширнымъ производствомъ своего промысла сообщила ей первоначальное названіе „желѣзнаго поля". Названіе это вполнѣ оправдывалось дѣятельностью ковалей-инородцевъ. На огромномъ пространствѣ, пишетъ новѣйшій посѣтитель Устюжны желѣзно-польской, они добывали желѣзную руду. На разстояніи почти 60 верстъ вдоль и поперегъ лѣса по всѣмъ направленіямъ наполнены полузаросшими угольными ямами, болото-пройнами, или прежними рудовыми выемками, а открытыя мѣста покрыты шлакомъ отъ бывшихъ тутъ нѣкогда приселковъ съ плавильнями [2]). Тутъ, стало быть, кромѣ выдѣлки желѣза въ сыродутныхъ горнахъ, по способу, который едва ли съ большими измѣненіями сохранился теперь въ архангельской, волынской и енисейской губерніяхъ, и повсемѣстно былъ распространенъ въ Европѣ до XIV вѣка, когда впервые открыли выгоду получать желѣзо не прямо изъ рудъ, а посредственно изъ чугуна— еще во времена до-рюриковскія, работалось на русскихъ славянъ, по крайней мѣрѣ, сѣверныхъ и племенъ имъ сосѣднихъ всякое

---

[1]) *Аристовъ*: Промышленность древней Руси. 112—115.

[1]) *Поливинъ*: Устюжна. См. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, касающихся до Россіи, изд. Н. Качаловымъ. 1859, кн. VI. С. Петербургъ. 1861, с. 17—19.

оружіе; выдѣлывались, между прочимъ, стальные чечаки (шишаки) [1]); воронились мечи и копья, получавшіе въ этомъ видѣ названіе харалужныхъ [2]). Каково было достоинство этихъ и другихъ издѣлій, судить трудно, за неимѣніемъ достовѣрныхъ образцовъ. Но полагать надо, что кузнечное искуство до-рюриковскихъ устюжанъ, по условіямъ самого времени, не могло назваться высокимъ, и если удовлетворяло требованіямъ, такъ сказать, домашняго обихода заказчиковъ, то, въ случаяхъ болѣе важныхъ, не оказывалось вполнѣ достаточнымъ. Иначе зачѣмъ было бы арабамъ возить въ Итиль и Болгаръ (города на Волгѣ, давно исчезнувшіе), и возить именно для торговли волжскихъ болгаръ съ сѣверными племенами нынѣшней Россіи, огромныя партіи южноазійскихъ клинковъ, съ слѣдующимъ руководствомъ для пробы: „въ томъ видѣ, какъ вышли они изъ горна, если, повѣсивъ ихъ на ниткѣ, щелкнуть по нимъ, они звенятъ“ [3]); а норманнамъ, этимъ неукротимымъ воителямъ, кто велѣлъ бы доставлять въ самый Новгородъ (на языкѣ сагъ: то Гардарикъ, то Голмгардъ) такія же партіи мечей валландской (франкской) работы [4]) „широкихъ и съ одной стороны, отъ острея до ефеса, украшенныхъ фигурами“ [5])? Не знаемъ какъ далеко распространялись между русскими славянами издѣлія собственно устюжинскія,—вѣрнѣе, что Устюжна не была единственнымъ мѣстомъ производства, такъ какъ изобиліе желѣзныхъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ вѣроятно побуждало къ ихъ разработкѣ,—а потому не смотримъ подозрительно, какъ Карамзинъ и г. Костомаровъ, на извѣстіе Нестора, что козары требовали отъ полянъ дань мечами [6]). Мечи эти могли готовиться изъ желѣза, которое выдѣлывалось изъ рудъ, которыхъ не мало въ сѣверной части кіевской и восточной части волынской губерніи.

---

[1], [2]) Харалужный—отъ латинскаго chalybs (χαλυψ) названіе стали и рѣки въ Испаніи, вода которой чернитъ желѣзо. См. Русскія достопамятности, изд. Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1844, ч. III, прил. 280, с. 84.

[3]) *Fraehn:* Jbn Fozlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. s. 210.

[4]) *Стрингольмъ*: Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ. Перев. съ нѣмецкаго (Шемякина). См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ. 1860, кн. III, матер. иностр. с. 242.

[5]) *Fraehn:* Jbn-Fozlans etc. s. 5.

[6]) Лаврен. лѣтоп. с. 7. Карамзинъ: Ист. госуд. Рос. т. I, с. 153.

Едва ли слѣдуетъ отвергать и разсказъ преп. Нестора, и чужеземныя извѣстія объ употребленіи на Руси до-рюриковской оружія не только сдѣланнаго дома, но и клинковъ азіатскихъ, и мечей валландскихъ. Безъ такого довѣрія намъ приходилось бы согласиться: или что русскіе славяне были не тѣмъ, что они были, или что они вовсе не пользовались необыкновенными выгодами географическаго положенія страны, ими занимаемой, и не имѣли внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Но первое лишено историческаго смысла, а послѣднее имѣетъ противъ себя несомнѣнные факты. Это противорѣчило бы и другимъ явленіямъ. Въ то время, когда вся Германія была погружена въ совершенное невѣжество, прибалтійскіе славяне [1]) стояли на относительно высокомъ уровнѣ цивилизаціи, вели морскую торговлю на своихъ судахъ, имѣли рыбныя ловли, били китовъ и пр. Внѣшняя торговля русскихъ славянъ, еще не сложившихся въ государство, также изумляетъ своей обширностью, опять повторяемъ, относительною. Кромѣ пути „изъ Варягъ въ Греки“ или *греческаго* [2]), нами описаннаго выше и служившаго дорогой въ Россію норманнамъ, у русскихъ славянъ былъ еще путь на Востокъ, даже называвшійся желѣзнымъ, или *залознымъ* [3]), именно по обилію желѣзнаго товара, преимущещественно оружія, привозившагося оттуда, быть можетъ, черезъ Кавказъ, въ волжскую Болгарію. Былъ еще и третій путь къ Карпатамъ, слывшій *солянымъ* [4]), потому что имъ шла изъ Галича (въ нынѣшней Галиціи) соль Велички [5]), извѣстная еще Геродоту [6]). Одни наименованія этихъ трехъ значительныхъ торговыхъ путей, намѣченныхъ самою природою, уже говорятъ сами за себя. Да и могло ли быть иначе въ странѣ, населенной племенемъ дѣятельнымъ и съ такой выгодной системой водяныхъ путей, какъ территорія русскихъ славянъ?

---

1) *N. Scherer:* Histoire du Commerce, traduit par Mm. Richelot et Vogel v. I p. 395.
2) Ипатіевская лѣтопись. См. Пол. Сбор. Рус. лѣт. т. II, с. 94.
3) Тамъ же, стр. 97.
4) Тамъ же.
5) Патерикъ Печерскій, стр. 145.
6) *Чулковъ:* Историч. опис. росс. коммерціи. Т. I, кн. I, ст. 26.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВѢКА IX И X.

Источникъ снабженія Руси драгоцѣнными металлами въ IX вѣкѣ.—Мѣдныя и желѣзныя издѣлія.— Притокъ драгоцѣнныхъ металловъ въ X вѣкѣ. — Мѣдныя и желѣзныя издѣлія.—Начало собственной монеты.—Вопросъ о кунахъ.

Знаменательный для Россіи IX вѣкъ засталъ русскихъ славянъ въ полномъ развитіи ихъ до-государственнаго, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, родоваго быта. Великое переселеніе народовъ уже кончилось, каждый занялъ свое мѣсто, и всѣ такъ называемые варвары, процвѣтавшіе на обломкахъ римскаго владычества, спѣшили заручаться формами, болѣе или менѣе государственными. Русскіе славяне, по той цивилизаціи, какая уже была у нихъ, стояли отнюдь не ниже прочихъ европейцевъ. А потому и они, судьбами исторіи предшествовавшей, разбросанные на обширномъ материкѣ средней Европы, мало по малу, быть можетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, уже тянули къ государственности, проявляя ее пока союзами междуплеменными. Ни число, ни составъ этихъ союзовъ, вызванныхъ, вѣроятно, необходимостью взаимной защиты, или обязательствомъ совмѣстнаго нападенія, не опредѣляются документальной исторіей. Но слѣды ихъ существованія несомнѣнны. И однимъ изъ такихъ слѣдовъ, самымъ яркимъ, самымъ глубокимъ, кажется преданіе о призваніи Рюрика съ братьями „княжить и володѣти“ нѣсколькими племенами, происхожденія различнаго, но между собой сосѣдними и, очевидно, союзными [1]).

[1]) *Гедеоновъ*: Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. См. Ученыя записки Имп. Акад. Наукъ. 1862. т. I. к. 2. Прил. № 3. т. II, к. 2. Прил. № 3. т. III. к. I с. 241—274.

На первыхъ порахъ новорожденная русская государственность обнаруживалась почти исключительно территоріальными приращеніями;. предѣлы государства самъ Рюрикъ придвинулъ къ устью Оки, на востокъ, и къ западной Двинѣ, на югъ; а преемникъ его, Олегъ, до окончанія IX вѣка, уже расширилъ теченіемъ Днѣпра отъ Смоленска по нынѣшнюю херсонскую губернію, присоединивъ къ тому и бассейны рѣкъ: Сожи, Десны и Сулы, съ частями бассейновъ Буга и Днѣстра, — мѣста, занятыя сплошь племенами чисто славянскими.

Стремленіе къ такимъ приращеніямъ, въ положеніи Рюрика и Олега естественное, разумѣется не оставляло первымъ правителямъ времени заниматься введеніемъ на Руси какихъ нибудь новыхъ порядковъ, и все до-рюриковское продолжало существовать по прежнему, по крайней мѣрѣ, въ IX вѣкѣ. Измѣнялось только для племенъ, вновь покоряемыхъ, мѣсто платежа дани—въ казну покорителя; и дѣлалось это весьма патріархально, напр.: „посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху“ [1]). Единственной, по за то вполнѣ государственной мѣрой, предпринятой и выполненной Олегомъ въ томъ же IX вѣкѣ, было перенесеніе центра новаго государства изъ Новгорода въ Кіевъ, на самую средину благодатнаго пути „изъ Варягъ въ Греки“, къ днѣпровскимъ берегамъ котораго сгущалось населеніе новопокоренныхъ племенъ, а съ кіевскихъ высотъ какъ будто уже виднѣлась богатая Византія.

Не была, впрочемъ, бѣдна, конечно относительно, и Русь олегова, внѣшняя торговля которой достигла такого процвѣтанія, что каждый русскій могъ уже располагать значительнымъ количествомъ благородныхъ металловъ [2]). Этому торговому развитію тогдашней Руси не могли мѣшать и всесвѣтные грабители, до

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 10.

[2]) *Казанскій:* Изслѣдованія о древней русской системѣ. См. Записки Импер. Археологич. Общества. 1851, т. III. Отд. I, с. 95.

сихъ поръ загадочные варяги,—не могли потому, что предусмотрительный Олегъ, покидая Новгородъ для Кіева, „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля“ [1])—первое лѣтописное упоминаніе древнѣйшей русской гривны, какъ вѣсовой цѣнности, равняющейся, по согласнымъ исчисленіямъ разныхъ ученыхъ, 30 золотникамъ серебра [2]). Жертвуя этимъ серебромъ внѣшнему спокойствію, Олегъ, конечно, не обижалъ и своей княжеской казны, металлическій запасъ которой, за несуществованіемъ еще на Руси монетнаго дѣла, изобильно поддерживался золотыми византійскими и германскими щьлягами или солидами и, въ особенности, серебряными куфическими диргемами арабскаго чекана, привозившимися въ Русь въ IX в. [3]), не только прямо съ Востока, но также варягами чрезъ Балтійское море [4]).

Вмѣстѣ съ деньгами, русскіе IX в. могли также получать благородные металлы и въ издѣліяхъ. Но, само собою разумѣется, говоритъ одинъ изъ нашихъ археологовъ [5]), что драгоцѣнныя произведенія иноземныхъ художествъ не были многочисленны въ древнѣйшей Руси и ограничивались, вѣроятно, однимъ только бытомъ князей и начальниковъ дружинъ. Вообще появленіе на Руси этихъ произведеній обусловливалось болѣе случайностью, нежели прямыми потребностями народнаго быта, для котораго еще не существовало ни роскоши, ни всѣхъ нуждъ, возникающихъ при успѣхахъ гражданственности. Поэтому, иноземные памятники не могли имѣть никакого вліянія на распространеніе въ нашемъ древнемъ отечествѣ какихъ либо утонченныхъ ремеслъ и тѣмъ болѣе худо-

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 10.

[2]) *Казанскій:* Изслѣд. о древ. рус. мон. сист., с. 114. *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол. См. Зап. Импер. Арх. Общ. 1865, т. XII в. II, ст. 553.

[3]) *Бартоломей:* О древности монетъ съ именемъ Владиміра. См. Извѣстія Имп. Археол. Общества. 1861 г. т. III, вып. 2, ст. 106.

[4]) Извѣстія о находкахъ монетъ и другихъ древностей въ Россіи. См. Зап. С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества 1850 г. т. II с. 425.

[5]) *Забѣлинъ:* О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII в. См. Зап. Императ. Археологич. Общества. 1853. т. V. с. 3—4.

жествъ. Водвореніе ихъ началось въ Россіи собственно съ принятія христіанской вѣры.

Къ памятникамъ чужеземнаго искусства, не драгоцѣннымъ по металлу, но любопытнымъ по отдѣлкѣ, принадлежатъ появившіяся на Руси впервые, именно въ IX в., багдадскія металлическія зеркала, сдѣланныя изъ сплава мѣди, олова и серебра (для предохраненія отъ ржавчины), формы круглой или овальной, рѣдко четырехъугольной, прекрасно отполированныя, съ куфическими надписями, таившими въ себѣ, какъ думали тогда, магическую силу. Нѣсколько такихъ зеркалъ отыскано въ курганахъ Поволжья и Сибири [1]).

Образчикомъ работы, повидимому русской, и, быть можетъ, IX в., но во всякомъ случаѣ языческаго періода, служитъ оружіе, найденное въ городищѣ при сельцѣ Ивановѣ, шуйскаго уѣзда, владимірской губерніи. Оружіе это желѣзный *топорокъ*, величиною отъ обуха до лезвея $3^1/_2$ верш.; обухъ его, овальной формы, выкованъ съ обѣихъ сторонъ, въ видѣ шестигранной звѣзды, съ круглымъ отверстіемъ для посадки древка, перехватъ отъ обуха довольно тонкій—меньше $^1/_2$ верш., а самое лезвее мѣрой въ длину $2^1/_4$ верш.; вѣсомъ топорокъ $1^1/_2$ фунта. Топорки, совершенно сходные съ этимъ, найдены и въ курганахъ при с. Шельбовѣ, той же округи [2]).

X вѣкъ, по отношенію къ металлическому дѣлу вообще и приливу благородныхъ металловъ въ особенности, былъ для древней Руси однимъ изъ счастливѣйшихъ. Открытый блистательнымъ походомъ въ Византію въ началѣ, отмѣченный развитіемъ торговыхъ связей съ Востокомъ въ срединѣ, ознаменованный принятіемъ христіанства въ концѣ, вѣкъ этотъ долженъ былъ имѣть рѣшительное вліяніе на всю древнюю русскую цивилизацію и, слѣдственно, отразиться на ея внѣшней сторонѣ—искусствахъ, художе-

---

[1]) *Савельевъ:* Описаніе двухъ металлическихъ зеркалъ съ арабскими надписями, найденныхъ близъ развалинъ Булгара. См. Записки Импер. Археол. Общества. 1851, т. IV, отд. II, ст. 72—78.

[2]) *Борисовъ:* Древнее оружіе, найденное близъ сельца Иванова, шуйск. уѣзда. См. Владимірскія Губерн. Вѣдом. 1858 г. № 4.

ствахъ и ремеслахъ. Истина такого предположенія, явствующая изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, до насъ дошедшихъ, подтверждается и тѣми, правда немногими, вещественными свидѣтельствами, которыя сохранило время.

Преподобный Несторъ повѣствуетъ подъ 907 г., что Олегъ изъ византійскаго похода привезъ въ Кіевъ 24,000 гривенъ, или, считая гривну того времени въ 30 золотн. вѣсомъ, добылъ 18 пуд. 30 фунт. золота [1]), кромѣ „укладовъ“, взятыхъ имъ тогда же съ грековъ на разные города русскіе.

Вотъ, слѣдовательно, первый значительный притокъ золота въ казну великокняжескую, если не въ обращеніе народное, до котораго, впрочемъ, скоро дошла очередь также пользоваться возникновеніемъ дипломатическихъ сношеній съ богатыми греками. Когда Олегъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ византійскаго похода, отправилъ въ Царьградъ своихъ пословъ съ дружественнымъ договоромъ, греческій императоръ Левъ VI Философъ, по свидѣтельству Нестора, „слы рускыя почтивъ дарми: золотомъ и паволоками, и фофудьями (матеріями)“ [2]). Эти дары „сламъ“ едва ли шли въ казну великокняжескую, такъ же, какъ и золотые солиды (въ 97% чистаго металла) [3]), которыми, по силѣ дружественнаго договора, греки оплачивали русскимъ возвращеніе греческихъ невольниковъ, по 20 солидовъ за каждаго [4]).

Другой значительный притокъ золота въ древнюю Русь былъ, спустя послѣ перваго лѣтъ тридцать, когда Игорь, преемникъ Олега, не остановленный первой несчастной попыткой своей ограбить Византію, собралъ половину подвластныхъ ему племенъ, по-

---

[1]) Эта цифра вѣроятна; тогда какъ другая, по 12 гривенъ на *человѣка*, слѣдственно на 80,000 однихъ лодейныхъ людей, не считая конныхъ, даетъ массу въ 750 пуд. золота. Если же вспомнить, что золото цѣнилось тогда ровно въ *пять* разъ дороже серебра, то добыча олегова, по счету 12 гривенъ на каждаго изъ 80,000 человѣкъ однихъ лодейныхъ, равнялась бы 3,750 пуд. или 140,000 фун. серебра—невѣроятная цифра, передъ которой ничего не значатъ цифры въ 4, 7 и 12,000 фун. того же металла, плачивавшіяся городами и королями грабителямъ норманнамъ и выставляемыя Карамзинымъ, какъ доказательство противъ Татищева.

[2]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 16.

[3]) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол., стр. 549.

[4]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 15. *Кругъ:* Критическія розысканія о древнихъ русскихъ монетахъ, ст. 59, 174—183.

клещей; кухонныхъ: котла, треногa или тагана, сковороды, црѣна, (солеварная сковорода); домашняго хозяйства: топора или сѣкиры, ножа и ножницъ, заступа (онъ же: рогалія, мотыка, лыскарь, кирка), косаря, гвоздя, шила, удочки, замка, желѣзъ (цѣпей); оружія: меча, сабли, копья (оно же: лущъ, сулица, ослопъ, совень), рогатины, щита, шелома (онъ же чечакъ, прилбица), брони, кольчуги, папорзей (родъ латъ), лука и стрѣлъ [1]). Все это выдѣлывали мастера, называвшіеся *ковалями.* Кровные славяно-руссы кузнечнымъ промысломъ не занимались, предоставляя его инородцамъ, быть можетъ, чудскаго происхожденія, цѣлая колонія которыхъ, до сихъ поръ не исчезающая въ потомкахъ съ не-русской физіономіей и особымъ складомъ рѣчи, называемой мѣстно *чухарою,* отъ временъ незапамятныхъ, до-рюриковыхъ, поселилась въ крестности нынѣшняго г. Устюжны и обширнымъ производствомъ своего промысла сообщила ей первоначальное названіе „желѣзнаго поля". Названіе это вполнѣ оправдывалось дѣятельностью ковалей-инородцевъ. На огромномъ пространствѣ, пишетъ новѣйшій посѣтитель Устюжны желѣзно-польской, они добывали желѣзную руду. На разстояніи почти 60 верстъ вдоль и поперегъ лѣса по всѣмъ направленіямъ наполнены полузаросшими угольными ямами, болото-проймами, или прежними рудовыми выемками, а открытыя мѣста покрыты шлакомъ отъ бывшихъ тутъ нѣкогда приселковъ съ плавильнями [2]). Тутъ, стало быть, кромѣ выдѣлки желѣза въ сыродутныхъ горнахъ, по способу, который едва ли съ большими измѣненіями сохранился теперь въ архангельской, волынской и енисейской губерніяхъ, и повсемѣстно былъ распространенъ въ Европѣ до XIV вѣка, когда впервые открыли выгоду получать желѣзо не прямо изъ рудъ, а посредственно изъ чугуна— еще во времена до-рюриковскія, работалось на русскихъ славянъ, по крайней мѣрѣ, сѣверныхъ и племенъ имъ сосѣднихъ всякое

---

[1]) *Аристовъ*: Промышленность древней Руси. 112—115.

[1]) *Поливинъ*: Устюжна. См. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, касающихся до Россіи, изд. Н. Качаловымъ. 1859, кн. VI. С. Петербургъ. 1861, с. 17—19.

Несторъ пишетъ, что при заключеніи Игоремъ договора съ греками, „ношаху сли (послы) печати злати, а гостье (купцы) сребрени“ [1]). Антоній архіепископъ новгородскій, въ 1200 г., видѣлъ въ царьградскомъ Софійскомъ соборѣ золотое блюдо, изукрашенное каменьями, принесенное великою княгинею Ольгою на память своего крещенія въ Царьградѣ (955) [2]). Владиміръ, еще язычникъ, вступивши на кіевскій престолъ, поставилъ на холмѣ, у своего княжескаго терема, кумировъ и, между ними, „Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ золотъ“ [3]), по принятіи же христіанства, велѣлъ приготовить для дружины своей серебряныя ложки, о чемъ преп. Несторъ сохранилъ весьма характеристическій разсказъ [4]).

Всѣ перечисленные выше предметы, равно какъ три золотые перстня, найденные въ развалинахъ кіевской Өеодосіевской церкви [5]) и серебряное литое стремя, вырытое изъ сопки при дер. Сурики, крестецкаго уѣзда, новгородской губерніи [6]),—двѣ находки, относящіяся къ этому же періоду—очевидно, русской работы. Такою же работой признаютъ археологи золотую медаль-икону, открытую въ 1821 году въ Черниговѣ и, подъ названіемъ „черниговской гривны“, произведшую большой полемическій шумъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ 1820 гг. Вотъ описаніе этого едва ли не древнѣйшаго памятника русскаго христіанскаго художества, сдѣланное тогда же любителемъ: „на лицевой сторонѣ, въ срединѣ, представленъ архангелъ Михаилъ стоящимъ, съ длинными крыльями, не великъ ростомъ и облеченъ въ великолѣпный далматикъ, косьвенно препоясанный. Въ правой рукѣ онъ держитъ родъ хоругви, а въ лѣвой шаръ, на поверхности котораго изображенъ крестъ. На обратной сторонѣ ви-

---

[1]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 20.
[2]) *Сахаровъ:* Русскія древности. См. Записки Импер. Археолог. Общества. 1851. т. III. Отд. I. ст. 76—77.
[3]) Лаврент. лѣтоп, стр. 34.
[4]) Тамъ же, стр. 54.
[5]) *Сахаровъ:* Русскія древности, ст. 70.
[6]) *Кулжинскій:* Курганы новгородской губерніи. См. Извѣстія Импер. Археологическаго Общества. 1861, т. II, с. 156.

Едва ли слѣдуетъ отвергать и разсказъ преп. Нестора, и чужеземныя извѣстія объ употребленіи на Руси до-рюриковской оружія не только сдѣланнаго дома, но и клинковъ азіатскихъ, и мечей валландскихъ. Безъ такого довѣрія намъ приходилось бы согласиться: или что русскіе славяне были не тѣмъ, что они были, или что они вовсе не пользовались необыкновенными выгодами географическаго положенія страны, ими занимаемой, и не имѣли внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Но первое лишено историческаго смысла, а послѣднее имѣетъ противъ себя несомнѣнные факты. Это противорѣчило бы и другимъ явленіямъ. Въ то время, когда вся Германія была погружена въ совершенное невѣжество, прибалтійскіе славяне [1]) стояли на относительно высокомъ уровнѣ цивилизаціи, вели морскую торговлю на своихъ судахъ, имѣли рыбныя ловли, били китовъ и пр. Внѣшняя торговля русскихъ славянъ, еще не сложившихся въ государство, также изумляетъ своей обширностью, опять повторяемъ, относительною. Кромѣ пути „изъ Варягъ въ Греки“ или *греческаго* [2]), нами описаннаго выше и служившаго дорогой въ Россію норманнамъ, у русскихъ славянъ былъ еще путь на Востокъ, даже называвшійся желѣзнымъ, или *залознымъ* [3]), именно по обилію желѣзнаго товара, преимущественно оружія, привозившагося оттуда, быть можетъ, черезъ Кавказъ, въ волжскую Болгарію. Былъ еще и третій путь къ Карпатамъ, слывшій *солянымъ* [4]), потому что имъ шла изъ Галича (въ нынѣшней Галиціи) соль Велички [5]), извѣстная еще Геродоту [6]). Одни наименованія этихъ трехъ значительныхъ торговыхъ путей, намѣченныхъ самою природою, уже говорятъ сами за себя. Да и могло ли быть иначе въ странѣ, населенной племенемъ дѣятельнымъ и съ такой выгодной системой водяныхъ путей, какъ территорія русскихъ славянъ?

---

[1]) *N. Scherer:* Histoire du Commerce, traduit par Mm. Richelot et Vogel v. I p. 395.
[2]) Ипатіевская лѣтопись. См. Пол. Сбор. Рус. лѣт. т. II, с. 94.
[3]) Тамъ же, стр. 97.
[4]) Тамъ же.
[5]) Патерикъ Печерскій, стр. 145.
[6]) *Чулковъ:* Историч. опис. росс. коммерціи. Т. I, кн. I, ст. 26.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВѢКА IX И X.

Источникъ снабженія Руси драгоцѣнными металлами въ IX вѣкѣ.—Мѣдныя и желѣзныя издѣлія.— Притокъ драгоцѣнныхъ металловъ въ X вѣкѣ. — Мѣдныя и желѣзныя издѣлія.—Начало собственной монеты.—Вопросъ о кунахъ.

Знаменательный для Россіи IX вѣкъ засталъ русскихъ славянъ въ полномъ развитіи ихъ до-государственнаго, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, родоваго быта. Великое переселеніе народовъ уже кончилось, каждый занялъ свое мѣсто, и всѣ такъ называемые варвары, процвѣтавшіе на обломкахъ римскаго владычества, спѣшили заручаться формами, болѣе или менѣе государственными. Русскіе славяне, по той цивилизаціи, какая уже была у нихъ, стояли отнюдь не ниже прочихъ европейцевъ. А потому и они, судьбами исторіи предшествовавшей, разбросанные на обширномъ материкѣ средней Европы, мало по малу, быть можетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, уже тянули къ государственности, проявляя ее пока союзами междуплеменными. Ни число, ни составъ этихъ союзовъ, вызванныхъ, вѣроятно, необходимостью взаимной защиты, или обязательствомъ совмѣстнаго нападенія, не опредѣляются документальной исторіей. Но слѣды ихъ существованія несомнѣнны. И однимъ изъ такихъ слѣдовъ, самымъ яркимъ, самымъ глубокимъ, кажется преданіе о призваніи Рюрика съ братьями „княжить и володѣти“ нѣсколькими племенами, происхожденія различнаго, но между собой сосѣдними и, очевидно, союзными [1]).

[1]) *Гедеоновъ*: Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. См. Ученыя записки Имп. Акад. Наукъ. 1862. т. I. к. 2. Прил. № 3. т. II, к. 2. Прил. № 3. т. III. к. I с. 241—274.

На первыхъ порахъ новорожденная русская государственность обнаруживалась почти исключительно территоріальными приращеніями;. предѣлы государства самъ Рюрикъ придвинулъ къ устью Оки, на востокъ, и къ западной Двинѣ, на югъ; а преемникъ его, Олегъ, до окончанія IX вѣка, уже расширилъ теченіемъ Днѣпра отъ Смоленска по нынѣшнюю херсонскую губернію, присоединивъ къ тому и бассейны рѣкъ: Сожи, Десны и Сулы, съ частями бассейновъ Буга и Днѣстра, — мѣста, занятыя сплошь племенами чисто славянскими.

Стремленіе къ такимъ приращеніямъ, въ положеніи Рюрика и Олега естественное, разумѣется не оставляло первымъ правителямъ времени заниматься введеніемъ на Руси какихъ нибудь новыхъ порядковъ, и все до-рюриковское продолжало существовать по прежнему, по крайней мѣрѣ, въ IX вѣкѣ. Измѣнялось только для племенъ, вновь покоряемыхъ, мѣсто платежа дани—въ казну покорителя; и дѣлалось это весьма патріархально, напр.: „посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху“ [1]). Единственной, но за то вполнѣ государственной мѣрой, предпринятой и выполненной Олегомъ въ томъ же IX вѣкѣ, было перенесеніе центра новаго государства изъ Новгорода въ Кіевъ, на самую средину благодатнаго пути „изъ Варягъ въ Греки“, къ днѣпровскимъ берегамъ котораго сгущалось населеніе новопокоренныхъ племенъ, а съ кіевскихъ высотъ какъ будто уже виднѣлась богатая Византія.

Не была, впрочемъ, бѣдна, конечно относительно, и Русь олегова, внѣшняя торговля которой достигла такого процвѣтанія, что каждый русскій могъ уже располагать значительнымъ количествомъ благородныхъ металловъ [2]). Этому торговому развитію тогдашней Руси не могли мѣшать и всесвѣтные грабители, до

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 10.

[2]) *Казанскій:* Изслѣдованія о древней русской системѣ. См. Записки Импер. Археологич. Общества. 1851, т. III. Отд. I, с. 95.

сихъ поръ загадочные варяги,—не могли потому, что предусмотрительный Олегъ, покидая Новгородъ для Кіева, „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля“ [1])—первое лѣтописное упоминаніе древнѣйшей русской гривны, какъ вѣсовой цѣнности, равняющейся, по согласнымъ исчисленіямъ разныхъ ученыхъ, 30 золотникамъ серебра [2]). Жертвуя этимъ серебромъ внѣшнему спокойствію, Олегъ, конечно, не обижалъ и своей княжеской казны, металлическій запасъ которой, за несуществованіемъ еще на Руси монетнаго дѣла, изобильно поддерживался золотыми византійскими и германскими щьлягами или солидами и, въ особенности, серебряными куфическими диргемами арабскаго чекана, привозившимися въ Русь въ IX в. [3]), не только прямо съ Востока, но также варягами чрезъ Балтійское море [4]).

Вмѣстѣ съ деньгами, русскіе IX в. могли также получать благородные металлы и въ издѣліяхъ. Но, само собою разумѣется, говоритъ одинъ изъ нашихъ археологовъ [5]), что драгоцѣнныя произведенія иноземныхъ художествъ не были многочисленны въ древнѣйшей Руси и ограничивались, вѣроятно, однимъ только бытомъ князей и начальниковъ дружинъ. Вообще появленіе на Руси этихъ произведеній обусловливалось болѣе случайностью, нежели прямыми потребностями народнаго быта, для котораго еще не существовало ни роскоши, ни всѣхъ нуждъ, возникающихъ при успѣхахъ гражданственности. Поэтому, иноземные памятники не могли имѣть никакого вліянія на распространеніе въ нашемъ древнемъ отечествѣ какихъ либо утонченныхъ ремеслъ и тѣмъ болѣе худо-

---

[1]) Лаврентіевская лѣтопись, стр. 10.

[2]) *Казанскій:* Изслѣд. о древ. рус. мон. сист., с. 114. *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол. См. Зап. Импер. Арх. Общ. 1865, т. XII в. II, ст. 553.

[3]) *Бартоломей:* О древности монетъ съ именемъ Владиміра. См. Извѣстія Имп. Археол. Общества. 1861 г. т. III, вып. 2, ст. 106.

[4]) Извѣстія о находкахъ монетъ и другихъ древностей въ Россіи. См. Зап. С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества 1850 г. т. II с. 425.

[5]) *Забѣлинъ:* О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII в. См. Зап. Императ. Археологич. Общества. 1853. т. V. с. 3—4.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВѢКЪ XI.

Вліяніе христіанской вѣры. — Изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ. — Начало золоченія и колокольнаго производства.—Признаки желѣзнаго производства.—Монетная система.

Различіе между XI вѣкомъ и предшествовавшимъ ему X заключается единственно въ томъ, что начала, только что обозначавшіяся въ X вѣкѣ, въ XI дѣятельно развились. Другими словами, XI вѣкъ былъ естественнымъ продолженіемъ X вѣка, сравнительно обширнѣйшимъ, но не больше, какъ насколько допускалъ это самый ходъ времени, не возмущаемый никакимъ исключительнымъ событіямъ. И если рельефнѣйшимъ фактомъ въ русскомъ быту X вѣка признается введеніе христіанства, то рельефнѣйшей чертой русскихъ XI вѣка окажется непремѣнно религіозность во всѣхъ ея проявленіяхъ, всегда и вездѣ свойственная прозелитамъ; всѣ же прочія черты, оставаясь въ зависимости отъ главной, видоизмѣнятся менѣе, а нѣкоторыя и того менѣе.

Поэтому-то въ XI вѣкѣ является новая отрасль употребленія металловъ вообще и благородныхъ въ особенности: на благолѣпіе храмовъ. Несторъ въ своемъ разсказѣ о сооруженіи въ Кіевѣ Софійской церкви (нынѣшняго собора) Ярославомъ I въ 1037 году считаетъ нужнымъ добавить „украси и златомъ и сребромъ и сосуды церковными“ [1]). Еще больше восхищаются лѣтописцы первоначальной каменной церковью Кіево-Печерской, которая ко дню

[1]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 66.

освященія въ 1073 году „преизящнымъ благолѣпіемъ внѣуду и внутрьуду украшена бысть. Вся бо отъ злата мусіею, сирѣчь, каменьями позлащенными, узорами и пестротинами различными предивно бяше высаждена..... главницы же позлащены бяху, а крестъ на версѣ церкви великія ваги (вѣса) отъ самого злата содѣланный поставленъ бысть“ [1]). Святославъ Ярославичъ, удѣльный князь черниговскій, пожертвовалъ на эту Кіево-Печерскую церковь 100 гривенъ (=75 ф.) золота [2]), а варягъ Шимонъ, придворный Всеволода, удѣльнаго князя переяславскаго, далъ другія 100 гривенъ золота и золотой поясъ, вѣсомъ въ 50 гривенъ [3]).

Стало быть въ XI вѣкѣ благородные металлы продолжали, какъ и въ X, наполнять казну князей и, сверхъ того, уже скоплялись въ рукахъ народа. Но преимущество оставалось, разумѣется, за князьями, и вотъ лѣтописныя цифры нѣкоторыхъ княжескихъ затратъ въ XI вѣкѣ. Ярославъ I въ 1016 г., разбивъ Святополка (Окаяннаго) подъ Любечемъ, „иде Кыеву, и сѣде на столѣ отця своего Володиміра, и нача свое вое (40,000 чел.) [4]) дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся“ [5]), съ розданными имъ такимъ образомъ 125 пуд. серебра [6]). Владиміръ Мономахъ: въ 1078 г. поднесъ своему отцу Всеволоду 300 гривенъ золота [7]), подарокъ, въ величинѣ котораго (225 фун., или 5 п. 25 ф.) сомнѣвается однако Карамзинъ [8]); Давидъ Игоревичъ, удѣльный князь владиміро-волынскій, въ 1097 г. далъ Владиславу польскому за вооруженпую помощь противъ великаго князя Святослава II 50 гривенъ золота [9]), а въ 1100 г., ли-

---

[1]) Синопсисъ Кіевскій, Кіевъ 1823 г., стр. 65.

[2]) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви. С. Петербургъ. 1862 г., с. 26.

[3]) Патерикъ печерскій. Рукоп. Румянц. № 305 и 110.

[4]) Это число воиновъ показано во всѣхъ лѣтописяхъ, кромѣ Тверской, гдѣ говорится: „събра Ярославь воя; Варягъ тысящу, а прочихъ войскъ 30 тысящь„. См. Полн. собр. рус. лѣт. т. XV. с. 135. 1863 г.

[5]) Новгородская первая лѣтопись. См. Полн. собр. рус. лѣт. т. III, с. 1. 1841.

[6]) *Карамзинъ*; Истор. Госуд. Росс., т. II, прим. 9.

[7]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 103.

[8]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Рос., т. II, прил. 134.

[9]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 114.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВѢКЪ XI.

Вліяніе христіанской вѣры. — Изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ. — Начало золоченія и колокольнаго производства.—Признаки желѣзнаго производства.—Монетная система.

Различіе между XI вѣкомъ и предшествовавшимъ ему X заключается единственно въ томъ, что начала, только что обозначавшіяся въ X вѣкѣ, въ XI дѣятельно развились. Другими словами, XI вѣкъ былъ естественнымъ продолженіемъ X вѣка, сравнительно обширнѣйшимъ, но не больше, какъ насколько допускалъ это самый ходъ времени, не возмущаемый никакимъ исключительнымъ событіямъ. И если рельефнѣйшимъ фактомъ въ русскомъ быту X вѣка признается введеніе христіанства, то рельефнѣйшей чертой русскихъ XI вѣка окажется непремѣнно религіозность во всѣхъ ея проявленіяхъ, всегда и вездѣ свойственная прозелитамъ; всѣ же прочія черты, оставаясь въ зависимости отъ главной, видоизмѣнятся менѣе, а нѣкоторыя и того менѣе.

Поэтому-то въ XI вѣкѣ является новая отрасль употребленія металловъ вообще и благородныхъ въ особенности: на благолѣпіе храмовъ. Несторъ въ своемъ разсказѣ о сооруженіи въ Кіевѣ Софійской церкви (нынѣшняго собора) Ярославомъ I въ 1037 году считаетъ нужнымъ добавить „украси и златомъ и сребромъ и сосуды церковными“ [1]). Еще больше восхищаются лѣтописцы первоначальной каменной церковью Кіево-Печерской, которая ко дню

[1]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 66.

освященія въ 1073 году „преизящнымъ благолѣпіемъ внѣуду и внутрьуду украшена бысть. Вся бо отъ злата мусіею, сирѣчь, каменьями позлащенными, узорами и пестротинами различными предивно бяше высаждена..... главницы же позлащены бяху, а крестъ на версѣ церкви великія ваги (вѣса) отъ самого злата содѣланный поставленъ бысть“ [1]). Святославъ Ярославичъ, удѣльный князь черниговскій, пожертвовалъ на эту Кіево-Печерскую церковь 100 гривенъ (=75 ф.) золота [2]), а варягъ Шимонъ, придворный Всеволода, удѣльнаго князя переяславскаго, далъ другія 100 гривенъ золота и золотой поясъ, вѣсомъ въ 50 гривенъ [3]).

Стало быть въ XI вѣкѣ благородные металлы продолжали, какъ и въ X, наполнять казну князей и, сверхъ того, уже скоплялись въ рукахъ народа. Но преимущество оставалось, разумѣется, за князьями, и вотъ лѣтописныя цифры нѣкоторыхъ княжескихъ затратъ въ XI вѣкѣ. Ярославъ I въ 1016 г., разбивъ Святополка (Окаяннаго) подъ Любечемъ, „иде Кыеву, и сѣде на столѣ отця своего Володиміра, и нача свое вое (40,000 чел.) [4]) дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся“ [5]), съ розданными имъ такимъ образомъ 125 пуд. серебра [6]). Владиміръ Мономахъ: въ 1078 г. поднесъ своему отцу Всеволоду 300 гривенъ золота [7]), подарокъ, въ величинѣ котораго (225 фун., или 5 п. 25 ф.) сомнѣвается однако Карамзинъ [8]); Давидъ Игоревичъ, удѣльный князь владиміро-волынскій, въ 1097 г. далъ Владиславу польскому за вооруженную помощь противъ великаго князя Святослава II 50 гривенъ золота [9]), а въ 1100 г., ли-

---

[1]) Синопсисъ Кіевскій, Кіевъ 1823 г., стр. 65.
[2]) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви. С. Петербургъ. 1862 г., с. 26.
[3]) Патерикъ печерскій. Рукоп. Румянц. № 305 и 110.
[4]) Это число воиновъ показано во всѣхъ лѣтописяхъ, кромѣ Тверской, гдѣ говорится: „събра Ярославь воя; Варягъ тысящу, а прочихъ воискъ 30 тысящь„. См. Полн. собр. рус. лѣт. т. XV. с. 135. 1863 г.
[5]) Новгородская первая лѣтопись. См. Полн. собр. рус. лѣт. т. III, с. 1. 1841.
[6]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. II, прим. 9.
[7]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 103.
[8]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Рос., т. II, прил. 134.
[9]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 114.

шенный своего удѣла, самъ получилъ въ вознагражденіе 400 гривенъ [1]), которыя обязались выплатить ему втроемъ: Владиміръ Мономахъ 200, князья Давидъ и Олегъ Святославичи черниговскіе 200 же гривенъ [2]).

О запасахъ благородныхъ металловъ у русскихъ князей XI вѣка также есть лѣтописныя свидѣтельства. Въ 1067 г. кіевляне, взбунтовавшись противъ отсутствующаго великаго князя Изяслава I, возвели на престолъ кіевскій другого (Всеслава полоцкаго), „дворъ же княжь разграбиша. безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью“ [3]). Въ 1073 г. Изяславъ I, изгнанный вторично братьями, „иде въ Ляхи со имѣньемъ многымъ“ [4]) т. е. очевидно заключавшемся въ удобно перевозимыхъ металлахъ; подъ 1075 г. читаемъ у преп. Нестора: „въ се же лѣто придоша сли изъ Нѣмецъ ко Святославу (великій князь Кіевскій); Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое; они же, видѣвше безчисленное множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: „се нивъчтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть клятье (дружина) луче, мужи бо ея доищють и больше сего“ [5]). Полагать эти богатства преувеличенными нѣтъ основанія; потому, быть можетъ, справедливъ отзывъ одного стариннаго изслѣдователя русскихъ древностей [6]), что „богатство, которымъ Россія изобиловала въ XI вѣкѣ превосходитъ всякое ожиданіе“.

Великій князь Изяславъ Ярославичъ, домашними возмущеніями изгнанный изъ государства своего, вывезъ съ собою много золотой и серебряной утвари, всякихъ богатыхъ одѣяній и драгоцѣнныхъ камней. Изъ этихъ сокровищъ онъ почтилъ, по свидѣтельству со-

---

[1]) Золота или серебра—въ лѣтописи не сказано. Поэтому Карамзинъ заключаетъ, что гдѣ металлъ не поименованъ, слѣдуетъ разумѣть серебро. См. Истор. Госуд. Росс. т. I, прил. 527.

[2]) Лѣтописи Лаврентіев., с. 116.

[3]) Тамъ же, с. 74. Повидимому правъ г. Казанскій, что выраженіе: „кунами и бѣлью“ должно понимать: деньгами и платьемъ. См. Зап. Имп. Археол. Общ. 1851, т. III, отд. I, с. 120.

[4]) Лѣтоп. Лавр., с. 78.

[5]) Тамъ же, с. 85.

[6]) *Бакмейстеръ*: Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ С. Петербургской Академіи Наукъ. Перев. съ франц. (Костыгова) 1779, с. 9—10.

временныхъ нѣмецкихъ лѣтописателей, короля польскаго, Болеслава II и императора Генриха IV такой цѣны дарами, что историки съ удивленіемъ о томъ повѣствуютъ. Отряженные отъ императора (Генриха IV) ко двору великаго князя Всеволода Ярославича (1078—1093) послы ослѣплены были блескомъ богатства и возвратились обратно обогащенные великими дарами. Повѣствующій объ этомъ историкъ пишетъ, что никто не запомнилъ, чтобы въ Германіи когда нибудь скопилось вдругъ такое количество золота, серебра, драгоцѣнныхъ вещей и богатыхъ одѣяній, какъ по возвращеніи этихъ пословъ изъ Россіи. Подобное обиліе было плодомъ безпрерывныхъ побѣдъ, связанныхъ съ грабежемъ русскихъ надъ греками, печенегами, болгарами и другими народами. Равнымъ образомъ проистекало оно отъ внутренней и особенно внѣшней торговли, ибо въ Астрахань привозились дорогіе индѣйскіе товары, изъ коихъ одна часть оттуда отправлялась вверхъ по Волгѣ и многимъ другимъ рѣкамъ въ Ладогу, а отсюда въ Винетту—(Юлинъ на Одерѣ) и Висби (на островѣ Готландѣ); а другая по Танѣ (Дону) въ Италію. Знакомство русскихъ XI вѣка съ Италіей подтверждается и итальянскими историками, изъ которыхъ Караччіоли прямо указываетъ на посѣщеніе русскими Сициліи въ 1027 году [1]). И вѣрить этому тѣмъ возможнѣе, что русскіе, потерявъ въ началѣ XI вѣка торговлю съ отдаленнымъ Востокомъ, прерванную вторженіемъ въ Хорасанъ и Персію огромныхъ массъ кочующихъ тюркскихъ племенъ [2]), конечно, искали другихъ путей для своихъ торговыхъ цѣлей. Тогда-то, если еще не раньше, начали появляться на Руси драгоцѣнности „латинскаго“ происхожденія, о которыхъ упоминается въ Патерикѣ печерскомъ [3]).

О степени распространенія благородныхъ металловъ въ на-

---

[1]) *Даниловичъ*: Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія. См. Рус. Историч. Сборникъ, изд. Общ. истор. и древн. росс. 1841, т. IV, кн. 2 и 3, с. 165.

[2]) *Бартоломей*: О древности монетъ съ именемъ Владиміра. См. Извѣстія Имп. Археолог. Общ. 1861, т. III, вып. 2, с. 106.

[3]) Патерикъ печерскій. Житіе св. Ѳедора и Василія.

родномъ обращеніи на Руси XI в., по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ, даетъ понятіе и слѣдующій лѣтописный фактъ: въ 1019 году великій князь Ярославъ I, разбитый на р. Бугѣ Болеславомъ I, королемъ польскимъ, тестемъ и союзникомъ Святополка Окаяннаго, прибѣжалъ самъ-пять въ Новгородъ и хотѣлъ уходить за море къ зятю своему, королю шведскому. Но новгородцы, преданные Ярославу, княжившему у нихъ съ малолѣтства, „начаша скотъ (деньги) [1]) сбирати: отъ мужа по 4 куны [2]), а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варяги, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многи“ [3]). Чтобы достигнуть этого послѣдняго результата, т. е. ополчить „воя многы“, да еще съ наемными варягами и въ такое короткое время—Ярославъ явился въ Новгородъ въ августѣ, а весною уже шелъ въ Кіевъ на Святополка—новгородцамъ надо было имѣть наготовѣ не мало денегъ.

Въ виду такого распространенія на Руси XI в. благородныхъ металловъ и въ деньгахъ, и въ издѣліяхъ, нужно согласиться съ мнѣніемъ одного изъ нашихъ нумизматовъ, что самыя первыя русскія деньги этого вѣка, по крайней мѣрѣ серебряныя, чеканены при Владимірѣ не греками, а вѣроятно собственными рѣщиками, весьма неискусными въ дѣлѣ, для нихъ новомъ [4]). Къ этому же XI в., преимущественно предъ другими, позднѣйшими, должно, кажется, отнести начало изученія мастерами изъ русскихъ и другаго искусства, раньше имъ неизвѣстнаго. Вслѣдствіе вліянія Византіи, говоритъ г. Струве, золото сдѣлалось въ Россіи любимымъ украшеніемъ. Изъ этого мы должны заключать, что вмѣстѣ съ христіанствомъ было внесено въ Россію искуство золоченія, которое мало по малу развилось до такихъ огромныхъ размѣровъ, какихъ оно не достигло ни въ какомъ

[1]) Карамзинъ справедливо догадывается, что если латинское *pecunia*, деньги, происходитъ отъ *pecus*, скотъ, то и русское *скотъ* могло имѣть значеніе денегъ, а *скотиница*—казны. См. Истор. Госуд. Росс. т. I, прим. 477.

[2]) Полагаютъ, что кунъ было въ гривнѣ 30. Но точнаго опредѣленія еще нѣтъ

[3]) Лаврен. лѣтоп., с. 92.

[4]) *Барталомей*: О древности монетъ съ именемъ Владиміра. См. Извѣстія Имп. Археол. Общ. 1861, т. III, вып. 2, с. 110.

другомъ государствѣ [1]). Слѣдственно, русскіе въ XI вѣкѣ знали уже ртуть.

Принятіе христіанства долженствовало значительно расширить на Руси XI в. и мѣдно-литейное дѣло, безъ котораго не могло обходиться благолѣпіе новосозидаемыхъ храмовъ. А какъ цѣнились тогда произведенія этого рода, видно изъ пріема лѣтописца, который, занося въ свою скрижаль на память потомству разграбленіе Новгорода въ 1068 году княземъ Всеславомъ полоцкимъ, нашелъ совершенно достаточнымъ изобразить всю ея силу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софіѣ. О, велика бяше бѣда въ часъ тый! и понекадила съима“ [2]).

О желѣзномъ производствѣ на Руси XI в. нѣтъ свѣдѣній, которыя указывали бы степень его относительнаго совершенствованія. Но самое желѣзо въ письменныхъ памятникахъ, именно XI вѣка, упоминается; напримѣръ, мать св. Ѳеодосія печерскаго (1014—1074), разгнѣванная попыткой сына уйти изъ дома родительскаго съ какими-то странниками въ монастырь, „заковала ноги его въ желѣзо“ [3]). Въ то же время желѣзо вводится какъ средство судебнаго доказательства, въ „судъ Ярославль Володимѣричь, Правду Русьскую“, гдѣ оно, по буквѣ ст. 17-й, играетъ такую роль: „Искавше ли послуха (свидѣтеля) не налезуть, а істьця начнеть головою (убійствомъ) клепати, тогда датіимъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и поклепѣ, оже не будеть лиця, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи, до полугривны золота“ [4]). Наконецъ, желѣзо, какъ товаръ, находитъ себѣ выгодный сбытъ въ обмѣнъ на драгоцѣнные мѣха и въ страну

---

[1]) *Струве*; Позолота чрезъ огонь при помощи золотой амальгамы и гальваническое золоченіе. Матеріалы для исторіи золота преимущественно по отношенію къ Россіи. См. Бюллетень Импер. Акад. Наукъ. 1866. т. X, стр. 49—59.

[2]) Новгородская первая лѣтопись. См. Полный Сборн. русскихъ лѣтоп. т. III, (1841), стр. 2.

[3]) *Филаретъ*, еписк. харьков. Житіе преподобнаго отца нашего, игумена печерскаго, Ѳеодосія. См. Ученыя Записки Импер. Акад. Наукъ, по II отд 1856, кн. II, стд. III, с. 134.

[4]) *Калачевъ*: Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій. Москва. 1847. ст. 7.

далекую, уральскую и даже сибирскую, о чемъ препод. Несторъ подъ 1096 г. повѣствуетъ такъ: „Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрютя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру [1]). Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: дивно мы находихомъ чудо, его же нѣесмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря [2]), имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою (мѣхами) противу [3]). Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимыхъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи“ [4]). Это очевидно описаніе уральскихъ горъ. Югра или юрга, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ г. Огородникова, населяла до XII вѣка сѣверъ Европейской Россіи и затѣмъ перешла за Уралъ.

Понятно, что при указанныхъ выше отношеніяхъ народа и правительства къ металламъ, въ особенности благороднымъ, на Руси XI в. не могло не существовать монетной системы, также металлической и, съ другой стороны, не должно бы и существовать иной, кромѣ металлической. То и другое, даже безъ изслѣдованія о „Ярославлѣ сребрѣ“ [5]), подтверждается всѣми письменными памятниками, если только вчитываться въ нихъ внимательно. Другое дѣло опредѣлить точно числительное соотношеніе монетныхъ названій. Это еще задача для нашихъ ученыхъ. До тѣхъ поръ

---

[1]) Нынѣшній Березовскій край въ Западной Сибири, между рр. Сосвой и Обью.
[2]) Сѣвернѣйшій отрогъ Уральскаго хребта.
[3]) Это зыряне. См. Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи Лерберга. С. Петербургъ. 1819, с. 79.
[4]) Лаврент. лѣтоп., стр. 107.
[5]) *Куникъ:* О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича, съ изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца. СПВ. 1860.

должно довольствоваться нѣкоторыми выводами, подходящими, кажется, къ истинѣ. Назовемъ главнѣйшіе, основываясь только на свидѣтельствахъ письменныхъ памятниковъ XI вѣка. *Гривна* принималась какъ опредѣленная числительная единица, но означала ли: вѣсъ, счетъ, монету, и которое изъ трехъ — не опредѣлено. Вѣроятнѣе первое. „Аще ли ударитъ мечемъ или бьетъ кацѣмъ любо съ судомъ, за то удареніе или убьеніе да вдасть литръ 5 сребра, по закону рускому", гласитъ олеговъ договоръ съ греками [1]); „аще оутнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью, то 12 гривнѣ за обидоу" устанавливаетъ Русская Правда [2]), и, при доказанномъ равенствѣ русскихъ 12 гривенъ греческимъ 5 литрамъ [3]), —вѣсу, а не монетѣ,—одинаковость пени въ одинаковыхъ случаяхъ представляетъ и гривну—вѣсомъ же. *Куны*—были металлическія деньги, исключительно серебряныя, извѣстное количество которыхъ вывѣшивало гривну [4]). При Ярославѣ монета была преобразована: гривну раздѣлили на 90 кунъ; послѣ же Ярослава измѣненъ и самый составъ гривны, которая представляется уже гривною кунъ [5]). *Ногата* — серебряная же монета, какихъ въ гривнѣ считалось 20. Замѣтивъ медленность въ постройкѣ Кіево-Софійской церкви, оттого, что народъ не надѣется получить задѣльной платы, Ярославъ „повелѣ куны возити на возехъ въ коморы золотыхъ воротъ, и възвѣстиша на търгу людемъ, да возьмѣть кождо по ногатѣ на день, и бысть множество дѣлающихъ, и тако вскорѣ конча церковь" [6]). Вычисляютъ, что ногата содержитъ въ себѣ $35^{35}/_{54}$ нынѣшнихъ копѣекъ [7]). *Рѣзана*—серебряная же монета, какихъ въ ногатѣ было $2^{1}/_{2}$; равняется $14^{7}/_{243}$ нынѣшнимъ копѣйкамъ [8]).

---

[1]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 14.
[2]) *Калачевъ:* Текстъ Русской Правды. стр. 1.
[3]) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст. с. 542.
[4]) *Казанскій:* Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ, стр. 127—131. *Калачевъ:* Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, ч. I, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Рус. Пр. Москва 1846, с. 84.
[5]) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол., с. 566.
[6]) *Казанскій:* Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ, стр. 129.
[7]) *Прозоровскій;* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, стр. 707.
[8]) Тамъ же, стр. 706.

Важнѣе всего, что Русь XI в. имѣла положительно свою монетную систему, ту ли, другую ли, однако не кожаную, а металлическую. Русь XI в. была цивилизована, по тогдашнему, вполнѣ современно, и г. Казанскій [1]) справедливо говоритъ, что съ принятіемъ христіанства для Руси настала новая жизнь, не только въ религіозномъ и умственномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Иначе развивается народъ, живущій отдѣльною жизнью; другимъ путемъ идетъ развитіе народа, находящагося въ сношеніи съ образованными націями. Принявъ христіанство отъ Греціи, Россія вступила въ тѣсное общеніе съ нею и, съ просвѣщеніемъ умственнымъ и религіознымъ, не могла не заимствовать и лучшаго гражданскаго быта, который есть плодъ просвѣщенія.

---

[1]) *Казанскій*: Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ, стр. 95—96.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВѢКЪ XII.

Драгоцѣнные металлы; употребленіе ихъ на благолѣпіе храмовъ.—О распространеніи золота и серебра въ народѣ.—Мѣдныя и желѣзныя издѣлія.—Начало употребленія олова.—Первыя извѣстія о солевареніи.—Монетная система.

XII вѣкъ на Руси, унаслѣдовавъ отъ вѣковъ, ему предшествовавшихъ, начала, вошедшія уже въ плоть и кровь русской жизни, является представителемъ высшей степени цивилизаціи, какой только достигала древняя Русь. Въ цивилизаціи этой господствовалъ, какъ извѣстно, элементъ византійскій; но было въ ней и кое-что свое, не заимствованное ни откуда,—такое свое, безъ котораго никогда бы не раздалась на Руси XII вѣка поэтическая „пѣсня о плъку Игоревѣ“. На всемъ, слѣдовательно, къ чему ни относилось русское общество XII вѣка, что ни имѣло оно въ своихъ рукахъ, или даже въ своихъ идеяхъ, должна была лечь печать двойственнаго вліянія: византійскаго и славянскаго. Двойственность эту мы видимъ и въ металлическомъ обиходѣ Руси XII вѣка.

Тутъ, независимо отъ массы благородныхъ металловъ, продолжающей по прежнему, даже больше прежняго, пополнять казны и дворы князей и обращаться въ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ слоѣ народа, замѣчается сравнительно большее количество издѣлій золотыхъ и серебряныхъ, описанныхъ порознь современниками. Изъ этого, кажется, должно заключить,

что изделія, такимъ образомъ описанныя, въ свое время производили впечатлѣніе, болѣе или менѣе сильное, стало быть, болѣе или менѣе превосходили другія, имъ подобныя. Въ этихъ-то превосходныхъ образцахъ своего рода всего больше должна выразиться та двойственность вліянія, которую мы предполагаемъ.

Между благородными металлами, первое мѣсто принадлежитъ, разумѣется, золоту, которымъ, по сказаніямъ лѣтописнымъ и другимъ, Русь XII вѣка была довольно богата, но употребляла его однако, какъ и въ два предшествовавшія столѣтія своего христіанскаго быта, преимущественно на благолѣпіе храмовъ или предметы характера священнаго. Изъ такихъ предметовъ долженъ быть упомянутъ раньше другихъ, такъ называемый, „царскій чинъ или санъ“ — златой вѣнецъ, св. бармы, держава и крещатая цѣпь — уборъ, загадочное появленіе котораго на Руси XII вѣка, одною изъ лѣтописей позднѣйшаго состава, относится къ 1116 году и приписывается двумъ лицамъ: Алексѣю Комнену, императору греческому, приславшему, и Владиміру Мономаху, великому князю кіевскому, получившему этотъ даръ [1]). Нисколько не убѣждаясь доводами одного ученаго, что царскій санъ присланъ не Владиміру Мономаху, но еще Владиміру I, Равноапостольному, въ эпоху его крещенія [2]); допуская скорѣе что „царскій чинъ“ могъ не присылаться и Владиміру Мономаху [3]), замѣтимъ, что кажутся гораздо болѣе древними такъ называемаго „царскаго чина“ — бармы же, но другія, вырытыя въ 1822 г. изъ земли окопа при селѣ Старой Рязани (въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго гор. Спасска, рязанской губ.), вмѣстѣ съ другими вещами, какъ-то: образкомъ, крестомъ, кафтанными пуговицами, петлицами, перстнемъ, поручнями, цѣпочкою и множествомъ серебряныхъ золоченыхъ блестокъ, подъ чеканкой. Бармы, о которыхъ идетъ рѣчь, состоятъ изъ 11 круглыхъ, отдѣланныхъ мусіей, запонъ, всѣ чистѣйшаго зо-

---

[1]) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Изд. 1793—1794 г. кн. I, стр. 258.

[2]) *Вельтманъ:* Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари. См. Чтенія въ Импер. Общ. истор. и древн. россійск. 1860, кн. I, стр. 30—44.

[3]) *Сабининъ:* О бармахъ. См. Русск. Истор. Сборн., издан. Общ. истор. и древн. росс. 1838 г. т. III, кн. 3, стр. 297 - 308.

лота, безъ всякой примѣси; онѣ украшены узорами накладной скани на гладкія пластины, драгоцѣнными камнями въ природномъ ихъ видѣ, и уборкой мелкаго жемчуга, нанизаннаго на золотой проволокѣ. Работу и скань, сходную съ золотыми вещами, находимыми въ курганахъ крымскихъ, должно отнести къ произведеніямъ греко-скиѳскаго искусства и къ первымъ временамъ водворенія христіанства на Руси [1]).

Золото, большею частью, вмѣстѣ съ серебромъ, употреблялось на благолѣпіе храмовъ и церковной утвари. Владиміръ Мономахъ въ 1115 г., при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба изъ старой вышгородской въ новую, каменную церковь, „окова рацѣ сребромъ и златомъ, и украси гробѣ ею, такоже и комеръ покова сребромъ и златомъ“ [2]); Мстиславъ, сынъ Мономаха (1125—1132), поручилъ одному изъ своихъ придворныхъ, Наславу, нарочно ѣхать въ Царьградъ, оковать евангеліе золотомъ и серебромъ, „цѣну же евангелія сего единъ Богъ вѣдае“, пишетъ самъ Наславъ [3]); Георгій тысячскій суздальскій, сынъ варяга Шимона, въ 1130 году далъ на украшеніе раки св. Ѳеодосія печерскаго 50 гривенъ золота и 500 серебра [4]); князь Андрей Боголюбскій въ 1155 г., уходя тайкомъ отъ отца изъ Вышгорода въ Суздаль, взялъ съ собою цареградскую икону Богоматери (наз. Пирогощей) „и въскова на ню болѣ 30 гривенъ золота, проче (кромѣ) камени дорогого и великого жемчюга“ [5]); князь Давидъ Ростиславичъ въ 1158 г. украсилъ иконы Михайловской церкви, въ Смоленскѣ, золотомъ и серебромъ [6]); князь Мстиславъ Изяславичъ въ 1160 г. пожертвовалъ въ соборную церковь г. Владиміра на Волыни золотые сосуды [7]); княжна Евфросинья полоцкая въ 1161 г. отдѣлала серебромъ и золотомъ

[1]) Московская оружейная палата. Изд. 1860 г. стр. 52.
[2]) Ипатьевск. лѣтоп. стр. 7.
[3]) См. приписку къ тексту самаго евангелія, хранящагося въ ризницѣ московскаго Архангельскаго собора.
[4]) Патерикъ Печерскій. Рукоп. Румянц. музея. № 305, л. 110.
[5]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 78.
[6]) Русская лѣтопись по Никонову списку. Изд. 1767—1792 гг., ч. I, стр. 223.
[7]) Тамъ же, стр. 229.

крестъ, донынѣ хранящійся въ полоцкомъ Спасскомъ монастырѣ, и т. д. [1]). Изъ храмовъ XII вѣка, наиболѣе удивляли современниковъ великолѣпіемъ, построенные въ Боголюбовѣ и Владимірѣ на Клязьмѣ Андреемъ боголюбскимъ, особенно любившимъ постройки. Лѣтописецъ съ подробностью описываетъ украшенія боголюбскаго храма во имя Рождества Богородицы и соборной церкви Успенія въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ [2]). Изъ этихъ описаній, между прочимъ, видно, какое обширное примѣненіе должно было имѣть золоченіе, нравившееся и Владиміру Мономаху, который, напримѣръ, въ 1102 г. „пришедъ ночью премѣри гроба (Бориса и Глѣба), расклепалъ же деки серебряныя, позлати златомъ... а послѣди поковавъ убо сребряныя доски, и святыя по нимъ издражавъ и позолотивъ, покова сребромъ и златомъ... имуще верху по обилу злату, свѣтильна позлащена“. [3]).

Въ домашнемъ быту русскихъ XII вѣка золота встрѣчается меньше, нежели въ храмахъ, но оно все-таки видно по лѣтописнымъ и другимъ указаніямъ. Такъ неизвѣстный проповѣдникъ того времени, обличая роскошь видѣннаго имъ богача, пишетъ: „на обѣдѣ (богача) служба бѣ многа, съ суди златыми съкованы и серебрѣмь“ [4]); въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится о златокованномъ столѣ кіевскомъ, упоминаются золотыя стремена, пишется: „на днѣ Каялы, рѣки половецкія, русскаго злата насыпаша“ [5]).

Серебро въ дѣлѣ и въ деньгахъ на Руси XII в. встрѣчалось нерѣдко, не только у князей, но даже въ частномъ быту. Неизвѣстный проповѣдникъ, продолжая свое обличеніе богачу, перечисляетъ: „чашѣ срѣбрьны великыя позлащены, кубци и котьли“ [6]). Образчикомъ издѣлій этого рода можетъ служить сохраняющаяся въ

---

[1]) Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросиніи, княжны полоцкой. С.-Петерб. 1841 г., стр. 21—27 (описаніе креста).
[2]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 111—112.
[3]) Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, по списку XIV в. Изд. 1860 г., стр. 84 (Срезнев.).
[4]) Аристовъ. Промышленность древней Руси, стр. 124.
[5]) Слово о полку Игоревѣ (Въ Русскія достопамятности. Ч. III. 1844 г.
[6]) Аристовъ. Промышлен. древн. Руси, стр. 124.

Эрмитажѣ чара кн. Владиміра Давидовича черниговскаго (1139—1151)—серебряный сосудъ, глубиною въ $2^1/_4$ вершк. и 7 вер. въ поперечникѣ, вѣсомъ 3 фунт. 63 зол., съ круглой впадиной въ поддонѣ [1]). Другой образчикъ столоваго прибора русскихъ князей XII в., къ сожалѣнію не сохранившійся, находимъ въ жалованной граматѣ вел. кн. Мстислава I Владиміровича (Великаго) новгородскому Юрьеву монастырю, между 1128 и 1132 годами,—серебряное блюдо, въ 30 гривенъ серебра [2]); у той же граматы находится бывшая привѣшенной на шелковомъ снуркѣ (истлѣлъ), серебряная золоченая печать, изъ двухъ тонкихъ листовъ металла, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ. Къ этому же времени, повидимому, принадлежатъ и „княжескія бармы серебряныя, золоченыя, съ чернью, представленныя въ числѣ многихъ вещей, найденныхъ въ курганахъ владимірской губерніи графомъ Уваровымъ въ 1851 г.“ [3]). О степени распространенія серебряныхъ издѣлій, разумѣется, не такихъ крупныхъ, въ домашнемъ быту простыхъ горожанъ того времени, можно судить по слѣдующему факту. Въ 1150 г. князь Владимірко галичскій осадилъ Мичскъ (въ юго-западной Россіи) и „рече Мичаномъ: дайте ми серебро, что вы язъ хочю; пакы ли я възму вы на щитъ (приступомъ); они не имѣяхуть дати, чего у нихъ хотяше, они же емлючи серебро изъ ушью (серьги) и съ шіи (мониста), сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимеръ же поимавъ серебро и пойде, такожде емля серебро по всимъ градомъ, оли и до своей земли“ (нынѣшней Галиціи австрійскихъ владѣній) [4]). И надо полагать, что большая часть золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, особенно послѣднихъ, работалась на Руси XII в. не греками, первоначальными учителями русскихъ, но русскими мастерами, имена которыхъ съ того же XII вѣка начинаютъ доходить и къ намъ.

---

[1]) *Бычковъ:* О серебряной чарѣ XII вѣка, принадлежавшей черниговскому князю Владиміру Давидовичу. См. Записки Импер. Археол. Общ. 1851 г. т. III, отд. I, стр. 156—159.

[2]) Дополненіе къ актамъ историческимъ, собр. и издан. Археографическою коммис., т. I (1846) № 2.

[3]) Московская оружейная палата, стр. 267.

[4]) Ипатьевск. лѣтоп. стр. 56.

Такъ въ одной изъ надписей на крестѣ Евфросиніи, княжны полоцкой, читаемъ: „помози рабоу своіему лазорю нареченомоу богъши, съдѣлавшему крьстъ...“ [1]); а новгородскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ, что въ 1200 г., былъ бой у новгородцевъ съ Литвою, и убиша Литвы мужь 80, а новгородьць 15“, въ томъ числѣ „Страшка серебрьника вѣсця“ [2]). Ни Богша ни Страшкъ, конечно, не звучатъ по-гречески, и первую изъ этихъ фамилій еще не такъ давно находили и, быть можетъ, знаютъ теперь въ слуцкомъ уѣздѣ минской губерніи, не очень далекомъ отъ Полоцка [3]).

Скопленіе благородныхъ металловъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, собственно деньгами русскими и не-русскими, представляетъ на Руси XII в. также почтенныя цифры. Князь Василько Теребовльскій въ 1122 г. далъ выкупа ляхамъ за своего брата, Володаря перемышльскаго, 20,000 гривенъ серебра [4]); Князь Владимірко галичскій въ 1144 г., пригласивъ вел. кн. Всеволода Ольговича на помощь противъ венгровъ, далъ ему за то 1,000 и 400 гривенъ серебра [5]); Иванъ берладникъ, извѣстный князь-изгой своего времени, въ 1146 г., при переходѣ отъ князя Святослава черниговскаго къ князю Ростиславу смоленскому, взялъ съ перваго „за службу“ 200 гривенъ серебра и 12 золота [6]): князь Глѣбъ минскій (ум. 1119) весьма почиталъ Кіево-печерскій монастырь, куда онъ „вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ, княгиня вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота“ [7]); князь Ярославъ галичскій въ 1174 г. далъ ляхамъ за помощь 3,000 гривенъ серебра [8]). Капиталы частныхъ людей почти не уступали

---

[1]) Истор. свѣд. о жизни препод. Евфросиніи, кн. полоцкой, стр. 27.
[2]) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 25.
[3]) *Кеппенъ:* Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи. Москва. 1822 г.
[4]) Густинская лѣтопись. См. Полн. Сборн. русск. лѣтоп., т. II, стр. 292.
[5]) Лаврентьевск. лѣтопись, стр. 136.
[6]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 28.
[7]) Тамъ же, стр. 82.
[8]) Тамъ же, стр. 108.

княжескимъ: новгородцы въ 1137 г. взяли съ своихъ бояръ, имъ подозрительныхъ, до 1,500 гривенъ; а въ 1141 г. съ одного Экуна 1,000 гривенъ, да у брата его 100 гривенъ [1]). И ничего нѣтъ удивительнаго, если одинъ Новгородъ давалъ тогда ежегоднаго дохода князю 2,500 гривенъ [2]), а вся смоленская область 3,200 гривенъ [3]).

Понятно, что главнымъ источникомъ такого изобилія благородныхъ металловъ на Руси XII вѣка была внѣшняя торговля русскихъ, тогда процвѣтавшая. Днѣпръ и Черное море, изстари сближавшіе Русь съ Византіей, теперь, въ XII вѣкѣ, оживляли греко-генуэзскую торговлю, средоточіемъ которой былъ именно Кіевъ, и обусловливали собою существованіе большихъ половецкихъ ярмарокъ на полуостровѣ Тамани, происходившихъ независимо отъ безпрерывныхъ набѣговъ и войнъ между Русью и половцами. „Въ то самое время, пишетъ Карамзинъ, когда русское войско сражалось съ половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности, наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ“ [4]). Замѣтимъ вообще, что эти варвары способствовали не мало притоку благородныхъ металловъ въ Русь XII вѣка. Ханъ половецкій, Белдюзъ, въ 1103 г. захваченный русскими, „нача даяти на собѣ (выкупомъ) злато и сребро“ [5]); князь Олегъ черниговскій въ 1158 г. „вся вѣжѣ (становища) Козны (имя хана) и жену и дѣти, и злато и сребро“ [6]); „помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ нимо злато“, говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ [7]). Волга и Каспійское море въ свою очередь связывали Русь съ отдаленнымъ востокомъ, откуда вывозились, между прочимъ, драгоцѣнныя принадлежности конскихъ уборовъ, распростра-

---

[1]) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 8—9.
[2]) Уставъ новгородскаго князя Святослава. См. Русскія достопамятности. ч. I 1815 г., стр. 82—85. *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Россійскаго, т. II, прим. 267.
[3]) *Аристовъ:* Промышленность древней Руси, стр. 130.
[4]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійск. т. III, стр. 124.
[5]) Лаврентіевск. лѣтопись, стр. 119.
[6]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 95.
[7]) Русскія достопамятности, ч. III, 1844 г., стр. 48.

нявшіяся на Руси вмѣстѣ съ волжко-булгарскими монетами джучидскаго чекана, битыми въ г. Булгарѣ на Волгѣ [1]). Наконецъ, значительная доля серебра, обращавшагося на Руси XII в., вымѣнивалась юргой у чуди сибирской [2]) и вносилась данью Новгороду, который давно уже владѣлъ Біарміей [3]) и еще въ 1188 году посылалъ свои корабли въ Любекъ [4]).

Мѣдное производство на Руси XII в. состояло, главнымъ образомъ, въ литьѣ колоколовъ, повидимому небольшихъ. Колоколъ, найденный въ 1833 году при очисткѣ развалинъ кіевской Десятинной церкви, вѣситъ всего 1 пудъ 27 фунт. [5]). Таковъ же былъ, вѣроятно, и новгородскій вѣчевой, упоминающійся въ первый разъ лѣтописью въ 1149 г. [6]). Лучшими литейщиками въ 1194 г. слыли владимірскіе [7]). Но русскимъ котлярамъ XII в. были извѣстны и сплавы мѣди съ серебромъ, образчикомъ которыхъ служитъ, наприм., подвѣсье, найденное съ прочими древностями, преимущественно серебряными, лѣтъ двадцать назадъ, калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, въ сельцѣ Шмаровѣ. Подвѣсье это, къ сожалѣнію, очень обломанное, такъ что нельзя узнать форму верхушки, которою оно прицѣплялось, представляетъ съ лицевой стороны двѣ части: верхнюю изъ ровной пластинки, исчерченной посрединѣ линіями и городками и въ самомъ верху прорѣзанной въ рѣшетку, на которой посажены двѣ фигуры птицъ, клевами одна къ другой; нижнюю — изъ семи рожковъ, нѣсколько выпуклыхъ и оканчивающихся къ низу прорѣзами, довольно симметричными. Задняя сторона не имѣетъ никакихъ узоровъ и, въ сравненіи съ лицевою, кажется неотдѣланною. Работа привѣсья,

---

[1]) *Савельевъ:* Неизданныя джучидскія монеты изъ разныхъ собраній. См. Записки Импер. Археол. Общ. 1858 г., т. XII, вып. I, стр. 266.
[2]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. III, стр. 54, прим. 88.
[3]) Тамъ же, стр. 126.
[4]) *Michelsen:* Urkundensammlung der Schleswig-Holstein-Lauensburg. Kiel. 1839, № 2, s. 2. № 11, s. 9.
[5]) Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей росс. 1837 г., ч. VIII. Журналъ засѣданія 9 декабря 1833 г., стр. 214.
[6]) Ипатьевск. лѣтопись. стр. 40.
[7]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. III, стр. 130.

относимаго знатоками къ XII в., груба. Вѣсъ всей вещи 4 золотника [1]).

Представителями желѣзнаго дѣла на Руси XII в. могутъ служить слѣдующіе предметы, найденные въ разныхъ мѣстахъ, но, повидимому, принадлежащіе одному и тому же періоду времени: А) мечь стальной обоюдуострый, длинный, безъ рукоятки 1 арш. $3^1/_2$ верш., вѣсомъ съ рукояткой 2 ф. 6 золотн., рукоятка длиной $2^1/_2$ верш., деревянная, обтянута черной лаковой кожей и увѣнчана на вершинѣ мѣднымъ украшеніемъ, изображающимъ птичій клювъ; мечь этотъ открытъ въ селѣ Свинардѣ, новгородской губерніи, близъ р. Шелони, на плитномъ приломѣ [2]); Б) кольчуга стальная, похожая на рубахи обыкновеннаго русскаго покроя: съ короткимъ воротникомъ, широкими рукавами и разрѣзомъ на груди сбоку; на каждомъ изъ крупныхъ плоскихъ колецъ ея вычеканена весьма отчетливо славянская надпись, такъ что всѣ эти надписи кажутся составляющими нѣчто цѣлое; найдена при разломкѣ одного древняго казеннаго зданія (бывшаго іезуитскаго монастыря) въ г. Оршѣ, могилевской губ. [3]); В) ножницы средней руки, вырытыя изъ одной древней могилы при селѣ Копенковатѣ, кіевской губерніи, уманскаго уѣзда [4]). Источники снабженія Руси желѣзомъ въ необдѣланномъ видѣ въ этомъ вѣкѣ не измѣнились, и потребленіе желѣза оставалось крайне ограниченнымъ.

Къ металламъ, обработываемымъ русскими мастерами, съ XII вѣка присоединяется лѣтописью еще одинъ—олово, которое, какъ думаетъ Лерхъ [5]), могло получаться изъ ононскихъ пріисковъ. Пріиски эти, въ нынѣшней забайкальской области, могли обработываться инородцами въ XII вѣкѣ, и самое олово переходить

---

[1]) Древнія вещи, найденныя въ лихвинскомъ уѣздѣ. См. Временникъ Импер. Общ. истор. и древн. росс. 1850 г., кн. 5. Смѣсь, стр. 37.

[2]) *Савельевъ:* Старинные доспѣхи, найденные въ сопкахъ новгородской губерніи. См. Записки Импер. Археологич. Общества. 1851 г. т. IV. Отд. II, стр. 15.

[3]) *Шпилевскій:* Письмо въ С. Петербургскія Вѣдом. 1857. № 28.

[4]) *Присовскій:* Копенковатскія древности. См. Кіевскія Губернскія Вѣдомости. 1855 г. № 17.

[5]) *Лерхъ:* Примѣненіе химіи къ археологіи. Новѣйшіе химическіе анализы бронзовыхъ древностей, Фелленберга въ Бернѣ и Г. В. Струве въ Петербургѣ. См. Извѣстія Имп. Археолог. Общества. 1866. т. VI, вып. 7 и 8, с. 181.

чрезъ юргу въ Новгородъ и по всей Руси. Мнѣніе это едва ли однако выдерживаетъ критику въ виду отдаленности ононскихъ пріисковъ; гораздо вѣроятнѣе, что олово получалось изъ Богеміи и Саксоніи, или изъ Англіи, которая со временъ финикіянъ снабжала Европу оловомъ, и только съ XVII вѣка подѣлилась первенствомъ въ этой торговлѣ съ голландской Индіей. Первое лѣтописное извѣстіе о русскомъ оловянномъ дѣлѣ передано въ такихъ выраженіяхъ: „того же лѣта (1194), мѣсяца сентября, обновлена бысть церквы святая Богородица въ Суждали, яже бѣ опадала старостью и безнорядьемъ, тѣмъ же бложенымъ епископомъ Иваномъ и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ; и то чуду подобно, молитвою святое Богородицы и его вѣрою, а иже не исца мастеровъ отъ Нѣмецъ, но налѣзе мастеры отъ клевретъ святое Богородици и отъ своихъ, иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлити“ [1]).

Къ тому же XII вѣку относится первое извѣстіе о солевареніи на Руси, въ Двинской области (нынѣшняя архангельская губернія). Извѣстіе это заключается въ словахъ „Оустава“ князя Святослава новгородскаго, 1137 г., о десятинѣ епископской: „а на мори от чрена и от салгы по поузоу“ [2]), т. е. по четверику [3]) соли. До того времени соль, по утвержденію Татищева, „покупали испанскую“ [4]) у генуэзцевъ въ Сурожѣ (нынѣшній г. Судакъ, таврической губ.), и ею не брезгалъ торговать въ Кіевѣ самъ великій князь Святополкъ II (1093--1113) [5]). Изъ Крыма и вообще побережья Чернаго моря, богатаго самосадочными лиманами и озерами, могла доставляться и собственная соль. Еще раньше сурожской была извѣстна на Руси соль коломынская, изъ Галича,

---

[1]) Лаврентіев. лѣтоп., стр. 173.
[2]) Русскія достопамятности. Ч. I, с. 84.
[3]) Реченіе пузъ—объясняетъ одинъ стародавній писатель — перемѣнилося со временемъ въ наименованіе *четверикъ*. Старинное же слово, пузъ, было еще въ употребленіи въ XVIII вѣкѣ на Вагѣ, или въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздахъ, по нынѣшнему раздѣленію Важескія страны. См. Начертаніе ист. г. Хол-могоръ, Крестинина. 1790. с. 13—14.
[4]) *Татищевъ:* Исторія Россійская. кн. II, с. 470.
[5]) Патерикъ печерскій, л. 145.

обиліе которой возбуждало зависть сосѣднихъ Галичу властителей венгерскихъ.

Монетная система на Руси XII вѣка въ сущности не измѣнялась, хотя къ счету *гривнами золота*, проскальзывавшему уже съ конца XI вѣка, присоединился въ XII вѣкѣ счетъ *гривнами серебра*, а потомъ и *гривнами кунъ*. Не видно, говоритъ одинъ изъ нашихъ нумизматовъ [1]), чтобы гривна была монетной единицей. Она означала счетъ или вѣсъ металла. Основной единицей для гривны золота былъ византійскій солидъ или золотникъ. Подобный же вѣсъ, вѣроятно, сдѣлался основной единицей и для вѣса серебра; но первоначальная основная единица для серебра была *куна*. Впрочемъ и при введеніи новаго счета серебра, счетъ кунами оставался. Понятіе о гривнѣ серебра спутывается еще болѣе извѣстіемъ, что такія гривны шестиугольной формы, вѣсомъ въ 36½ и 38½ золотниковъ, были вырываемы въ Кіевѣ и его окрестностяхъ [2]). Предоставляя спеціальнымъ изслѣдованіямъ придти, наконецъ, къ полному объясненію древне-русской монетной системы, замѣтимъ только, что первыя упоминанія *пуда*, какъ вѣса, неизвѣстно во сколько фунтовъ, и *берковца*, какъ вѣса, равнаго 10 пудамъ, относятся также къ XII вѣку [3]).

---

[1]) *Казанскій:* Изслѣдов. о древн. рус. монет. сист. с. 131.
[2]) *Фундуклей:* Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1847. т. 1 стр. 41.
[3]) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, с. 579—581.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВѢКЪ XIII.

Вліяніе татарскаго владычества. — Драгоцѣнные металлы. — Начало пробирнаго искусства и пробирныхъ сборовъ.— Мѣдныя и оловянныя издѣлія. — Употребленіе свинца. — Восточныя желѣзныя издѣлія. — Торговля солью.—Монетная система.— Прекращеніе чеканки собственной монеты.

Процвѣтаніе, котораго несмотря на удѣльныя „кѣторы“ (усобицы) князей, достигла Русь въ XII вѣкѣ, долженствовало прекратиться въ XIII вѣкѣ и уступить мѣсто началамъ иного свойства. Не одни татары были тому виною. Раздѣльность русскихъ силъ и вѣковая вражда удѣльныхъ князей, въ которой нужно видѣть вліяніе варяжское, выразившаяся подъ ярмомъ татарскимъ, кромѣ кровавыхъ раздѣловъ мечемъ и темными кознями въ самой ордѣ,—вотъ истинная причина косности, начинавшей овладѣвать Русью XIII вѣка. Но косность эта, по отношенію къ металлическому дѣлу вообще, не была замѣтна. Нѣкоторыя отрасли металлическаго дѣла на Руси, напримѣръ, выковка оружія, выиграли даже отъ соприкосновенія съ азіатскимъ элементомъ, представителями котораго являлись татары. И если татарское ярмо имѣло невыгодное вліяніе на русское металлическое дѣло, то наиболѣе въ смыслѣ умаленія количества благородныхъ металловъ, обращавшагося на Руси до нашествія татаръ.

Количество это, въ самомъ началѣ XIII вѣка, было весьма значительно. Лѣтописецъ даже жалуется, подъ 1204 г., что дружина, ему современная, стала предаваться роскоши, небывалой

прежде, когда „не жадаху—говоритъ онъ—мало ми есть, княже, 200 гривенъ; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ“ [1]). Стало быть, серебро не считалось особою роскошью. И немудрено: въ 1223 г., т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до первой несчастной встрѣчи русскихъ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, князь Ярославъ новгородскій „повоева всю землю чудскую, а полона приведоша безъ числа, но города не взяша, а злата много взяша“ [2]). Это говоритъ лѣтописецъ, высказывающій далеко не все и умалчивающій вовсе о количествахъ золота и серебра, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ, продолжавшихъ прибывать изъ Греціи. Но за лѣтописца коечто досказываетъ случай, и водъ одинъ изъ нихъ, открывшій слѣдующіе предметы, судя по надписямъ, греческой работы, зарытые, какъ полагаютъ, причтомъ неизвѣстной кіевской церкви, во время батыева вторженія въ Кіевъ: „потиръ и дискосъ серебряные съ золочеными изображеніями; двѣ панагіи; крестикъ равносторонній; пара серегъ, серебряныхъ, вызолоченыхъ; 25 штукъ привѣсокъ золотыхъ, въ видѣ кисточекъ, тонкой сканой работы фигурами; 21 штука бляшекъ, тонкихъ, плоскихъ, и 8 дужекъ чистаго золота“ [3]). Все это было греческое. Но и на Руси XIII вѣка мастерство золотыхъ дѣлъ не считалось уже диковиной, какъ можно видѣть это изъ разсказа чужеземца Плано-Карпини, который въ 1245 г. путешествовалъ въ Монголію, былъ при дворѣ хана и пишетъ: „Господь послалъ намъ въ помощь одного русса, золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Козьму, котораго императоръ (ханъ) очень любилъ и который помогалъ намъ нѣсколько. Онъ показывалъ сдѣланный имъ императорскій престолъ, прежде, нежели поставили его на мѣсто, и императорскую печать, сдѣланную имъ же“ [4]).

[1]) Софійская первая лѣтопись. См. Полный Сборн. русск. лѣтописей. Т. V. 1851, стр. 87.

[2]) Новгородская четвертая лѣтопись. См. Полный Сборн. русск. лѣтоп., т. IV. 1848, стр. 27.

[3]) *Евгеній*, кіевскій митроп.: О древностяхъ, найденныхъ въ Кіевѣ. См. Труды и Записки Общества исторіи и древностей. 1826 г., ч. III, кн. 1, стр. 152—163.

[4]) *Языковъ*: Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ. С.-Петербургъ. 1825, стр. 55.

Серебряное дѣло на Руси XIII вѣка пріобрѣло уже прочный, такъ сказать, оффиціальный характеръ. Между именитыми людьми, погибавшими въ бояхъ, лѣтописецъ всегда указываетъ серебряниковъ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что въ схваткѣ подъ Дубровной въ 1234 году, „...Новгородьцѣ ту биша 10 мужь: Ѳеда Якуновича тысячьскаго... Нѣжилу серебреника...“ [1]). Очевидно, такими же „серебрениками“ были лѣтописные „вѣсци“ — знатоки серебряныхъ пробъ, упоминаемые въ ганзейскихъ договорахъ XIII вѣка: Смоленска съ Ригой и Новгорода съ Готландомъ. Первый изъ этихъ договоровъ, относящійся къ 1229 г., заключаетъ въ себѣ, касательно серебрянаго торга, слѣдующія статьи: „Аже Латинскіи (иноземецъ) коупить соуды (сосуды) серебреные, дати семоу вѣсцю от гривны серебра по ногатѣ Смольнской; аже продасть, не лати ничего же. Аже Латинеский коупить гривну серебра, дати іемоу вѣсцю двѣ векши [2]); аже продаеть, не дати ничего же;— аже Латинеский дасть серебра пожигати, дати семоу от гривны серебра коуна Смольнеская“ [3]). По силѣ новгородскаго договора съ Готландомъ, не помѣченнаго годомъ, но восходящаго къ тому же времени, „узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей (иноземцевъ) серебро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное, исключить лигатуру. Иноземецъ можетъ требовать вторичной повѣрки въ вѣсѣ своего металла. За пробирщика, буде онъ не возвратитъ гостю серебра его, отвѣчаютъ новгородцы“ [4]). Серебряное дѣло развивалось не въ одnихъ ганзейскихъ городахъ: у князя Даніила галицкаго, между мастерами, отстраивавшими г. Холмъ въ 1239 г., были также „кузнеци сребру“ [5]), а князь Владиміръ, одинъ изъ преемниковъ Даніила въ 1288 г. „блюда великая сребряная, и

---

[1]) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 50.

[2]) По выводамъ г. Прозоровскаго, векша, „самая малая единица цѣнности въ кунной системѣ“, составляетъ $^1/_{24}$ ногаты и $=1^1/_{27}$ нынѣшней копѣйки; а векша смоленская$=^{224}/_{243}$ нынѣшн. коп. См. мон. и вѣсъ въ Росс. до конца XVIII стол., стр. 532, 703 и 710.

[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государств. коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1819, ч. II, стр. 4.

[4]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. III, прим. 244.

[5]) Тамъ же, т. IV, прим. 20.

кубьки золотые и серебряные, самъ передъ своими очима поби и полья въ гривны" [1]). Митрофанъ, епископъ владимірскій, еще въ 1237 г., устроивая для соборной церкви „кивотъ", украсилъ его серебромъ [2]). Обиліе этого металла на Руси XIII вѣка дало поводъ знаменитому венеціанцу, Марко-Поло, написать, что русскіе того времени имѣли у себя серебряные рудники, чего на самомъ дѣлѣ не было. Русскіе XIII вѣка получали серебро: изъ Югры (съ Алтая) черезъ Новгородъ [3]); изъ Богеміи, по старому соляному пути къ Карпатамъ [4]); отъ Ганзы (германское), несмотря на строгое запрещеніе старшинъ ганзейскаго союза ввозить благородные металлы въ Русь [5]); наконецъ, изъ рудниковъ городка Родны, (Rodna, Radna, Rudana), на границѣ Трансильваніи съ Буковиной, въ нынѣшнемъ быстрицкомъ округѣ, принадлежавшемъ тогда, какъ и городокъ Родна, къ удѣлу русскаго князя Ростислава, сына св. Михаила, князя кіево-черниговскаго [6]).

Мѣдное дѣло на Руси XIII вѣка процвѣтало не менѣе серебрянаго. Котляры, какъ и серебряники, были людьми на виду. Описывая знаменитый бой новгородцевъ съ суздальцами и разбитіе послѣднихъ на рѣкѣ Липицѣ (въ юрьево-польскомъ уѣздѣ, владимірской губерніи) въ 1216 г., лѣтописецъ говоритъ: „А Новгородьць убиша на съступѣ... Онтона Котелника..." [7]). У князя Даніила галицкаго въ 1239 году были „кузнеци мѣди", трудами которыхъ въ соборѣ г. Холма „помостъ бѣ сълитъ отъ мѣди—и князь Даніилъ" многіе колоколы ту солья" [8]), а князь Владиміръ галицкій († 1288), у себя въ Любомлѣ „и двери (церковныя) солія мѣдяные... полія же и колоколы дивны слышаніемъ, таковыхъ же не бысть въ всей земли" [9]). Литье коло-

---

[1]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 219.
[2]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. III, прим. 369.
[3]) Тамъ же, стр. 54.
[4]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 97.
[5]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго, т. III, стр. 126.
[6]) *Надеждинъ:* Объ этнографическомъ изученіи народности русской. См. Записки Русск. географ. общества. С.-Петербургъ. 1847 г., кн. II, стр. 85.
[7]) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 35.
[8]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго, т. IV, прим. 20.
[9]) Тамъ же, прим. 175.

коловъ производилось тогда, повидимому, въ каждомъ значительномъ русскомъ городѣ. Князь Даніилъ галицкій, украшая свой Холмъ въ 1239 г., „колоколы принесе изъ Кыева" [1]: въ городъ же Устюгъ въ 1290 г. присланъ колоколъ *Тюрикъ* изъ города Ростова [2]. Образцами этихъ предметовъ мѣднаго литья продолжали оставаться корсунскіе.

Оловянное дѣло на Руси XIII вѣка уже обобщилось, хотя олово употреблялось, преимущественно, въ сплавахъ съ другими металлами, особенно съ мѣдью. Волынскій лѣтописецъ, изображая красоту церкви, воздвигнутой въ г. Холмѣ княземъ Даніиломъ галицкимъ въ 1239 г., говоритъ, между прочимъ: „вънутрьній же ей помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещашеся яко зерцало" [3]. Игнатій, епископъ ростовскій, въ 1280 г. покрылъ оловомъ соборный храмъ г. Ростова [4])

Свинецъ употреблялся русскими XIII вѣка преимущественно на церковныя кровли. Такъ, напр., въ 1261 г. „поби владыка Новгородьскыи Далмать святую Софью всю свинцемъ" [5]. Изъ свинца же выдѣлывали тогда печати и привѣшивали къ грамотамъ. Вотъ, для примѣра, описаніе такой печати св. Довмонта-Тимофея, князя псковскаго, уцѣлѣвшей при „рядной" Тѣшаты и Якима 1229 г.: печать свинцовая, темносиняго цвѣта, сдѣлана изъ двухъ пластинокъ, сплоченныхъ одна съ другою, какъ сплачиваются таможенныя пломбы, такъ что пеньковая веревка укрѣплена между ними; чеканка вышла очень неловко: съ одной стороны оттиснулось не все, а другая сторона оттиснулась въ два раза. На печати изображенъ ликъ св. Тимоѳея [6]. Другая свинцовая печать, также неясной чеканки, сохранилась при договорной грамотѣ Новгорода съ кн. Ярославомъ 1270 г. [7].

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Россійск. т. IV, прим. 20.
[2]) Тамъ же, прим. 182.
[3]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго, т. IV, прим. 20.
[4]) Тамъ же. прим. 182.
[5]) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 57.
[6]) *Срезневскій:* Рядная запись съ печатью XIII вѣка. См. Зап. Импер. Археолог. Общества. 1851, т. III. Отд. I, стр. 248.
[7]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1813 г., ч. I, стр. 3.

Часть свинца русскіе XIII вѣка получали, вѣроятно, изъ рудниковъ городка Родна, въ нынѣшнемъ быстрицкомъ округѣ, на границѣ Трансильваніи съ Буковиною [1]), и вообще изъ тѣхъ же мѣстъ, откуда приходило и серебро, такъ какъ производство этихъ двухъ металловъ тѣсно связано.

Изъ Трансильваніи шло въ Русь XIII вѣка и желѣзо [2]), независимо отъ ганзейскаго или нѣмецкаго, упоминаемаго подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, кажется, не раньше 1284 г., когда Ахматъ, баскакъ татарскій, наказывая область курскую за разбо ея князей, избивалъ мѣстныхъ бояръ, имъ захваченныхъ: „бяше бо, говоритъ лѣтописецъ, привезено на побоище то много людей, скованы по два въ Нѣмецьскихъ желѣзѣхъ“ [3]). О степени распространенія на Руси въ то бѣдственное время желѣзныхъ издѣлій, по крайней мѣрѣ, боеваго характера, можно судить по слѣдующему лѣтописному факту. Въ 1270 г., когда вел. кн. Ярославъ III двинулъ свои владимірскіе полки на Новгородъ, „и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища (предмѣстье Новгорода), и выидоша весь градъ (Новгородъ) въ оружіи, отъ мало и до велика, къ Городищю“ [4]). Образчикомъ такого оружія русской работы, именно XIII вѣка, можетъ служить булатный шлемъ вел. кн. Ярослава II, отца св. Александра Невскаго, найденный въ 1818 г., въ лѣсу, подъ кочкой, владимірской губерніи, близъ р. Колокши, на мѣстѣ боя суздальцевъ съ новгородцами, и хранящійся въ московской оружейной палатѣ. Шлемъ этотъ древней русской формы, обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами; на верхней части вычеканены образа: Спасителя великомученика Георгія, Василія Великаго и св. Ѳеодора; спереди изображенъ архангелъ Михаилъ, съ чеканной надписью. Образчиками шлемовъ же, употреблявшихся на Руси XIII вѣка, но дѣланныхъ на Востокѣ и приходившихъ въ Русь, такъ назы-

---

1) *Надеждинъ:* Объ этнографич. изученіи народн. русской. См. Записки Русск. географ. общества. 1847 г., кн. II, стр. 85.
2) Тамъ же.
3) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго, т. IV, прим. 167.
4) Новгородская первая лѣтопись, стр. 62.

ваемымъ „залознымъ“ или желѣзнымъпутемъ, вѣроятно черезъ Кавказъ, служатъ два, хранящіеся также въ московской оружейной палатѣ. Первый изъ нихъ вел. кн. Юрія II Всеволодовича, убитаго на р. Сити, и тамъ же найденный, булатный, аварской или юргенской (отсюда ошибочное ерихонской), т. е. грузинской работы, по вѣнцу и тульѣ насѣченный въ узоръ золотыми травами, между которыми арабскія слова; носъ, наушки и затылокъ также булатные, съ золотою же насѣчкой. Другой шлемъ св. Александра Невскаго, краснаго желѣза, юргенской же работы, съ наушками и бармицей, состоящей изъ 7 щитковъ; богато насѣченъ золотомъ, а по изображенію коронъ, и надъ ними крестовъ, принадлежалъ первоначально которому нибудь изъ древнихъ царей Грузіи [1]).

Соль на Руси XIII вѣка, кромѣ вывариваемой въ двинской области, ввозилась Ганзой [2]) и покупалась русскими у генуэзцевъ въ Сурожѣ, нынѣшнемъ Судакѣ таврической губерніи [3]). Обыкновенная цѣна соли, по свидѣтельству иноземца=современника, была, напр., въ 1253 г. полъ-солида, т. е. полъ-червонца греческаго, возъ [4]). Но въ иныхъ случаяхъ, цѣна эта чрезвычайно поднималась и, напримѣръ, въ 1232 г. осажденные псковитяне платили за берковецъ соли по 7 гривенъ серебра [5]).

Монетная система на Руси XIII вѣка, смѣшанная больше, чѣмъ въ вѣка предшествовавшіе, выражается, по крайней мѣрѣ, въ современныхъ письменныхъ памятникахъ, однимъ и тѣмъ же очевиднымъ представленіемъ, что серебро и деньги были тогда синонимы. „А на дѣвцѣ (дѣвкѣ) Якимъ серебро взялъ“, сказано въ упомянутой нами „рядной“ XIII вѣка, и, по смыслу всей „рядной“, это несомнѣнно значитъ: „А за невѣсту Якимъ деньги

---

1) Московская оружейная палата, стр. 230—231.
2) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго, т. III, стр. 126.
3) Тамъ же, стр. 124.
4) *Rubruquis:* Voyages en Tartarie. Recueil de voyages curieux en Tartarie, par Bergeron. Leyde. 1729, t. I, p. 1—5.
5) Новгородск. первая лѣтопись, стр. 48. Тутъ сказано: „быша (псковичи) безъ мира лѣто все, и не пусти князь (Ярославъ) гости къ нимъ и купляху соль по 7 гривьнъ бьрковьскъ“.

взялъ" [1]). Счетъ золоту и серебру велся постоянно *гривнами*, и только изрѣдка, не раньше конца XIII вѣка, на ряду съ гривнами серебра и золота, упоминаются гривны *кунъ*, какъ напримѣръ въ духовной князя Владиміра галицкаго, 1287 г.: „а село есмь купилъ Березовичѣ Урьевича у Давыдовича Ѳодорка, а далъ па немъ 50 гривенъ кунъ" [2]). Въ лѣтописномъ сказаніи о томъ же кн. Владимірѣ, подъ 1288 г.: „молитвенникъ же купилъ въ протопопиное и да на немъ 8 гривенъ кунъ" [3]); наконецъ, въ грамотѣ кн. Мстислава владиміро-волынскаго, 1289 г.: „а на горожанахъ (жителяхъ Бреста взято) 4 гривны кунъ" [4]). До появленія татаръ, на Руси XIII вѣка обращались и деньги ганзейскія — серебряныя монеты, образчики которыхъ найдены лѣтъ сорокъ назадъ въ алексинскомъ уѣздѣ тульской губ. [5]). Съ наложеніемъ ярма татарскаго, властители порабощенной Руси перестали бить свою монету — фактъ, подтверждающійся несуществованіемъ русскихъ монетъ съ 1237 по 1382 г. и объясняемый, по словамъ одного изъ нашихъ нумизматовъ, г. Савельева, тѣмъ, что чеканка монетъ составляетъ на мусульманскомъ востокѣ одно изъ правъ верховной власти; идея эта, вмѣстѣ съ исламизмомъ, должна была проникнуть и въ золотую орду. Подъ монгольскимъ владычествомъ, до временъ Тохтамыша, на Руси не чеканили своей монеты, но обращались въ ней однѣ джучидскія, какъ теперь въ Сербіи, Босніи и Болгаріи обращаются однѣ османскія монеты [6]).

---

[1]) *Срезневскій:* Рядная запись съ печатью XIII вѣка. См. Записки Импера Археолог. Общ. 1851, т. III, отд. 1, стр. 225, т. IV. отд. II, стр. 56.
[2]) Ипатьевск. лѣтопись, стр. 215.
[3]) Тамъ же, стр. 223.
[4]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. II, стр. 8.
[5]) Труды и лѣтописи Общ. исторіи и древн. россійск. 1837, ч. VIII, стр. 164.
[6]) *Савельевъ:* Монеты джучидскія, джагатайскія, джелаиридскія и даругія, обращавшіяся въ золотой ордѣ въ эпоху Тохтамыша. Отдѣлъ I. Екатеринославскій кладъ, См. Записки Императ. Археологическаго Общества. 1858. т. XII, вып. I. стр. 421.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВѢКЪ XIV.

Перемѣщеніе въ распредѣленіи драгоцѣнныхъ металловъ.—Упадокъ византійскаго вліянія.—Вліяніе татаръ на количество драгоцѣнныхъ металловъ и на оружейное производство.—Издѣлія мѣдныя, оловянныя и свинцовыя. — Начало артиллеріи и селитроваренія.—Развитіе солеваренія. — Монетная система; счетъ на рубли и возобновленіе чеканки собственной монеты.

XIV вѣкъ былъ для древней Руси какъ-бы горниломъ, въ которомъ подъ ярмомъ татарскимъ выработывалось ея политическое единство, выразившееся потомъ въ значеніи Москвы, обязанномъ своимъ бытіемъ преимущественно двухъ-вѣковому бѣдствію всей земли русской. Сознавая или нѣтъ въ недалекомъ будущемъ этотъ московскій переломъ своей государственной жизни, Русь XIV вѣка, какъ справедливо замѣтилъ кто-то [1]), жила скромною, неприхотливою жизнію, погруженная въ обрядности вѣры, въ безчисленные раздоры князей, татарскіе и литовскіе набѣги; введя у себя и татарскій кнутъ, и византійское монашество, она медленно подвигалась на пути просвѣщенія и гражданственности. Послѣдней, какова ни была она, почти не давала Руси XIV вѣка и современная ей Греція [2]), сама клонившаяся къ паденію, до того близкому, что даже торговля греческая въ XIV вѣкѣ

---

[1]) *А. Г.* Нѣсколько данныхъ о состояніи Россіи съ половины XIV вѣка до начала XVI вѣка. (Полное собраніе русс. лѣтоп. т. VIII, 1860). См. Современникъ 1860. № 4, отд. III. с. 300.

[2]) *Добровскій:* О вліяніи Греціи на развитіе гражданскаго образованія древней Руси. См. Журн. Минист. Нар. Просв. 1841. № 1. Отд. II, с. 1—20.

прекратилась для Руси, замѣнившись сурожскою или азовскою [1]). Наконецъ, Кіевъ и Новгородъ, эти два жизненные пульса древней Руси, тогда же, въ XIV вѣкѣ, потянули оба въ разныя стороны: Кіевъ сдѣлался добычей Литвы и надолго разъединилъ свои интересы съ русскими. Новгородъ всецѣло ушелъ въ Ганзу и, ратуя противъ началъ, возникавшихъ въ Москвѣ, копилъ капиталы, вымогаемые московскими властителями. При подобныхъ обстоятельствахъ трудно было бы и безъ ярма татарскаго ожидать какого либо процвѣтанія. Такой застой Руси XIV вѣка не отозвался однако на металлическомъ обиходѣ. Обиходъ этотъ продолжалъ существовать своимъ порядкомъ и, если измѣнился противъ прежняго, то относительно. Съ одной стороны—масса благородныхъ металловъ, прежде распредѣлявшаяся все-таки равномѣрнѣе, скоплялась почти исключительно въ кладовыхъ московскихъ властителей и новгородскихъ ганзейцевъ; съ другой—самый типъ металлическихъ издѣлій, уклонившись отъ византійскихъ образцовъ, запечатлѣлся болѣе вліяніемъ азіатскаго Востока.

Степень богатства благородными металлами въ удѣлѣ московскихъ великихъ князей XIV вѣка опредѣляется выдержками изъ ихъ духовныхъ завѣщаній. Иванъ I Даниловичъ Калита, первый великій князь собственно московскій, называемый иными „собирателемъ земли русской", отъѣзжая въ орду на поклонъ къ хану Узбеку, въ 1328 г., сынъ Калиты Иванъ II Ивановичъ въ 1356 г., и великій князь Дмитрій Донской, сынъ и преемникъ Ивана II въ 1389 г. въ своихъ духовныхъ [2]), распредѣляя имущество между родственниками и монастырями, упоминаютъ о различныхъ, большихъ и малыхъ золотыхъ: цѣпяхъ, поясахъ, поясахъ съ калитой, поясахъ татауръ (ременныхъ съ металлическими украшеніями), чашахъ, блюдцахъ, чумахъ, чумичкахъ (отъ татарскаго *джамъ*—уполовникъ или черпакъ съ длинной рукоятью), поясахъ, поясахъ съ капторгами (отъ польскаго *kapturek*—клапанъ), чашкахъ, овкачахъ (сосудъ въ родѣ ковша), обручахъ и

---

[1]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійскаго. т. V. с. 232.
[2]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ ч. I, с. 33—34, 41—43, 61.

ожерельяхъ, обязяхъ, серьгахъ, аламахъ (пристегивающееся ожерелье), сабельныхъ уборахъ, чечакахъ (шишакахъ), стаканахъ царяградскихъ и фряжьскихъ, тузлукахъ (солонкахъ); серебряныхъ: блюдахъ, бадьяхъ, наливкахъ (разливная ложка) и проч. Все это дѣлалось съ жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и „враное" (подъ чернью). Издѣлія подъ чернью, составляющія одну изъ интересныхъ отраслей русскаго искусства, извѣстны стало быть очень давно и заимствованы, очевидно, съ Востока, гдѣ чернь, хотя и худшаго достоинства, всегда была въ модѣ.

Стало быть, иныя драгоцѣнныя издѣлія передавались отъ отца къ сыну, другія пріобрѣтались вновь, на что указываетъ въ своей духовной, 1353 г., и великій князь Симеонъ Ивановичъ (Гордый), который, не перечисляя ни золотыхъ, ни серебряныхъ вещей, имъ оставляемыхъ, говоритъ просто: „золото, чимъ мя благословилъ отець мой, и что буди примыслилъ при своемъ животѣ золота ли, женчугу ли, то все далъ есмь своей княгинѣ" [1]). Большая часть этихъ „примысловъ", работалась руками русскихъ мастеровъ, изъ которыхъ Парамша, Макаръ и Шышка упоминаются въ самомъ текстѣ великокняжескихъ духовныхъ грамотъ. А если вспомнить, что русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Козма въ 1245 г. дѣлалъ золотой тронъ Батыю [2]), то нѣтъ ничего невозможнаго допустить, что и золотая корона золото-ордынскаго хана Джанибека I (1341—1357) хранящаяся въ великогерцогскомъ музеѣ въ Іенѣ [3]),—дѣло рукъ русскихъ мастеровъ XIV вѣка. Этимъ же мастерамъ, а не иноземнымъ, должно приписать и серебряныя вещи, относящіяся завѣдомо къ XIV вѣку, какъ-то: чашу серебряную 1341 г., золоченую, съ чеканною срединой и съ надписью: „Князь Семенъ Ивановичъ", уцѣлѣвшую въ московской оружейной палатѣ [4]); семь братинъ [5]), упоминаемыхъ въ завѣ-

1) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть I, стр. 38.

2) *Языковъ:* Собраніе путешествій къ татарамъ с. 5.

3) Записки Императ. Археологич. Общества. 1851. т. IV. Отд. II, стр. 34. (Перечень засѣданій, второе засѣданіе, 21 февраля).

4) Московская Оружейная палата. Изд. 1860 г. с. 148.

5) Братина—сосудъ, въ видѣ круглаго кубковатаго горшечка, на низкомъ поддонѣ. Братины бывали: ложчатыя, чешуйчатыя, дорожчатыя, грановитыя, гладкія и чеканныя.

щаніи несчастнаго князя Дмитрія Ивановича 1509 года [1]); наконецъ, печати, сохранившіяся при грамотахъ: толстыя псковскія, въ родѣ медалей; потоньше—духовныхъ властей; вызолоченныя—тверскихъ князей, и московскія изъ серебряныхъ и золотыхъ пластинокъ. Особенно же много работали русскіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера XIV вѣка перстней: золотыхъ, гладкихъ, подъ чернью, финифтью, съ каменьями, надписями, изображеніями; серебряныхъ или золоченыхъ вгладь, или только наведенныхъ золотыми травами. Иногда перстни служили и печатями; таковъ, напримѣръ, найденный, лѣтъ около двадцати назадъ, въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ, серебряный, позолоченный перстень, съ вырѣзаннымъ на сердоликѣ изображеніемъ звѣрька, похожаго на звѣрьковъ тверскихъ денегъ, и надписью вокругъ, по характеру буквъ XIV вѣка [2]). Издѣліе колецъ того времени разнообразилось еще болѣе: кольца бывали литыя, обронной работы, чеканныя съ насѣчками, дутыя, витыя изъ золотой или серебряной проволоки, сводныя, у которыхъ концы не спаивались, а только сводились, клѣтчатыя, сквозныя, отворотныя [3]). И, кажется, между всѣми золотыми и серебряными издѣліями на Руси XIV в., по крайней мѣрѣ сохранившимися или описанными, развѣ только нѣкоторые оклады на евангеліяхъ выглядятъ работой греческой.

Значительнѣйшая доля благородныхъ металловъ, и преимущественно серебра не въ издѣліяхъ—прибывала въ казну великихъ князей XIV вѣка поборами съ богатаго Новгорода и пошлинами съ обширныхъ торговъ въ Холопьемъ городкѣ, на рѣкѣ Мологѣ. Поборы съ Новгорода были разнообразны. Еще въ 1305—1308 годахъ, одною изъ договорныхъ грамотъ между Новгородомъ и великимъ кн. Михаиломъ Ярославичемъ, установлено послѣднему „серебро емати“ за Волокомъ, т. е. въ Заволочьѣ, нынѣшнемъ

---

[1]) Собраніе государствен. грамотъ и договоровъ. Ч. I, с, 409—410.

[2]) Записки Импер. Археологич. Общества. 1851. т. IV, отд. II, стр. 86. Перечень засѣданій, пятое засѣданіе, 14 мая.

[3]) *Сахаровъ:* Русскія древности. См. Записки Импер. Археол. Общества. 1851. т. III. Отд. I, с. 67.

олонецкомъ краѣ, тогда области новгородской [1]). Въ 1317 году Новгородъ и тотъ же вел. кн. Михаилъ, послѣ разныхъ недоразумѣній и даже военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, утвердились новымъ договоромъ, по силѣ котораго предоставлено „взяти Князю у Новгорода двѣнадчать ты сячи серебра“ [2]), въ 1332 г. вел. кн. Иванъ Калита, среди глубокаго мира, вдругъ потребовалъ отъ новгородцевъ „серебра Закамьскаго“, приходившаго Новгороду данью съ древней Біарміи, и, въ 1335 г., послѣ ожесточенной войны съ Новгородомъ, получилъ желаемое [3]). Въ 1340 г. вел. кн. Симеонъ взялъ съ одного Торжка 1000 рублей [4]), вѣсомъ каждый въ 1/4 фунта серебра [5]); въ 1386 г. вел. кн. Димитрій Донской, наказывая своевольный Новгородъ, взялъ съ новгородцевъ 8000 рублей, изъ которыхъ на одну двинскую область пришлось по раскладкѣ 5000 рублей [6]).

О тогдашней торговлѣ Холопьяго городка мы имѣемъ преданіе, записанное уже въ XVII вѣкѣ, изъ котораго видно: „на устіи славныя Мологи рѣки древле были торги великіе; даже и до дніи грознаго господаря Василія Васильевича Темнаго (1425—1462).... сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ сбирали и вѣсили.... Серебра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ (или по 70,000 рублей? спрашиваетъ Карамзинъ) и болши собираху въ казну великаго князя, яко же бывшіи тогда въ память свою намъ о семъ повѣдаша, яже отъ отецъ своихъ слышаша. Тогда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ разъѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости“ [7]). Слѣдственно, однихъ торговъ Холопьяго городка, который игралъ тогда очевидно роль Рыбинска, еслибъ даже новгородская торговля съ Ливоніей прервалась больше чѣмъ

---

1) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ. Ч. I, с. 12.
2) Тамъ же, стр. 15.
3) Новгород. перв. лѣтоп., ст. 76.—*Костомаровъ:* Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. С. Петербургъ. 1863. т. I, с. 117—119.
4) Новгород. пер. лѣт., стр. 80.
5) *Карамзинъ:* Исторія госуд. Росс. т. IV. Прим. 250.
6) Новгород. перв. лѣтоп. с. 94.
7) *Карамзинъ:* Исторія госуд. Росс. т. IV. прим. 323.

на 7 лѣтъ, какъ было это съ 1384 по 1391 г. [1]), ставало бы на экстренные расходы московскихъ великихъ князей, изъ которыхъ, напримѣръ, Дмитрій Донской въ 1371 г. нашелъ возможнымъ заплатить за кн. Ивана Михайловича тверскаго ордынскому хану 10,000 руб. долга [2]); а Василій Дмитріевичъ въ 1396 г. не задумался дать Витовту, вел. кн. литовскому, 2,000 руб. окупа за кн. Родислава [3]). Цифры эти говорятъ сами за себя, если вспомнить, что дохода собственно вел. князья московскіе получали не больше 2,500 до 3,200 гривенъ, выключая дань, вносимую ежегодно татарамъ.

Во всякомъ случаѣ, эта дань или „выходъ ордынскій" значительно умаляла массу благородныхъ металловъ, обращавшуюся на Руси XIV вѣка, а набѣги татарскіе, иной разъ, приводили въ совершенное оскудѣніе и великокняжескую казну и сбереженія частныхъ лицъ. Къ такимъ набѣгамъ принадлежитъ, напр., тохтамышевъ въ 1382 г., когда „елико сдѣяша Татаре напастію убытка Руси и княженію великому, говоритъ лѣтописецъ, елико сътвориша протора своимъ ратнымъ нахожденіемъ, колико градовъ поимаша и плѣниша, и колико злата и сребра и всякаго товара взяша.... аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы изчитати, убо, не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысящь рублевъ не иметь числа" [4]). И лѣтописный счетъ этотъ не кажется черезчуръ преувеличеннымъ, уже по тому одному, что татары, вопреки мнѣнію о нихъ большинства нашихъ отечественныхъ историковъ, не были далеко народомъ дикимъ [5]), слѣдовательно, понимали хорошо безцѣльность обладанія страною нищихъ, какою вовсе не была Русь XIV вѣка.

Изъ производствъ, по преимуществу насъ интересующихъ, слѣдуетъ, за золотымъ и серебрянымъ, мѣднолитейное, отрасль

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Россійск. т. V. с. 92.
[2]) Тамъ же. стр. 15.
[3]) Софійская вторая лѣтопись. См. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. т. VI 1853 г. с. 123.
[4]) Новгород. четверт. лѣтопись. с. 90.
[5]) *Эрдманъ:* Предки Чингисхана. См. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. 1843. № 4. Отд. II. с. 19.

котораго, литье колоколовъ, была на Руси XIV вѣка въ большомъ почетѣ и подразумѣвается даже въ льготномъ ярлыкѣ хана Узбека, данномъ около 1313 г. митрополиту св. Петру, гдѣ, между прочимъ, сказано, что татаре предоставляютъ полную свободу всѣмъ мастерствамъ, имѣющимъ отношеніе къ церковному дѣлу. Между колокольными мастерами прославился въ особенности Борисъ или „Бориско“, кажется, уроженецъ римскій [2]), о которомъ встрѣчаемъ лѣтописно такія извѣстія: „того же лѣта (1342) владыка (новгородскій) Василій повелѣ съліяти колоколъ великъ къ святѣй Софіи и приведе мастера съ Москвы, человѣка добра, именемъ Бориса“ [3]); „тогожъ лѣта на Москвѣ слиты быша 3 колоколы болшихъ, да два малыхъ, а лилъ мастеръ Бориско“ [4]). Событіе вылитія колокола считалось до того важнымъ, что даже составители русскихъ надписей къ колоколамъ, отливаемымъ иностранцами, старались увѣковѣчивать свое имя на самомъ колоколѣ, какъ доказываетъ это сохранившійся до сихъ поръ колоколъ соборной Юрьевской церкви въ галицкомъ городѣ Львовѣ (Лембергѣ [5]). Несчастія съ колоколами также заносились въ лѣтопись: „избишася въ Ростовѣ (1305 г.) два колокола великая“ [6]). Однимъ литьемъ колоколовъ мѣдное дѣло на Руси XIV вѣка, разумѣется, не ограничивалось: въ 1336 г. новгородскій архіепископъ Василій „у святой Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ“ [7]); въ 1344 г. тверской епископъ, Ѳедоръ II, сдѣлалъ то же въ тверскомъ Спасопреображенскомъ соборѣ [8]); въ 1399 году св. Сергій радонежскій благословилъ св. Павла, ученика своего, мѣднымъ литымъ крестомъ, который и теперь хранится

---

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ. ч. II. с. 9.

[2]) *Снегиревъ*, вопреки Никоновской лѣтописи,считаетъ этого Бориса русскимъ См. Памятники московской древности. Москва. 1842—1845. с. XI.

[3]) Новгород. перв. лѣтоп., стр. 81.

[4]) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. СПБ. 1793—1794. ч. II, с. 317.

[5]) *Зубрицкій:* Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. Перев. съ польскаго (Водянскаго). Москва. 1845. с. 78.

[6]) Троицкая лѣтопись. См. Полн. сбор. рус. лѣт. т. I. с. 228.

[7]) Новгор. перв. лѣт., стр. 77.

[8]) Русская лѣтопись по Никонову списку. ч, III, с. 181.

въ Павло-обнорскомъ монастырѣ, вологодской губерніи [1]); въ московской синодальной ризницѣ уцѣлѣлъ мѣдный перстень съ голубымъ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ драконъ, — также, вѣроятно, образчикъ русской работы, хотя въ дѣлахъ патріаршаго приказа и значится объ этомъ перстнѣ слѣдующее: „перстень арабской мѣди, данный митрополиту Алексѣю ногайскимъ ханомъ“ [2]). Русскіе XIV вѣка получали мѣдь въ штыкахъ отъ Ганзы, вѣроятно шведскую, черезъ Новгородъ; ввозилась она нѣмцами по Западной Двинѣ. Въ торговомъ договорѣ Полоцка съ Ригой, около 1380 г., установлено „вѣсчаго“ брать съ мѣди „отъ бѣрковьска заоушня“ [3]) — монету, значеніе которой еще не выяснено. Были ли тогда какіе нибудь поиски мѣдной руды на р. Печорѣ, свѣдѣній нѣтъ, хотя печорскій край давно уже находился въ распоряженіи властителей московскихъ.

Оловянное дѣло на Руси XIV вѣка ограничивалось изготовленіемъ листовъ для храмовыхъ кровлей и отливкой церковныхъ сосудовъ — потировъ, дискосовъ, звѣздъ, копій, лжицъ и блюдцевъ, полный комплектъ которыхъ сохранился, наприм., въ церкви села Савинова, въ 6 вер. отъ г. Казани [4]). Олово, какъ и мѣдь, получалось тогда англійское отъ Ганзы, черезъ Новгородъ, и изъ Риги Западной Двиной, а также доставлялось, быть можетъ, на прибрежья Волги сибирскими инородцами [5]). Торговля волжская, несмотря на покореніе Болгаріи татарами (1236 г.), продолжала еще процвѣтать и въ XIV вѣкѣ, но затруднялась буйствомъ новгородскихъ „ушкуйниковъ“ (пиратовъ), которые, напр., въ 1375 г. взяли Кострому, захватили множество народа

---

[1]) *Ратшинъ:* Полное историческое собраніе свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ Россіи. Москва. 1852. с. 64.

[2]) *Савва,* архимандритъ: Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки. Москва. 1858 г., стр. 109.

[3]) *Напіэрскій:* Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. С. Петербургъ. 1857 года, Актъ № VII.

[4]) Записки для обозрѣнія русскихъ древностей. См. Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Импер. Археол. Общества. 1851. т. I. с. 46.

[5]) *Эверсъ:* Предварительныя критическія изслѣдованія для россійской исторіи. Перев. съ нѣмецкаго (Погодина). Москва. 1825. ч. I, с. 160.

въ Нижнемъ-Новгородѣ и продали этихъ плѣнниковъ въ Болгарахъ [1]). Ибнъ-Батута, знаменитый арабскій путешественникъ, посѣтивъ въ 1324 г. татарскій городъ Сарай на Волгѣ, видѣлъ тутъ купцовъ различныхъ національностей, въ томъ числѣ русскихъ и грековъ [2]).

Тѣмъ же волжскимъ путемъ получался на Руси XIV вѣка свинецъ, привозившійся, кромѣ того, ганзейцами въ Новгородъ. Употребленіе свинца оставалось прежнее: „того же лѣта (1333) владыка (новгородскій) Василій святую Софѣю сторону свинцемъ поби“ [3]); „въ лѣто 6849 (1341) архіепископъ новгородскій Василій покры святую Софію свинцемъ, что была погорѣла“ [4]); „того же лѣта (1345) поновлена бысть церкви святыи Георгіи: покровенъ бысть новымъ свинцемъ, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, промысломъ Божіимъ, поспѣшеніемъ святаго мученика Христова Георгія, замышленіемъ архимандрита Іосифа“ [5]). Печати XIV вѣка, по крайней мѣрѣ новгородскія, у князя Александра (1326), владыкъ, посадниковъ, тысяцкихъ и всѣхъ пяти концовъ Новгорода—были свинцовыя. На первой имя — *Олександръ* вырѣзано въ обратномъ порядкѣ [6]); другія съ надписями: *Юрьева печать Ивановича*, *Степанова печать* и проч. [7]). У всѣхъ новгородскихъ купчихъ XIV вѣка привѣшены также свинцовыя печати [8]).

Желѣзное дѣло на Руси XIV вѣка, сравнительно съ прежнимъ, расширилось. Кромѣ древней устюжинской, открыта промышленными новгородцами новая разработка желѣзной руды — въ Неноксѣ, на берегахъ Бѣлаго моря. Указаніе на эту разработку явствуетъ изъ новгородской купчей неизвѣстнаго года, но XIV

---

1) Новгородская третья лѣтопись. См. Полный сбор. русс. лѣтописей. т. III (1841 г.). с. 231.
2) Voyages d'Jbn-Batoutah. Paris 1854. p. 11. 440.
3) Новгород. перв. лѣтоп., с. 76.
4) Тамъ же, стр. 80.
5) Тамъ же, стр. 82.
6) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 20.
7) Тамъ же, стр. 22.
8) Акты юридическіе. Изданіе Археограф. коммисіи. 1838 г., № 71.

вѣка: „се купи.... два сугреба желѣза, въ Ненокси; а купи собѣ одерень (безповоротно) и своимъ дѣтемъ" [1]).

Матеріала для русскаго желѣзнаго мастерства, восполнявшаго главнымъ образомъ потребности народныя, прибавилось. Да и самое мастерство это въ теченіе XIV вѣка значительно улучшилось отъ вліянія татарскаго, которое, расширивъ русское вооруженіе того времени, сообщило предметамъ его лучшую степень отдѣлки. Такъ русскій воинъ XIV вѣка уже усвоилъ себѣ, вмѣстѣ съ названіями, слѣдующія татарскія вооруженія: а) оборонительныя: *куякъ* или *хуякъ* — доспѣхъ изъ круглыхъ или четвероугольныхъ металлическихъ пластинокъ или бляхъ, набранныхъ на сукнѣ, бархатѣ и т. п.; *бахтерецъ* или *бехтерецъ*—родъ кольчуги, имѣющей на боковой, на грудной и спинной частяхъ, вмѣсто колецъ, по нѣсколько рядовъ металлическихъ дощечекъ; *тегиляй* — доспѣхъ съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, толсто подбитый хлопчатой бумагой или пенькой; б) наступательныя: *джидъ* — метательное копье; *сайдакъ*, *сагодакъ* или *соадакъ* — полный приборъ для стрѣлянія, т. е. лукъ съ токтуемъ (чахломъ) и стрѣлы съ колчаномъ. „Говорятъ, пишетъ одинъ изъ нашихъ оріенталистовъ, что русскіе, признавъ превосходство монгольскаго вооруженія, заимствовали его у нихъ для побѣжденія врага его же оружіемъ. Кажется, къ этому можно прибавить еще другія причины заимствованія. Извѣстно, что побѣжденные народы обязывались выставлять монголамъ войско, для ихъ походовъ, а потому и русскіе нерѣдко должны были участвовать въ ихъ войнахъ междоусобныхъ или внѣшнихъ. Тутъ не только русскіе знакомились ближе съ вооруженіемъ побѣдителей, но и послѣдніе сами могли требовать, чтобы русскіе воины вооружались какъ слѣдуетъ, ибо Чингисханъ въ своемъ „Ясакѣ" установилъ относительно вооруженія извѣстныя правила, которыя потомками строго соблюдались. Наконецъ, жалованье и дары, по

---

[1]) *Казанскій:* Изслѣд. о древн. русск. монетн. сист., стр. 153—156.—Акты юридическіе. Изд. 1838. № 71. III, стр. 110.

восточному обычаю, оружіями со стороны хана и его вельможъ не мало распространили между русскими монгольское вооруженіе“ [1]).

Образчиками улучшенной русской работы XIV вѣка по части оружія могутъ служить металлическія издѣлія, найденныя въ 1848 году, новгородской губерніи, въ селѣ Велебицахъ, близъ псковскаго шоссе: 1) двѣ кольчуги желѣзныя, сдѣланныя въ видѣ русской рубахи съ косымъ воротомъ, одна вѣсомъ въ 14, другая въ 18 фун.; первая имѣетъ внизу спереди и сзади прорѣхи и стоячій воротникъ, стягивавшійся продернутыми сквозь кольца тесьмами; другая кольчуга замѣчательна по желѣзному кресту, прикрѣпленному къ вороту, который застегивался, повидимому, проволокой; 2) стальной шлемъ, подобный находимымъ и на Куликовомъ полѣ, съ сѣткой изъ желѣзныхъ колецъ, закрывающей спереди глаза (длины 2 вер.), и сзади затылокъ (длин. 4 вер.); 3) стальной нагрудникъ полированный, вѣсомъ въ 8 фун., съ полукруглыми выемами у шеи и около плечъ [2]). Ганзейскіе нѣмцы, не смотря на положительныя запрещенія, напр., Биргера, короля шведскаго, въ 1295 г., ввозить въ русскую землю желѣзо и сталь, продолжали, въ свою очередь, снабжать торговцевъ новгородскихъ не одними только иголками любскими; а потому и старинный поэтъ, воспѣвшій мамаево побоище, имѣлъ право включить въ свое твореніе такое мѣсто: „И говоритъ Князь Владимеръ Анъдрѣевичь (храбрый): Господине Князь Димитреі Ивановичь (Донской), воеводы оу пасъ велми крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченые колантыри (брони) и булатныя байданы (плоскокольчатый доспѣхъ), и колчары фряйскія, кордылятцкіе сулицы немецкіе, щиты черленыя, копья злаченыя, сабли

---

[1]) *Дорджа-Банзаровъ:* О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. См. Записки С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматич. Общества. 1850, т. II, стр. 357.

[2]) *Савельевъ:* Старинные доспѣхи, найденные въ сопкахъ новгородской губерніи. См. Записки Импер. Археолог. Общества. 1851, т. IV, отд. II, стр. 13—15.

булатныя....“ [1]). Ганзейцы въ особенности показали себя тѣмъ, что первые познакомили Русь XIV вѣка съ артиллерійскими орудіями. Это случилось въ 1389 г., послѣднемъ княженія и жизни Дмитрія Донскаго. Тогда, по сказанію Голицынской лѣтописи, бывшей въ рукахъ Карамзина, „вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣлбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“ [2]).

Солевареніе на Руси XIV вѣка, особенно сѣверо-восточной, также развивалось. Старѣйшимъ по времени было двинское. Такъ, какой-то Иванъ Даниловичъ, безъ сомнѣнія новгородецъ, въ неизвѣстномъ году XIV вѣка „купилъ у владыки у Иванна, и у архимандрита у Варлаама, и у игумена у Василія, и у всего стада Святаго Спаса, Ондріевъ участокъ, за Волокомъ (печерскимъ), села и земли и лѣсы и воду, и ловища, и *соляные мѣста*...“ [3]). Правительство, разумѣется, не оставило извлечь отсюда свои выгоды, и въ уставной двинской грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича, 1398 г., между прочимъ, сказано: „А гостю двинскому гостити въ людьяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Юстюзѣ помѣстникомъ два пуза [4]) соли, а съ воза двѣ бѣлки (серебряныя монеты), а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи два пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а на лодіяхъ или возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстницы устюжскіе и вологодскіе ихъ не уимаютъ“ [5]). Въ новгородской землѣ соль добывалась издавна въ Старой Русѣ, да еще варили соль новгородцы близъ Торжка, какъ доказываетъ это позднѣйшая (1437 г.) данная великому князя Василію Васильевичу Темному на черной боръ (дань съ крестьянъ) въ новоторжскихъ во-

---

[1]) Софроній, попъ рязанскій XV вѣка: Сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго. См. Русск. Зритель. 1829. №№ XVII, XVIII, XIX и XX, стр. 27—28.

[2]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Россійск., т. V, примѣч. 136.

[3]) Акты юридическіе. 1838. № 71. XXVI.

[4]) Въ нынѣшнемъ говорѣ архангельцевъ *пузомъ* называется мѣшокъ соли въ 2 четверика.

[5]) Акты Археографической экспедиціи, т. I, № 13.

лостяхъ *по старинѣ*: „лодья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи“ [1]). Вообще же попытки солеваренія производились въ новгородской землѣ нерѣдко, что объясняется изобиліемъ соляныхъ источниковъ на сѣверѣ Россіи. Вотъ, для примѣра, извѣстіе объ одномъ изъ опытовъ солеваренія, сохранившееся на бумажномъ пришивкѣ къ пергаменной закладной, безъ года, но XIV вѣка: „А што есть на бору колодезь солоной, отъ а колодязь Өедору и Лаврентѣю и Обросиму истьцистити, да и цѣрѣнъ наставити, да пытати варить по досугу; а будетъ въ росоли провъ, а иметъ быти, дасть Богъ, сольино Өедору у Обросима и у Лаврентѣя и до сроку своихъ бунъ взяти...“ [2]). Пробовали варить соль и псковичи, именно въ 1364 г.; но это имъ, понятно, не удалось, о чемъ лѣтописецъ повѣствуетъ такъ: „поставиша двѣ варници на Рухѣ, и начаша соль варити; и то не сбыстся, и повергоша“ [3]). Кромѣ того, уже во времена Ивана Калиты славилась соль Галича костромскаго, за то и купленнаго „собирателемъ земли русской“, какъ это видно изъ позднѣйшей духовной его правнука, князя Юрія Дмитріевича галичскаго, который въ 1434 г. писалъ: „А чѣмъ мя благословилъ отецъ мой великій князь Галичемъ, *дѣди своего куплею* и азъ благословляю сына своего Димитрія меньшаго (Краснаго) городомъ Галичемъ и съ странами городскими, и со всѣми волостями, и солью съ варницами и съ серебромъ, что на людяхъ, опричь церковныхъ варницъ“ [4]). Церковныя варницы въ удѣлѣ юріевомъ были, потому что еще отецъ Юрія, Дмитрій Донской, далъ московскому Симонову монастырю, какъ значится въ кормовой симоновской книгѣ 1643 г., „воды на Волгѣ, да у соли галической колодязи соляные, да варницы“ [5]); а одинъ изъ частныхъ владѣльцевъ и позже Донскаго, въ 1391 г., пріобщилъ къ галичскимъ солеварамъ Троице-Сергіевъ монастырь

[1]) Акты Археографической экспедиціи, т. I, № 32.
[2]) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. 1864, т. II, стр 3—4.
[3]) Псковская вторая лѣтопись. См. Полный сборн. русск. лѣтоп., т. V (1851), стр. 15.
[4]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 106.
[5]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Россійск., т. V, примѣч. 122.

въ данной которому онъ написалъ: „се азъ Семенъ Θедоровичь, далъ есмь св. Троици и старцю Сергѣю и игумену Никону зъ братьею половину своее варници и половину колодязя, что у соли у Галицкіе, что на подолцѣ, что варилъ мой соловарь на мене, со всими тѣми пошлинами“ [1]). Соль галичская считалась тогда важной статьей государственнаго дохода, такъ что Дмитрій Донской духовною грамотою, 1389 г., предоставилъ своей вдовѣ-княгинѣ „у князя Юрья изъ Галича соль“ [2]). Наконецъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можно предположить не безъ вѣроятности, что вываркой соли до XIV вѣка занимались еще въ Нерехтѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ и Городцѣ-Волжскомъ (нижегородской губ., балахнинскаго уѣзда), о которомъ въ духовной князя Владиміра Андреевича Храбраго, 1410 г., читаемъ „а соль на городцѣ дѣти мои князь Семенъ, князь Ярославъ вѣдаютъ съ одиного, а дѣлятъ себѣ на полы, оприснь Θедоровьские (монастырской) варницы, а иной не въступается никто въ городецьские варници, безъ повелѣнія дѣтей моихъ“ [3]). Самое производство соли шло очень просто: въ мѣстахъ, гдѣ показывались признаки богатыхъ соляныхъ разсоловъ, рыли колодцы, собирали разсолъ, ставили поддѣ большіе желѣзные котлы или *солги* и такія же сковороды или *црѣны* и получали соль выпариваніемъ; потому на соляныхъ варницахъ существовали дровяные сараи [4]). Составляя предметъ внутренней торговли и сбыта изъ одной русской области въ другую, русская соль не могла однако удовлетворять потребностямъ всей Руси XIV вѣка, которая, поэтому, добывала самосадочную соль куплей и мѣной изъ Сурожа по рѣкѣ Дону, изъ Астрахани по р. Волгѣ, наконецъ, вь случаѣ нужды, изъ Ганзы, постановившей даже въ своихъ договорахъ съ русскими „соль вѣсити упудный рѣмѣнь“ [5]). При такомъ развѣши-

---

1) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. 1857, т. I, стр. 441.
2) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 59.
3) Тамъ же, стр. 79.
4) *Аристовъ*: Промышленность древней Руси, стр. 73.
5) *Напіэрскій*: Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западн. Россіи съ Ригою и ганзейск. городами. Актъ. № VII.

ваніи у ганзейцевъ и русскихъ случались ссоры, какъ объясняется это выдержкой изъ грамоты рижанъ къ витебскому князю Михаилу Константиновичу, писанной около 1300 г. [1]).

Ганза же доставляла и сѣру [2]), въ которой, конечно должны были нуждаться русскіе XIV вѣка, ознакомленные съ стрѣльбою изъ „арматовъ"—такою, „qu'il semblait que tous les diables d'enfer fussent en chemin", говоритъ французъ Фруассаръ (Froissart, 1332—1410), современникъ первыхъ артиллерійскихъ орудій въ Европѣ.

О селитряномъ дѣлѣ на Руси нѣтъ никакихъ извѣстій до самаго XVI вѣка, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе XIV вѣка, стрѣляя изъ своихъ „арматовъ", знали порохъ.

Монетное дѣло на Руси XIV вѣка измѣнилось существенно. Воображаемыя *гривны* уступили мѣсто вещественнымъ *рублямъ*, первые образцы которыхъ, числомъ 2,000, были даны княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ тверскимъ вл. кн. Юрію Даниловичу московскому въ 1321 году. [3]). Рубли эти были куски серебра, самаго чистаго, въ видѣ прута или бруска, длинной вершка въ полтора, и толщиной въ палецъ, вѣсомъ же безъ малаго 24 золотника. И такъ какъ у подобныхъ рублей одинъ конецъ былъ всегда толще другого, то при раздробленіи каждаго рубля на части, между собой возможно равноцѣнныя, его распиливали чаще начетверо не поперекъ, но вдоль, и эти-то отрѣзки именовались (едва ли отъ слова полоть) *полтинами*—названіе, встрѣчающееся исторически не раньше 1384 г., когда, для пополненія „выхода ордынскаго" Тохтамышу, взимали съ каждой деревни полтину [4]). Съ теченіемъ времени, рубли и, слѣдовательно, полтины измѣнялись въ вѣсѣ, который въ Новгородѣ, Кіевѣ, Москвѣ и Владимірѣ былъ вообще различенъ. Наглядное понятіе о древнѣйшихъ рубляхъ и полтинахъ можетъ дать содержаніе клада, открытаго 16 мая 1821 г. въ Новгородѣ. Тутъ, близъ Звѣрина мона-

[1]) *Аристовъ:* Промышленн. древней Руси, стр. 265.
[2]) Тамъ же, стр. 204.
[3]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійск., т. IV, стр. 121.
[4]) Тамъ же, т. V, прим. 103.

стыря, въ городовомъ валу, найдено больше пуда серебряныхъ брусковъ призматико-пирамидальной фигуры, съ закругленными концами, величины неодинаковой: одни длиной въ 4 дюйма и 6—8 линій, вѣсомъ отъ $44^{3}/_{4}$ до 46 золотн. (рубли); другіе длиной въ 2 дюйма 4 линіи, вѣсомъ отъ $21^{1}/_{2}$ до 23 золотн. (полтины); проба серебра была во всѣхъ 93-я; нѣкоторые изъ этихъ брусковъ заклеймены ликами святыхъ, съ вѣнцами вокругъ головы; другіе носятъ на себѣ изображенія какихъ-то птицъ и животныхъ; иные вовсе безъ клеймъ [1]). Московскіе рубли, въ исходѣ XIV вѣка, начали дробиться на *деньги*, быть можетъ, отъ соотвѣтственнаго рублевому разсѣченія полтинъ, но уже не вдоль, а поперекъ; по крайней мѣрѣ, первыя серебряныя деньги, не выходящія раньше 1384 г., представляютъ и форму, и вѣсъ неодинаковые. Деньги эти, самыя тяжелыя изъ всѣхъ, чеканившихся на Руси позже, но подъ тѣмъ же наименованіемъ, не были монетой чисто русской, но скорѣе русско-татарской, потому что онѣ, при изображеніи русской велико-княжеской печати съ именемъ на лицевой сторонѣ, имѣли золото-ордынскую тамгу, съ арабскимъ надписаніемъ имени Тохтамыша, на оборотной—знакъ подданства ханамъ, которое, разумѣется, несъ еще Дмитрій Донской, когда онъ, неизвѣстно по какому побужденію, началъ бить собственную монету [2]). И битье это, судя по отчетливой правильности арабской надписи на серебряныхъ деньгахъ Донскаго, сравнительно съ позднѣйшими московскими, производилось скорѣе въ самомъ Сараѣ, столицѣ золото-ордынской, гдѣ существовалъ тогда монетный дворъ, о слѣдахъ котораго очевидецъ, изслѣдовавшій археологически мѣстность сарайскую, пишетъ, что между обгорѣлыми бревнами и золою находились часто монеты, но преимущественно отрываемы онѣ были около одного каменнаго зданія, которое можно почесть за монетный дворъ, потому что тутъ попадались какъ самыя формы для чеканки монетъ и другія желѣзныя, чу-

---

[1]) Исторія княжества псковскаго. Кіевъ. 1831, ч. I, стр. 68.

[2]) *Савельевъ:* Монеты джучидскія, джагатайскія, джелаиридскія и друг., обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша. См. Записки Импер. Археологич. Общ. 1858, т. XII, вып. I, стр. 142.

гутныя и глиняныя формы, такъ и плавильные горшки съ остатками въ нихъ металла. Плавильные горшки находимы были еще и въ горнахъ, и между глиняными чанами, имѣвшими до $3^{1}/_{2}$ саж. въ окружности [1]).

Какъ бы то ни было, русско-татарскія серебряныя деньги Димитрія Донскаго и его сына, Василія, вѣсящія отъ 12 до 24 долей чистаго металла, слѣдовательно, равняющіяся по цѣнности $2^{611}/_{972}$—$5^{185}/_{243}$ нынѣшнимъ копѣйкамъ серебромъ, составляли $^{1}/_{50}$ тогдашней полтины и $^{1}/_{100}$ тогдашняго рубля, который такимъ образомъ цѣнился соотвѣтственно стоимости денегъ [2]). На ряду съ этими рублями, полтинами и деньгами, но еще въ большемъ количествѣ, ходили между русскими людьми XIV вѣка серебряныя монеты прямо татарскія, джучидскаго чекана, относительная цѣнность которыхъ можетъ быть выведена изъ слѣдующаго факта. Орловской губерніи, елецкаго округа, однодворецъ Илья Ивановъ нашелъ въ землѣ (1848 г.) 436 древнихъ серебряныхъ монетъ татарскаго чекана, по разсмотрѣніи коихъ историко-филологическое отдѣленіе императорской академіи наукъ нашло, что онѣ принадлежатъ преимущественно ко временамъ хановъ золотой орды XIV вѣка нашего счисленія и соразмѣрно цѣнности металла стоятъ, съ надбавкою 25%, 75 рублей серебромъ [3]). Единицами счетными, но не монетами вещественными, на Руси XIV вѣка были: *алтынъ*, равный 6 серебрянымъ деньгамъ, и *грошъ*, равный 4 серебрянымъ деньгамъ, хотя Карамзинъ, основываясь на сочиненіи Энгеля: „Geschichte von Halitsch“ согласенъ думать, что въ Галиціи (нынѣшней) еще около 1355 г. ходили такъ называемые русскіе гроши Grossi Ruthenicales [4]). Названіе *алтынъ* встрѣчаемъ не раньше 1368 г., когда великій князь Димитрій и его двоюродный братъ Владиміръ въ своей договорной грамотѣ

---

1) *Терещенко:* Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая. См. Записки С.-Петерб. Археол.-Нумизмат. Общества. 1850, т. II, стр. 374.
2) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Росс. до конца XVIII стол. стр. 704—712.
3) Извѣстія о находкахъ монетъ и друг. древностей въ Россіи. См. Записки С.-Петерб. Археолог.-Нумизмат. Общества. 1850, т. II, стр. 426.
4) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійск., т. V, примѣч. 135.

съ княземъ Михаиломъ тверскимъ, между прочимъ, писали: „А почнуть твои искати передъ насъ, или наши передъ тебе, или передъ наши намѣстници, или передъ волостели (начальники волостей), хоженого (видъ пошлины) въ городѣ алтынъ, а на правду (судъ) два“ [1]). Мѣдною монетою на Руси XIV вѣка, повидимому единственною, была *пула*, извѣстная русскимъ еще при отцѣ Дмитрія Донскаго, великомъ князѣ Иванѣ II (1353—1359). Объясняя происхожденіе названія *пула*—татарскимъ, Карамзинъ со словъ Герберштейна принимаетъ, что въ московской серебряной деньгѣ считалось 60 пулъ [2]). Это не совсѣмъ оправдывается указаніемъ одного изъ рукописныхъ алфавитовъ или словотолкователей XVII вѣка, гдѣ подъ словомъ *пуло* объяснено: „пуло величеством і образом скопейку, дѣлано ис красной мѣди и чеканъ денежной, а продавали их по 10 за серебряную денгу; а нынѣ въ московском государствѣ их не дѣлають“ [3]). Быть можетъ, вѣрнѣе другой доводъ Карамзина, что это имя (пула) сохранилось въ названіи *полушки*. Нѣкоторые, иронически добавляетъ онъ, производили имя *денегъ* отъ *дня*, а *полушки* отъ *половины ушка* [4]).

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 48.
[2]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійск., т. V, примѣч. 135.
[3]) *Востоковъ:* Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея. С.-Петербургъ. 1836. № II, стр. 5.
[4]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Россійск., т. V, примѣч. 135.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВѢКЪ XV.

Вліянія московское и западное. — Серебряное и золотое производства. — Замѣчательнѣйшія издѣлія изъ благородныхъ металловъ, ихъ недостатки.—Начало поисковъ рудъ мѣдныхъ и серебряныхъ.—Выписка иностранныхъ мастеровъ.—Пушечное, колокольное и паникадильное производства. - Оловянныя и свинцовыя издѣлія.—Желѣзное производство.—Солевареніе и торговля солью.—Сѣра.—Монетная система.

XV вѣкомъ государственная жизнь древней Руси порѣшила съ устарѣлыми преданіями удѣльно-вѣчеваго періода и всецѣло сосредоточилась въ Москвѣ. Татарское, ярмо слабѣя съ каждымъ годомъ, оставалось, наконецъ, формою безъ содержанія, и сброшено было безъ особыхъ усилій Иваномъ III, даровитымъ преемникомъ своихъ терпѣливыхъ предшественниковъ. Московскіе планы Калиты, заявленные блистательно Донскимъ на Куликовомъ полѣ, исполнились еще блистательнѣе правнукомъ Донскаго. Русь и Москва стали синонимами. Мало того, Русь XV вѣка, „Московія" на языкѣ европейцевъ, сама начинала принимать европейскую цивилизацію и мало по малу отодвигаться отъ Востока. Это переходное состояніе проникая собою все, какъ нѣкогда введеніе христіанства, не могло не отразиться и на русскихъ искусствахъ, изъ которыхъ металлическое увлеклось новымъ вѣяніемъ, едва ли не скорѣе, чѣмъ всѣ другія. Говоримъ скорѣе на томъ основаніи, что металлическія издѣлія, по самой надобности въ нихъ всѣмъ и каждому, требовались и расходились преимущественно передъ прочими, и съ тѣмъ вмѣстѣ, подчиняясь есте-

ственному закону прогресса, необходимо испытывали на себѣ вліяніе новизны.

Русскіе металлическихъ дѣлъ мастера XV вѣка въ сферѣ своей спеціальности, конечно, видѣли, что на Руси, имъ современной, металлическія произведенія древняго византійскаго типа, оказавшіяся дѣйствительно послѣдними, являются рѣже и рѣже, между тѣмъ какъ такія же издѣлія иного, но не менѣе самобытнаго, стиля западной Европы положительно водворяются въ Москвѣ. За переимчивостью, свойственной русскому характеру, дѣло стать не могло, и Русь XV вѣка не только имѣла, но и производила сама всѣ тѣ металлическія издѣлія, какія существовали тогда въ Европѣ [1]). А такъ какъ изъ Европы XV вѣка, стоявшей между крестовыми походами и реформаціей, пахнуло на тогдашнюю Русь стремленіями преимущественно промышленными, то и въ лѣтописяхъ современныхъ, напр. Ивану III, находимъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ извѣстія такого рода: „Тое жь зимы (1491) пріиде изъ Рима на Москву братъ Великія Княгини Соовіи именемъ Андрей, сынъ Ѳоминъ, деспота (владѣтеля) Амарейскаго; да съ нимъ вмѣстѣ пріидоша послы Великаго Князя Дмитрей да Мануйло, Ивановы дѣти Ралева, приведоша съ собою лекаря мастера Леона жидовина изъ Виницей (Венеціи) и иныхъ мастеровъ Фрясъ (генуэзцевъ) стѣнныхъ и полатныхъ, *пушечныхъ и серебряныхъ*... Того жь лѣта... посланъ на Печеру *руды искать* Нѣмецъ Иванъ, да Викторъ; а с ними посланъ Андрей Петровъ, да Василей Ивановъ сынъ, Болкинъ“ [2]). Оставляя до времени этотъ древнѣйшій фактъ русской горной промышленности въ прямомъ смыслѣ, фактъ, къ сожалѣнію, не имѣвшій послѣдствій, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ, посмотримъ — насколько былъ приготовленъ къ нему русскій металлическій обиходъ столѣтія, занятаго непрерывно правительствованіями сына, внука и правнука Дмитрія Донскаго.

---

[1]) *Сахаровъ*: Обозрѣніе Русской Археологіи. См. Записки отдѣл. рус. и слав. архе логіи Импер. Археол. Общ. 1851 г. т. I, стр. 3—80.

[2]) Книга глаголемая лѣтописецъ Ѳеодора Кириловича Наръмантъскаго. См. Временникъ Импер. Общества истор. и древн. росс. 1850. кн. 5. Матеріалы II, стр. 8.

Золота на Руси XV вѣка поуменьшилось; оно заключалось преимущественно въ издѣліяхъ и сосредоточивалось въ имуществѣ великокняжескомъ. Издѣлія эти или пріобрѣтались куплей, или работались въ самой Москвѣ. Вел. кн. Василій, сынъ Донскаго, въ проектѣ духовной 1406 г., уже отказывалъ сыну своему Ивану (†1417, при жизни отца) между прочими вещами, „поясъ золотъ съ каменьемъ, што есмь самъ сковалъ" [1]). Русской же работой московскаго дѣла можно считать золотые перстни вел. кн. Василія Васильевича Темнаго (1425—1462), дошедшіе наслѣдственно къ царю Алексѣю Михайловичу и при немъ внесенные подъ такимъ названіемъ въ опись царскаго имущества [2]). Мода на золотые перстни была особенно развита въ XV вѣкѣ, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ: княгиня Ульяна волоцкая въ 1503 г. отказала внукѣ своей 17 золотыхъ перстней [3]); въ духовной князя Ивана волоцкаго, 1504 г., находимъ: „напалокъ золотъ да перстень съ перелефтью (халцедономъ) золотъ, да перстень съ чевцомъ (?), да перстень съ яхтомъ (sic), да два перстня золоты... да перстень съ перелефтью" [4]); въ духовной князя-узника Дмитрія Ивановича (1509 г.) помѣщено: „двадцать три жиковины (перстня) женскихъ золоты.... да четырнадцать жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ, и съ берюзами и съ жемчушки, и съ перелифтми, и съ плохимъ каменьемъ" [5]). Княжеское имущество въ золотѣ, разумѣется, не ограничивалось перстнями, и въ духовной вел. кн. Василія Темнаго, 1462 г., видимъ перечисленіе крестовъ, шапки, бармы, сердоличной коробки, большаго пояса съ камнями и т. п. [6]). Не бѣднѣе великихъ князей московскихъ имуществомъ въ золотѣ были и князья удѣльные, что видно изъ духовныхъ завѣщаній. Удѣльный князь, Андрей меньшій Васильевичъ, братъ Ивана III, владѣвшій Во-

---

1) Собраніе госуд. грам. и договор. ч. I, стр. 73.
2) *Сахаровъ:* Русскія древности. См. Записки Императ. Археолог. Общества. 1851 г. III, отд. I, стр. 71—73.
3) Собраніе госуд. грам. и договор. ч. I, стр. 339.
4) Тамъ же, стр. 342.
5) Собраніе госуд. грам. и договор. ч. I, стр. 406.
6) Тамъ же, стр. 206.

логдой, Кубеной, Заозерьемъ и Тарусой, въ своей духовной 1481 года, писалъ, что изъ принадлежащихъ ему золотыхъ вещей находится въ закладѣ: у одного кредитора въ 250 рубляхъ, „чепь золотая, да поясъ золотъ, да ковшъ золотъ"; у другаго въ 350 рубляхъ, „чепь золота медвѣдки, да чепь золота малая, да два ковша золоты, да чарка золота...." [1]).

Иванъ III еще въ 1469 г. билъ на Москвѣ золотыя медали, такъ называемыя „московки", для награжденія ими разныхъ подвиговъ, причемъ назначаемыя воеводамъ дѣлались большія, съ изображеніемъ лица государева [2]). Въ 1490 г. Иванъ III уже одаривалъ золотыми вещами иностранцевъ. При отпускѣ посла (имп. Максимиліана I) Юрья Делатора, великій князь подарилъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, шпоры серебряныя золоченыя и проч. [3]). Въ 1497 г. по повелѣнію Ивана III изготовлена въ Москвѣ золотая медаль, серебряный снимокъ которой, хранящійся въ монетномъ отдѣленіи Эрмитажа, представляетъ: изображеніе св. Николая чудотворца въ святительскомъ облаченіи, правой рукой благословляющаго, а въ лѣвой держащаго книгу съ иконами — на правой сторонѣ Спасителя, на лѣвой Богоматери, и съ надписью: *икойвел* (вмѣсто великой) *Дрсоиго* (вмѣсто Госоударь) ЗЕ *ле* (т. е. 7005 лѣта) *створилъ единъ талеръ златъ и сълилъ златъ и подирова кнегини* (вмѣсто княжнѣ) *свои Тодосіа* (Ѳедосья, дочь Ивана III) [4]). При дворѣ Ивана III, на Москвѣ, изготовлялись и другія золотыя вещи. Во время пребыванія въ этомъ городѣ, въ 1476 г., Контарини отыскалъ одного золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Трифона, катарскаго уроженца, работавшаго прекрасные сосуды для великаго князя [5]). Какіе именно были сосуды, видѣнные Контарини, неизвѣстно, но

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ ч. I, стр. 271.
[2]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. VI, стр. 16, т. VIII, пр. 397.
[3]) Памятники дипломат. сношеній древ. Россіи съ держ. иностр. СПБ. 1851 г. ч. I, стр. 34.
[4]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Россійск. т. VI, стр. 140 и пр. 361.
[5]) *Контарини*: Путешествіе къ знаменитому персидскому государю Узунъ-Гассану., Переводъ съ итальянск. См. Библіотека иностранн. писателей о Россіи 1836 г. т. I, стр.108.

изъ золотыхъ вещей этого рода, принадлежавшихъ завѣдомо Ивану III и сохранившихся до нашего времени, извѣстны „два рога пятьихъ“, турьихъ, оправленыхъ сканымъ золотомъ съ яхонтами, бирюзой и зелеными стеклами [1]). Изъ золотыхъ же церковныхъ сосудовъ XV вѣка уцѣлѣли: въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ потиръ гладкій, простой работы, съ рѣзнымъ деисусомъ, въ окруженіи двухъ ангеловъ и херувима и надписью [2]); въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ—потиръ, устроенный св. Евфиміемъ (II), архіепископомъ новгородскимъ въ 1446 году [3]) и проч.

Серебряное дѣло на Руси XV вѣка было уже обычнымъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый въ 1410 г. завѣщалъ женѣ своей „княгинѣ Оленѣ“, въ числѣ сбора разныхъ пошлинъ, и *серебряное литье* [4]), т. е. пошлину, платимую въ казну серебряниками [5]), которые, слѣдовательно, составляли тогда особую корпорацію. Въ Новгородѣ корпорація серебренниковъ имѣла даже политическое значеніе и могла возбуждать народныя смуты, какъ это видно изъ лѣтописнаго разсказа подъ 1447 г.: „Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебрянаго Өедора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача сочити: „на кого еси лилъ рубли?“ онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша (въ Волховъ), а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ, и преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Өедора начаша безъправдивыи бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився, рече: „на всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братіею ливци“; тогда бѣ весь градъ въ сѣтовании мнозѣ, а голодники и ябедники и посулники радовахуся, токмо бы на кого выговорилъ; и того самого смерти предаша,

1) Московская оружейная палата 1860 г. стр. 151.
2) Снегиревъ: Памятники московской древности. 1842—1845 г. стр. 91.
3) Путеводитель по Новгороду, съ указаніемъ на его церковныя древности и святыни. С. Петербургъ. 1862 г. стр. 10.
4) Собраніе госуд. грам. и догов. ч. I, стр. 75.
5) Карамзинъ: Исторія госуд. Росс. т. V, прил. 210.

и животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятежь великъ, и оттолѣ и самъ Сокира разболѣся и умре“ [1]). Изъ новгородскихъ серебрениковъ XV вѣка извѣстны: Константинъ или Костя и Фролъ Братиловъ, сработавшіе два серебряные кратира (братины) въ новгородскій Софійскій соборъ [2]), и Иванъ Арипъ, одна изъ работъ котораго, хранящаяся въ томъ же Софійскомъ соборѣ, описана архимандритомъ Аполлосомъ [3]). Серебреникамъ же Новгорода принадлежитъ работа цѣлой группы, которая поднесена въ числѣ прочихъ даровъ Ѳеофиломъ, архіепископомъ новгородскимъ, великому кн. Ивану III въ 1478 г. и значится въ описи 1663 г. такъ: „бочка хрусталная, во влагалищѣ черномъ, оправлена серебромъ чеканнымъ; дуга серебряна чеканная, середи дуги, на кругу, два камешка червчаты, на нихъ рѣзь; по верхъ бочки, на кровлѣ, сидитъ мужикъ, изъ кубка въ достоканъ [4]) цедитъ питіе; по сторонамъ у бочки люди литые и чеканные; на ободихъ и на обручахъ 14 изумрудовъ въ гнѣздехъ, да три зерна жемчужные, а трехъ зеренъ нѣтъ; подъ бочкою, вмѣсто стояльца, четыре звѣря, литые крылатые, личины человѣчьи на дву дощечкахъ...“ [5]).

Изъ московскихъ серебрениковъ XV вѣка извѣстны: Иванъ Ѳоминъ (1448) и Прокопій Макаровъ (1475). Памятникомъ искусства Ѳомина остается донынѣ въ ризницѣ Троице-Сергіевой лавры потиръ желтаго мрамора, обложенный золотомъ, съ золотымъ поддономъ и надписью, сдѣланный въ 1448 г. [6]). Старѣйшимъ произведеніемъ московскихъ серебрениковъ XV вѣка должно

---

[1]) Новгород. четвер. лѣтоп. стр. 126.

[2]) Древности Россійскаго Государства. Москва. 1849—1853 г. Отд. I, №№ 44 и 45.

[3]) *Аполлосъ*, архимандритъ: Описаніе новгородскаго Софійскаго собора. Москва 1847, стр. 23.

[4]) Достоканы—средней величины стаканы, иногда съ рукояткой, съ разложистыми круглыми или угольчатыми краями, на ножкахъ и маленькихъ поддонахъ.

[5]) „Въ настоящее время, гласитъ новѣйшее описаніе этой оригинальной вещи, въ ней 13 изумрудовъ, 3 жемчужины (половинчатыхъ) и въ ручкѣ два сердолика; на хрусталѣ, съ рѣзьбою виноградныхъ кистей, трещины; на втулкѣ литое изображеніе Бахуса; по бокамъ чеканены: Венера, ѣдущая на голубяхъ, и вакханаліи. Бочка лежитъ обручами на крылатыхъ сфинксахъ; въ подножіи оси для колесъ, которыхъ недостаетъ“. См. Московская оружейная палата. 1860 г. стр. 150.

[6]) Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. Москва. 1852 г., стр. 43.

считать кадило преподобнаго Никона, сподвижника св. Сергія,— серебряное, золоченое, вѣсомъ въ два фунта, съ надписью, 1405 года [1]). Замѣчательный образчикъ московскаго серебрянаго дѣла XV вѣка представляетъ также кадило, хранящееся въ ризницѣ Николаевскаго-Пѣшношскаго монастыря,—золоченое, вѣсомъ 2½ фунта, описываемое такъ: „сверху четвероконечной крестъ, къ которому придѣлана цѣпочка, а отъ нея вверхъ ручка; подъ крестомъ яблоко, подъ нимъ продолговатая шейка, отъ оной внизъ рѣзная ложчатая съ отверстіями крышка, раздѣленная на 9 частей, и въ каждой части придѣлано 8 отливныхъ кіотцевъ съ изображеніями лицъ нѣкоторыхъ святыхъ, кои нарѣзаны такъ мелко, что съ трудомъ можно разобрать; передъ именами ихъ начертаны по гречески слова αγν (αγιος) святый". На нижней половинѣ кадила надпись; кадило сдѣлано въ 1468 году [2]). Но капитальнѣйшимъ произведеніемъ московскихъ серебрениковъ XV вѣка остаются принадлежащіе московскому Успенскому собору два *сіона*, или *іерусалима*, ковчеги, въ видѣ модели зданія православнаго храма, ставившіеся при соборномъ служеніи на престолъ и выносимые на маломъ выходѣ, также въ крестныхъ хожденіяхъ. Эти ковчеги, говоритъ описатель ихъ, изображаютъ церковь: одну о пяти верхахъ, круглую, а другую одноглавую, квадратную. Первый, названный въ соборной описи 1616 г. *сіономъ большимъ*, вышиною 1 арш. 5 верш., шириною 11 вер.; между колоннъ его помѣщены вычеканенные рельефы XII апостоловъ, съ надписаніемъ ихъ именъ; а наверху, въ закомарахъ, изображенія четырехъ пророковъ, окруженныя крылатыми звѣрями и травами. Глава, покрытая чеканною чешуей, имѣетъ вкругъ себя двѣ главки позднѣйшей работы, но двухъ не достаетъ. Та половина, на коей изображенъ св. апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукахъ, служитъ дверкою въ храмъ; на оборотѣ ея вырѣзана надпись, изъ которой видно, что ковчегъ сдѣланъ въ 1486 году. Вѣсомъ эта

---

[1]) Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. Москва. 1852. стр. 37.
[2]) Историческое описаніе мужескаго общежительнаго монастыря святаго чудотворца Николая, что на Пѣшношѣ. Москва. 1866 г. стр. 90.

утварь 1 пуд. 11 фун. 7 золотн. Другой іерусалимъ или *сіонъ малый* изображаетъ одноглавую церковь; вѣсомъ онъ 11 фун. 7 золотн., сдѣланъ въ томъ же году [1]). Въ домашнемъ быту князей XV вѣка серебро играло важную роль. Князь Иванъ волоцкой, племянникъ Ивана III, въ своей духовной 1504 г. перечисляетъ много серебряныхъ блюдъ, мисъ, уксусницъ, перечницъ, солонокъ, чарокъ, ложекъ, ковшей, кубковъ, роговъ, достокановъ, сковородъ, рукомойниковъ [2]). Еще большее количество серебра въ дѣлѣ имѣлъ и оставилъ князь-узникъ Дмитрій Ивановичъ, несчастный внукъ Ивана III; въ его духовной 1509 г. упоминается еще о серебряныхъ золоченыхъ суднахъ, тарелькахъ, горчичникахъ, ставцахъ [3]), братинахъ, мушормахъ [4]), черпальцахъ и подсвѣчникахъ [5]). Кубокъ „куръ", или, по старымъ описямъ оружейной палаты, „пѣтухъ серебренъ былъ, голова и зобъ и крылѣ и хвостъ и ноги золочены, правой ноги почти нѣтъ", одинъ изъ 20-ти кубковъ, принадлежавшихъ князю-узнику, уцѣлѣлъ до сихъ поръ [6]). Этотъ „куръ" работанъ, повидимому, иностранными серебрениками, которыхъ въ одномъ 1490 г. вызвано въ Москву четверо: Альбертъ изъ Любека, Карлъ изъ Милана, Петръ Райкъ, грекъ, изъ Венеціи и Христофоръ изъ Рима [7]).

Потребность въ серебряныхъ издѣліяхъ на Руси XV вѣка была такова, что знатные люди того времени имѣли своихъ серебрениковъ, напр., князья Голицыны Куземку Плотникова [8]). Это, быть можетъ, зависѣло отъ того, что художественный вкусъ, начинавшій уже развиваться, по крайней мѣрѣ въ высшемъ слоѣ,

---

[1]) *Снегиревъ:* Памятники московской древности, стр. 37—38.
[2]) Собран. госуд. грам. и договор. ч. I, стр. 342.
[3]) Ставецъ—родъ чаши, съ кровлей (крышкой).
[4]) Мушорма—сосудъ съ носкомъ и рукоятью, видомъ до того походившій на ендову, что характеристическое различіе между ними уловить трудно.
[5]) Собраніе госуд. грам. и догов. ч. I, стр. 405—411.
[6]) Московская Оружейная палата. 1860 г. стр. 149.
[7]) Лѣтописецъ, содержащій Россійскую исторію отъ 6714 (1206) по 7042 (1534) лѣто. Москва. 1784 г. стр. 316.
[8]) Списокъ съ подлинной духовной грамоты князя Ивана Юрьевича Голицына около 1500 года. См. Древняя Россійская Вивліоѳика (Новикова). Москва 1791 год часть XVII стр. 397.

искалъ удовлетворенія и пробовалъ свои силы на серебрѣ, металлѣ благородномъ, но, разумѣется, цѣнномъ менѣе золота. Принимая тогдашнюю стоимость фунта серебра въ 5 рублей съ двумя гривнами [1]), находимъ, напримѣръ, что въ 1495 г. „послано къ зятю къ великому князю Олександру на свадьбу къ вѣнчанью крестъ золотъ... а вѣсу въономъ полгривенки ($^1/_4$ фун.) безъ дву золотниковъ, полтринадцать ($12^1/_2$) рублевъ“ [2]), т. е. 22 золотника золота цѣнились дороже фунта серебра, которое, слѣдовательно, было почти въ 11 разъ дешевле фунта золота. Съ другой стороны заказчики золотой или серебряной работы русскимъ мастерамъ XV вѣка не могли не видѣть, что русское металлическое дѣло вообще—*литое, чеканное, басменное, рѣзное, сканное*—тогда, подъ вліяніемъ западныхъ мастеровъ, значительно улучшилось. Съ этого времени, какъ полагаетъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей [3]), оно получаетъ болѣе чистоты и отчетливости въ отдѣлкѣ; самый рисунокъ, по которому исполнялись металлическія издѣлія, становится правильнѣе, хотя вообще нужно замѣтить, что всѣ русскіе памятники съ начала и даже до конца XVII столѣтія показываютъ, что русскіе мастера были всегда плохими рисовальщиками и зависѣли отъ *знаменьщиковъ* или собственно рисовальщиковъ, иконописцевъ, по рисункамъ или по *знаменкъ* которыхъ они большею частью и исполняли свои произведенія. Умѣнье рисовать и умѣнье обработывать металлъ едва ли когда нибудь соединялись у насъ въ одномъ человѣкѣ, какъ же почти всегда случалось у западныхъ художниковъ. Оттого во [illegible] произведеніяхъ, гдѣ касалось изображенія человѣческихъ [illegible] или какихъ либо животныхъ, даже крупныхъ плодовъ, [illegible] и т. п., русское мастерство отличалось всегда грубыми, [illegible] очерками и такими же формами. Это вполнѣ за[illegible] отъ плохого рисунка, что могутъ свидѣтельствовать всѣ

[illegible]: Исторія Госуд. Росс. т. IV, прим. 250.

[illegible] великія княжны Елены Ивановны, дочери государя великаго князя [illegible], всея Россіи сомодержца, въ супружество за великаго князя [illegible]аго. (1495). См. Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XIV, стр. 2.

[illegible] О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII вѣка, стр.

литыя и чеканныя человѣческія и другія фигуры русскихъ памятниковъ. Поэтому русское чеканное дѣло, несмотря на чистоту и отчетливость, пріобрѣтенную отъ западныхъ мастеровъ, никогда не могло возвыситься до той смѣлости и красоты въ исполненіи, которыя составляютъ почти обыкновенную принадлежность западныхъ произведеній. Всѣ наши чеканные сосуды, напр.: ковши, братины, чарки и проч., по несмѣлой мелкотравной работѣ, никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ подобными же произведеніями итальянцевъ и нѣмцевъ, хранящимися во множествѣ въ оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Но если крупныя фигуры, изображенія людей, животныхъ, плодовъ и проч. не удавались русскимъ мастерамъ за отсутствіемъ, во-первыхъ, правильнаго рисунка, а потомъ вообще за недостаткомъ вкуса въ исполненіи даже и неправильныхъ фигуръ, то съ другой стороны русское мастерство съ особеннымъ успѣхомъ оканчивало всѣ произведенія, украшаемыя мелкими травами и еще мельчайшими узорами въ восточномъ стилѣ. Это можно видѣть на многихъ чеканныхъ и рѣзныхъ окладахъ иконъ и на разныхъ другихъ вещахъ, находящихся въ казенныхъ и частныхъ хранилищахъ. Прогрессъ русскаго металлическаго мастерства XV вѣка замѣчается еще и въ принятіи нѣмецаго способа наводки финифти на металлъ, вмѣсто прежняго наложенія, подобно греческому „финипту". Доступнѣйшими образчиками русскаго финифтеваго дѣла XV вѣка служатъ хранящіеся въ московской оружейной палатѣ, золотыя цѣпи, или перевязь великихъ князей Василія Темнаго и Ивана III и золотой крестъ въ жемчугахъ, съ сафиромъ по срединѣ, на которомъ вырѣзано изображеніе Распятаго.

На Руси XV вѣка благородныхъ металловъ было немало, но они по прежнему почти исключительно скоплялись въ Новгородѣ и Москвѣ, а потомъ, съ паденіемъ Новгорода, въ одной Москвѣ. Отношенія Новгорода XV вѣка къ современной ему Москвѣ видны, напримѣръ, изъ того, что въ 1456 г. великій князь Василій Васильевичъ взялъ съ Новгорода „полдесяты ($9^1/_2$)

тысячи сребра" [1]); въ 1471 г., августа 9, великій князь Иванъ Васильевичъ *за новгородскую проступку* получилъ „полушестьинадцати ($15^{1}/_{2}$) тысячи рублевъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ" [2]); наконецъ, въ 1478 г., эпоху уничтоженія свободы новгородской, Иванъ III, если вѣрить повѣствованію иноземца, вывезъ изъ Новгорода триста фуръ, насыпанныхъ серебромъ и золотомъ [3]), причемъ на долю одного Өеофила, владыки новгородскаго, выпало поднести отъ своего лица государю московскому: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ въ 9 фун., вызолоченую кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ $31^{1}/_{2}$ фун., панагію, обложенную золотомъ и жемчугами; струѳово (страусовое) яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, бочку хрустальную (о которой говорено выше); серебряную мису въ 6 фун. и 400 корабельниковъ, равняющихся каждый двумъ червонцамъ [4]). Кромѣ Новгорода, источниками прибыли благородныхъ металловъ въ московскую казну XV вѣка были: прежній торгъ въ Холопьемъ городкѣ на Мологѣ и зауральская югра, обложенная данью съ 1483 г., когда владѣтели югорскіе и кодскіе, поневолѣ присягая побѣдоносной Москвѣ, какъ-бы прозрѣвая будущее значеніе Уральскаго хребта для Руси, *пили воду съ золота* [5]). Югорской данью вознаграждалось для Москвы исчезновеніе (неизвѣстно куда, но именно въ XV вѣкѣ) [6]) „серебра за-Камскаго", если не считать эти названія синонимами. Развитіе торговли съ западной Европой, доставлявшей въ Русь XV вѣка разными путями серебро въ слиткахъ и сученое золото [7]), облегчило Ивану III намѣреніе разорить ганзейскій торгъ въ Новгородѣ, выполненное имъ въ 1496 году [8]). Серебро ганзейское не уходило тогда изъ рукъ Ивана III,

---

[1]) Новгород. вторая лѣтоп. стр. 141.
[2]) Акты Археологич. экспед. т. I, № 90.
[3]) *Кобенцель*: Письмо о Россіи XVI в. Переводъ съ итальян. (Домбровскаго). См. Журналъ Минист. Народн. Просв. 1842 г. № 9. Отд. II, стр. 149.
[4]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. VI, стр. 80.
[5]) Тамъ же, прим. 461.
[6]) Тамъ же, стр. 140.
[7]) Тамъ же, т. VII, стр. 123.
[8]) Тамъ же, т. VI, стр. 165.

потому что, благодаря оживленной торговлѣ съ Литвой и Польшей, онъ легко могъ получать его и черезъ Полоцкъ, въ договорѣ котораго съ Ригой, еще 1407 г. говорилось о серебрѣ [1]).

Наконецъ, въ собственныхъ владѣніяхъ Ивана III были уже открыты золотыя и серебряныя руды, но гдѣ именно, *неизвѣстно*; были и начала обработки этихъ рудъ, хотя неудачныя; однако раньше перваго, всѣмъ извѣстнаго историческаго, открытія печорскихъ серебряныхъ мѣсторожденій на р. Цыльмѣ, въ 1491 г. Еще за три года до этого событія, при отпускѣ изъ Москвы посла венгерскаго, держана къ нему на прощанье оффиціальная рѣчь въ такихъ выраженіяхъ: „Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити, чтобы еси отъ насъ молвилъ нашему брату Матіошу (Матвѣю I Корвину) Королю, чтобы намъ дружбу свою учинилъ, прислалъ бы къ намъ мастеровъ... которой руду знаетъ, золотую и серебреную, да которой бы руду умѣлъ и раздѣлити съ землею, занже *въ моей землѣ руда золотая* и *серебреная есть, да не умѣютъ ее раздѣлити съ землею.* Да прислалъ бы къ намъ серебреныхъ мастеровъ, которые умѣютъ суды серебряные хорошіе дѣлати, великіе и малые... А что будетъ нашему брату Матіашу Королю у насъ надобѣ въ нашихъ земляхъ, и мы того своему брату не боронимъ“ [2]). Это было въ 1488 г., а спустя еще годъ Иванъ III въ наказной „памяти“ Юрію Траханіоту и Ивану Халепѣ, ѣхавшимъ послами къ Фредерику III, императору германскому, повелѣвалъ: „добывати имъ Великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебреную, да другова мастера, который умѣетъ отъ земли раздѣлити золото и серебро; и добудетъ Юрій такихъ мастеровъ, и ему ихъ выпросити; которые будутъ и иные съ ними мастеры, надобѣ на то дѣло, ино и тѣхъ мастеровъ съ ними взяти; а рядити тѣхъ мастеровъ Юрію, чтобы поѣхали къ Великому Князю на наемъ, по колку имъ на мѣсяцъ давати за все про все. А дано на тѣ мастеры Юрію, чѣмъ ихъ до Великаго Князя допровадити, два сорока соболей,

---

[1]) Акты Археолог. экспед. т. I, № 16.
[2]) Памятники диплом. снош. древ. Россіи съ державъ. иностранн. т. I, стр. 165.

да три тысячи бѣлки“ [1]). Чѣмъ кончилось порученіе Траханіота, неизвѣстно. Черезъ два года, въ 1491 г., великій князь Иванъ послалъ на Печору искать руды „Ивана до Виктора, а съ ними послалъ Андрюшку Петрова, да Василья, Иванова сына, Болтина, да грека Мануйла, Ларіева сына. Тою же осени возвратились они съ Печоры и заявили Великому князю, что нашли „руду мѣдную по р. Шилмѣ (Цыльмѣ) [2]), не доходя Космы рѣки [3]) за полдни пути, и отъ Печеры рѣки за 7 дней“ [4]). Пояснивъ, что рудоискатели эти отправились изъ Москвы 26 марта, нашли руду 8 августа и возвратились къ великому князю 20 октября 1491 г., Карамзинъ приводитъ и другое лѣтописное же извѣстіе, что въ 1492 году „отпустилъ Князь Великій Мануила, Иларіева сына, грека, да съ нимъ своихъ дѣтей боярскихъ, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробьина, да Ондрюшку Петрова съ мастеры, изъ Италіи, серебра дѣлати и мѣди на рѣкѣ на Цылмѣ, а рабочихъ съ ними, чтобы руду копать, съ Устюга 60 человѣкъ, съ Двины 100, съ Пинеги 80; а Пермичь и Вымичь и Вычегжанъ и Усоличь 100“ [5]). И хотя вслѣдъ за тѣмъ, Карамзинъ разсказываетъ, что это важное открытіе (рудъ) сдѣлало государю величайшее удовольствіе, и что съ того времени мы начали сами добывать, и выплавлять металлы и чеканить монету изъ своего серебра [6]), но не сообщаетъ откуда почерпнулъ онъ эти извѣстія. А потому, признавая за вел. кн. Иваномъ III честь первоначальныхъ попытокъ водворенія горнаго дѣла въ Россіи, слѣдуетъ пока оставаться въ прежнемъ невѣдѣніи на счетъ бли-

---

[1]) Памятники диплом. снош. древн. Россіи съ держав. иностранн., т. I, стр. 19.

[2]) Цыльма — судоходная рѣка, въ 500 вер. длины, впадающая въ Печору слѣва. Истоки ея въ Тиманскомъ камнѣ, недалеко отъ Ямъ озера. Выше устья Космы, она въ порогахъ. Берега Цыльмы покрыты богатымъ лиственичнымъ боромъ.

[3]) Косма—второй притокъ слѣва Цыльмы, въ 110 вер. ниже устья послѣдней въ Печору. Косма, рѣка большая и судоходная, беретъ свое начало изъ нѣсколькихъ озеръ въ Тиманскомъ хребтѣ, а потомъ соединяется съ рукавомъ, выходящимъ изъ озера Космы.

[4]) Лѣтописецъ Двинской. См. Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Император. Московскомъ Университетѣ. 1774 г. ч. I, стр. 122.

[5]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. VI, прим. 360.

[6]) Тамъ же, стр. 140.

жайшихъ послѣдствій этихъ попытокъ, до сихъ поръ еще ничѣмъ не выясненныхъ.

Мѣдное дѣло на Руси XV в. не могло отставать отъ другихъ металлическихъ производствъ уже потому, что пріобрѣло новую для себя отрасль въ литьѣ артиллерійскихъ орудій. Литье это началось въ Москвѣ не раньше 1479 г., т. е. спустя 90 лѣтъ по привозѣ на Русь первыхъ „арматовъ", и производилось по образцамъ болонскимъ, подъ наблюденіемъ знаменитаго въ то время Аристотеля Фіорованти, „мастера муроля, кой ставитъ церкви и палаты... такоже и пушечникъ нарочитъ" [1]), „хитрости ради его Аристотелемъ зваху его" [2]). Найденный въ Венеціи Семеномъ Толбузинымъ, посломъ Ивана III, Аристотель, по сказанію лѣтописи, „хитрость" ему показалъ тѣмъ, что предложилъ „блюдо оси мѣдяно, да на четырехъ яблокахъ мѣдяныхъ, на немъ судно яко умывалница оловянное, да нача лити изъ него изъ одного воду, и вино, и медъ, его же хотяше—то будетъ" [3]). Въ изумленіи отъ такого дива и по слухамъ, что „пушечникъ оной нарочитъ, лити ихъ и бити изъ нихъ, и колоколы и ино все лити хитръ вельми" [4]), Толбузинъ рѣшился пригласить Аристотеля въ службу къ великому князю московскому. Явясь съ сыномъ Андреемъ и ученикомъ Петрушею, въ Москву въ 1474 г., на условіи получать ежемѣсячно десять рублей (т. е. около 2 фунт. серебра), Фіорованти приступилъ немедленно къ отстройкѣ московскаго Успенскаго собора, по окончаніи которой, въ 1479 году, занялся литьемъ орудій, для чего въ Москвѣ, у трехъ мостовъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ Кремля въ Китай-городъ, заведена была особая пушечная изба, сгорѣвшая въ 1488 г. [5]). Правила, которыми руководился Фіорованти, какъ литейщикъ, опредѣлить мудрено, благодаря таинственности, по суевѣрію или

---

[1]) Софійская первая лѣтопись. См. Полный сборникъ русскихъ лѣтописей, т. VI, (1853), стр. 32.

[2]) Софійская вторая лѣтоп. Тамъ же, стр. 199.

[3]) Тамъ же.

[4]) Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. С.-Петербургъ. 1860—1862 г. т. III, статья *Альберти Фіорованти*.

[5]) *Снегиревъ*: Памятники москов. древн. стр. 331.

обычаю, окружавшей всѣ производства мастеровъ того времени. Можно полагать однако, что Фіорованти отливалъ каморы и каналы орудій порознь, изъ чугуна или бронзы, на желѣзныхъ стержняхъ, сглаживая внутреннюю поверхность частей сверлами и связывая потомъ обѣ части [1]). Образчикомъ такого литья служитъ хранящаяся въ с.-петербургскомъ арсеналѣ мѣдная, безъ цапфъ и дельфиновъ, но съ фризами на дулѣ и тарели, пищаль 2 ф. калибра, длиною въ 1 арш. 15 вершк.; вѣсомъ 4 пуд. 26 фунт., съ надписью (вязью), считающею сбивчиво 1485 годъ *тридцатымъ* княженія Ивана III (1462—1505), и сохранившею имя мастера „Яковъ". Этотъ же „Яковъ" не фрязинъ, выѣхавшій въ Москву только въ 1490 г., о чемъ скажемъ ниже, отливалъ орудія, подобныя описанной пищали, и раньше 1485 г. 13 описи смоленскаго настѣннаго „наряда" (артиллеріи) 1677 г., показано его же работы мѣдное орудіе, длиною $2^1/_2$ арш., вѣсомъ 16 пуд., сдѣланное въ 1482 г. [2]). Къ сожалѣнію, неизвѣстно, куда дѣвалось это орудіе, превосходящее стариною пищаль с.-петербургскаго арсенала, древнѣйшее изъ русскихъ артиллерійскихъ орудій, къ намъ дошедшихъ. Дѣлу рукъ того же Якова принадлежитъ и тюфякъ [3]), означенный въ описи кіевскаго наряда 1677 г. слѣдующимъ образомъ: „Да у тѣхъ же воротъ (Золотыхъ) тюфякъ мѣдной, мѣрою 2 арш. безъ полушеста ($5^1/_2$) вершка" [4]). Вскорѣ послѣ похода Ивана III въ 1485 г. на Тверь, гдѣ Фіорованти начальствовалъ всей артиллеріей, состоявшей изъ пищалей, пушекъ, тюфяковъ, гафуницъ (гаубицъ) и ор-

---

[1]) *Деккеръ:* Исторія артиллеріи. Переводъ съ нѣмецкаго (Маркевича). С.-Петербургъ. 1833 г., стр. 56.

[2]) Дополненія къ актамъ историческимъ, собран. и изданнымъ Археографическою Коммисіею, т. V, (1853). № 51, стр. 304.

[3]) Тюфякъ, отъ турецкаго *tüfenk*, ружье,—огнестрѣльное орудіе небольшаго калибра, отдѣлывавшееся иногда съ большою роскошью. Такъ наприм., въ описяхъ 1687 г. обозначена «пара тюфяковъ, кароткихъ винтовальныхъ Тимофѣева дѣла Лученинова, стволы рѣзные посеребрены, на концѣ по орлу и пояски золочены; замки англинское дѣло разные золочены и серебряны; станки яблоновыя почернены, а въ нихъ врѣзываны раковины прорѣзныя; противъ раковинъ разводы и гвоздье серебряны, по концамъ у станковъ и трубки у забойниковъ серебряны разные золочены, ольстры бархатъ цвѣтной по желтой землѣ окладено кружевомъ серебрянымъ». См. Москов. Оруж. Пал. Изд. 1844 г. стр. 53.

[4]) Дополн. къ Акт. истор. т. VII, (1859) № 28, стр. 166.

гановъ [1]) московскаго литья, явился въ Москву третій орудійный мастеръ, венеціанецъ Павелъ Дебосисъ, отлившій въ 1488 г., такъ называвшуюся царь-пушку [2]), не ту однако, которая составляетъ теперь одно изъ московскихъ чудесъ. Но трехъ артиллерійскихъ литейщиковъ не было еще достаточно дѣятельному Ивану III, и въ томъ же 1488 г., отпуская венгерскаго посла, онъ наказывалъ ему просить короля, Матвѣя I Корвина, ради дружбы, прислать мастеровъ пушечниковъ, которые бы умѣли пушки лить, изъ нихъ стрѣлять и города осаждать [3]). Такое же порученіе дано въ 1489 г. Юрію Траханіоту, послу Ивана III къ Фредерику III, императору германскому [4]). Неизвѣстно, „на наемъ“, или „на жалованье“, но не долѣе какъ въ 1490 году, между разными художниками, вызванными изъ Рима, прибылъ въ Москву и „пушечный мастеръ Яковъ съ женой“ [5]), писавшійся, вѣроятно въ отличіе отъ перваго Якова, Фрязинымъ и отлившій много орудій. Въ 1494 г. выѣхалъ въ Москву пятый литейщикъ—иноземецъ, Петръ-Антоній, изъ Милана [6]), и его выѣздомъ заключаются свѣдѣнія о пушечно-литейномъ дѣлѣ при Иванѣ III, который, положивъ истинное начало этому производству въ Россіи, оставилъ его въ рукахъ итальянскихъ мастеровъ [7]).

Колокольное производство на Руси XV в. велось по прежнему, съ увѣковѣченіемъ именъ мастеровъ; извѣстно, наприм., что новгородецъ Иванъ, съ пасынкомъ своимъ Дмитрокомъ, въ княженіе Василія Темнаго, вылили колоколъ церкви Вознесенія, бывшей въ Новгородѣ, на Прусской улицѣ [8]). При Иванѣ III

---

[1]) Органы — огнестрѣльныя орудія малаго калибра, по нѣскольку на одномъ станкѣ.

[2]) *Карамзинъ*: Ист. Госуд. Росс. т. VI, стр. 50, т. X, стр. 8.

[3]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, стр. 165.

[4]) Тамъ же, стр. 19.

[5]) Лѣтописецъ, содержащій Россійскую Исторію отъ 6714 (1206) по 7042 (1534) лѣто. Москва. 1784 г. стр. 316.

[6]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Рос. т. VI, прим. 104.

[7]) „Артиллерія и артиллеристы Руси до-Петровской“, М. Хмырова. Артиллерійскій журналъ. 1865 г. № 9.

[8]) *Сахаровъ*: Обозрѣніе русской археологіи. См. Записки отдѣл. русской и славянской археологіи Импер. Археологическаго Общества. 1851, т. I, стр. 33.

литьемъ колоколовъ занимался и Аристотель Фіорованти [1]). Тогда же продолжало существовать литье на манеръ корсунскаго, если такъ должно понимать легенду лѣтописца, что въ Новгородѣ, передъ паденіемъ его свободы, „у святаго Спаса на Хутыни въ монастырѣ корсунскіе колоколы сами о себѣ зазвониша" [2]). Особую отрасль тогдашняго мѣднаго дѣла составляло мастерство паникадильное, къ образцамъ котораго, уцѣлѣвшимъ донынѣ, должно отнести паникадила: въ церкви великомученика Никиты, на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ [3]), и въ церкви села Грузина, новгородскаго уѣзда, найденное въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія въ крестецкомъ уѣздѣ, новгородской губерніи, на погостѣ Папорошный-островъ [4]). Мѣдь, быть можетъ, добывалась тогда и самими русскими, но главнымъ образомъ получалась она изъ государствъ западной Европы [5]).

Прямыхъ указаній на русское оловянное дѣло въ XV вѣкѣ пока не найдено. Но представителями его остаются, служебные сосуды въ Савиновишерскомъ монастырѣ, приписываемые преданіемъ самому Саввѣ преподобному (умеръ въ 1461 году), да еще сохранившіеся кое-гдѣ по церквамъ вислые, на цѣпяхъ, рукомойники, о двухъ льягахъ (рыльцахъ) [6]). Олово привозилось также изъ западной Европы, вѣроятно, черезъ Полоцкъ, въ договорѣ котораго съ Ригой, между предметами, подлежавшими взиманію вѣсчаго „отъ берковьска заоушня", значится и олово [7]).

Производство свинцовыхъ издѣлій на Руси XV в. существовало едва ли не исключительно въ Москвѣ, какъ даетъ поводъ думать слѣдующій разсказъ лѣтописца подъ 1420 г.: „Въ лѣто 6928, Псковичи наяша мастеровъ Өедора и дружину его побивати церковь святая Троицы свинцомъ, новыми досками; и не

[1]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. VI стр. 50.
[2]) Новгородская третья лѣтопись. См. Полн. сборн. русс. лѣтоп. т. III, стр. 241.
[3]) Путеводитель по Новгороду. 1862 г. стр. 30.
[4]) Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1837 г. ч. VIII, стр. 97.—С.-Петербургскія Вѣдомости 1858 г. № 228.
[5]) *Аристовъ*: Промышленность древней Руси. стр. 204.
[6]) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей, стр. 52.
[7]) *Напіэрскій*: Грамоты, касающіяся до сношен. сѣв.-зап. Россіи съ Ригой и ганзейскими городами. Актъ № VII.

обрѣтоша псковичи такова мастера въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ, кому лити свинчатыи доски; а къ нѣмцамъ слаша въ Юрьевъ (Дерптъ) и поганіи не даша мастера; и пріѣха мастеръ изъ Москвы, отъ Фотѣя митрополита, и научи Ѳедора мастера святыя Троицы, а самъ отъѣха на Москву; и тако до году побита бысть церковь святая Троица, мѣсяца Августа въ 2 и даше мастеромъ 40 и 4 рубли“ [1]).

Желѣзное дѣло на Руси XV вѣка выиграло, какъ и мѣдное, отъ введенія домашняго пушечнаго литья. Къ мѣднымъ орудіямъ Фіорованти, изготовлявшимся на желѣзныхъ стержняхъ, разумѣется были необходимы снаряды, а существованіе желѣзныхъ пищалей, въ самомъ началѣ русской артиллерійской техники, доказывается тою же описью смоленскаго наряда 1677 года, въ которой, между прочимъ, значится: „На заолтарной башнѣ.... въ подошевномъ бою.... пищаль желѣзная въ ложѣ, ядромъ въ гривенку (1 ф. калибра), длина 2 арш. съ четью ($^1/_4$), *стараго смоленскаго наряду* [2]): вѣсу 7 пудъ съ деревомъ, къ ней 100 ядеръ. На Долгочевской башнѣ въ верхнемъ бою: пищаль желѣзная скорострѣлная, грановитая, на козлѣ, ядромъ въ четь ($^1/_4$) гривенки, длина 4 арш. безъ дву вершковъ, стараго смоленскаго наряду, году и вѣсу ей не написано, къ ней 100 ядеръ.... отъ Шеина пролому, на городовой стѣнѣ, на первомъ пряслѣ: пищаль желѣзная, затинная, на козлѣ, ядромъ полгривенки, длина 4 арш., стараго смоленскаго наряду, къ ней 100 ядеръ....“ [3]). Холодное оружіе выдѣлывалось на Руси XV вѣка не хуже, чѣмъ въ остальной Европѣ того же времени, и образцами работы этого рода служатъ хранящіеся въ московской оружейной палатѣ: два клинка шпажныхъ, волчковаго желѣза, съ изображеніемъ волчковъ и надписью 1414 года; палашъ, съ означеніемъ на немъ

---

[1]) Псковская вторая лѣтопись. См. Полный сборникъ русск. лѣтописей, т. V, стр. 23.

[2]) Смоленскъ, взятый вел. кн. Василіемъ IV въ 1514 г., послѣ 120 лѣтн. отчужденія подъ власть Литвы, могъ быть „наряженъ“ орудіями, оставшимися Василію еще послѣ его отца, Ивана III.

[3]) Дополн. къ Актамъ Истор. т. V, № 51, стр. 296, 298, 299.

1436 г.; шпага волчковаго желѣза съ клеймомъ 1441 г.; наланъ съ прорѣзной полосой и надписью: „лѣта 1474“; рогатина [1]) краснаго булата съ тулеей, обложенной рѣзнымъ золоченымъ серебромъ (рѣзаны травы, люди и птицы) и двустрочной по краю тулеи надписью: „рогатина великаго князя Бориса Александровича“ (тверскаго 1425—1641) [2]). Должно полагать, что на все это оружіе, огнестрѣльное и холодное, шло желѣзо, такъ называемое тогда, нѣмецкое, которымъ покрытъ и московскій Успенскій соборъ въ 1476 г. [3]). Русское желѣзо, вывозъ котораго Иваномъ III былъ запрещенъ [4]), употреблялось на подѣлки мирнаго свойства и иногда даже въ церковную утварь, образчикомъ которой служитъ, напр., желѣзный крестъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, принадлежавшій основателю послѣдняго, преподобному Кириллу (†1427) [5]). Не переводились еще и восточныя желѣзныя издѣлія, каковы, напр., кольчуга, висящая надъ гробомъ кн. Олега рязанскаго (†1402) въ Солотчинскомъ монастырѣ, въ 18 верстахъ отъ г. Рязани [6]).

Солевареніе на Руси XV вѣка, естественно, развивалось съ увеличеніемъ населенія. Двинское, сосредоточившееся въ Ненокcѣ, въ 1471 г., по отказной грамотѣ новгородцевъ на всю двинскую землю, отошло во владѣніе Москвы [7]). Новгородцы гордились своей старорусской солью, уважаемой на всей Руси, и въ 1471 году, готовясь отдаться Казиміру, королю польскому, писали: „А въ Русѣ ти имати за проѣжжій судъ черезъ годъ сорокъ рублевъ; а держать ти десять варницъ въ Русѣ“ [8]). Галицкая соль была также въ прежней славѣ, а распоряжались ею московскіе великіе князья, изъ которыхъ Василій Темный въ своей за-

---

1) Рогатина — то же, что сулица: тяжелое, широкое копье, съ короткимъ ратовищемъ (древкомъ).
2) Московская оружейная палата. 1860 г. стр. 232.
3) Карамзинъ: Истор. Госуд. Рос., т. VI, прим. 103.
4) Тамъ же, т. VII, с. 124.
5) Записки для обозрѣнія русскихъ древностей, с. 47.
6) Ратшинъ: Полное историч. собраніе свѣдѣній о всѣхъ монастыряхъ и примѣчат. церквахъ въ Россіи, с. 460.
7) Акты Археогр. Экспед. Т. I, № 94, I.
8) Карамзинъ: Истор. Госуд. Рос., т. VI, прим. 42.

лованной грамотѣ Троице-Сергіеву монастырю, въ 1453 году, писалъ: „....язъ, князь великій, ихъ пожаловалъ, съ тѣхъ варницъ не надобѣ имъ никоторая моя дань и тамга, ни поминокъ, ни плошки, ни иная никоторая пошлина; а которой соли противень есть, а сей соли монастырской противня нѣтъ; а коли закличетъ мой соловаръ продавать мою соль, а монастырскому соловару волно соль продавати и тогды, а мойему соловаръ не возбраняетъ“ [1]). О существованіи варницъ въ усольской волости узнаемъ изъ грамоты 1450 г., жалованной великою княгинею Маріею, первою женою Ивана III, чухломскому Покровскому монастырю [2]). Этотъ же чухломскій Покровскій монастырь, стѣсняемый въ своемъ солевареніи волостелемъ соли галицкой, искалъ защиты у сына великой княгини Маріи, княжича Ивана (младшаго) и, повидимому, нашелъ ее [3]). Наконецъ въ той же костромской сторонѣ съ XV вѣка обозначилось оффиціально солевареніе близъ Нерехты, о которой имѣется любопытная грамота 1473—1478 г. [4]), которою великая княгиня Марья (первая жена Ивана III) представляетъ варницы въ той мѣстности митрополиту всей Руси съ освобожденіемъ отъ всякихъ сборовъ и съ подчиненіемъ судебной власти митрополита. Русскому соляному промыслу тѣмъ болѣе надобно было въ это время развиваться, что съ 1480—1490 гг. русскіе перестали ѣздить за солью въ Кафу (Ѳеодосію) и Азовъ, гдѣ ихъ притѣсняли [5]); да и въ Новгородѣ соляная торговля съ ганзейцами шла неладно, какъ доказываетъ это „наказная память“ русскимъ посламъ 1492 г., сочиненная „Любчанъ для и Колыванцовъ“ (ревельцевъ) и гласившая, „что князь великій въ Новгородѣ велѣлъ вѣсъ уставити, вѣсити соль и медъ, того деля: били ему челомъ Новгородскіе купци, а сказываютъ, что приходитъ въ Новгородъ соль и

---

[1]) Акты Археограф. Экспед. т. I, № 52.
[2]) Акты историческіе, собранные и издан. Археографическою Коммисіею. т. I (1841) № 49.
[3]) Тамъ же, № 93.
[4]) Акты Археограф. Экспед. т. I, № 99.
[5]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. VI, стр. 144.

тысячи сребра“ [1]); въ 1471 г., августа 9, великій князь Иванъ Васильевичъ *за новгородскую проступку* получилъ „полушестьнадцати ($15^1/_2$) тысячи рублевъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ“ [2]); наконецъ, въ 1478 г., эпоху уничтоженія свободы новгородской, Иванъ III, если вѣрить повѣствованію иноземца, вывезъ изъ Новгорода триста фуръ, насыпанныхъ серебромъ и золотомъ [3]), причемъ на долю одного Ѳеофила, владыки новгородскаго, выпало поднести отъ своего лица государю московскому: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ въ 9 фун., вызолоченую кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ $31^1/_2$ фун., панагію, обложенную золотомъ и жемчугами; струѳово (страусовое) яицо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, бочку хрустальную (о которой говорено выше); серебряную мису въ 6 фун. и 400 корабельниковъ, равняющихся каждый двумъ червонцамъ [4]). Кромѣ Новгорода, источниками прибыли благородныхъ металловъ въ московскую казну XV вѣка были: прежній торгъ въ Холопьемъ городкѣ на Мологѣ и зауральская югра, обложенная данью съ 1483 г., когда владѣтели югорскіе и кодскіе, поневолѣ присягая побѣдоносной Москвѣ, какъ-бы прозрѣвая будущее значеніе Уральскаго хребта для Руси, *пили воду съ золота* [5]). Югорской данью вознаграждалось для Москвы исчезновеніе (неизвѣстно куда, но именно въ XV вѣкѣ) [6]) „серебра за-Камьскаго“, если не считать эти названія синонимами. Развитіе торговли съ западной Европой, доставлявшей въ Русь XV вѣка разными путями серебро въ слиткахъ и сученое золото [7]), облегчило Ивану III намѣреніе разорить ганзейскій торгъ въ Новгородѣ, выполненное имъ въ 1496 году [8]). Серебро ганзейское не уходило тогда изъ рукъ Ивана III,

---

[1]) Новгород. вторая лѣтоп. стр. 141.
[2]) Акты Археологич. экспед. т. I, № 90.
[3]) *Кобенцель*: Письмо о Россіи XVI в. Переводъ съ итальян. (Домбровскаго). См. Журналъ Минист. Народн. Просв. 1842 г. № 9. Отд. II, стр. 149.
[4]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. VI, стр. 80.
[5]) Тамъ же, прим. 461.
[6]) Тамъ же, стр. 140.
[7]) Тамъ же, т. VII, стр. 123.
[8]) Тамъ же, т. VI, стр. 165.

потому что, благодаря оживленной торговлѣ съ Литвой и Польшей, онъ легко могъ получать его и черезъ Полоцкъ, въ договорѣ котораго съ Ригой, еще 1407 г. говорилось о серебрѣ [1]).

Наконецъ, въ собственныхъ владѣніяхъ Ивана III были уже открыты золотыя и серебряныя руды, но гдѣ именно, *неизвѣстно*; были и начала обработки этихъ рудъ, хотя неудачныя; однако раньше перваго, всѣмъ извѣстнаго историческаго, открытія печорскихъ серебряныхъ мѣсторожденій на р. Цыльмѣ, въ 1491 г. Еще за три года до этого событія, при отпускѣ изъ Москвы посла венгерскаго, держана къ нему на прощанье оффиціальная рѣчь въ такихъ выраженіяхъ: „Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити, чтобы еси отъ насъ молвилъ нашему брату Матіошу (Матвѣю I Корвину) Королю, чтобы намъ дружбу свою учинилъ, прислалъ бы къ намъ мастеровъ... которой руду знаетъ, золотую и серебреную, да которой бы руду умѣлъ и раздѣлити съ землею, занже *въ моей землѣ руда золотая* и *серебреная есть, да не умѣютъ ее раздѣлити съ землею.* Да прислалъ бы къ намъ серебреныхъ мастеровъ, которые умѣютъ суды серебряные хорошіе дѣлати, великіе и малые... А что будетъ нашему брату Матіашу Королю у насъ надобѣ въ нашихъ земляхъ, и мы того своему брату не боронимъ“ [2]). Это было въ 1488 г., а спустя еще годъ Иванъ III въ наказной „памяти“ Юрію Траханіоту и Ивану Халепѣ, ѣхавшимъ послами къ Фредерику III, императору германскому, повелѣвалъ: „добывати имъ Великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебреную, да другова мастера, который умѣетъ отъ земли раздѣлити золото и серебро; и добудетъ Юрій такихъ мастеровъ, и ему ихъ выпросити; которые будутъ и иные съ ними мастеры, надобѣ на то дѣло, ино и тѣхъ мастеровъ съ ними взяти; а рядити тѣхъ мастеровъ Юрію, чтобы поѣхали къ Великому Князю на наемъ, по колку имъ на мѣсяцъ давати за все про все. А дано на тѣ мастеры Юрію, чѣмъ ихъ до Великаго Князя допровадити, два сорока соболей,

---

[1]) Акты Археолог. экспед. т. I, № 16.
[2]) Памятники диплом. снош. древ. Россіи съ держав. иностранн. т. I, стр. 165.

гались воображаемыя гривны и вывѣшивались рубли, которыхъ Василій Дмитріевичъ платилъ хану 5 тысячъ [1]), Василій Васильевичъ 7 тысячъ [2]), а Иванъ III Васильевичъ могъ бы выплатить впятеро больше, но съ 1471 г. пересталъ платить вовсе.

Вычисляютъ, что серебряная деньга второй половины XV вѣка, т. е. времени Ивана III, заключала въ себѣ 6 пулъ, а сама содержалась въ рублѣ московскомъ—200, и новгородскомъ 140 разъ [3]). Такихъ денегъ получалось тогда доходомъ съ двухъ деревень, каждая въ два двора или тягла (что было въ то время синонимами)—всего пять [4]). Гривна въ XV вѣкѣ была троякая: кунная—въ 1 р. $57^{39}/_{108}$ коп., серебряная—въ 8 р. $11^{2}/_{3}$ к. нынѣшней монетой, и денежная, содержавшая: въ Псковѣ—10, въ Новгородѣ—14 денегъ, въ Москвѣ 10 новгородокъ или 20 московокъ. Цѣнность рублей XV вѣка, дѣлившихся каждый на двѣ полтины, была также различна: новгородскій равнялся серебряной гривнѣ, псковскій стоилъ 8 р. $96^{8}/_{27}$ к. нынѣшней монетой, а московскій, содержа въ себѣ номинально 200 денегъ, цѣнился по вѣсу послѣднихъ, который былъ: денегъ великокняжескихъ—отъ 12 до 24 долей, стоившихъ отъ $2^{611}/_{972}$ до $5^{185}/_{243}$ коп., и денегъ городскихъ отъ 8 до 10 долей, стоившихъ отъ $1^{1047}/_{1458}$ до $2^{73}/_{81}$ коп. нынѣшней монетой [5]). Къ этой денежной запутанности, въ которой однако современники не сбивались, должно присоединить массу русскихъ удѣльныхъ монетъ XV вѣка: кашинскихъ—въ 18 дол., тверскихъ $13^{1}/_{2}$ и $14^{1}/_{2}$ долей, рязанскихъ—въ $3^{1}/_{2}$ и $4^{1}/_{2}$ доли, суздальскихъ отъ 15 до $20^{1}/_{2}$ долей, можайскихъ—отъ 10 до $17^{1}/_{2}$ дол., угличскихъ—въ 10—$10^{1}/_{2}$ долей, боровскихъ отъ $11^{1}/_{2}$ до $19^{1}/_{2}$ долей чистаго серебра [6]). На тверскихъ монетахъ, какъ и на московскихъ, встрѣ-

---

[1]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. V. стр. 72.
[2]) Тамъ же, прим. 420.
[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 125.
[4]) Тамъ же, т. VI, прим. 600.
[5]) *Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, стр. 703—712.
[6]) *Долгорукій,* князь: Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ, стр. 7—13.

чаемъ имена мастеровъ: Орефьева и Ѳедота, современныхъ князю Михаилу Борисовичу (1461—1485)[1]; извѣстенъ по лѣтописи и новгородскій денежникъ Никита 1494 г. [2]). Мѣдной монетой продолжали оставаться только пулы, которыхъ въ московскомъ рублѣ насчитывалось 1200 [3]). Наконецъ, на Руси XV вѣка ходили и монеты иностранныя: золотыя—римскіе гульдены, голландскіе ефимки, ливонскіе червонцы, ганзейскіе корабельники или нобили; серебряныя—разныхъ наименованій, называвшіяся вообще пенязями.

---

[1]) *Сахаровъ:* Обозрѣніе русской археологіи, стр. 37, 41.
[2]) Новгород. вторая лѣтоп., стр. 146.
[3]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. VII, стр. 125.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВѢКЪ XVI.

Богатство московскаго двора. — Источникъ снабженія страны драгоцѣнными металлами. — Замѣчательныя драгоцѣнныя издѣлія этого времени.—Начало дѣятельности Строгоновыхъ.—Возникновеніе мѣднаго производства.—Литье орудій и колоколовъ.— Выдѣлка прочихъ мѣдныхъ издѣлій.

Въ государственномъ быту русской земли XVI вѣкъ составляетъ эпоху, которою оканчивается древняя и начинается новая русская исторія. Всѣ соки, которыми питался русскій XVII вѣкъ, произведшій Петра, выработались XVI вѣкомъ, подъ сѣнью московскаго, деспотизма въ лицѣ двухъ ближайшихъ преемниковъ Ивана III—его сына и внука. Василій IV Ивановичъ, не знавшій уже ярма татарскаго, умной спокойно довершалъ труды отца своего по воплощенію Руси въ Москвѣ; Иванъ IV Васильевичъ, наполнившій разнообразіемъ своихъ дѣяній цѣлые полвѣка, подавилъ всю Русь Москвою, и, блистая новымъ величіемъ царскаго сана, покоритель народовъ и царствъ подѣйствовалъ на могучее воображеніе энергическаго преобразователя, котораго сталъ прототипомъ, какъ нерѣдко высказывалъ это самъ Петръ. Кромѣ того, сынъ и внукъ Ивана III, не смущаемые, какъ онъ, Востокомъ, смотрѣли гораздо пристальнѣе на Западъ; за ними дѣлала то же, по скольку умѣла, вся Русь, и шести-вѣковое русское византійство исчезало больше и больше, замыкаясь, какъ-бы на память археологамъ, въ узкую сферу пышныхъ придворныхъ обрядовъ. Новое западно-европейское вѣяніе, разумѣется, должно было отра-

зиться прежде всего на внѣшней обстановкѣ русской жизни и наложить свою печать на издѣлія разнаго рода, изъ числа которыхъ металлическія не могли быть исключеніемъ. Для нихъ XVI вѣкъ былъ знаменателенъ по преимуществу, такъ какъ тогда только, но не раньше, русское металлическое дѣло въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ стало восходить дѣйствительно на степень искусства. Восхожденіе это началось, какъ и слѣдовало ожидать, металлами благородными.

Масса благородныхъ металловъ вообще, и въ монетѣ, и въ дѣлѣ, на Руси XVI вѣка долженствовала увеличиться противъ прежняго, потому что Василій Ивановичъ, возобновивъ съ 1514 г. ганзейскій торгъ Новгорода [1]), въ 1517 г. началъ торговлю съ Даніей [2]); Иванъ же Васильевичъ въ 1553 г. завязалъ торговыя отношенія и съ Англіей [3]). Но самое распредѣленіе золота и серебра между русскимъ людомъ XVI вѣка оставалось по прежнему неравномѣрнымъ, а благородные металлы въ дѣлѣ сосредоточивались больше прежняго при московскомъ дворѣ трехъ послѣднихъ рюриковичей. Такое сосредоточеніе производилось разными способами, но преимущественно тѣмъ, что какіе бы товары въ Россію ни привезъ иноземецъ, онъ обязанъ былъ немедленно объявить и показать таможеннымъ начальникамъ, которые въ назначенный часъ ихъ осматривали и цѣнили; по оцѣнкѣ же никто ни продать, ни купить не смѣлъ товаръ прежде, нежели будетъ онъ представленъ государю. Затѣмъ, если государю угодно было что нибудь купить, тогда купецъ не могъ уже показывать свои вещи и продавать ихъ [4]). Былъ и еще способъ весьма оригинальный, о которомъ очевидецъ разсказываетъ такъ: „Если послы, отправленные къ иностраннымъ государямъ, которые почтятъ ихъ подарками, цѣпями, чашами и пр., привозятъ эти драгоцѣнности,

---

[1]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. VII, прим. 103.
[2]) Тамъ же, прим. 153.
[3]) Тамъ же, т. VIII, стр. 141—146.
[4]) *Герберштейнъ*, бар.: Московскія записки (Rerum Moscoviticarum commentarii), Переводъ съ латинскаго базельскаго текста. Изд. 1556. См. Воспоминанія 1832, № 9, стр. 10.

то князь откладываетъ это въ свою казну, говоря, что онъ дастъ имъ другую награду... Такъ, когда вмѣстѣ съ графомъ Леонгардомъ Нугаролисомъ и со мною, продолжаетъ Герберштейнъ, возвратились въ Москву послы: князь Иванъ Посеченъ Ярославскій и дьякъ Семенъ Трофимовъ, получивъ въ даръ отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя ожерелья, цѣпи, много испанскихъ дукатовъ, а отъ брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебрянныя чаши, золотыя и серебрянныя парчи и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ,— то они должны были все это представить и принести князю, который, не медля, отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и большую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это, то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ принести себѣ цесарскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. Потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или чтобы избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а отвѣчали: такъ что же, если князь вознаградитъ ихъ другою милостью“ [1]). Въ виду такой безцеремонной даже для того времени системы дѣйствій, мудрено ли, что внѣшняя обстановка сына великаго князя Василія и внука московскихъ царей XVI вѣка изумляла великолѣпіемъ даже иноземцевъ съ европейскаго Запада и отдаленнаго, пышнаго Востока. Одинъ изъ нихъ, цесарскій посолъ къ русскому двору 1567 г., описывая, напр., корону царя Ивана Грознаго, говоритъ, что по цѣнности ни діадема его святѣйшества (папы), ни короны королей испанскаго и французскаго, или же великаго герцога тосканскаго, которыя онъ видѣлъ, и даже корона самого цесаря не могутъ съ нею сравниться. Когда царь угощалъ посла обѣдомъ, то въ передней части покоя стояло

---

[1]) *Герберштейнъ*: Записки о московскомъ бытѣ (Rer. Moscov. comm.). Переводъ съ латинскаго базельскаго текста. Изд. 1556. См. Сборникъ, изданный студентами Импер. с.-петербургскаго университета. 1857—1860. Вып. II, стр. 87.

такъ много блюдъ, кубковъ, чарокъ и другихъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, что, безъ преувеличенія, по словамъ посла, тридцать вѣнскихъ повозокъ съ трудомъ могли бы все это вмѣстить въ себѣ; между тѣмъ какъ это еще не составляло всей государственной посуды, но только принадлежность дворца, въ которомъ данъ былъ обѣдъ. „Въ московскомъ дворцѣ государя такъ много серебра и золота, замѣчаетъ посолъ, что почти не возможно ихъ и сосчитать“ [1]). Другой, цесарскій же посолъ, пріѣзжавшій въ Москву при сынѣ Грознаго трижды, въ 1589 году у себя на квартирѣ угощенъ былъ обѣдомъ съ царской кухни— на 250 золотыхъ блюдахъ, а въ 1593 г., приглашенный къ царскому столу, проходя въ обѣденную залу, шелъ мимо комнаты, которой стѣны, на подобіе буфета, были обвѣшаны въ три яруса длинными полками, съ такимъ множествомъ золотой и серебряной посуды, которое въ Германіи привело бы въ изумленіе и показалось невѣроятнымъ. На нижнихъ полкахъ стояли тысячи различныхъ сосудовъ и блюдъ изъ чистаго серебра и золота, между прочимъ серебряный левъ въ натуральный ростъ и нѣсколько сосудовъ столь огромной величины, что одинъ человѣкъ съ трудомъ могъ бы приподнять ихъ съ земли, не то уже, чтобы употреблять для питья [2]). Роскошь видна и изъ убранства терема московской царицы XVI вѣка, какимъ нашелъ его патріархъ константинопольскій, посѣтившій Москву въ 1587 г.: „Открылись златыя двери средней палаты царицы... Чистѣйшимъ золотомъ сіяла вся сферообразная храмина... Стѣны украшены драгоцѣнною мусіею, съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ ярко горѣла каменьями драгими большая икона Пречистой Дѣвы, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, и вокругъ ея лики св. угодниковъ, увѣнчаныя златыми вѣнцами, по коимъ разсыпаны жем-

---

[1]) *Кобенцель:* Письмо о Россіи XVI вѣка. См. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1842. Сентябрь. Отд. II, стр. 144, 148—149.

[2]) *Матвѣевъ:* Римско-императорскаго посла Никласа-фонъ-Варкоча путешествіе въ Москву въ 1589, 1593 и 1594 годахъ. См. Маякъ. 1842. № 5. Отд. III (матеріалы), стр. 9, 13.

чугъ и яхонтъ и сапфиръ... Изваянія птицъ и звѣрей изъ дорогаго металла сіяли вокругъ всей храмины, а на срединѣ свода искусно изваянный левъ держалъ въ пасти своей кольцомъ свитаго змѣя, съ котораго опускались златыя лампады“ [1]). Братъ этой самой царицы, Борисъ Годуновъ, сѣвъ на московскій престолъ, почти ежедневно, въ теченіи шести лѣтнихъ недѣль 1598 года, угощалъ не менѣе 10,000 воиновъ, и всѣ ѣли на серебрѣ [2]).

Собственно золото на Руси XVI вѣка было исключительно привозное—въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ. Цѣна и достоинство этого золота, а также способы распознавать его при покупкѣ, изложены въ современномъ, весьма любопытномъ, сочиненіи „Книжка описательна отъ части в наукъ молодымъ торговымъ людемъ“, редакціи 1575 г. Золотой угорской (венгерскій), сказано въ этой „книжкѣ“, тянетъ полъ 11 (10$^1/_2$) денги, а корабельный тянетъ полъ 4 (3$^1/_2$) алтына, а португальской со крестомъ тянетъ полъ 18 (17$^1/_2$) алтына; въ тѣхъ всѣхъ золотыхъ—ровно краскою (цвѣтомъ) золото. А изволи намъ больши пригожается серебро, лучше золота;—борже г деньгамъ [3]). А на товарѣ ѣмлите золотые дороже своихъ серебряныхъ денегъ въ десятеро: ино станетъ угорскій золотой по полъ 18 алтына, корабельной по рублю съ полугривною, португальской по пяти рублей съ четвертью. А въ иныхъ золотыхъ кои в спожега и в зрѣза пріидутъ въ ту же красоту, и вы по вѣсу смѣчая цѣну ѣмлите. А побѣловатѣе того— и то золото ѣмлите, а подешевле; а золотые имати въ тужъ цѣну, то здѣсь не убрести у нихъ без накладу. А иное золото, кое не в золотыхъ, въ какомъ либо дѣлѣ или въ слиткѣхъ, а и на ослѣ (оселкѣ) придѣтъ в тужъ золотово красоту, и ножемъ взрѣжешь— и внутри видомъ таковомъ; а рукою погнешъ — ино мягко, то чисто жъ. А вѣсомъ что потянетъ цѣною на товаръ и не в зо-

---

[1]) Путешествіе въ Россію патріарха Іереміи. См. Журналъ Министерства. Народн. Просвѣщ. 1840. Январь. Отд. II, стр. 47.

[2]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. XI, стр. 41.

[3]) То есть по тогдашнему праву каждаго чеканить монету, даже съ своимъ именемъ, купцы предпочитали покупать серебро, изъ котораго почти исключительно дѣлались русскія деньги того времени.

лотыхъ, в плавѣхъ или в слиткахъ или въ прутѣ, то, пересѣкая, ѣмли, а не пересѣкши, не ѣмли, блюдись внутри оману (обмана), чтобъ внутри таковожъ было чисто, какъ внѣ, а ѣмли золотникъ по 4 гривны. А кое золото на пожегѣ, или на взрѣзѣ внутри, или на ослѣ маленко побѣлѣе тово то золото покажется, то дешевле ѣмли; а кое многимъ бѣлѣе, то добрѣ дешевле золотникъ ѣмли; а в золотникѣ з деньгою два алтына старыхъ денегъ" [1]). Фунтъ золотой проволоки въ 1565 г. стоилъ въ Москвѣ 18 талеровъ иноземными деньгами. „Расходъ на нее порядочный, замѣчаетъ современникъ-иноземецъ, требуется только, чтобъ была тонкая и самой лучшей работы. Вѣсъ московскій, продолжаетъ онъ же, называется гривенка (grivenka); въ гривенкѣ 48 золотниковъ, 6 золотниковъ составляютъ унцію; на этотъ вѣсъ взвѣшивается жемчугъ, золото, серебро, шелкъ, пряныя коренья и разныя мелочи... Золото нейдетъ въ прокъ, если безъ чекана" [2]). Лучшимъ золотомъ считалось нюренбергское, за нимъ венеціанское, миланское, гамбургское [3]). Было еще золото сученое или прядене—въ цѣвкахъ, по 6 золотниковъ, въ 10 нитей каждый. Такого золота литра стоила 5 рублей [4]).

Образцами золотыхъ издѣлій русской работы XVI в. остаются въ настоящее время: времени вел. князя Василія—золотой ковшъ съ рѣзною ручкою, наведенною черныо; хранится въ московской оружейной палатѣ [5]); чарка золотая, съ двуглавымъ на днѣ орломъ [6]), наведеннымъ черныо; находится въ московской синодальной ризницѣ [7]); времени царя Ивана IV Грознаго—окладъ золотой, сканной работы, украшенный финифтью, на иконѣ Божіей Ма-

[1]) Торговыя книги. См. Временникъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1850. № 8. Матеріалы III, стр. 10.

[2]) Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 г. Переводъ съ итальянскаго (Любича-Романовича). См. Сынъ Отечества 1842. Іюль стр. 45—48.

[3]) *Костомаровъ:* Очерки торговли московскаго государства XVI и XVII столѣт. См. Современникъ 1858. № 6. Отд. I стр. 341.

[4]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. X, прим. 426.

[5]) Московская оружейная палата. 1860, стр. 151.

[6]) Двуглавый орелъ принятъ въ знакъ герба россійскаго Иваномъ III, со времени второй женитьбы его на Софіи Палеологъ (1472).

[7]) *Савва*, архим.: Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы. 1858, стр. 98.

тери, называемой Іоасафовскою, въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ [1]); окладъ и вѣнецъ изъ чистаго золота, украшенные финифтью, отъ образа Всемилостиваго Спаса, хранится въ московской церкви Верхоспасскаго собора, что въ Кремлѣ [2]): окладъ на евангеліи: верхняя доска золотая, сканная, съ насаженными литыми дробницами Спасителя, четырехъ евангелистовъ и разныхъ святыхъ; хранятся въ ризницѣ московскаго Благовѣщенскаго собора [3]); окладъ на евангеліи: верхняя доска золотая съ финифтевыми травами, чеканными середникомъ и наугольниками, негранеными алмазами, яхонтами, и др. камнями, и черневою надписью на полоскахъ; находится въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ [4]); образъ Успенія Божіей Матери на золотой доскѣ, рѣзной, наведенной чернью, вкладъ постельничаго Бурухина [5]) 1552 г. въ московскій Симоновъ монастырь [6]); золотые сосуды: потиръ, блюдце, звѣзда, копіе, лжица,—вѣсомъ въ 10 гривенъ (фун.) и 6 золотн., находятся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ [7]); панагія, въ описяхъ патріаршей казны XVII в., именующаяся *старою* и приписываемая Іоасафу, митрополиту всероссійскому (1539—1543),—золотая въ жемчугахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, на серебряной золоченой цѣпочкѣ; въ срединѣ, на большомъ четырехслойномъониксѣ, рѣзное изображеніе Божіей Матери, стоящей съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ лонѣ ея, на обратной сторонѣ наведено чернью изображеніе крещенія Господня; вѣсомъ съ цѣпочкой 2 фун. 72 зол., хранится въ московской си-

---

[1]) Древности Россійскаго Государства. Отд. I. № 2.
[2]) *Снегиревъ:* Памятники московской древности. 1842—1845, стр. 226.
[3]) Тамъ же, стр. 90.
[4]) Тамъ же, с. 91.
[5]) Такъ гласитъ самая надпись на образѣ: „Сію икону далъ, Царя и Великаго князя постельничей Матвѣй Ѳедоровичъ Бурухинъ, во иноцѣхъ Макарій, въ лѣто 7060“ (1552). Но *постельничимъ* въ томъ самомъ году, вмѣсто умер. Андр. Влад. Мансурова, назначенъ Игн. Мих. Вѣшняковъ. А Бурухинъ былъ, вѣроятно, *постельникъ*—званіе гораздо низшее постельничаго.
[6]) *Пассекъ:* Историческое описаніе московскаго Симонова монастыря. Москва. 1843, стр. 70.
[7]) *Сахаровъ:* Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. См. Записки Отдѣл. Русской и Славян. Археол. Императ. Археол. общества. 1851, т. I, отд. III, стр. 51.

нодальной ризницѣ [1]); панагія, устроенная царемъ Иваномъ IV Грознымъ на память по сынѣ его, царевичѣ Иванѣ, погибшемъ отъ руки отца 19 ноября 1581 г.,—золотая съ финифтью, на серебряной золоченой цѣпочкѣ, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; въ срединѣ, на большомъ четырехслойномъониксѣ, рѣзное изображеніе препод. Іоанна Лѣствичника (память его празднуется 30 марта—день тезоименитства царевича Ивана); на обратной сторонѣ рѣзаны по золоту и наведены чернью изображенія св. Марка, епископа ареѳусійскаго, и св. Кирилла діакона; хранится въ московской синодальной ризницѣ [2]); времени царя Ѳедора I, сына Грознаго,—золотые потиръ, дискосъ и звѣзда, вѣсомъ 7 фунт. 78 золотн.; сосуды эти находятся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ [3]); золотые потиръ, дискосъ, звѣзда и два блюдца, вѣсомъ 7 фунт. 82 зол., осыпанные яхонтами, изумрудами и пр. (1598 г.); сосуды эти, вмѣстѣ съ другимъ, одновременно принесеннымъ, вкладомъ царицы Ирины—золотымъ подъ чернью кадиломъ, въ видѣ храма, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями, вѣсомъ 4 ф. 33 $^1/_2$ зол., находятся въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ [4]); крестъ напрестольный золотой, съ св. мощами и литымъ распятіемъ, украшенный жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и финифтевыми травами, устроенъ при патріархѣ Іовѣ 1589 г. и находится въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ [5]); крестъ напрестольный золотой, осьмиконечный, съ филогранью, по краямъ обнизанный жемчугомъ, а по мѣстамъ драгоцѣнными камнями (1594 г.), находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ [6]); крестъ *колыбельный*, золотой, съ св. мощами внутри (1594 г.), находится въ ризницѣ московскаго Успенскаго собора [7]); панагія золотая съ финифтью, украшенная жемчугомъ и золотыми дробницами [8]) съ чернью, на

---

[1]) *Савва*, архим: Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синод.) ризницы и библіот., стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

[3]) *Снегиревъ:* Памятники москов. древн., стр. 36.

[4]) Тамъ же, стр. 79.

[5]) Тамъ же, стр. 144.

[6]) Тамъ же, стр. 35.

[7]) Тамъ же.

[8]) Дробницы, отъ глагола дробить,—небольшія металлическія бляхи (плащи); дѣлались плоскія и выпуклыя, круглыя и осьмиугольныя; служа украшеніемъ священ-

серебряной золоченой цѣпочкѣ; въ срединѣ, на бѣломъ королькѣ (кораллѣ), рѣзной образъ Спасителя, сидящаго на престолѣ, съ предстоящими: Богоматерью и Іоанномъ Предтечею; на обратной сторонѣ черневое по золоту изображеніе трехъ вселенскихъ святителей (1595 г.); хранится въ московской синодальной ризницѣ [1]); сосуды золотые съ принадлежностями, вѣсомъ 6 фунт., украшенные драгоцѣнными камнями (1597 г.); находятся въ Троице-Сергіевой лаврѣ [2]).

Въ богатствѣ московскихъ царей XVI вѣка золотыми издѣліями можетъ дать понятіе слѣдующая выдержка изъ описи имущества царя Ивана IV Грознаго, касающаяся только золотыхъ цѣпей его: „Двѣ цѣпи золоты поперечны, рѣзаны, на нихъ имя царевича Ивана Ивановича, и сдѣланы изъ золота, что царевичу Князю Ивану пожаловала мати его, царица и великая княгиня Настасея. Чепь золота, одни кольцы репьеваты съ чернымъ финифтомъ, а другіе камфорены [3]), и въ ней четыре колодки съ разными финифты. Чепочка золота, одни кольцы витые, другія ребристы съ чепочками, литовская. Чепь золота двойная, одна половина плетена столбцомъ, а другіе кольца коробчаты, по концамъ колодки круглыя“... [4]). Частныя лица того времени, разумѣется, высокопоставленныя, также имѣли довольно золота; богатые вклады Бориса Годунова, еще боярина, мы уже видѣли, а въ „Обиходѣ Іосифова монастыря“ (волоколамскаго), между прочимъ, читаемъ: „Генваря въ 1 день по Григорьѣ Лукьяновичѣ Бѣльскомъ по Малютѣ: на государскомъ дѣлѣ убитъ подъ Пойдою (Виттенштейнъ въ Эстоніи)... Дачи государскіе 100 рублевъ,

---

ныхъ одеждъ и церковныхъ утварей, сами украшались соотвѣтствующими изображеніями—рѣзными и чеканными, черневыми и финифтевыми.

[1]) *Савва,* архим.: Указат. для обозрѣнія московской патріарш. (нынѣ синод.) ризницы и библ., стр. 17.

[2]) Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. 1852. стр. 43.

[3]) Канфарить—пунктировать; въ особенности—переводить рисунокъ съ бумаги на металлическую доску, проходя по всѣмъ чертамъ рисунка самыми тонкими чеканами.

[4]) Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискамъ и книгамъ 90 (т. е. 7190=1582) и 91 (т. е. 7191=1583) годовъ. См. Временникъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1850. Кн. VII. Смѣсь, стр. 28—29.

да его (Малюты-Бѣльскаго) и его жены 500 рублевъ; а образовъ, окладныхъ златомъ и сребромъ, и ризъ многоцѣнныхъ— много множество" [1]).

Серебро на Руси XVI вѣка получалось, какъ и золото, привозомъ въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ — изъ Европы вообще и отъ Ганзы въ особенности, а съ 1567 г., кромѣ того, изъ Монголіи, „Земли мунгальской", посѣщенной впервые посланными отъ царя Ивана IV Грознаго, „атаманами", Ив. Петровымъ и Бурнашемъ Ялычевымъ, которые, объѣхавъ улусы Мунгаліи Черной, или западной, и Желтой, или восточной, въ описаніи своего путешествія, между прочимъ, говорятъ о мунгальцахъ: „а серебра у нихъ много, а идетъ сребро изъ Китайскаго Царства" [2]). Относительно распознаванія серебра при покупкѣ вышеуказанная „книжка описательна отъ части в наукъ молодымъ торговымъ людемъ", даетъ такіе не очень хитрые совѣты: „сосуды или чепи, кои дѣломъ хороши и с обѣ стороны, а не красно, золочены, тѣ противъ денегъ ѣмли безъ выдачи; а кои дѣломъ хороши жъ а с обѣ стороны золочены накрасно, ѣмли подороже денегъ 8-й долею. А будетъ въ слиткахъ сребро въ ефимочную чистоту, въ сосудѣхъ или въ чемъ нибудь, емли сребро пятою долью дешевле денежново вѣсу: и в ту цѣну на Москвѣ без накладу избудешъ. А говорятъ Шпанское (американское) де въ слиткѣхъ сребро добрѣ бѣло и чисто, маленько де не придетъ въ денежное, у гривенки ($^1/_2$ ф.) де всего угоритъ ползолотника, и будетъ вамъ ся покажетъ кое самое бѣлое чистое сребро, въ пожиганье и на ослѣ слитки придутъ противъ денегъ, и пересѣчешь внутри таково жъ, для оману; а не пересѣкая слитковъ и прутія цѣлыхъ, никокого не ѣмли: блюдись оману. А чистое себѣ гривенку считай и ѣмли, безъ дву гривенъ, за 3 рубли; а тѣ двѣ гривны на угаръ и на всякую проторь от денежново дѣла давать. А не дадутъ вамъ на товаръ Шпансково сребра в слиткѣхъ, кое изъ Индіи (т. е. изъ Америки) приходитъ, съ выда-

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 413.
[2]) Тамъ же, прим. 648.

чею нѣмцы, и вы не цѣль (цѣлые) ѣмлите; а помятуйте себѣ, что, при деньгахъ, будетъ убытка: у гривенки (вѣсомъ) по двѣ гривны (счетомъ); потому и свой товаръ имъ давайте, чтобъ у сребра безъ накладу убрести, или с любимъ товаромъ которую залежъ отдавайте въ цѣну. Свитцкіе (шведскіе) ефимки плешивцы вѣсомъ немалы, а при иныхъ нечисты: надобѣ ихъ имати въ вѣсъ и четвертью денегъ дешевле; выходятъ онѣ въ деньги менши, за проторью, по 12 алтынъ безнаугородки. А ефимки плавятъ на государевѣ денежномъ дворѣ, гнѣзда (сплавы) имѣютъ на Государя, а выходитъ де изъ 1000 гривенокъ по 3 пуда гнѣздъ, а изъ гнѣздъ на Государя сребра выходитъ изъ пуда по 4 гривенки, да по 11 золотниковъ" [1]).

Независимо отъ совѣтовъ „книжки описательной", интересы русскихъ покупщиковъ привознаго серебра ограждались договорами, изъ которыхъ, напримѣръ, въ заключенномъ московскими намѣстниками Новгорода съ Ганзою, 1514 г., между прочимъ, сказано: „А дастъ Нѣмчинъ серебро, а будетъ нечисто, и Нѣмчину то серебро обмѣнити". Стараніе московскаго правительства XVI вѣка съ одной стороны—удерживать серебро въ предѣлахъ Руси, а съ другой—поживляться отъ серебра чѣмъ можно, видно изъ таможенной уставной грамоты, данной царемъ Иваномъ IV Грознымъ Новгороду въ 1571 году: „Да таможникомъ же беречи накрѣпко; чтобъ московскіе гости и торговые люди всѣхъ городовъ московскаго государства съ Москвы, и изъ Новгорода, и изъ московскія земли, всякіе торговые люди и иноземцы денегъ, и серебра... и судовъ, и пуговицъ серебряныхъ... въ сундукѣ, и въ коробьяхъ и въ ящикахъ изъ Новгорода въ Литву, и въ Нѣмцы, и въ иные города не возили одноличио никуды... Да написано въ Государевѣ наказѣ, которой привезъ отъ Государя съ Москвы дьякъ Василій Степановъ: велѣлъ Государь заповѣдати въ Новгородѣ и въ торгъ кликати, не по одно утро: кто нибуди впредь Новгородцы, у воинскихъ людей, и у дѣтей бояр-

---

[1]) Торговыя книги. См. Временникъ Импер. Общества исторіи и древностей росс. 1850. Кн. VIII. Смѣсь, стр. 11.

скихъ, и у боярскихъ людей, и у стрѣльцовъ, и у козаковъ, и у всякихъ ратныхъ людей, и у Нѣмецъ, и у кого нибуди въ Новгородѣ серебро нѣмецкое, ефимки и полуефимки, и шкилы (шиллинги), и всякія нѣмецкія деньги, и корка серебряныя съ нѣмецкими клеймы купятъ на денги или на какой нибудь товаръ вымѣнятъ, и имъ то серебро являти таможникомъ, и пошлины таможныя съ того серебра платити по таможной и по новгородской уставной грамотѣ. А которые люди серебра таможникомъ не явятъ и пошлинъ не заплатятъ, и у тѣхъ Новгородцевъ велѣлъ Государь серебро имати на себя, да сверхъ того на тѣхъ же людѣхъ велѣлъ Государь съ того ихъ серебра имати тамгу до заповѣди, по таможной же по уставной грамотѣ. И таможникомъ, по Государеву указу, велѣти о томъ въ торгѣхъ кликати, не по одно утро, и заповѣдати и беречи накрѣпко Новгородца купленное и вымѣненное серебро въ Новгородѣ, у кого ни купятъ и вымѣнятъ, таможникомъ въ таможнѣ являти и тамгу съ серебра платити. И сколько и кто и у кого серебра на денги или на каковъ товаръ вымѣнитъ, и таможникомъ то все велѣть написати въ книгѣ, и таможную пошлину съ того серебра имать на Государя, по Государеву указу и по сей уставной грамотѣ. А которые люди таможникомъ серебра не явятъ и таможныхъ пошлинъ не заплатятъ, и таможникомъ у тѣхъ людей то серебро имати на Государя, да сверхъ то таможенныя пошлины съ того серебра и заповѣдей съ головъ на государя имати по сей уставной грамотѣ“ [1]). Благодаря подобнымъ мѣрамъ, серебра въ казнѣ московской было много, и еще въ 1517 году, Альбрехтъ бранденбургскій, магистръ нѣмецкаго ордена, готовившійся въ союзѣ съ Москвой воевать Польшу, писалъ къ вел. князю Василію и просилъ, чтобы для чеканки 50,000 гривенокъ (т. е. 25,000 фунт. или 625 пуд.) онъ послалъ чистаго серебра во Псковъ. Нѣмцы предлагали союзъ подъ условіемъ, чтобъ это серебро было привезено въ Королевецъ (Кенигсбергъ), гдѣ его и перечеканятъ [2]).

---

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., ч. II, стр. 58—59.
[2]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. VII, прим. 161.

Василій отвѣчалъ, что серебро готово, но нѣмцы должны прежде начать войну [1]). Цѣна гривенкѣ ($^1/_2$ ф.) серебра была 5 руб., какъ это видно изъ расходной книги объ отпускѣ изъ казеннаго двора вещей по царскимъ указамъ 1584—1585 гг. [2]). Тогда же видимъ въ московскомъ гостиномъ дворѣ особый серебряный рядъ [3]).

Что касается серебрянаго мастерства на Руси XVI вѣка, то оно процвѣтало преимущественно въ Москвѣ, гдѣ, по документамъ того времени, значатся имена 17 серебряниковъ, очевидно, русскихъ, а именно: Третьяка Астафьева, Василія Бѣлаго, Гостя и Степана Дмитріевыхъ, Нечая Ильина, Ивана и Булгака Лисицыныхъ, Лашука и Иванка Лопухиныхъ, Никиту Макарова, Некраса Михайлова, Сидора и „Ѳедку" Никитиныхъ, Ивана Островенскаго, Григорія Романова, Ратмана (Романа) Степанова и Василія Юрьева [4]). Разумѣется, не переводились серебряники и въ Новгородѣ, гдѣ, наприм., въ 1567 году, 28 іюля горѣло въ Славнѣ (одно изъ урочищъ Новгорода) у Ефрема серебряника во дворѣ [5]). Туда же, въ Новгородъ, 19 января 1556 года послана изъ Москвы грамота отъ царя Ивана Васильевича діакамъ Ѳедору Еремѣеву и Казарину Дубровскому, чтобы они прислали въ Москву новгородцевъ, серебряныхъ мастеровъ, Ортемка да Родивонка Петровыхъ дѣтей, съ братьею и съ дѣтьми, которые, ихъ братья и дѣти *горазди серебромъ образовъ окладывати* [6]). Изъ серебрянниковъ иноземцевъ въ русскихъ документахъ XVI в. упоминаются поименно только двое: Борисъ Томасъ — въ 1584, и Севастьянъ Клеусъ — въ 1585 гг. [7]). Но, вѣроятно, ихъ было больше, потому что, еще въ 1547 г. саксонецъ Шлиттъ, по порученію царя Ивана IV Грознаго, нани-

---

[1]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Россійск. т. VII, стр. 51.
[2]) Дополн. къ акт. истор., т. I (1846) № 131, стр. 199.
[3]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. X, стр. 155.
[4]) *Сахаровъ*: Обозрѣніе русской археологіи, стр. 28—42.—*Забѣлинъ*: О металлич. производ. въ Россіи до конца XVII в. стр. 110—136.
[5]) Новгород. втор. лѣтопись. См. Пол. сб. рус. лѣт., т. III, стр. 161.
[6]) Дополн. къ акт. истор., т. I, № 93.
[7]) *Сахаровъ*: Обозр. рус. археол., стр. 28—42.—*Забѣлинъ*: О металл. производ. въ Росс. до конца XVII в., стр. 110—136.

малъ въ Европѣ разныхъ художниковъ и мастеровъ, изъ которыхъ многіе, несмотря на десятилѣтнее, по интригамъ Ганзы и ливонскихъ рыцарей, заключеніе самого Шлитта въ Любекѣ, успѣли тайкомъ пробраться въ Москву [1]), гдѣ архіепископъ Арсеній въ 1589 г. восхищался искусствомъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, надо полагать, не однихъ только русскихъ [2]).

Замѣчательнѣйшими образцами русской серебряной работы XVI в. остаются донынѣ: времени вел. князя Василія — ковшъ серебряный, хранящійся въ ризницѣ Троице-Сергіевой Лавры [3]); блюдце серебряное, вызолоченое князя Воротынскаго [4]), хранится въ московской оружейной палатѣ [5]); чарка серебряная, золоченая, подъ финифтью, съ литымъ изображеніемъ барса въ серединѣ и надписями; хранится въ московской оружейной палатѣ [6]); времени царя Ивана IV Грознаго — крестъ воздвизальный, серебряный, сканный, съ святыми мощами, обнизанной жемчугомъ и, по мѣстамъ, украшенный драгоцѣнными неграneными каменьями, 1553 года, съ надписью на рукояти вязью, находящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ [7]); крестъ напрестольный серебряный, чеканный, длиною $8^1/_4$ вершк., съ литымъ распятіемъ, образами Богоматери, Іоанна Богослова и прочихъ святыхъ, украшеніями по мѣстамъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, 1560 года; находится въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ [8]); крестъ серебряный, золоченый, съ рѣзнымъ изображеніемъ Распятія Господня, вѣсомъ 47 золотн.; хранится въ московской синодальной ризницѣ [9]); паникадильце серебряное, золоченое, данное царемъ

---

[1]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. VIII, стр. 70.
[2]) Тамъ же, т. X, стр. 152 и прим. 451.
[3]) Историч. описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, стр. 50.
[4]) Этотъ знаменитый князь, бояринъ съ 1551 г. прославившійся подъ Казанью въ 1552 г., ум. въ 1554 г.
[5]) Московская оружейная палата. 1860, стр. 152.
[6]) Тамъ же.
[7]) *Снегиревъ*: Памятники моск. древн. стр. 93.
[8]) Тамъ же, стр. 78.
[9]) *Савва*, архим.: Указатель для обозрѣнія московской патріарх. (нынѣ синод.), ризницы и библ. стр. 10.

Иваномъ IV къ ракѣ препод. Сергія, въ 1568 г.; находится въ Троице-Сергіевой Лаврѣ [1]); потиръ серебряный, чеканный, снаружи чаши — широко-круглаго вида, съ отлогимъ спускомъ къ рукояткѣ, имѣющей въ срединѣ небольшой шарикъ съ накладками, — рѣзные образа: Христа Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи, изображенія: восьмиконечнаго креста, архангеловъ Михаила и Гавріила, 1574 года, находящійся въ Тихвинскомъ большомъ монастырѣ [2]); два кубка серебряные, золоченые, одинъ вышиною ровно сажень, безъ крышки 5 фут., вѣсомъ 1 пудъ 8 фунт., другой вѣсомъ 39 ф. 28 зол.; росольникъ въ видѣ бассейна, на шарахъ, изъ которыхъ верхній украшенъ изображеніемъ Юпитера, возсѣдающаго на орлѣ, съ громами въ рукахъ, вѣсомъ 1 пудъ 11 фунт. 6 золотн.; братина ложчатая; ковшъ золоченый съ финифтевыми изображеніями: въ срединѣ медальономъ, — бычачьей головы въ красномъ полѣ, на ручкѣ — попугая въ синемъ полѣ и надписью; ковшъ бѣлый, съ золотымъ вѣнцомъ, подъ которымъ на зеленомъ, въ видѣ медальона, финифтевомъ полѣ двуглавый орелъ; ковшъ гладкій золоченый на оба лица (снаружи и внутри) по вѣнцу съ титуломъ царя Ивана Васильевича; ковшъ большой 1535 года [3]); чарка большая съ золоченымъ вѣнцомъ, прорѣзной ручкой, ободами и обронной по вѣнцу надписью, дополненною титуломъ царя Ивана Грознаго; купа серебряная, съ наружной подписью, въ видѣ ленты, 1550 года; всѣ послѣднія десять вещей хранятся въ московской оружейной палатѣ [4]); времени царя Ѳедора I, сына Грознаго, — крестъ напрестольный, серебряный, сканный, съ финифтью, вкладъ думнаго дворянина Игн. Петр. Татищева 1595 г., хранится въ ризницѣ московскаго Успенскаго собора [5]); сосуды — потиръ, дис-

---

[1]) Историч. описаніе Свято-Троицк. Серг. лавры, стр. 49.

[2]) Отенскій-Предтечевскій мужескій 3 кл. монастырь, въ 50 верст. отъ г. Крестцовъ, новгородской губерніи. Когда основанъ — неизвѣстно; но въ XV в. уже существовалъ. Историко-статистическое описаніе первоклассного тихвинскаго Богородицкаго большаго мужескаго монастыря. С.-Петербургъ. 1859, стр. 84.

[3]) Князь Ив. Ив. Кубенскій, въ 1534 г. пожалованный изъ крайчихъ въ бояре и дворецкіе, казненъ въ 1545 г.

[4]) Московск. оруж. палата. 1860, стр. 152—154.

[5]) *Снегиревъ:* Памятники московск. древн., стр. 34.

косъ, звѣзда и лжица золоченые, чеканные, съ рѣзьбою 1592 года; хранятся въ Тихвинскомъ большомъ монастырѣ [1]), водосвятная чаша, вѣсомъ 11 фунт. 6 золотн., вкладъ боярина Дм. Ив. Годунова [2]) 1594 г., находится въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ [3]); братина съ золоченымъ вѣнцомъ, по которому подпись [4]), хранится въ московской оружейной палатѣ [5]); кубокъ ложчатый, съ крышкою, золоченъ на оба лица, вѣсомъ 3 ф. 53 зол., даръ Бориса Годунова, еще не царя, патріарху Іову въ 1589 году; хранится въ московской синодальной ризницѣ [6]).

Извѣстно также, что московскіе мастера XVI вѣка изготовили двѣ серебряныя раки: въ 1531 г., при вел. князѣ Василіѣ,— къ мощамъ св. Алексѣя, митрополита московскаго, похищенную непріятелемъ въ 1812 г. [7]), а въ 1584 г. — къ мощамъ св. Сергія радонежскаго, начатую еще при царѣ Грозномъ, но поставленную на мѣсто уже при царѣ Ѳедорѣ, и теперь невидную за другою, въ 25 пудовъ, сдѣланною въ 1737 г. [8]). Для знакомства же съ разнообразіемъ серебряныхъ издѣлій, напр., посуды у московскихъ царей XVI вѣка, интересна опись имущества царя Ивана IV Грознаго въ 1582 и 1583 годахъ [9]), характеризующая современный вкусъ. Вотъ нѣкоторыя вещи: серебряная бочка съ золочеными обручами, наверху у бочки на обручикахъ золоченыя змѣйки съ серебряными цѣпями на шейкѣ, клейма бочки финифтиняныя, покрышка завертная золоченая съ цѣпочкой, вѣсъ бочки 14½ фунт.; яндовы съ носкомъ серебряныя по

1) Истор. статист. описаніе тихвинск. Богород. больш. монастыря, стр. 84—85.
2) Дм. Иванов. Годуновъ—дядя Бориса Годунова, бояринъ съ 1577 г., умеръ въ 1606 году.
3) *Діевъ:* Историческое описаніе костромскаго Ипатскаго монастыря. Москва. 1858, стр. 24.
4) Иванъ Вас. Годуновъ—внучатный братъ Бориса Годунова, бояринъ съ 1584 г., ум. въ 1602 г.
5) Московск. оруж. палата. 1860, стр. 154.
6) *Савва*, архим.: Указатель для обозрѣнія московск. патріарх. (нынѣ синод.) ризницы и библ., стр. 90.
7) *Снегиревъ:* Памятники москов. древн., стр. 137.
8) Истор. опис. Свято-Троицк. Серг. лавры, стр. 19—20.
9) Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича. См. Временникъ Импер. Общ. ист. и древн. 1850. Кн. VIII, стр. 24—25.

вѣнцу рѣзаны травами и листьями, вѣсомъ $1^1/_2$ и $6^1/_2$ фунт., достоканъ серебряный съ разложистыми краями, рукоять въ видѣ змѣи съ глазами изъ бирюзы, на концѣ рукояти золоченое яблочко, а у достокана человѣческая фигура, вѣсъ вещи $1^1/_8$ фунт.; мушерма серебряная съ покрышкою, носокъ въ видѣ крылатаго змѣя съ круглыми бляхами на брюхѣ, на которыхъ изображены звѣри и люди на конѣ, на покрышкѣ сидитъ орелъ, вѣсъ вещи $2^1/_2$ фунта; серебряные кувшины, рукомойникъ и проч. съ цѣпями, обручами и т. д.

Масса благородныхъ металловъ въ деньгахъ, или казна въ тѣсномъ смыслѣ, у московскихъ властителей XVI вѣка вполнѣ соотвѣтствовала изобилію золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Царь Иванъ IV Грозный въ 1572 г. вывезъ изъ Москвы въ Александрову-Слободу (нынче уѣздный городъ Александровъ, владимірской губ.) 450 возовъ казны [1]). Одинъ иноземецъ, описывая московскій дворецъ въ 1576 г., говоритъ, что дѣдъ государя (Иванъ III), по взятіи и опустошеніи Новгорода (1478), обогатилъ казну на 300 фуръ золота и серебра. Отецъ его (Василій), такимъ же образомъ присоединившій 12 (по другой редакціи того же текста 15) [2]) княжествъ, внесъ въ свою сокровищницу золото и серебро, отысканное въ тамошнихъ казнохранилищахъ. То же сдѣлалъ и Иванъ IV, покоривши Астрахань и Казань. Завладѣвъ въ послѣдніе годы Дерптомъ, Перновымъ и другими богатѣйшими по торговлѣ городами Ливоніи, онъ не допустилъ своихъ воиновъ участвовать въ добычѣ; но, слѣдуя примѣру древнихъ римлянъ, все присоединилъ къ своей казнѣ [3]). Кромѣ этихъ законныхъ способовъ, московскіе властители XVI вѣка употребляли для приращенія казны своей и другіе, нерѣдко весьма странные, но считавшіеся, впрочемъ, по понятіямъ тогдашняго времени, также законными. Эти способы извѣстны намъ не изъ отечественныхъ

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, пр. 385.
[2]) Тамъ же, прим. 440.
[3]) *Кобенцель:* Письмо о Россіи XVI вѣка. См. Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ. 1842. Сентябрь. Отд. II. стр. 149.

источниковъ, о томъ умалчивающихъ, но изъ сказаній иноземцевъ современниковъ; въ особенности на этотъ счетъ изобрѣтателенъ былъ Иванъ IV Грозный, не щадившій не только бояръ и торговыхъ людей, но даже духовенство и монастыри.

Повѣствованія иностранцевъ интересны по цифрамъ поборовъ, которыя, съ одной стороны, не должны быть далеки отъ истины, а съ другой указываютъ, до нѣкоторой степени, мѣру распространенія благородныхъ металловъ, разумѣется, монетою, въ массѣ частныхъ людей на Руси XVI вѣка. Удивительно, что между этими людьми выискивались такіе, которые, при всѣхъ административныхъ стѣсненіяхъ, умѣли все-таки пріобрѣтать значительныя богатства. По разсказамъ Флетчера, трое братьевъ Оникиныхъ, ведя общимъ капиталомъ торговлю, успѣли нажить до 300 тысячъ рублей наличныхъ денегъ и другого имущества. Они имѣли до 10 тысячъ людей, занимавшихся добываніемъ соли, рубкою лѣса, перевозкою и сплавкою ихъ; 5 тысячъ людей жили постоянно на ихъ земляхъ и обработывали ихъ; они имѣли всякаго рода нѣмецкихъ и другихъ иностранныхъ ремесленниковъ, докторовъ, аптекарей и проч; однѣхъ таможенныхъ пошлинъ платили они въ казну 23 тысячи рублей ежегодно [1]). Немудрено догадаться, что Флетчеръ говоритъ о братьяхъ Строгоновыхъ, которымъ различными грамотами [2]) жалованы были земли съ обязательствомъ охранять восточныя границы Руси отъ набѣговъ. Такъ напримѣръ, Иванъ IV Грозный въ 1558 году пожаловалъ Григорію Аникіеву обширныя земли по р. Камѣ, отъ того мѣста гдѣ построенъ потомъ Соликамскъ до устья Чусовой, а также по рѣкамъ Чусовой и Лысвѣ; въ 1564 году ему же земли на Орловскомъ наволокѣ, а въ 1568 году Якову Аникіеву новыя земли вверхъ по обѣ стороны Камы и т. д., все съ обязанностью устроить крѣпости съ каменными стѣнами и пушками для защиты отъ „сибирскихъ, ногайскихъ и иныхъ ордъ людей“. Этими грамотами

---

[1]) *Толстой:* Флетчеръ и его книга „О русскомъ государствѣ“ при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ. См. Библіот. для чтен. 1860. № 1, стр. 39.

[2]) Сибирскія лѣтописи. См. Отечественныя Записки. 1849. № 4, стр. 153—155.

разрѣшалось солевареніе, но воспрещено было обработывать руды, и если найдутъ гдѣ серебряную, мѣдную, или оловянную руду, то поставлено имъ въ обязанность немедленно извѣщать о томъ правительство. Съ р. Чусовой предпріимчивые Строгоновы, начавшіе свое поприще солевареніемъ въ зырянской сторонѣ въ Соли Вычегодской, расширяли свои промысловые виды за Каменный Поясъ (Уралъ), и когда, въ 1574 г., царь Иванъ IV „Якова да Григорья пожаловалъ на Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати“ [1]), Строгоновымъ, прежде нежели успѣлъ явиться въ ихъ Чусовскіе городки удалой Ермакъ, уже открылась „земля Сибирь, нарицаемая звѣрообразныхъ и дикихъ людей, потому что живутъ по лѣсамъ и по рѣкамъ, и питаются звѣремъ и рыбою кромѣ (безъ) хлѣба, ѣдятъ кровавое и сырое, вѣры же и грамоты не имутъ, добываютъ же и продаютъ драгіе звѣри соболи и куницы, и бобры и лисицы и бѣлки множество, простирается широко и долго“ [2]).

Впрочемъ Сибирь и тогда уже не была извѣстна исключительно по мѣхамъ. Въ грамотѣ Строгоновымъ 1574 г. разрѣшалось наконецъ: „мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на испытъ дѣлати; а кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати, и имъ дѣлати освобожати, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы нашей казнѣ была прибыль... да о томъ писати къ намъ, и во што которые руды въ дѣлѣ пудъ учинитца ставити“ [3]). Неизвѣстно однако имѣли ли въ виду тогда Строгоновы пользоваться этимъ дозволеніемъ. Роспоряженіе это, касающееся уже чисто горнаго дѣла, не было на Руси XVI вѣка единственнымъ. Еще въ 1547 году царь Иванъ IV поручилъ саксонцу Шлитту нанять въ Европѣ между разными мастерами: 2 рудокоповъ, 1 плавильщика, 1 про-

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, прим. 661.
[2]) Книга глаголемая козмографія, сложена отъ древнихъ философовъ, переведена съ нѣм. яз. См. Временникъ Импер. Общества истор. и древн. 1853. Кн. XVI. Смѣсь стр. 6.
[3]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, прим. 661.

бирщика и 1 плющильщика [1]). Въ 1556 г. царской грамотой того же Ивана IV новгородскимъ дьякамъ Θедору Еремѣеву и Казарину Дубровскому, отъ 24 февраля, между прочимъ, предписывалось: „А которые будутъ нѣметцкіе полоняники у дѣтей боярскихъ и у всякихъ людей умѣютъ дѣлати руду серебряную, и серебряное дѣло, и золотное и мѣдяное, и оловяное и всякое, и вы бъ тѣхъ людей велѣли дѣтемъ боярскимъ вести къ намъ на Москву; и которые люди приведутъ нѣметцкихъ полоняниковъ, которые знаютъ серебряную руду, и дѣлаютъ серебряное и золотое и мѣдяное и оловяное дѣло, и годны будутъ къ нашему дѣлу, и мы тѣхъ дѣтей боярскихъ пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ; а которые люди приведутъ къ вамъ нѣметцкихъ полоняниковъ, которые знаютъ серебряную руду, и серебряное и золотное и мѣдяное дѣло дѣлаютъ, и годны будутъ нашему дѣлу, и вы объ тѣхъ людей выспрашивали: кто какое дѣло умѣетъ дѣлати? и которые будетъ люди рукодѣльемъ годны къ нашему дѣлу, и вы бъ тѣхъ нѣмецкихъ полоняниковъ отписывали на меня, царя и великаго князя; и у кого какого полоняника отпишите именемъ, и какому дѣлу которой умѣетъ, и вы бы о томъ къ намъ отписали, и мы въ томъ вамъ велимъ указъ учинить“ [2]). Въ 1557 году вологодскій дворянинъ, Осипъ Непея, или, какъ называютъ его въ современныхъ актахъ, Непея Вологжанинъ, посыланный царемъ Иваномъ IV въ Лондонъ, вывезъ оттуда, между прочими ремесленниками и мастеровыми, нѣсколько рудокоповъ [3]). Князь Щербатовъ сообщаетъ [4]), что царь Иванъ Васильевичъ Грозный требовалъ отъ шведскаго короля Іоанна II Вазы, чтобы онъ уступилъ Россіи единое близъ ея границъ такое мѣсто, гдѣ серебряная руда находится; а если такого мѣста нѣтъ, то прислалъ бы въ Россію добрыхъ мастеровъ для сысканія ея и обдѣлыванія. На требованіе это послы шведскаго короля отвѣчали,

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Россійск. т. VIII, стр. 206.
[2]) Дополн. къ акт. историч. т. I, № 102.
[3]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. VIII, стр. 146.
[4]) *Князь Щербатовъ:* Россійская исторія, т. V ч. II кн. 12; также Древняя Россійская Вивліоѳ., 1773 г., № 2.

что руды серебряной въ шведскихъ областяхъ, прилежащихъ къ русскимъ границамъ, нѣтъ; но король не откажется прислать искусныхъ мастеровъ. Впослѣдствіи царь Иванъ Васильевичъ повторилъ это требованіе словесно черезъ шведскаго посланника Антона Ольса, а въ 1573 г. требовалъ грамотой отъ шведскаго короля рудоискателей, упоминая въ этой грамотѣ, чтобы король, между прочимъ, выполнилъ то, что дьякъ его приказывалъ бывшему въ Россіи человѣку шведскаго короля, Антону Ольсу, о серебряной рудѣ и о мастерахъ, которые руды ищутъ. Наконецъ, въ 1597 году царь Өедоръ I, сынъ Ивана IV, отправляя къ императору Рудольфу II дворянина Вельяминова, приказываетъ ему вызвать изъ Италіи, чего бы то ни стоило, мастеровъ, умѣющихъ находить и добывать золото и серебро [1]).

Изъ всего этого видно, что русское горное производство въ тѣсномъ смыслѣ, начатое въ XV вѣкѣ Иваномъ III, продолжалось и въ XVI в. преемниками Ивана III, съ той разницей, что при нихъ оно не ограничивалось, какъ прежде, металлами исключительно благородными.

Точныхъ извѣстій о самостоятельномъ добываніи мѣди на Руси XVI вѣка нѣтъ. Но слухъ о богатствѣ Руси именно мѣдью— еще въ 1557 г. дошелъ до Лондона и побудилъ тамошнее купеческое общество, существующее донынѣ подъ названіемъ Россійской Компаніи (the Russia Company), требовать отъ своихъ повѣренныхъ въ Москвѣ образчиковъ русской мѣди, съ обстоятельными о ней свѣдѣніями [2]). Принимая въ соображеніе замѣтку англичанина Джона Гассе, писавшаго еще въ 1554 г., что па мѣновой торгъ въ Лампожню, селеніе мезенскаго уѣзда, нынѣшней архангельской губерніи [3]), привозятъ, между прочимъ, и мѣд-

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. X, стр. 147.

[2]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. См. Записки Импер. академіи наукъ. 1865, кн. I. Приложеніе къ VIII тому, № 1, стр. 38.

[3]) Лампожня занимаетъ южную оконечность южнѣйшаго изъ дюжины извѣстныхъ по именамъ островомъ на р. Мезени; онъ же и наибольшій—въ 12 в. протяженія. Неширокая часть р. Мезени, омывающая всѣ 12 острововъ съ Востока, называется Курьей-Губой.

ную посуду (batrie) изъ Холмогоръ [1]), можно предполагать: не добывалась ли тогда мѣдь гдѣ нибудь въ восточной части нынѣшней архангельской губерніи? Торги же лампожненскіе были извѣстны и другому англичанину, Ричарду Джонсону, которой въ 1557 г. писалъ, что тутъ русскіе, татары и самоѣды съѣзжаются дважды въ годъ и промѣниваютъ товары на товары [2]),— показаніе, подтверждаемое и жалованною грамотою канинскимъ и тіунскимъ самоѣдамъ въ 1545 г. [3]). Привозную мѣдь доставляли въ Русь XVI вѣка англичане, датчане (норвежскую), шведы и нѣмцы. Въ 1514 г. дозволенъ торгъ мѣдью въ Новгородѣ ганзейцамъ [4]). Въ 1581 г. Елизавета, королева англійская, по требованію царя Ивана IV, прислала съ Жеромомъ Горсеемъ 13 кораблей, грузъ которыхъ, всего на 9,000 фун. стер., состоялъ, между прочимъ, и изъ мѣди [5]). За взвѣсъ мѣди взималось „пудовщиками" съ продавца и купца по таможеннымъ грамотамъ: Дмитровской [6]) 1521 г. — „съ рубля по дензѣ" [7]), Двинской 1588 г. „по двѣ деньги" [8]). Мѣдь красная и желтая привозилась въ полицахъ или пластинахъ, и въ издѣліяхъ. Въ торговлѣ существовали разные виды мѣди: однопечатная, троепечатная, трубчатая, козарская, тазовая (въ посудѣ) и колокольная.

Извѣстная „книжка описательна" 1575 г. преподаетъ слѣдующія данныя относительно тогдашнихъ цѣнъ мѣди: „Тонкая мѣдная проволока колечная берковескъ 14 руб., коли дорогà въ тридцать рублей. Котельные изгарины берковескъ 15 руб., коли дорога въ 25 рублей. Тазовая запрудная мѣдь берковескъ полъ 15 (14½) рубля, а коли дорога въ 30 рублей. Трубчатая мѣдь берковескъ 14 рублей, коли дорога въ 24 рубля. Въ тазѣхъ,

---

1) *Гамель*: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 40.
2) Тамъ же, стр. 56.
3) Акты археол. экспед. т. I, № 204.
4) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс. т. VII, стр. 37.
5) *Гамель*: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол. стр. 116.
6) Дмитровъ, нынѣшній уѣздный городъ москов. губ., въ первой половинѣ XVI в. имѣлъ важное торговое значеніе, потому что изъ него открывался путь волжскій: суда шли по Яхромѣ въ Сестрью, изъ Сестрьи въ Дубну, а Дубною входили въ Волгу.
7) Акты археол. экспед. т. I, № 170, II.
8) Тамъ же, № 338.

зеленые мѣди подъ по шти (6) ефимковъ. Однопечатная — по краемъ же добрая знати, чтобы ся несѣдила и не обсѣкано — берковескъ въ полъ 14 (13½) рублей, коли дорога въ 20 рублей с полтиною. Троепечатная пуслишная берковескъ въ 14 рублей, коли дорога въ 24 рубля. Козарская мѣдь фунтъ въ 3 рубля. Мѣдь въ полицахъ красная пудъ по пол 3 рубля. Пушки въ куричье яицо ядро (калибръ) по 10 рублей. Мѣдь колокольную пудъ по 2 рубля" [1]).

Главнѣйшими видами мѣдно-литейнаго дѣла на Руси XVI вѣка оставались по прежнему: колокольный и пушечный. Литье колоколовъ производилось во многихъ городахъ, по преимущественно въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Такъ въ 1501 г. мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ, въ Новгородѣ, слилъ колоколъ *Медвѣдь*, вѣсомъ въ 450 пудовъ, находившійся потомъ на Ивановской колокольнѣ въ Москвѣ и перелитый въ 1775 году, вмѣстѣ съ другими древними колоколами [2]). Въ 1503 г. слитъ на Москвѣ большой колоколъ, его дѣлалъ Петръ Фрязинъ, одной мѣди въ немъ было 250 пудовъ [3]). Въ 1530 г. 25 августа „съ среды на четвергъ, въ 6 часъ нощи — повѣствуетъ новгородскій лѣтописецъ — бысть громъ и молнія, туча и вѣтръ зѣло страшенъ, яко инѣти всей земли поколебатися отъ основанія; и въ ту нощь родися у великаго князя Василія Ивановича всея Россіи сынъ, Богомъ дарованный, въ святомъ крещеніи нарѣченный Іоаннъ, еже есть усѣкновеніе честныя главы Іоанна Предтечи, отъ другіе жены великія княгини Елены, иже бысть царь и великій князь Іоанъ Васильевичъ все Россіи зѣло грозенъ. Въ ту же нощь, повелѣніемъ преосвященнаго Макарія архіепископа, и въ настоящій часъ рожденія его, слитъ бысть колоколъ ко святѣй Софіи благовѣстникъ, вѣсомъ полтретьяста (250) пудовъ, вельми великъ, яко такова величествомъ не бывало въ великомъ Новѣградѣ и во всей новгородской области,

[1]) Торговыя книги. См. Временникъ Импер. Общества истор. и древн. росс. 1850. Кн. VIII. Матеріалы 3, стр. 19, 21,

[2]) *Снегиревъ:* Памятники москов. древности. стр. 114.

[3]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. VI. Прим. 629.

яко страшной трубѣ гласящи“ [1]). Въ 1532 году мастеръ Николай Нѣмчинъ слилъ въ Москвѣ колоколъ *Лебедь*, вѣсомъ въ 445 пуд; колоколъ этотъ, перелитый съ другими въ 1775 г., имѣлъ на себѣ слова: *Hikiwas obraker 537*, и противъ нихъ: а дѣлалъ Николай [2]). Въ 1533 г., тѣмъ же Николаемъ Нѣмчиномъ, слитъ въ Москвѣ колоколъ *Благовѣстникъ*, вѣсомъ въ 1000 пудовъ, и поставленъ на деревянной колокольнѣ [3]). Въ 1552 г. отлиты два колокола въ Псковѣ, о которыхъ сохранилось лѣтописно слѣдующее болѣе подробное извѣстіе: „Лѣта 1552 колоколъ слили мастеры Матѳейко да Коземка Михайловы [4]), вѣсомъ 16 берковсковъ и пол 5 (4$^1/_2$) пуда болшихъ и 4 гривенки (2 ф.), а денежною проторью сталъ 313 рублевъ московскихъ и 11 денегъ псковскихъ; и того же лѣта слили въ печерской же (псково-печерскій) монастырь новой колоколъ, а вышелъ изъ дѣла вѣсомъ 16 берковсковъ да пудъ болшой безъ 5 гривенокъ (2$^1/_2$ ф.), а всей мѣди дано было мастеромъ въ дѣло 15 берковсковъ и 4 пуда болшихъ и 12 гривенокъ (6 ф.), а олова 3 берковска и 6 пудовъ болшихъ и 8 гривенокъ (4 ф.); а лили колоколъ мастеры Козма Васильевъ да Логинъ Семеновъ“ [5]). Въ 1559 году „перелитъ“ въ Москвѣ сохранившійся донынѣ на Иванѣ Великомъ зазвонный колоколъ *Татаринъ*; переливалъ мастеръ Нестеръ Ивановъ сынъ Псковитиновъ [6]). Имя мастера Іульяно Іора сохранилось на колоколѣ церкви села Ратмира, московской губерніи, коломенскаго уѣзда, вылитомъ въ 1557 г. въ Новгородѣ [7]). Покупались тогда и готовые колокола изъ Голландіи, какъ доказываетъ это сохранившійся въ Москвѣ, на Иванѣ великомъ, колоколъ, по названію *Безъимянный*, съ означеніемъ года: *anno 1550*, и надписью на голландскомъ языкѣ

---

[1]) Новгород. третья лѣтоп. См. Пол. сбор. русс. лѣтоп., т. III, стр. 248.
[2]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн., стр. 114.
[3]) *Карамзинъ.* Истор. Госуд. Россійск. т. VII. с. 383.
[4]) Въ Соловецкомъ монаст. находятся донынѣ колокола работы Михайловыхъ; одинъ Матвѣя 1559 г. и два Козмы 1557 и 1559 гг.
[5]) Псковская первая лѣтопись. См. Полн. сборн. русск. лѣт., т. IV, стр. 318.
[6]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн. стр. 114.
[7]) *Иванчинъ-Писаревъ:* Прогулка по древнему коломенскому уѣзду. Москва. 1843, стр. 41.

евангельскаго текста: *Also heft Godt de werlt beleiit, dat he sinen eingen Sone gaff, op dat alle on en geloven nicht vorlaren werden sonder dat ewige hebben. Ioanes. am. 3* [1]). Колоколъ въ 30 пуд., стоилъ въ то время 41 рубль [2]).

Пушечное литье на Руси XVI вѣка оставалось сначала въ рукахъ итальянцевъ, изъ которыхъ, напр., Бартоломей, принявшій въ Москвѣ православіе, пользовался особеннымъ благоволеніемъ великаго князя Василія [3]). Но уже въ 1513 г. между московскими пушечниками были природные русскіе, напр. Булгакъ Ноугородовъ, одна изъ работъ котораго, въ описи смоленскаго настѣннаго наряда (артиллеріи) 1677 г., обозначена такъ: „пищаль мѣдная; гранатная, болшая, безъ станку и безъ колесъ, русскаго литья, длина два аршина съ полуторымъ вершкомъ. Вѣсу 83 пуда“ [4]). Около того же времени итальянскій элементъ русской артиллеріи уступилъ первенство нѣмецкому, начало котораго восходитъ къ 1518 г., когда Григорій Истома, отправленный посломъ къ императору Максимиліану I, нашелъ въ Инспрукѣ пять человѣкъ пушечныхъ мастеровъ: „но какъ этого нельзя было сдѣлать гласно—добавляетъ Герберштейнъ—то онъ далъ своимъ слугамъ денегъ, чтобы они по вечерамъ ходили къ служанкамъ: такимъ путемъ они узнали о пяти мастерахъ, которые соглашались ѣхать въ Москву“ [5]). Мастера эти дѣйствительно явились къ великому князю Василію и одинъ изъ нихъ, Вальхъ, ослѣпнувъ въ Москвѣ въ 1526 г., возвратился въ Германію, а другой, Никласъ, уроженецъ окрестности Шпейера, въ 1521 г., съ отличіемъ командовалъ московскими пушкарями во время приступа къ Москвѣ крымскаго хана Магметъ-Гирея. Наемъ нѣмецкихъ мастеровъ вообще былъ сопряженъ тогда съ большими затрудненіями, по недоброжелательству Ливонскаго ор-

---

[1]) То есть: Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Іоан. гл. 3, зач. 8, ст. 16.

[2]) *Сахаровъ*: Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. См. Зап. отд. русск. и слав. археол. Имп. Арх. Общ. 1851, т. I, стр. 51.

[3]) *Карамзинъ;* Истор. Госуд. Россійск., т. VII, прим. 12.

[4]) Дополн. къ акт. истор. т. V (1853). № 51 стр. 304.

[5]) *Гамель:* Англичане съ Россіи въ XVI и XVII стол. стр. 171.

дена, который нерѣдко, задерживая германцевъ, ѣхавшихъ въ Москву, строго наказывалъ своихъ подданныхъ за одно намѣреніе сдѣлать то же. Объ этомъ есть очень много подробностей въ розыскномъ дѣлѣ о Петрѣ Фрязинѣ, бѣжавшемъ изъ русской службы къ нѣмцамъ, въ бытность свою въ Новгородкѣ ливонскомъ въ 1539 г. [1]). Впрочемъ, русскіе пушечные мастера могли уже тогда обходиться безъ чужеземной помощи, и въ с.-петербургскомъ арсеналѣ донынѣ хранится отлитый въ Москвѣ дробовикъ 5-ти дюймоваго калибра, вѣсомъ въ 5 пуд. 30 ф., съ надписью, изъ которой видно, что сдѣлалъ ее въ 1542 году Игнатьевъ [2]). Въ 1547 же году на московскомъ пушечномъ дворѣ, въ приходѣ св. Софіи Премудрости, близъ нынѣшняго Кузнецкаго моста [3]), отлиты Игнатьевымъ съ товарищами первыя 16-ти пудовыя *волконейки* [4]), т. е. фалконеты, изобрѣтенные итальянцами только за одиннадцать лѣтъ до того [5]). Мѣдь на всѣ эти орудія шла привозная, ганзейская, пріобрѣтавшаяся въ Новгородѣ или Псковѣ, какъ это видно изъ царской грамоты 17 марта 1586 г., предписывавшей Ѳедору Еремѣеву и Казарину Дубровскому въ Новгородѣ купить для литья мѣди тысячу пятьсотъ пуд., пригодной къ пушечному и пищальному дѣлу. А не добудутъ они въ Новгородѣ столько мѣди, то купить ее въ Псковѣ [6]). Подобныя грамоты посылались въ Новгородъ не часто, а только въ такихъ случаяхъ, когда къ московскому литью не хватало мѣди въ самой Москвѣ, куда, до разрыва съ Польшей въ 1559 г., усердно возили ее купцы польско-литовскіе, несмотря на кое-какіе капризы московскихъ властей, явствующіе, напр., изъ разсказа одного иноземца, посла ко двору великаго князя Василія, какъ одинъ краковскій гражданинъ привезъ двѣсти центнеровъ

---

[1]) Акты историч. т. I, № 141, стр. 204.

[2]) *М. Хмырова*: Артиллерія и артиллеристы Руси до-петровской, Артилл. Журн. 1865. № 9, стр. 22.

[3]) Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ государства россійскаго. Москва 1831, ч. III, стр. 170.

[4]) Энциклопедическій лексиконъ (изд. Плюшара) С.-Петербургъ. 1835, т. III. Статья *Арсеналъ*.

[5]) *Яковлевъ:* Историческія свѣдѣнія объ огнестрѣльномъ оружіи. Перев. съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1841, ч. I.

[6]) Дополн. къ Актамъ истор., т. I. № 112.

мѣди, которую хотѣлъ купить государь, и купца задержалъ столь долго, что послѣдній, не выдержавъ, наконецъ повезъ мѣдь обратно и уже находился отъ города въ нѣсколькихъ миляхъ, какъ нѣкоторые подосланные его нагоняютъ, имѣніе его удерживаютъ и налагаютъ запрещеніе, подъ предлогомъ, что онъ не заплатилъ пошлинъ. Купецъ, возвратясь въ Москву, приноситъ жалобу на причиненную ему обиду государевымъ совѣтникамъ, которые, выслушавъ оную, немедленно обѣщаютъ быть посредниками и окончить дѣло примиреніемъ, если онъ будетъ просить прощенія. Хитрый купецъ, зная, что государю будетъ стыдно, если тѣ товары изъ его государства увезутся, и никто не сыщется, кто бы могъ ихъ купить и оплатить, не только не просилъ никакого прощенія, но требовалъ доставить ему правосудіе. Видя упрямство купца, мѣдь купили, наконецъ, именемъ государя и, заплативъ за нее настоящую цѣну, купца отпустили [1]).

Мѣдныя орудія московскаго литья XVI вѣка приготовлялись весьма искусно изъ сплава мѣди, олова и цинка въ различныхъ пропорціяхъ. При отливкѣ этихъ орудій, всегда съ готовыми каналами, мастера не держались никакихъ опредѣленныхъ размѣровъ, но давали орудіямъ видъ, калибръ, длину и вѣсъ произвольные, причемъ на тареляхъ и дулахъ вычеканивали затѣйливыя изображенія, по которымъ орудія именовались: одно—*медвѣдь*, другое—*дѣвка*, третье—*волкъ*, далѣе—*левъ*, *соловей*, *аспидъ*, *василискъ*, *лисица*, *змѣй*, *инбросъ* и другія. Части орудія назывались: казенная—*казною*, средняя—*срединою*, дульная—*дуломъ*, цапфы—*вертлюгами*, дельфины—*ушами*, фризы—*поясами*, каналъ—*стволомъ*, лафетъ—*колодою*, или *станкомъ*, къ концамъ котораго придѣлывались желѣзныя крючья „чтобъ канаты имати и пищаль волочити“. Названіе *пищаль* было для всѣхъ орудій общимъ; пушками назывались только *можжиры* или мортиры. Пищали отливались трехъ родовъ: стѣнобитныя, калибромъ въ 2$^1/_2$ пуд., длиною до 2 саж.; *затинныя* или *змѣйки* (отъ нѣмец. Schlangen),

[1]) *Герберштейнъ*: Московскія Записки. Перев. съ базел. изд. 1556. См. Воспоминанія. 1832. Кн. IX, стр. 13—14.

среднихъ калибровъ, употреблявшіяся для крѣпостной обороны, и *полковыя* иначе *соколки* или *волконейки* (отъ франц. fauconneau и нѣмец. Falkonet), короткія, вѣсомъ отъ 6 до 10 пуд. Можжиры или *верховыя пушки*, отъ 3 ф. до 9 п. калибра, назначались для стрѣльбы навѣсной. *Гафуницы* или гаубицы (отъ нѣмец. Hauffnits) были тѣ же можжиры, только удлиненныя. Дробовики, т. е. усовершенствованныя гафуницы, стрѣляли каменными ядрами, иногда щебнемъ [1]).

Литейно-пушечными мастерами въ письменныхъ и другихъ памятникахъ XVI вѣка именуются: Игнатій Игнатьевъ (1542 г.), Степанъ Петровъ (1553 г.) [2]), Богданъ Андрейтоховъ, писавшій себя на многихъ орудіяхъ „ученикомъ Кашпира“ [3]), Первой Кузминъ, Семенко Дубининъ, Никитка Тупицынъ, Юшка Бочкаревъ. Изъ произведеній ихъ уцѣлѣли: дробовикъ Игнатіевъ, о которомъ сказано выше; пушка $5^1/_2$ ф. калибра, съ изображеніемъ на казенной части россійскаго герба, а подъ нимъ имени: *Богданъ*; хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Инрогъ* (единорогъ), 68 ф. калибра, вѣсомъ 453 п. 35 ф., съ изображеніемъ позади казенной части звѣря единорога, въ 1577 г. *сдѣлалъ Ондрей Чоховъ*, подъ дельфинами изсѣчена шведская надпись, означающая въ переводѣ: „Божіею милостію взята королемъ Карломъ XII въ Эльбингѣ, дек. 3, 1703 г.“; хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Онагръ*, 7 пуд. калибра, длиною 5 арш. 14 вер., вѣсомъ 312 п. 27 ф., съ вылитымъ у дула изображеніемъ онагра [4]) и надписью: въ 1581 г. *дѣлал первои Кузмінъ*; хранится въ московскомъ арсеналѣ; дробовикъ, извѣстный подъ названіемъ *царь-пушки*, 35 дюйм. калибра, длиною 2 саж. 3 фут. 9 дюйм., вѣсомъ 2,400 пуд. безъ цапфъ, дельфиновъ и вингрода, съ 4 скобами по сторонамъ, литыми украшеніями у фризовъ и ядромъ въ 120 пуд.; на широкой дульной части

[1]) Артиллерія и артиллеристы Руси до-петровской, стр. 28—29.
[2]) Дополн. къ Акт. Истор., т. V. № 51, стр. 301.
[3]) Тамъ же.
[4]) „На ней же — продолжаетъ объ этой пищали опись смоленскаго наряда 1677 года—уши съ личинами, у казны и подлѣ ушей и дула травы... за казною вылитъ репей“. См. Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 51, стр. 302.

этого причудливаго, неправильнаго по размѣрамъ, но отчетливо выдѣланнаго орудія, довольно искусно изображенъ барельефомъ царь Ѳедоръ I на конѣ, въ полномъ царскомъ нарядѣ, съ двумя вѣнцами на головѣ; на лѣвой сторонѣ надпись: слита бысь сія пушка въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта з҃чд (1586); дѣлалъ пушку „пушечный литецъ Ондрѣй Чоховъ“; хранится въ московскомъ Кремлѣ. По сказанію поляка Маскѣвича, очевидца московской „разрухи“ 1611 г., „пахолики (польская сволочь) влѣзали въ это орудіе человѣка по три, и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна“ [1]); можжира 15 пуд. калибра, длиною 4 фут. 4 дюйм., вѣсомъ 77 п. 10 ф., съ ядромъ въ $6^1/_2$ пуд., отлита тѣмъ же Чоховымъ въ 1587 г.; хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Левъ*, 41 ф. калибра, вѣсомъ 344 пуд., съ изображеніемъ на дульной части льва и позднѣйшею подписью подъ дельфинами на шведскомъ языкѣ, о взятіи ея шведами въ нарвскомъ бою 1700 г.; отлита тѣмъ же Чоховымъ въ 1590 г., хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Скоропега*, 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 пуд., съ изображеніемъ на дульной части бѣгущаго крокодила или ящерицы; отлита тѣмъ же Чоховымъ въ 1590 г., хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Троілъ*, вѣсомъ 430 пуд., и пищаль *Аспидъ*, вѣсомъ 370 п.: длинныя узкодульныя орудія, работы Чохова въ 1590 г., хранятся въ московскомъ арсеналѣ; пищаль *Медвѣдь*, 38 ф. калибра, длиною 2 саж. 2 фут., 10 дюйм., вѣсомъ 290 пуд., съ изображеніемъ медвѣдя, сдѣланнымъ позади казенной части, вмѣсто винграда и позднѣйшею шведскою надписью о взятіи ея шведами подъ Нарвой въ 1700 г.; отлита Семенкой Дубининымъ въ 1590 г., хранится въ с.-петербургскомъ арсеналѣ; пищаль *Свитокъ*, 40 ф. калибра, вѣсомъ 290 п. 28 ф., съ изображеніемъ позади казенной части, вмѣсто винграда, борющихся льва и дракона, отлита тѣмъ же Семенкой Дубининымъ въ 1591 г., хранится въ московскомъ

[1]. Сказаніе современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ (изд. Устряловымъ). С.-Петерб. 1834, ч. V, стр. 72.

арсеналѣ [1]). Наконецъ, изъ мѣдныхъ орудій того же времени, извѣстныхъ только по описаніямъ, замѣчательны указанныя въ смоленской артиллеріи 1677 г. „двѣ пищали мѣдныя русскаго литья, въ станкахъ на колесахъ, ядромъ по гривенкѣ безъ чети (т. е. по $^3/_4$ ф.), длиною по 3 арш. безъ 5 вер., на нихъ подпись „дѣлана пищаль лѣта семь тысячъ сто осмаго (1600), мѣсяца маія въ 24 день (на другой семь тысячъ сто десятаго=1602), дѣлали литцы Никита Тупицинъ да Юшка Бочкачевъ. На нихъ же рѣзаны отъ писма (надписи) до дула травы, у дулъ головы звѣриныя, вѣсомъ по 5 пуд.“ [2]).

Кромѣ колоколовъ и пушекъ, практика мѣднаго дѣла на Руси XVI в. обнимала множество предметовъ, что видно, наприм., изъ описи Корельскаго Николаевскаго монастыря [3]), которая, бывъ составлена въ 1551 г., въ числѣ монастырскаго имущества указываетъ слѣдующія мѣдныя издѣлія; „... сосуды церковные, блюдо мѣдяное луженое... да свѣча мѣстная передъ Николою Чудотворцемъ, въ пять пудъ, а ней свѣщникъ мѣдянъ позолоченъ... да три кандила да укропникъ, дѣдяные... да двѣнадцать котловъ мѣдяныхъ: котелъ болшой въ 20 ведеръ, да два котла по три ведра, да котелъ ветшакъ (подержаный) въ три ведра, да пять котловъ по ведру, да котелъ два ведра, да горшокъ мѣдяной... да сковорода рукоятная мѣдная жъ, да два таза, да чарка мѣдяная... да шандалъ мѣдянъ... да проволоки пять мотковъ мѣдяные“ [4]). Мастера мѣднаго дѣла назывались уже не котлярами, какъ прежде, но *мѣдяниками*, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ [5]). Нѣкоторыя издѣлія этихъ мѣдяниковъ, повидимому, обиходныя, оказывались уже неудовлетворяющими болѣе прихотливымъ требованіямъ, даже того времени, и въ торговой „запискѣ о вещахъ, которыя на-

---

1) *Мурзакевичъ:* О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1838. Сентябрь.—*Снегиревъ:* Памятн. моск. древн. 1842—1845, стр. 314.

2) Дополн. къ Акт. Истор., т. V. № 51, стр. 307.

3) Корельскій-Николаевскій мужской, 3 класса, монастырь находится въ 34 верстахъ отъ г. Архангельска, при устьѣ Сѣверной Двины въ Бѣлое море. Основанъ около 1418 г. извѣстною Мароою Борецкою на мѣстѣ, гдѣ утонули ея сыновья Антоній и Феликсъ, посланные матерью для осмотра своихъ двинскихъ отчинъ.

4) Акты Историч., т. I, № 158.

5) Новгородская вторая лѣтопись, стр. 152.

добно послать въ Москву", составленной иноземцемъ 1566 года, находимъ, между прочимъ: „большихъ мѣдныхъ тазовъ; пару подсвѣчниковъ изъ желтой мѣди" [1]), назначавшіеся, вѣроятно, къ царскому двору. Во всякомъ случаѣ, образцами искусства русскаго мѣднаго дѣла XVI в. остаются донынѣ: времени царя Ивана IV Грознаго—замокъ большой внутренній, литый, на подобіе шведскихъ, съ запорною при немъ цѣпью и надписью вокругъ замка, литыми же выпуклыми буквами, 1557 года, находящійся въ Псково-Печерскомъ монастырѣ [2]); блюдо 1575 г., принадлежащее Борисоглѣбской, на Торговой сторонѣ, церкви въ Новгородѣ [3]); времени царя Ѳеодора I—лампада и чаша водосвятная 1594 года въ церкви великомученика Никиты, на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ [4]); напрестольный крестъ посеребреный 1596 г. въ церкви Рождества Богородицы, что на Молотковѣ въ Новгородѣ [5]); чаша водосвятная 1598 г. въ Борисоглѣбской, на Торговой сторонѣ, церкви въ Новгородѣ [6]); неопредѣленныхъ лѣтъ XVI вѣка—паникадило въ церкви великомученика Никиты, на Торговой сторонѣ, въ Новгородѣ [7]); блюдо вылуженное, находящееся въ новгородскомъ Десятинномъ женскомъ монастырѣ [8]); блюдо для ношенія пасхальнаго артоса въ дни Святой недѣли, съ изображеніемъ созданія первыхъ двухъ человѣкъ, хранится въ церкви села Новоспасскаго, Деденево тожъ, московской губерніи, дмитровскаго уѣзда [9]); двери церковныя, крытыя золоченою латунью, съ различными чеканеными изображеніями, прикладъ боярина Димитрія Ивановича Годунова въ холодный Троицкій соборъ костромскаго Ипатьевскаго монастыря [10]).

---

[1]) *Барберини:* Путешествіе въ Московію въ 1565 г. См. Сынъ Отечества. 1842 г. іюль, стр. 41.
[2]) Описаніе Псково-Печерскаго первоклас. мон. Дерптъ. 1821, стр. 38.
[3]) Путеводитель по Новгороду. 1862, стр. 32.
[4]) Тамъ же, стр. 30.
[5]) Тамъ же, стр. 31.
[6]) Тамъ же, стр. 32.
[7]) Тамъ же, стр. 30.
[8]) *Сахаровъ:* Русскія Древности. См. Зап. Имп. Арх. Общ. 1851, т. III. Отд. I, стр. 80.
[9]) Тамъ же, стр. 78.
[10]) *Діевъ:* Историч. списки Костромск. Ипатьевск. мон. 1858, стр. 15.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВѢКЪ XVI.

(Окончаніе).

Желѣзное дѣло.—Попытка англичанъ устроить заводъ въ Россіи.—Желѣзныя и чугунныя издѣлія.—Усовершенствованіе артиллеріи. —Олово, свинецъ и сѣра; заботы правительства о пріисканіи ихъ въ Россіи.—Селитровареніе.—Выварка соли.—Монетное дѣло.—Преслѣдованіе фальшивыхъ монетчиковъ.

Желѣзное дѣло на Руси XVI в., сравнительно съ прежнимъ, расширилось уже потому, что отысканы были вновь желѣзныя руды: при вел. князѣ Василіѣ—около Каширы [1]); при царѣ Иванѣ IV—близъ Устюга Великаго и Тулы [2]); при царѣ Ѳедорѣ I—у кореловъ поморскихъ, и донынѣ кузнецовъ по преимуществу. Корелы, по словамъ г. Максимова, большею частію любятъ жить въ своихъ деревняхъ, и этою домашнею жизнію съумѣли обусловить для поморовъ, потомковъ древнихъ новгородцевъ, необходимость въ ихъ работахъ, особенно въ приготовленіи ружей, пищалей, винтовокъ. Это—давнишнее привиллегированное, можно сказать, занятіе кореловъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ поморы крупнаго морскаго звѣря, всѣ пищали, изъ которыхъ стрѣляютъ они мелкаго морскаго звѣря, всѣ ружья, которыми добываютъ они же лѣснаго звѣря и птицу, выходятъ изъ корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей архангельской губерніи, въ самыя отдаленныя мѣста ея, каковы, напр., мезенскій и печорскій края.

---

[1]) *Герберштейнъ:* Московскія Записки (Rer. moscov. comment.). См. Воспоминанія. 1832. Кн. IX, стр. 42—43.
[2]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 90.

Столько же и прадѣдовскій, вѣковой обычай, сколько и богатство корельскихъ болотъ желѣзными рудами и другими металлами, указали кореламъ на это ремесло, какъ на выгодный способъ добыванія средствъ къ существованію. Не имѣя правильно организованныхъ заводовъ, кореляки въ домашнихъ кузницахъ обработываютъ добытую руду и тутъ же приготовляютъ: и пищали, и винтовки, и ножи, и горбуши (родъ серпа, замѣняющаго на сѣверѣ косы), и топоры, однимъ словомъ, всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода поморовъ. Естественно, что все это выходитъ изъ рукъ кореловъ грубой, доморощенной работы [1]). Кромѣ того, желѣзо корельское, устюжское и каргопольское, извѣстное съ XVI в., получалось ломкое; руды для того плавились въ небольшихъ горнахъ, причемъ дутье производилось ручными мѣхами и полученныя крицы разбивались ручными же молотами [2]). Не многимъ лучше производилась обработка желѣзныхъ рудъ, очевидно, мѣстныхъ же, въ новгородской землѣ,—обработка, явствующая, напр., изъ орѣшковской таможенной грамоты 1 января 1563 г., которою „по цареву государеву великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи наказу, цареви великаго князя дьяки... приказали брати на царя государя великаго князя, на вѣру, Орѣховскимъ цѣловальникомъ... въ Новгородскомъ уѣздѣ въ городѣ Орѣшкѣ (нынче Шлиссельбургъ) и въ Орѣховскомъ уѣздѣ, въ волостехъ и погостехъ.. оброкъ съ *домницъ и съ горновъ, въ которыхъ дмутъ желѣзо*, съ перваго числа генваря лѣта 7071 (1563) да до перваго числа генваря лѣта 7072 (1564) на годъ; а почему имъ... съ домницъ и съ горновъ имати позему на годъ, и съ книгъ описи подъячего... а что въ которой волости... и домницъ, и горновъ и кузницъ передъ тѣмъ спискомъ прибудетъ, и таможникомъ тѣ прибылные домницы и горны и кузницы писати въ книги жъ и оброкъ съ нихъ имати потому жъ, такъ какъ съ

[1]) *Максимовъ:* Годъ на Сѣверѣ. С.-Петербургъ. 1864., ч. I, стр. 155—156.
[2]) *Меньшенинъ:* Объ успѣхахъ горнаго промысла въ Россіи. См. Горный Журналъ. [illegible]. № 92, стр. 156.

иныхъ домницъ и съ горновъ и съ кузницъ, да тѣ имъ книги привезти въ Новгородъ къ діякамъ... А съ домницъ и съ кузницъ брати имъ (откупщикамъ) оброкъ по книгамъ каковы имъ даны книги, оброку имъ не имати ничего. А гдѣ наѣдутъ въ городѣ въ Орѣшкѣ и въ Орѣховскомъ присудѣ въ *деревняхъ* домницы и кузницы неписменые, и имъ тѣ неписменые домницы и кузницы велѣти написати въ книги діакомъ церковнымъ (дьячкамъ) или земскимъ, подлинно, порознь, въ которой деревнѣ, или въ Орѣшкѣ на посадѣ, чья кузница или домница, и сколько въ которой кузницы горновъ и кузнецовъ, по имянамъ, и казаковъ (приспѣшниковъ) ихъ, сколько гдѣ мастеровъ и что живетъ казаковъ и оброкъ на тѣ домницы и на кузницы помѣстити, примѣриваясь къ инымъ и писменымъ домницамъ и кузницамъ; а къ тѣмъ книгамъ попомъ велѣти руки приложити, да тѣ имъ книги привезти въ Новгородъ къ діакомъ... и діяки имъ указъ учинятъ; а оброку имъ съ тѣхъ неписьмяныхъ съ домницъ и съ кузницъ безъ діячаго указу не имати“ [1]). Хотя желѣзно-промышленныя заведенія XVI в. въ новгородской землѣ и другихъ мѣстахъ, по выраженію одного изъ нашихъ писателей, не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты [2]), но лондонское купеческое общество еще въ 1557 г. требовало образчиковъ русской и татарской стали, о выдѣлкѣ которой, особенно татарской, дошли къ нему весьма выгодные слухи. Очень вѣроятно, что здѣсь, подъ именемъ русской и татарской стали, должно разумѣть устюжскій и тульскій укладъ, изъ которыхъ послѣдній могъ быть названъ англичанами татарскимъ, потому что онъ обработывался преимущественно за линіею засѣкъ, ограждавшихъ тогда русскія владѣнія отъ татаръ [3]). Во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что Англія требовала сталь изъ Россіи до самаго 1567 г., когда Дженкинсонъ, агентъ лондонскаго купеческаго общества въ русской землѣ, получилъ изъ Лондона порученіе: исходатайствовать у царя

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. I. № 116.
[2]) *Костомаровъ:* Очерки торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. См. Современникъ. 1858. № 6. Отд. I, стр. 334.
[3]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 38.

Ивана IV позволеніе—устроить на счетъ англичанъ добычу желѣзной руды на Руси. Позволеніе это составило одинъ изъ пунктовъ привиллегіи, данной царемъ Иваномъ IV англичанамъ въ 1569 г., и просителямъ разрѣшено построить желѣзный заводъ на Вычегдѣ, въ нынѣшнемъ сольвычегодскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, для чего отведенъ имъ тамъ и большой участокъ лѣса. Въ письмѣ англійскихъ купцовъ изъ Москвы въ Лондонъ, отъ 25 іюня, объ этомъ сказано: „Онъ (царь) далъ компаніи желѣзную руду съ лѣсомъ и землею, приказавъ отмѣрить ровно шесть миль у самого берега, къ величайшему удобству какъ компаніи, такъ и нашей страны". Мастеровые для заводскихъ работъ и для обученія русскихъ должны были пріѣхать изъ Англіи, гдѣ тогда желѣзо выдѣлывалось посредствомъ древеснаго угля. Часть выдѣлываемаго на Вычегдѣ желѣза должна была продаваться въ Россіи, другую часть позволялось вывозить въ Англію [1]). Но состоялось ли самое учрежденіе завода на Вычегдѣ и какимъ образомъ дѣйствовалъ онъ, неизвѣстно [2]). Въ настоящее время кажутся странными попытки англичанъ получать желѣзо изъ Россіи, но уже въ XVI вѣкѣ лѣса въ Англіи почти истребились, а приготовлять желѣзо на каменномъ углѣ начали, тамъ въ большомъ видѣ, только въ началѣ XIX столѣтія.

Неизвѣстно указываетъ ли, въ свою очередь, еще на одну желѣзнопромышленную мѣстность Руси XVI в. встрѣчающійся въ описи имуществъ царя Ивана IV за 1582—1583 г.г. *„клепикъ муромской*, черенъ серебрянъ, рѣзанъ съ чернью, мѣсты золоченъ, отъ желѣза и сверху околъ дѣланъ сканью, ножны гзовые (?), оковы и обоиицы серебряны рѣзаны съ чернью" [3]); хотя муромскій край богатъ желѣзными рудами и производство желѣз-

---

[1]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 90—91.

[2]) *Кованько:* Краткая историческая записка о происхожденіи и умноженіи горныхъ заводовъ въ Россіи и о нынѣшнемъ ихъ состояніи. См. Горн. Журн. 1826. № 2, стр. 8.

[3]) Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискамъ и книгамъ 90 и 91 годовъ. См. Временникъ Императ. Московск. Общества истор. и древн. росс. 1850. Кн. VII. Смѣсь, стр. 12.

ныхъ издѣлій водворилось въ немъ давно. Зато не подлежитъ сомнѣнію желѣзное производство въ Тулѣ, гдѣ по извѣстіямъ, основаннымъ на документахъ, царь Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ въ 1595 году положили первое основаніе *кузнецкой казенной* слободѣ, даровавъ тридцати самопальнымъ (ружейнымъ) мастерамъ землю за р. Упою, по алексинской дорогѣ *на хопрѣ*, равно какъ обѣльную [1]) грамоту, съ тѣмъ однако, чтобы самопальники ежегодно взносили по 10 руб. во Владимірскій Приказъ, завѣдывавшій тогда Тулою. До этого самопальники жили вмѣстѣ съ гражданами на посадахъ и внутри дубовой крѣпости (острога) [2]). Со всѣмъ тѣмъ, домашняго желѣзнаго производства не хватало на потребности Руси XVI вѣка, такъ что она въ добавокъ къ своему покупала желѣзо иноземное—отъ шведовъ, голландцевъ и англичанъ. Желѣзо это продавалось на Руси *четвертинами*, заключавшими въ себѣ каждая 300 *полицъ* (полосъ). Въ „Книжкѣ описательной" 1575 г., между прочимъ читаемъ: „Проволоки желѣзные тонкіе въ Антропѣ (Антверпенѣ) пудъ по 7 ефимковъ, по 2 рубля по 10 алтынъ съ наугородкою, а толстая по тому жъ; а на Москвѣ пудъ по 3 рубля. Нѣмецкаго желѣза в четвертинѣ по 300 полицъ; а купятъ четвертину по полъ 3 ($2^1/_2$) рубли, а коль дорого по 6 рублей".

Готовыя желѣзныя издѣлія, по извѣстіямъ той же „Книжки описательной", привозились изъ Европы слѣдующія: „Ножи стырскіе (стальные) желтое черенье, 100 паръ 20 алтынъ. Чатцкіе (датскіе), черные черенки, 100 паръ сорокъ алтынъ. Свитцкіе (шведскіе) черные, сторонка сандалъ, а другая бѣлая, 100 паръ 2 рубли. Угорскіе (венгерскіе) меншіе 100 паръ пол 3 рубли; подъ середними, 100 паръ, 4 рубли; середніе, 100 паръ 5 рублей; большіе, 100 паръ, 6 рублей. Посольскіе, то жъ цѣна 6 рублей Ножицы.—Шило халяпское (алеппское) меншее за 1000—16 руб.

---

[1]) *Обѣльными* назывались освобожденные отъ всѣхъ казенныхъ повинностей, лежавшихъ на черномъ народѣ. Отсюда *бѣломѣстцы* и *бѣлопашцы*.

[2]) *Афремовъ:* Историческое обозрѣніе тульской губерніи. Москва. 1850, ч. I, стр. 179—180.

середняя 1000, 20 рублей; большое 1000, полъ 25 ($24^1/_2$) рублей" [1]). Изъ этихъ издѣлій, преимущественно предъ другими, требовались и пріобрѣтались ножи, которые у богатыхъ людей получали щегольскую отдѣлку, какъ видно изъ описи имущества царя Ивана IV за 1582—1583 годы [2]).

Но главнѣйшимъ желѣзнымъ издѣліемъ, получавшимся на Руси XVI в. съ европейскаго Запада и частью изъ Персіи [3]), было оружіе, на столько озабочивавшее тогдашнее русское правительство, что въ 1511 г. оно учредило важный санъ оружничаго [4]), а въ 1576 г. на Руси, по свидѣтельству чужезенца-современника, „кромѣ другихъ, въ двухъ только мѣстахъ хранилось двѣ тысячи орудій съ множествомъ разнородныхъ махинъ" [5]). Въ 1557 г. Елизавета, королева англійская, отпуская Непею вологжанина, перваго русскаго посла въ Англіи, отправила съ нимъ въ даръ царю Ивану IV превосходныя латы съ шишакомъ,

---

[1]) Торговыя книги. См. Временникъ Импер. Московск. Общ. истор. и древн. росс. 1850. Кн. VIII. Матеріалы, стр. 19—21.

[2]) Временникъ Имп. Московск. Общ. истор. и древн. росс. Кн. VII. Смѣсь, стр. 11—12. Вотъ отрывокъ, гдѣ перечисляются ножи: „Два ножа булатные, у одново черенъ сердолечной красенъ, а у другово черенъ лимонной чоренъ; отъ желѣза у обоихъ оковы золоты, рѣзаны съ черныю; ножны гзовые; оковы и обоимицы золоты, рѣзаны съ черныю; поцѣпка (снурокъ) шолкъ голубъ съ золотомъ. Три ножа булатные на одной привязкѣ: у одново черенъ рыбей зубъ чернъ, лежалой; сверху оковъ серебрянъ золоченъ чеканенъ, обоимицы и кобылины бѣлы гладки; у другова ножа — черенъ рыбей зубъ шедроватъ, сверху у ножа и у ноженъ оковъ серебрянъ золоченъ чеканенъ, ножны гзовые; у третьева ножа — черенъ рыбей зубъ бѣлъ; сверху оковъ серебрянъ золоченъ гладокъ, на немъ мѣсто порожже; ножны гзовые; на нихъ оковы, какъ плащи (бляхи), серебряны золочены чеканены; поцѣпка шолкъ червчатъ (алый). Два ножа на одной привязкѣ: у одного—черенъ и ножны серебряны, мѣсты золочены, рѣзаны съ черныю; а у другово ножа — черенъ складной синолейной чорнъ; сверху оковъ серебрянъ бѣлъ, на немъ мишень (клеймо) золочена; ножны гзовые, на нихъ оковы, какъ плащи, серебряны, золочены, рѣзаны. Два ножа булатные: у одново — черенъ серебрянъ рѣзанъ съ черныю, а у другово — черенъ складной роговой чорнъ; сверху оковы серебряны, рѣзаны; у одново — ножны серебряны рѣзаны съ черныю, а у другово — ножны гзовые, на ножнахъ оковы серебряны мѣдены рѣзаны; поцѣпка шелкъ червчатъ. Ножъ булатенъ, черенъ серебрянъ, рѣзанъ съ черныю; сверху и отъ желѣза оковы рѣзаны золочены, ножны гзовые, оковы и обоймицы серебряны бѣлы, рѣзаны, съ черныю; поцѣпка шелкъ рудожелтъ. Ножъ желѣзной, черенъ рыбей зубъ лежалой, сверху оковъ и на ножнахъ оковы серебряны бѣлы, рѣзаны, съ черныю; на ножнахъ каменье простое червчато и голубо".

[3]) *Костомаровъ:* Очерки торговли московскаго государства въ XVI и XVII стол. См. Современникъ. 1858. № 6. Отд. I, стр. 336.

[4]) *Успенскій:* Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ. 1818, ч. 2 стр. 282.

[5]) *Кобенцель:* Письмо о Россіи XVI вѣка. См. Журн. Мин. Народн. Просвѣщен. 1842. Сентябрь. Отд. II, стр. 150.

обложеннымъ кармазиннымъ бархатомъ и позолоченными иглами, а лондонское купеческое общество присоединило къ грузу кораблей, сопровождавшихъ Непею, нѣсколько сотъ панцырей [1]). Въ 1565 г. торговый итальянецъ, составляя передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы записку о вещахъ, которыя надобно послать въ Москву, включилъ туда и „одно полное вооруженіе, мѣрою на высокій ростъ (очевидно царя Ивана IV), съ открытою грудью, для вдѣванія нагрудника; шлемъ безъ забрала, высокій и остроконечный, безъ козырька спереди и сзади, но круглый“ [2]). Въ 1566 г. царь Иванъ IV изъявилъ англійскому агенту Дженкинсону свое желаніе, чтобъ королева Елизавета отправляла къ нему изъ Англіи артиллерійскіе и другіе военные снаряды [3]). Въ 1576 г. царь Иванъ IV велѣлъ сказать императору Максимиліану II, что хорошо было бы, еслибъ императоръ прислалъ ему, между прочими художниками, мастера ковать доспѣхи, а также—хорошихъ пищалей [4]). Все желаемое и просимое получалось царемъ Иваномъ IV, но это сильно не нравилось его сосѣду и врагу, Сигизимуну-Августу, королю польскому, который всячески старался помѣшать торговымъ сношеніямъ Руси XVI вѣка съ Европой, особенно съ Англіей, и задерживалъ англійскихъ агентовъ, ѣздившихъ черезъ польскія земли. 13 марта 1568 г. писалъ онъ королевѣ Елизаветѣ: „Мы видимъ, что Московитъ, этотъ врагъ не только нашего царства временный, но и наслѣдственный врагъ всѣхъ свободныхъ народовъ, благодаря этому, лишь недавно заведенному мореплаванію (изъ Англіи черезъ Нарву въ Новгородъ, и отъ устья Двины до Новгорода и Нарвы), обильно снабжается не только оружіемъ, снарядами, связями, чему, какъ ни много всего этого, однако можно еще положить конецъ; но мы видимъ, что онъ снабжается еще важнѣйшими вещами, ничѣмъ не предотвратимыми въ своемъ дѣйствіи и еще болѣе ему полезными, —сна-

---

[1]) *Гамель:* Англичане въ Россіи XVI и XVII стол., стр. 63, 65.

[2]) *Барберини:* Путешествіе въ Московію въ 1565 г. См. Сынъ Отечества. 1842. Іюль. Отд. I, стр. 42.

[3]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 78.

[4]) Тамъ же, стр. 112.

бжается именно художниками, которые не перестаютъ выдѣлывать для него оружіе, снаряды и другія подобныя вещи, до сихъ поръ невиданныя и неслыханныя въ той варварской сторонѣ, и сверхъ того, что всего болѣе заслуживаетъ вниманія, онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ, даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель всѣмъ нашимъ. Зная все это, мы полагаемъ, не должно надѣяться, чтобы мы оставили такое мореплаваніе свободнымъ“ [1]).

Независимо однако отъ чужеземнаго подспорья желѣзомъ и оружіемъ, русскіе мастера XVI в. сами отливали громадныя чугунныя орудія, ковали желѣзныя пищали, выдѣлывали стальные шеломы, булатныя сабли и мелкозвенчатыя кольчуги. Артиллерійская техника русскихъ того времени была особенно грандіозна, и отзывъ поляковъ слѣдуетъ признать очень пристрастнымъ. Въ сентябрѣ 1554 г. вылита, напр., въ Москвѣ чугунная пушка, вѣсомъ 1200 пуд., съ дуломъ 15 вершковаго діаметра, а въ сентябрѣ 1555 г. тамъ же сдѣлана другая чугунная пушка, вѣсомъ 1020 пуд., съ дуломъ 14 вершковаго діаметра [2]). Подобныя отливки и теперь заслуживали бы вниманія. Русскія чугунныя орудія вообще изумляли чужеземцевъ своею громадностью, и посолъ императора Максимиліана II въ 1576 г. писалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ орудій такъ велики, широки и глубоки, что рослый человѣкъ въ полномъ вооруженіи, стоя на днѣ орудія, не можетъ достать его верхней части. Одинъ нѣмецъ, хотя и очевидецъ, сообщаетъ даже такія фантазіи, что при осадѣ Полоцка (1563) не болѣе какъ отъ троекратнаго залпа этихъ орудій рушились стѣны крѣпости, весьма по его словамъ сильной. а громъ отъ орудій былъ столь ужасенъ, что небо и земля, казалось, готовы были обрушиться [3]). Если отливка чугунныхъ орудій производилась почти исключительно въ Москвѣ, то изготовленіе снарядовъ къ нимъ, — вѣ-

---

[1]) Гамель: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 83—84.
[2]) Тамъ же, стр. 45—46.
[3]) Кобенцель: Письмо о Россіи XVI вѣка. См. Журн. Мин. Народн. Просвѣщен. 1842 Сентябрь. Отд. II, стр. 150.

роятно, по системѣ Ганса Іордана изъ Галле, приглашеннаго въ русскую службу Григорьемъ Истомою въ 1518 г. [1]),—падало на долю Новгорода; это видно, напр., изъ грамоты отъ 27 ноября 1555 г. царя Ивана Васильевича дьякамъ Ѳедору Еремѣеву и Казарину Дубровскому, гласящей: „Послали есмя въ Новгородъ пушкарей, Дорогу Болотова да Васюка Олексѣева, къ наряду ядеръ дѣлати и запасу пасти. И какъ къ вамъ пушкари въ Новгородъ пріѣдутъ, и вы бъ, часа того, велѣли Ноугородцкимъ кузнецомъ сдѣлати шестьсотъ ядеръ желѣзныхъ по кружаломъ, каковы кружала посланы съ пушкари, а велѣли бы есте кузнецомъ ядра дѣлати круглые и гладкіе, и каковы имъ укажутъ пушкари; да пушкаремъ же бы есте дали десять холстовъ, да триста листовъ бумаги добрые болшіе, которая толста, да двадцать два пятка лну мягкого малого, да восемь ужищъ лняныхъ, по двадцати саженъ ужищо, каковы выберутъ пушкари, да восемь коробокъ на ядра и на мѣшки, да осмери возжи лычные, да двадцать гривенокъ (т. е. 10 ф.) свинцу, да восемь овчинъ; а кузнецомъ бы есте за дѣло, и за желѣзо, и за всякой харчь платили изъ нашіе казны, а ядра бы есте велѣли дѣлати не мотчая (не медля), день и ночь, чтобъ за тѣмъ нашему дѣлу мотчанья не было; а у наряду у кузнецовъ и на указъ быти московскимъ пушкарямъ Дорогѣ да Васюку, а надъ пушкари бы есте того смотрили накрѣпко, чтобъ пушкари у кузнецовъ посуловъ и поминковъ не имали“ [2]). Безъ новгородскихъ кузнецовъ, какъ видно, мастеровъ своего дѣла, не обходились и при смѣтахъ на капитальныя сооруженія, потому что, когда въ декабрѣ 1555 г. задумали „къ веснѣ, въ Казани новой городъ (крѣпость) Казань каменъ дѣлати“ и возложили это на „церковнаго и городоваго мастера“ Посника Яковлева, то въ тоже время нарядили къ нему двѣсти псковскихъ каменьщиковъ и кузнецовъ [3]).

Кромѣ части оружейной, желѣзо на Руси XVI в. имѣло

---

[1]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 172.
[2]) Дополн. къ Акт. истор., т. I, № 72.
[3]) Тамъ же, № 82.

многочисленныя примѣненія къ народной жизни и составляло существенную потребность бытовой стороны этой жизни. Возвращаясь къ описи имущества Корельско-Николаевскаго монастыря, составленной въ 1551 г., находимъ въ ней обстоятельный перечень современныхъ желѣзныхъ издѣлій [1]).

Однимъ изъ главныхъ пунктовъ производства всѣхъ этихъ издѣлій, а вѣроятно и оружія, оставалась Устюжна, земскимъ судьямъ которой „Шестаку Сукорокову съ товарищи, или по васъ будутъ иные земскіе судьи“, 20 августа 1583 г. „отъ царевичевы княвя Ивана Ивановича царицы Леониды“ [2]), тогдашней владѣлицы Устюжны, была послана грамота объ излишнемъ взиманіи пошлинъ съ желѣза, нужнаго Троицко-Сергіевскому монастырю для солеваренія и для издѣлій [3]).

Съ цѣлію улучшить производство желѣзныхъ издѣлій вообще, царь Иванъ IV, еще въ 1547 г., выписывалъ изъ-за границы черезъ Шлитта, между прочими мастерами, двухъ слесарей [4]). Задѣльная плата русскимъ слесарямъ XVI в. видна изъ слѣдующихъ статей „расходы церковнымъ пречистенскимъ деньгамъ“ въ Псковѣ въ 1531 году: „Дали 3 деньги [5]) мастеру и за

---

[1]) Акты историческіе, т. I, № 158.... „Свѣча мѣстная въ три пуды.... а на ней свѣщникъ желѣзной позолоченъ.... Да въ казнѣ.... четыре греблицы желѣзныхъ.... да замокъ колодной болшой, да напарья болшая, да три долота, да двѣ напарьи малыхъ, да буравецъ, да три теслы болшіе, да три черты, да двѣ пилки, да два молотка, да напарья мелнишная, да долото мелнишное, да два просѣка, да два пазника, да двѣ оборотенки, да два тесника, да шесть скоблей, да два трезуба болшіе, да тридцать топоровъ въ полдержь, да снасть котелная котлы починивають, да шестнадцать косъ, да чѣпь собачья, да желѣза веретепные, да двѣ таги дверные, да два крюка пятные дверные и съ петлями, да мелнишные снасти два пятника и съ подшвою и съ полицею и съ трубкою, да два обруча желѣзные колесные мелнишные, да два ралника желѣза, да три веретена укладу, да колцо ломаное желѣзное сыренять дѣлають, два гвоздей тысяча и полтретьятцать (25) гвоздей тесовыхъ... да десять брусовъ, да одиннадцать полицъ желѣза болшихъ... да сверделъ болшой... да три клевца жерновыхъ, да насѣчка... да безмѣнъ костромской, да три сита... да горшокъ желѣзной въ 5 ведеръ... да три сковороды желѣзныхъ, да котелъ желѣзной болшой дироватой въ 20 ведеръ... да въ казнѣ... дцка желѣза бѣлого Нѣмецкого“.

[2]) „Царица Леонида“, въ мірѣ Елена Ивановна Шереметева, третья жена царевича Ивана Ивановича, убитаго отцомъ, царемъ Иваномъ IV Грознымъ, въ 1581 г.,— пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ еще при жизни мужа. Царица Леонида ум. въ царств. Θедора I (1584—1598).

[3]) Акты Археограф. Эксп., т. I. № 320.

[4]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. VIII, прим. 206.

[5]) Опредѣлить точную стоимость этой деньги не легко, потому что псковскія деньги XVI в. были не одинаковы и заключали въ себѣ отъ 14 до 18 дол. чистаго серебра. О какой деньгѣ говорится въ настоящемъ случаѣ—не видно.

гвоздья, что ступени обивалъ предъ церковью; 1 деньгу за гвоздья къ навѣскамъ; 1 деньгу за копьецо, съ чѣмъ ординникъ (сторожъ) ходитъ около церкви; 1 деньгу за каракулю и за молотокъ въ церковь. Дали 2 деньги мастеру, что ключь замкнули въ ларю, личинку отдирали и опять прибивали; 3 деньги за лопату за желѣзную да за копень (заступъ), чѣмъ буй (кладбище) одриннику очищать" [1]). Наконецъ, ко всѣмъ перечисленнымъ здѣсь видамъ употребленія желѣза на Руси XVI в. должно прибавить связи въ каменныхъ зданіяхъ — статью, по рѣдкости тогда каменныхъ зданій, не слишкомъ расходную, но существовавшую, какъ видно это изъ лѣтописнаго разсказа о московскихъ пожарахъ 1547 и 1571 гг. когда въ государевѣ дворѣ „толстое желѣзное прутье на связкахъ перегорѣло и переломалось" [2]). Образцами русскаго желѣзнаго мастерства XVI в. остаются донынѣ слѣдующія издѣлія: 1) булатный перстень царя Ивана IV, привѣшенный къ храмовой иконѣ соборной церкви Покровскаго дѣвичьяго монастыря въ г. Суздалѣ [3]); 2) небольшой стальной шлемъ, съ наведенною по вѣнцу золотою подписью, 1557 года; хранится въ московской оружейной палатѣ [4]); 3) кольчуга съ мѣдной мишенью или бляхой, на которой отлиты слова: *князя Петра Ивановича Шуйскаго* [5]), хранится тамъ же [6]); 4) лампада въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, приношеніе великаго Новгорода архіепископу св. Никитѣ, при открытіи мощей его въ 1558 г. [7]); 5) лампада въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, устроенная въ 1566 г. [8]); 6) шпага волчковаго желѣза, съ означеніемъ на клинкѣ 1588 г.; хранится въ

---

[1]) *Сахаровъ:* Расходная книга псковской завеличской церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ 1531 году. См. Записки отд. русс. и слав. археол. Импер. Археолог. Общ. 1851. т. I, отд. III, стр. 1—4.

[2]) *Снегиревъ:* Памятники московской древн. 1842—1845, стр. 222.

[3]) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей, стр. 44.

[4]) Московская оружейная палата. 1860, стр. 235.

[5]) Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, бояринъ съ 1550 г., убитъ подъ Оршей въ 1564 году.

[6]) Московская оружейная палата. 1860, стр. 235.

[7]) Путешествіе къ святымъ мѣстамъ русскимъ. Новгородъ. 1850.—Путеводитель по Новгороду. 1862, стр. 10.

[8]) Тамъ же, стр. 14.

московской оружейной палатѣ [1]); 7) било, въ видѣ желѣзной дуги, замѣнявшее колоколъ, хранится на колокольнѣ Воскресенской церкви въ г. Пронскѣ [2]). Для сравненія съ этими завѣдомо русскими желѣзными издѣліями XVI вѣка современныхъ имъ нерусскихъ желѣзныхъ издѣлій могутъ служить слѣдующіе образцы послѣднихъ, уцѣлѣвшіе донынѣ въ московской оружейной палатѣ: кинжалъ, формы косаго малайскаго ножа, называемаго *крисъ*, съ золотою насѣчкою, которая по начертанію буквъ, похожихъ на тамульскія, должна относиться къ роду письменъ индостанскихъ, вслѣдствіе чего и самый кинжалъ можетъ почитаться единственнымъ памятникомъ первыхъ сношеній Руси съ Индіей, въ промежутокъ поѣздки тверитянина Аѳанасія Никитина въ Деканъ и Голконду (1470) и посольства индѣйскаго могола Бабура къ великому князю Василію (1532); сабля, полоса булатная, съ широкимъ доломъ и двумя надписями: арабскою и русскою, насѣченною по обуху; шапка ерихонская (т. е. юргенская или грузинская), лощатая, краснаго булата, съ золотой насѣчкой, бирюзами, яхонтами и лаллами, принадлежавшая боярину, кн. Ѳед. Ив. Мстиславскому [3]); наручи краснаго булата, съ насѣчками и гнѣздами золотыми, осыпанные бирюзой и изумрудами, принадлежавшіе тому же кн. Мстиславскому; мечъ съ надписью: *me fecit juro 1551;* шлемъ маньчжурской формы, желѣзный въ три вѣнца, съ навершьемъ и трубкой для перьевъ или волосъ; вокругъ вѣнцовъ надпись индо-тибетскими буквами, принадлежалъ сибирскому царю Кучуму; сабля Стефана Баторія, короля польскаго (1576—1586), съ изображеніемъ на полосѣ его портрета золотомъ [4]).

Олово на Руси XVI в. получалось изъ-за границы. Въ 1514 году оно помѣщено въ числѣ металловъ, которыми вел. князь

---

1) Московская оружейная палата. 1860, стр. 235.
2) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей, стр. 33.
3) Этотъ князь Мстиславскій, внукъ кн. Ѳед. Михайлов. Мстиславскаго, бояринъ съ 1577 г., умеръ въ 1622 г.
4) Московская оружейная палата. 1860, стр. 238—237.

Василій дозволилъ Ганзѣ торговать въ Новгородѣ [1]). Въ Дмитровской таможенной грамотѣ 1521 г. за взвѣсъ олова положено взимать пудовщикамъ съ купца и продавца „съ рубля по дензѣ“ [2]). Въ 1554 г., по свидѣтельству Джона Гассе, оловянную посуду привозили изъ Холмогоръ на мѣновые торги въ Лампожню [3]). Въ 1557 г. англичане прислали на Двину 9 бочекъ этой посуды [4]). Въ жалованной грамотѣ Строгоновыхъ 1558 г. сказано, что если найдутъ они оловянную руду, то обязаны извѣстить о томъ казначеевъ государевыхъ [5]). Таможенной уставной грамотой Новгороду 1571 г. предписывалось: „... олово ... вѣсить, по старинѣ, на крюкъ у Ивана святого подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ, а таможникомъ въ то не вступаться“ [6]). Новою жалованною грамою Строгоновымъ 1574 г. дозволено искать и разработывать по рр. Тахчеѣ и Тоболу, между прочими, и оловянныя руды [7]). Въ „Книжкѣ описательной“ 1575 г. объ оловѣ помѣщены слѣдующія извѣстія: „Олово брущатое, без желѣзины, пудъ сорокъ алтынъ; коли дорого въ шестьдесятъ алтынъ. Олово рогожное, большіе свертки, пудъ въ полтора рубля без гривны; коли дорого въ два рубли. Лычное олово, узкіе полосы, пудъ въ полтора рубли; коли дорого въ три рубли. Въ Галанской землѣ олова дѣльнаго фунтъ по 4 стюверша (стивера), по 8 денегъ; а в Антропѣ (Антверпенѣ) потому жъ; а на Москвѣ по 40 алтынъ и въ 3 рубли“ [8]). Въ 1583 г. царь Иванъ IV, черезъ посла своего, Писемскаго, требовалъ отъ англичанъ, между прочимъ, олова [9]). Въ 1588 г. царская грамота двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ, отъ 29 марта, предписывала за взвѣсъ олова „пудовщикомъ имати вѣсчего съ

---

1) *Карамзинъ.* Истор. Госуд. Росс., т. VII, стр. 37.
2) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 170. II.
3) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 40.
4) Тамъ же, стр. 38.
5) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 222.
6) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. II. № 43, стр. 57.
7) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 233 и прим. 661.
8) Торговыя книги. См. Временникъ Импер. Общ. исторіи и древностей россійск. 1850. Кн. VIII. Матеріалы, стр. 18—20.
9) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 250.

продавца съ рубля по двѣ деньги, а съ купца по двѣ же деньги" [1]). Русскія оловянныя издѣлія XVI в. ограничивались „судами", изъ которыхъ, напримѣръ, въ описи имущества царя Ивана IV за 1582—1583 г. г. показанъ, „рукомойникъ оловянный о дву льялѣхъ (носкахъ) [2]). Преимущественное употребленіе олова на сосуды вообще сохранилось даже въ характеристическомъ наименованіи *оловенниками* тѣхъ именно сосудовъ какого бы то ни было металла, въ которыхъ подавались на столъ сладкіе хмѣльные взвары—ликеры того времени. Поэтому въ старыхъ описяхъ царскаго имущества часто встрѣчаются, напр., „*оловенничекъ* серебрянъ золоченъ" [3]), или: „царь Симеонъ (Бекбулатовичъ) пошелъ къ царю... съ *оловенники* бить челомъ, *подчивати*" [4]). Задѣльная плата тогдашнимъ знатокамъ оловяннаго мастерства не была значительна. Изъ „расхода церковнымъ пречистенскимъ деньгамъ" 1531 г. видно, напр., слѣдующее. „Дали 1 деньгу Гаврилѣ, что ключъ палатный припоялъ" [5]). Образцовъ русскаго оловяннаго дѣла завѣдомо XVI в., сохранившихся донынѣ, извѣстно очень мало; можно указать развѣ только на служебный сосудъ Андреевскаго собора въ селѣ Грузинѣ" [6]).

Свинецъ на Руси XVI в. былъ также привозный. Въ 1514 г. онъ упоминается въ числѣ металловъ, которыми Ганзѣ дозволено торговать въ Новгородѣ [7]), и тогда же артиллерія вел. кн. Василія обстрѣливала осажденный Смоленскъ ядрами, облитыми свинцомъ [8]). Въ 1521 г. Дмитровскою таможенною грамотою предписывалось: за взвѣсъ свинца „пудовщикомъ... имати съ купца

---

[1]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 170. II.
[2]) Опись имуществу царя Ивана Васильевича. См. Временникъ Импер. Общ. истор. и древн. росс. 1850. Кн. VII. Смѣсь, стр. 25.
[3]) Московская оружейная палата. 1844. Прилож., стр. 38.
[4]) Свадьба казанскаго царя Симеона. См. Древняя Россійская Вивліоѳика. Москва. 1790, ч. XIII, стр. 72.
[5]) Расходн. кн. псковск. величк. церкви Успен. Пресв. Богор. 1531 г. См. Записки отд. русс. и слав. археол. Импер. Арх. Общ. 1851, т. I. Отд. III, стр. 2.
[6]) *Зедергольмъ*: Древности села Грузина. См. Труды и Записки Общества истор. и древн. росс. 1826, ч. III, стр. 175.
[7]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. VII, стр. 37.
[8]) Тамъ же, стр. 39.

съ рубля по дензѣ, а съ продавца съ рубля по дензѣ жъ“ [1]). Въ 1571 г. таможенной уставной грамотой Новгороду узаконялось: „...свинецъ... вѣсить, по старинѣ, на крюкъ у Ивана святого подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ, а таможникомъ въ то не вступаться“ [2]). Въ 1574 г. разрѣшено Строгоновымъ отыскивать и разработывать по рѣкамъ: Тахчеѣ и Тоболу, между прочими, и свинцовыя руды [3]). Въ 1575 г., по свидѣтельству „книжки описательной“, покупали за границей „свинцу пудъ четверть рубля, а коли дорогъ въ полъ 2 (1½) рубля“, въ Москвѣ „свинцу пудъ по 10 алтынъ“ [4]). Въ 1581 г. грузъ англійскихъ кораблей, приведенныхъ Джономъ Горсеемъ къ двинскому острову Ягры или Розовому [5]), состоялъ, между прочимъ, и изъ свинца“ [6]). Въ 1583 г. царь Иванъ IV, черезъ посла своего, Писемскаго, требовалъ отъ англичанъ также свинца [7]). Въ 1588 г. царская грамота, данная 29 марта, таможеннымъ цѣловальникамъ на Двинѣ, узаконяла: за взвѣсъ свинца „пудовщикамъ имати вѣсчего съ продавца съ рубля по двѣ денги, а съ купца по двѣ же денги“ [8]).

Ртуть, необходимая для золоченія, до котораго русскіе всегда были охотники, и къ аптекарскому дѣлу, тогда уже возникавшему въ Москвѣ [9]), получалась на Руси XVI в. привозомъ изъ-за границы, безъ сомнѣнія ртуть испанская. Въ „книжкѣ описательной“ 1575 г. видимъ двѣ цѣны этого металла: за границей „ртути фунтъ 2 алтына, а коли дорога въ три рубли (пудъ?)“. па Москвѣ „ртути пудъ по 8 рублей“ [10]).

Сѣра на Руси XVI вѣка также получалась привозомъ. Въ

---

[1]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 170. II.
[2]) Собр. госуд. грам. и договор., ч. II. № 47, стр. 53.
[3]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 223 и прим. 661.
[4]) Торговыя книги. См. Временникъ Импер. московск. общ. истор. и древн. росс. 1850. Кн. VIII. Матеріалы, стр. 18, 21.
[5]) Этотъ островъ находится между Никольскимъ и Пудожемскимъ устьями Сѣверной Двины.
[6]) *Гамель*: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 116.
[7]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 250.
[8]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 338.
[9]) *Рихтеръ*: Исторія медицины въ Россіи. Москва. 1814, ч. I, стр. 300.
[10]) Торговыя книги, стр. 18, 21.

1514 г. сѣра показана въ числѣ товаровъ, которыми дозволено Ганзѣ торговать въ Новгородѣ [1]). Въ 1547 г. царь Иванъ VI, отправляя за границу саксонца Шлитта, выписывалъ чрезъ него, между прочими мастерами, одного сѣровара [2]). Въ 1574 году жалованною грамотою Строгоновымъ разрѣшено, да и другимъ никому не запрещено, разработывать „руду... сѣры горючія, гдѣ найдутъ“ [3]). Въ 1581 г. на 13 корабляхъ, приведенныхъ англичаниномъ Джономъ Горсеемъ къ Розовому острову въ устьяхъ Двины находилась, вмѣстѣ съ другими товарами, и сѣра [4]). Въ 1583 г. царь Иванъ IV, черезъ посла своего, Писемскаго, требовалъ отъ англичанъ разныхъ статей привоза и въ томъ числѣ сѣры [5]). Въ 1588 г. бояре царя Ѳедора I, устанавливая съ англичаниномъ Флеритомъ новый порядокъ англо-русской торговли, включили въ проектъ договора такую статью: „Государь нашъ всякимъ товаромъ безъ вывѣта гостемъ англинскимъ торговати велѣлъ: только одного воску ни на которой товаръ мѣняти не велѣлъ, кромѣ ямчюги (селитры) или зелья (пороха) и сѣры“ [6]).

Приготовленіе селитры или *ямчюги* на Руси XVI в. было, какъ кажется, дѣломъ обычнымъ, хотя ни главные пункты, ни употребительнѣйшіе способы этого производства не указываются положительными извѣстіями. Видно только, что понятіе о селитрѣ и порохѣ часто смѣшивалось даже въ правительственныхъ актахъ. Такъ, напр., въ разрядномъ и разметномъ спискахъ 1545 г. о сборѣ съ Новгорода и новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха, по случаю казанскаго похода, читаемъ: „...Да съ 20 дворовъ пудъ зелья, со всѣхъ дворовъ, чей дворъ ни буди; а зеліе велѣно прислати (въ Москву) на первомъ пути... А которымъ людемъ зелья добыти не мочно, и государь князь великій велѣлъ тѣмъ людемъ дати мастеровъ емчюжныхъ (селитроваровъ)

---

[1]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. VII, стр. 37.
[2]) Тамъ же, т. VIII, прим. 206.
[3]) Тамъ же, т. IX, стр. 223 и прим. 661.
[4]) *Гамель*: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 116.
[5]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 250.
[6]) Тамъ же, т. X, прим. 338.

и пищалниковъ; а велѣлъ имъ варити зелье тѣмъ людемъ собою, а мастеромъ имъ указывати“ [1]). Ясно, что подъ „вареніемъ зелья“ тутъ слѣдуетъ разумѣть селитровареніе, такъ какъ порохъ было бы дѣлать частнымъ людямъ затруднительно. Болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія о русскомъ селитровареніи того времени встрѣчаемъ въ слѣдующей грамотѣ, писанной въ Москвѣ 29 октября 1582 г.: „Отъ Царя Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Кириловъ монастырь, богомольцу нашему, игумену Игнатью съ братьею. Пожаловали есмя васъ, велѣли вамъ Кириловскою вотчиною поставити емчужной анбаръ, гдѣ подъ анбаръ мѣсто пріищите, и емчугу велѣли вамъ варити въ своемъ анбарѣ всею Кириловскою вотчиною, по нашему указу, на соху по два пуда... И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли емчужному мастеру Васкѣ Казакову сварити въ своемъ анбарѣ, всею Кириловскою вотчиною, тридцать восмь пудъ емчуги добрые перепущеные, опричь дерева, которая бъ емчуга пригодилась къ ручному зелью (т. е. къ мушкетному пороху). А сваря ту емчугу прислали бы есте къ намъ на Москву, въ Пушечной Приказъ, на срокъ, на Сборное воскресенье (1-й недѣли великаго поста) девяносто перваго (1583) году, одноличнo безо всякаго переводу“ [2]). Слѣдственно селитровареніе было тогда государственною повинностью и производилось, вѣроятно, повсемѣстно, какъ необходимое подспорье пороховому дѣлу. Нѣчто подобное было и въ другихъ странахъ бѣдныхъ селитрою, напр., во Франціи въ первую республику, въ Египтѣ при Мехметѣ-Али и т. п. Въ 1531 году „загорѣся въ Нижнемъ Новѣгородѣ на посадѣ, выше Козмы и Даміана, и кровля городская и зеліе пушечное въ Ивановской стрѣльницѣ, и паде стрѣльница, и внутри сгорѣ дворъ Великаго Князя... И загорѣся зеліе пушечное на Москвѣ на Успенскомъ врагѣ, на Олевизовскомъ [3]) дворѣ: *дѣлаша бо его*

---

[1]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 205.
[2]) Тамъ же № 317.
[3]) *Алевизъ*, онъ же *Фрязинъ*, зодчій, выѣхалъ изъ Милана къ вел. кн. Ивану III въ 1494 г., соорудилъ въ Москвѣ каменный великокняжескій дворецъ, часть кремлевской стѣны, Архангельскій соборъ и до 20 каменныхъ церквей.

на томъ дворѣ градскіе люди, и сгорѣ ихъ во единъ часъ болѣ 200 человѣкъ, и ко двору не прикоснусь огнь" [1]). Очевидно, что порохъ изготовлялся въ Москвѣ и, разсылаемый отсюда, онъ хранился по городамъ въ складахъ.

Мѣстности отдаленныя и еще небогатыя населеніемъ не подлежали селитроварной повинности, но, въ случаѣ надобности имѣть селитру, получали разрѣшеніе выварить ее въ опредѣленномъ количествѣ. Такое разрѣшеніе видимъ, напр., въ любопытной грамотѣ 18 апрѣля 1558 г., которая, смѣшивая, опять емчугъ съ зельемъ, гласитъ: „Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, къ Соли Вычегоцкой на посадъ и въ Усолской уѣздъ, старостамъ: Омельяну Топнику, да чорныхъ деревень старостѣ Нечайку Корчагѣ, да Пачеозерскаго села Судецкому старостѣ Гришѣ Дементьеву, по просьбѣ Григорія Аникѣева сына Строгонова о дозволеніи ему на пустомъ мѣстѣ, ниже Великіе Перми за восмьдесятъ за восмь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, варить селитру". Изъ этой грамоты далѣе ясно видно, что селитра получалась выщелачиваніемъ. „А того бъ есте берегли накрѣпко—говоритъ грамота—чтобъ въ томъ ямчужномъ вареньѣ отъ Григорья крестьяномъ обидъ и продажи не было ни которыми дѣлы; а изъ подъ избъ бы и во дворѣхъ изъ подъ хоромъ у васъ онъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ, чтобъ отнюдь ни которыми дѣлы крестьянству убытка не было. А что станется крестьяномъ убытка отъ Григорья, вашимъ небереженьемъ старостъ, и намъ на васъ тѣ убытки велѣти имати безъ суда вдвое" [2]). Во всякомъ случаѣ, селитры мѣстнаго производства на потребности тогдашней Руси не хватало, или же селитра эта по качеству не совсѣмъ годилась; извѣстно напримѣръ, что въ 1581 г. англичанинъ Джонъ Горсей привезъ въ устья Двины, между прочими товарами, и селитру, а въ 1588 г. для англичанъ же сдѣлано исключеніе въ пользу промѣна имъ русскаго воска только на „ямчугу или зелье и сѣру" [3]).

[1]) Карамзинъ: Истор. Госуд. Росс., т. VII, прим. 380.
[2]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 254.
[3]) Карамзинъ: Исторія Госуд. Росс. т. X, прим. 338.

Солевареніе на Руси XVI в. производилось въ довольно широкихъ размѣрахъ. Географическому распространенію солеваренія содѣйствовало то обстоятельство, что поваренная соль была дорога, дрова же и человѣческій трудъ имѣли самую ничтожную цѣнность, потому въ это время могли вывариваться такіе бѣдные содержаніемъ разсолы, выварка которыхъ совершенно немыслима при настоящихъ экономическихъ условіяхъ. Къ прежнимъ варницамъ, еще въ княженіе Василія, прибавились новыя. Первое лѣтописное упоминаніе о камскомъ усольѣ относится къ 1505 году. Въ одномъ и томъ же 1517 г. видимъ заведеніе варницъ Строгоновыми на Устюгѣ [1]) и встрѣчаемъ солевареніе Троице-Сергіева монастыря въ нынѣшней владимірской губерніи: „да что у Соли у Переславскіе (Залѣсскаго) ихъ же монастырскіе четыре варницы, да пятая ихъ же варница Киржацкая“ [2]). Доставляя русскую соль казанцамъ [3]), еще не покореннымъ Москвою, Василій въ 1514 г. разрѣшилъ ганзейцамъ торговлю солью въ Новгородѣ [4]) и всегда покровительствовалъ расширенію русскаго солянаго дѣла, какъ это видно изъ его жалованной грамоты 24 апрѣля 1524 г., (Приложеніе № 1) которая служила прототипомъ всѣмъ позднѣйшимъ грамотамъ [5]). Въ грамотѣ этой дворянину Наумкѣ Кобелю Савину сыну съ товарищами разрѣшено на пустопорожнихъ мѣстахъ въ двинскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Юрѣ и у Смердова озерка построить варницы и устроить поселеніе, съ условіемъ не держать только „лихихъ людей, ябедниковъ, татей и разбойниковъ“. Въ поощреніе же производства солепромышленники избавляются отъ всякихъ податей на 10 лѣтъ и имѣютъ право собственнаго суда, кромѣ случаевъ убійства и разбоя. Льготы русскому солеваренію продолжались и послѣ Василія, даже при малолѣтнемъ преемникѣ его, Иванѣ IV, опекаемомъ боярами, которые, въ 1543 г., освободили отъ пош-

---

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. IX, прим. 651.
[2]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 164.
[3]) *Герберштейнъ*: Московскія записки (Rer. moscov. comment). См. Воспоминанія. 1832. Кн. X, стр. 77
[4]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. VII, стр. 37.
[5]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 385.

линъ Холуйскіе и Ряполовскіе, въ нынѣшней владимірской губерніи, варницы Троице-Сергіеваго монастыря грамотою, любопытною перечисленіемъ въ ней родовъ смерти, случавшихся на соляныхъ промыслахъ: „А которой монастырской человѣкъ или казакъ убьется съ костра (навалъ дровъ) или въ црѣнѣ сгоритъ, или въ горнъ впадетъ, или въ колодезь ввалится, или съ журавца (колодезное коромысло) убьется, или возомъ сотретъ..." [1]). Вступивъ лично въ управленіе государствомъ, юный Иванъ IV въ 1545 г. „пожаловалъ въ Двинскомъ присудѣ Корельскаго монастыря Никольскаго игумена Ефрема съ братьею... велѣлъ ему... у нихъ въ суземьѣ, на Ижмѣ, по Шалгѣ, около Едомскаго озерка до Демонова болота, да на Ушкоѣ рѣчкѣ, отъ устья до верхотины... лѣсъ сѣчи и соляныхъ пожылинъ искати, и трубы и варницы ставити" [2]); въ 1546 г. онъ вооружился противъ торговыхъ злоупотребленій каргопольцевъ и онежанъ, сбывавшихъ на Бѣлоозеро соль съ кардехою и другими вредными примѣсями, иногда „пуда по два, и по три и болши" на рогозину [3]), и велѣлъ съ уличаемыхъ въ томъ „доправливати по два рубля: рубль на меня, на Великаго Князя, а рубль на себя (намѣстника)" [4]). Наконецъ, въ 1547 г., посылая саксонца Шлитта за разными мастерами въ Европу, царь велѣлъ ему пріискать и одного солевара [5]). Такое начинаніе не могло оставаться безплоднымъ, и въ 1551 г. „Корѣльской монастырь Никольской" уже получилъ право возить безпошлинно въ Вологду 4,000 пуд. соли [6]); въ 1556 г. освобождены отъ пошлинъ 9 варницъ Соловецкаго монастыря „въ ноугородцкомъ уѣздѣ въ Вимерской губѣ" [7]); въ 1563 г. видно солевареніе въ нынѣшнемъ Весьегонскѣ [8]), уѣзд-

---

[1]) Акты Археограф. Экспед., т. I. № 200.
[2]) Акты историч., т. I, № 144.
[3]) Рогозины бывали въ 10 и 6 пуд.; каждая рогозина заключала въ себѣ 3 луба. Рогозина въ 6 пуд. назыв. сопецъ.
[4]) Акты Археограф. Экспед., т. I, № 211.
[5]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. VIII, прим. 206.
[6]) Акты историч., т. I, № 156.
[7]) Дополн. къ Акт. истор., т. I, № 111.
[8]) Акты Археограф. Экспед., т. I, № 263.

номъ городѣ тверской губерніи; въ 1566 г. Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь получилъ право продавать безпошлинно 10,000 пуд. соли въ одномъ Дмитровѣ [1]); въ 1568 г. позволено Якову Аникѣеву Строгонову завести варницы по р. Чусовой [2]); въ 1578 г. освобождены отъ пошлинъ двинскія варницы: Николаевскаго-Корѣльскаго монастыря—въ Унѣ, Неноксѣ и Варзугѣ [3]), Валаамскаго—въ Ковдѣ [4]).

Поощряя такимъ образомъ отечественное солевареніе, царь Иванъ IV не пренебрегалъ и заморскою солью: въ 1565 г. пришелъ въ Нарву корабль съ солью изъ Антверпена [5]); въ 1567 году много соли возили къ двинскому Розовому острову англичане [6]); въ 1571 г. соль нѣмецкую и морянку продавали въ Новгородѣ ганзейцы [7]). Состояніе русскаго солеваренія въ царствованіе Ѳедора I (1584—1598) иноземецъ, жившій тогда на Руси, изображаетъ такъ: „Соль: лучшія варницы въ Старой Русѣ; есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ. Астраханскія озера производятъ самосадку: купцы платятъ за нее въ казну по три деньги съ пуда“ [8]). Соль на Руси XVI вѣка цѣнилась очень дорого: въ 1572 г. 2000 пудовъ шли вкладомъ въ монастырь за 100 руб., въ 1574 г. 300 пудовъ—за 12, и 100 пудовъ—за 5 руб. [9]). Соляные промыслы въ Старой Русѣ, гдѣ вываривалась тогда лучшая соль, были обложены податью, которая называлась *сотною солью*, потому что состояла изъ трехъ денегъ съ каждой сотни пудовъ. Можно полагать, что такая же подать взималась и со всѣхъ вообще русскихъ варницъ. За гра-

---

[1]) Акты Археогр. Экспед. т. I, № 271.
[2]) Дополн. къ Акт. истор., т. I, № 119.
[3]) Акты Археограф. Экспед., т. I, № 299.
[4]) Тамъ же, 300.
[5]) *Гамель:* Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 73.
[6]) Тамъ же, стр. 93.
[7]) *Карамзинъ;* Истор. Госуд. Росс., т. IX, стр. 277.
[8]) Тамъ же т. X, стр. 144. Извѣстіе это исторіографъ заимствовалъ у Флетчера.
[9]) *Сахаровъ:* Кормовая книга Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря. См. Записки отд. русс. и славян. археол. Импер. Археологич. общества. 1851, т. I, отд. III, стр. 52.

ницу русская соль, конечно, тогда не вывозилась. Иностранцы, и именно англичане, находили ее дурнаго качества [1]).

Монетное дѣло на Руси XVI вѣка продолжало находиться въ полномъ распоряженіи денежниковъ, хотя самая система денежнаго счета въ теченіе этого вѣка уже превратилась окончательно изъ гривенной въ рублевую. Превращеніе это обусловливалось причинами внутренними; не волею самодержавной верховной власти, говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, совершалась въ древней Россіи перемѣна монетной системы, но нуждами и потребностями самого народа при его внутреннихъ и преимущественно внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ. Только близкое сходство новой монетной системы съ прежнею могло дать ей общій ходъ [2]). При вел. князѣ Василіѣ московскія серебряныя деньги имѣли отъ $12^{3}/_{5}$ до $16^{4}/_{5}$ долей чистаго металла, и такихъ денегъ изъ скаловой гривенки дѣлали „полтретья рубля съ гривною", т. е. 2 р. 60 коп., слѣдственно изъ фунта, въ $85^{1}/_{3}$ золотниковъ безъ лигатуры, выходило 5 р. 20 к. [3]). На лицевой сторонѣ этихъ денегъ изображался всадникъ, скачущій вправо, съ поднятымъ къ верху мечемъ; на обратной выбивалась четырехстрочная подпись: *Бжіею млтію* | *кнзъ велики* | *и гдрь* | *всея Руси.* Деньги псковскія были совершенно подобны этимъ, съ тою разницею, что подпись была расположена вокругъ всадника, и на обратной сторонѣ выбивалось: *денга псковская* [4]).

Въ малолѣтство Ивана IV „Князь великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и рѣзаныхъ, и восхотѣ то лукавство вывести, и повелѣ дѣлати деньги новые, *изъ гривенки по три рубли*, а старые и поддѣльные и рѣзаные передѣлывати, а поддѣльнымъ и рѣзанымъ не ходити; и въ старыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ, въ новгородкахъ и въ москов-

---

[1]) *Костомаровъ*: Очерки торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. См. Современникъ. 1858 № 6, отд. I, стр. 333.

[2]) *Казанскій*: Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ. См. Записки Импер. Археолог. общ. 1851, т. III, отд. I, стр. 106.

[3]) *Прозоровскій*: Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. См. Записки Импер. Археолог. общ. 1865, т. XII, вып. II, стр. 480—486.

[4]) *Чертковъ*: Описаніе древнихъ русс. монетъ. Москва. 1834, стр. 50—53.

кахъ, въ гривенкѣ полтретья рубля съ гривною (т. е. 2 р. 60 коп.); и великая княгиня (Елена Глинская) велѣла прибавити въ гривенку новыхъ денегъ, чтобъ было людемъ не великой убытокъ отъ лихихъ денегъ... и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити". Это любопытное извѣстіе лѣтописца дополняется другимъ лѣтописнымъ же: „Повелѣ великій князь дѣлати новые деньги на свое имя, безъ всякаго примѣса, изъ гривенки изъ каловые 300 денегъ новгородскихъ, а въ московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлати 250 денегъ новгородскихъ, а въ московское число полтретья рубля съ гривною (т. е. 2 р. 60 коп.). А при вел. князѣ Василіи Іоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а князь вел. Іоанъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ, а имѣя копіе въ руцѣ. И оттолѣ прозвашася деньги *копейные* (копейки)... Безумніи въ толико безуміе пришедше, яко половину у всякой деньги отрѣзати и гривенку доспѣти въ 500 денегъ и болши... и того ради въ людехъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися... иніи вмалѣ обогатѣша, а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертьми изомроша... И начаша (въ Новгородѣ) дѣлати новые деньги іюня въ 20; а во дворѣ денежномъ велѣлъ князь Василій осмотрѣти накрѣпко мастеровъ своему гостю московскому Богдану Семеновичу сыну Курюкова съ товарищами". Наконецъ, еще одно лѣтописное извѣстіе сообщаетъ, что „въ лѣто 7042 (1534) на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ, Москвичь и Смольнянъ, и Костромичь, и Вологжанъ, и Ярославцовъ, и иныхъ многихъ городовъ московскихъ; а казнь была—олово лили въ ротъ, да руки сѣкли" [1]).

И такъ серебряныя деньги замѣнились такими же копейками, которыя въ продолженіе всего полувѣковаго царствованія Ивана IV Грознаго вѣсилиотъ 12³/₅ до 16⁴/₅ долей чистаго металла, фунтъ

[1]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Рос., т. VIII, прим. 67.

котораго содержалъ въ себѣ чистой цѣнности $92^{4}/_{25}$ золотн. и усчитывался сначала въ 600 новгородскихъ денегъ или 200 московокъ, но потомъ, въ теченіе того же XVI в., содержалъ въ себѣ 720, 864, 960 и даже 1024 деньги на счетный монетный фунтъ [1]). Эти колебанія показываютъ, что, едва овладѣвъ монетною регаліей, правительство того времени увидѣло уже въ ней источникъ не совсѣмъ похвальныхъ финансовыхъ операцій, оправдываемыхъ единственно неизвѣстностью въ то время государственнаго кредита. Кромѣ денегъ, обратившихся въ копейки, при Иванѣ IV ходили серебряныя монеты въ $7^{1}/_{2}$ дол. чистаго металла, именовавшіяся *полуденьгами*, а по отношенію къ копейкѣ, вдвое большей, *деньгами* [2]). На лицевой сторонѣ монетъ царя Ивана IV изображался всадникъ въ шапкѣ, скачущій направо, съ копьемъ въ рукѣ и развѣвающимся позади рукавомъ платья, подъ конемъ буквы: ФС; на обратной — пятистрочная подпись: *кнзъ* | *велик*і | *иванъ* | *всеіа р* | *оуси*. Для татаръ, подданныхъ Ивана IV, приготовлялись особыя монеты одинаковаго вѣса съ первыми, но имѣвшія: на лицевой сторонѣ—изображеніе всадника въ шапкѣ, скачущаго направо, съ копьемъ въ рукѣ, головою, обращенною назадъ и подписью вокругъ: *кнзъ великі іванъ васілев*; на обратной—арабская подпись, съ русскою вокругъ: *и сподарь всея роуси*" [3]). Извѣстны и двѣ золотыя монеты царя Ивана IV: одна въ $39^{1}/_{2}$ долей, имѣетъ на лицевой сторонѣ двуглаваго орла, съ московскимъ гербомъ въ овальномъ щитѣ на груди, а сзади шестистрочную подпись: *Бжіею* | *млтію црь* | *і велікіи кн* | *зъ іванъ вас* | *лієвічь все* | *я роусіи*; другая въ 19 долей съ двуглавымъ орломъ на лицевой сторонѣ и подписью на оборотной, какъ предыдущая [4]). При царѣ Θедорѣ I серебряныя копейки вѣсили отъ $14^{1}/_{2}$ до 16 долей, а полуденьги (деньги), по прежнему, $7^{1}/_{2}$ дол. чистаго металла; изображеніе

---

[1]) *Прозоровскій:* Мон. и вѣсъ въ Росс. до конца XVIII стол., стр. 479, 572, 578.
[2]) *Чертковъ*: Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 61.
[4]) *Долгорукій,* князь: Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ. С.-Петербургъ. 1850, стр. 16—17.

всадника на копейкахъ не измѣнялось, но на полуденьгахъ (деньгахъ) онъ съ мечемъ; одна и та же подпись: *царь и великій князь Өедоръ Ивановичъ всея русіи*—выбивалось полно и сокращенно, кромѣ того, разными шрифтами [1]). Мѣдною монетою на Руси XVI в. оставалась единственно пула=$^1/_{60}$ деньги или копейки и $^1/_{1200}$ рубля. Денежниками того времени были, вѣроятно, всѣ московскіе мастера серебряныхъ дѣлъ; на псковскихъ деньгахъ встрѣчается имя мастера *Замани* [2]). Царь Иванъ IV, въ 1547 г., выписывалъ черезъ Шлитта одного денежника [3]). Изъ иностранныхъ монетъ на Руси XVI в. обращались: золотыя—угорскіе (венгерскіе) и португальскіе червонцы, нобили (корабельники) или двойные червонцы, римскіе гульдены, ливонезы, голландскіе ефимки; серебряныя—талеры, ефимки, гинеи, пенязи; мѣдныя—нѣмецкіе гроши. Съ 1568 г. чеканились въ Москвѣ талеры собственно для англичанъ [4]); съ 1589 г. переливались русскими денежными мастерами ефимки для лондонскихъ купцовъ [5]). Учетъ иностранныхъ денегъ русскими и обратно чрезвычайно измѣнялся въ это время и ждетъ еще своего изслѣдователя—спеціалиста.

---

[1]) *Прозоровскій*: Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол., стр. 638—639
[2]) Тамъ же, стр. 669.
[3]) *Карамзинъ*: Истор. Госуд. Росс., т. VIII, прим. 206.
[4]) Тамъ же, т. IX, стр. 79.
[5]) Тамъ же, т. X, стр. 116

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

Начало правильной горнозаводской промышленности и систематическія мѣры правительства для ея поощренія.—Мѣры, принятыя при Борисѣ Годуновѣ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, царевнѣ Софіи.—Начало царствованія Петра Великаго.—Учрежденіе Приказа Рудокопныхъ Дѣлъ.—Пути въ Сибирь и колонизація послѣдней.

XVII вѣкъ въ исторіи русскаго народа былъ съ одной стороны полнѣйшимъ выраженіемъ порядковъ, установившихся на Руси XVI вѣка, а съ другой—колыбелью тѣхъ началъ, изъ которыхъ энергія Петра создала современную Россію. Безъ матеріала, заготовленнаго историческимъ ходомъ временъ предшествовавшихъ, если бы XVII вѣкъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, реформа Петра не могла бы имѣть мѣста. А какъ проченъ былъ матеріалъ, выражавшійся русской жизнью XVII вѣка, доказывается тѣмъ, что ни самозванство съ тремя „безгосударными" годами въ началѣ, ни гроза Степана Разина въ срединѣ, ни мятежи стрѣльцовъ въ концѣ этого вѣка—не могли отнять у Петра того, что было завѣщано ему исторіей. Старая Русь по закону историческому должна была, наконецъ, преобразиться въ новую Россію и Петръ явился способнѣйшимъ орудіемъ для этого великаго дѣла. Нельзя сказать однако, что Петръ всюду былъ только продолжателемъ. Это мы лучше всего видимъ въ интересующей насъ по преимуществу русской горной промышленности, исторія которой только съ Петра представляетъ намъ рядъ общихъ мѣръ, о которыхъ и не помышляли прежде.

Въ 1600 году царь Борисъ Годуновъ посылалъ какого-то Берента Хепера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію, съ порученіемъ сказать герцогу тосканскому Фердинанду, что русскій царь нуждается во всякихъ „мудрыхъ ремесленникахъ“ и желаетъ имѣть ихъ; вслѣдствіе чего, въ мартѣ 1602 г., явился въ Москву флорентійскій чиновникъ, Авраамъ Люсъ, съ отвѣтомъ, что герцогъ Фердинандъ готовъ услужить царю вызовомъ нужныхъ для него ремесленниковъ, художниковъ и проч. [1]). Что въ числѣ этихъ людей приглашались и спеціалисты по горной части, объясняется слѣдующимъ мѣстомъ наказной памяти служилому иноземцу, Роману Бекману, отправленному въ томъ же 1600 г. и съ такимъ же порученіемъ въ Любекъ: „Да посланы съ Романомъ Государевы Царевы и Великаго князя Бориса Θеодоровича всеа Русіи самодержца, опасныя грамоты рудознатцомъ, которые знаютъ находити руду золотую и серебряную.... И Роману промышляти тѣмъ накрѣпко, чтобъ мастеровые люди, рудознатецъ... ѣхали къ Царскому Величеству своимъ ремесломъ послужить; и сказывать имъ государево жалованье и отпускъ по волной, что имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ поволной безо всякаго задержанья“ [2]). При царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ, англичане: Джонъ Ватеръ, въ 1618—1622, и Фричъ и Геролдъ, въ 1626 году, отправляемы были съ дворяниномъ Загряжскимъ для пріисканія рудъ въ Пермь [3]). Въ 1628 году, одновременно съ случайной находкой желѣзной руды на р. Ницѣ, о чемъ будетъ говорено далѣе, русскіе промышленники ѣздили отыскивать серебряную руду на Кавказъ [4]). Въ 1635 г., московскій гость Дей (Надѣя) Свитейщиковъ [5]) и наконецъ Аристъ Петрольтъ нашли мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ кунжурское, при

---

[1]) *Карамзинъ*: Ист. Госуд. Росс. т. XI, прим. 111 и стр. 49.

[2]) Акты историческіе, т. II (изд. 1841), № 34.

[3]) *Снегиревъ*: Памятники московской древности. 1842—1845, стр. LXIX.

[5]) Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1837, ч. VIII, стр. 148 (журн. чрезвычайн. засѣд. 23 ноябр. 1829 г.).

[4]) Этого гостя, т. е. купца, Дея Андреева Свитейщикова, въ статьяхъ по горной исторіи, даже новѣйшихъ, ошибочно чествуютъ титуломъ боярина. См. „Исторія основанія русскихъ горныхъ заводовъ“, гг. Полетики и Блинова въ Памятной книжкѣ для горныхъ людей на 1862 г., стр. 194.

р. Яйвѣ, а вслѣдъ затѣмъ отыскано и мѣдное мѣсторожденіе григорьевское, въ 28 верст. отъ Соликамска [1]).

Нѣсколько позже отысканы руды и въ Нерчинскомъ краѣ. Подробности этого открытія видны изъ инструкціи письменному головѣ Пояркову [2]) (приложеніе № 2). Командировка Пояркова состоялась на основаніи, полученныхъ въ Якутскѣ, свѣдѣній, что по р. р. Шилкѣ, Зея и Усть-Урѣ бурятской „князецъ Ловкай“ разработываетъ и плавитъ серебряную руду; свѣдѣнія эти дополнялись показаніями о серебрѣ, видѣнномъ у тунгузовъ по р. Ангарѣ, и слухами о богатствѣ серебра за Алданомъ. Якутскій воевода Петръ Петровичъ Головинъ послалъ Пояркова по рр. Ленѣ, Алдану, Учерѣ, Гономѣ, далѣе волокомъ до р. Зея и потомъ Шилки. На двухъ послѣднихъ Поярковъ долженъ былъ разыскивать серебро-свинцовую и мѣдную руду и, найдя такія, устроить заводъ; для безопасности же послѣдняго построить остроги и взять у инородцевъ заложниковъ; кромѣ того, его обязали изслѣдовать дорогу до китайской границы и представить подробное описаніе найденныхъ мѣсторожденій и образцы руды для пробы. 16 апрѣля 1645 г., за три мѣсяца до смерти царя Михаила, писана въ Москвѣ грамота [3]) верхотурскому воеводѣ Михаилу Ѳедоровичу Стрѣшневу, въ отвѣтъ на доставленные имъ образцы мѣдныхъ рудъ изъ невьянской и ирбитской волостей; образцы были испытаны въ Приказѣ Большой Казны водовзводнымъ мастеромъ Христофоромъ Головою и англійскимъ плавильщикомъ Рыцеремъ Штилемъ, но мѣди въ образцахъ не оказалось. Судя по описанію видно, что образцы эти были сѣрный колчеданъ. Потому въ Верхотурье былъ посланъ образецъ настоящей мѣдной руды и велѣно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были первыя развѣдки, доискиваться „мѣдные руды жилъ“, небольшими, впрочемъ, расходами;

---

[1]) *Дерябинъ:* Высочайше утвержденные доклады и другія свѣдѣнія о новомъ образованіи горнаго начальства и управленія горныхъ заводовъ. С.-Петербургъ. 1807 г., ч. I, стр. 6—7.

[2]) Чтенія въ Имп. Обществѣ истор. и древн. росс. Москва. 1861, кн. I. Январь—мартъ, отд. V, стр. 1—14.

[3]) Акты историч., т. III. № 245.

для развѣдокъ сказано „идти въ глубь тѣми обычаи, какъ копали колодези“; о результатахъ же увѣдомлять Сибирскій Приказъ. Первоначальные образчики руды нашли дѣти Стрѣшнева Григорій и Петръ и крестьянинъ Малафейко Тимофеевъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ началъ свои горнозаводскія распоряженія, въ томъ же 1645 г., грамотою къ тому же верхотурскому воеводѣ Стрѣшневу, отъ 24 декабря [1]); гдѣ, выхваляя воеводу за старанія о поискахъ мѣдной руды, сообщаетъ, что мѣдная руда съ рѣки Тагила по пробамъ оказалась содержаніемъ четыре золотника въ пудѣ. Поэтому воеводѣ предписывалось требовать, если нужно, кузнецовъ, плавильщиковъ и всякихъ работныхъ людей, а имѣвшимся у него въ распоряженіи соликамскимъ плавильщикамъ давать жалованіе, пока будутъ у дѣла, въ мѣсяцъ: Олександрику Иванову по 4 рубля, Сенкѣ Колоколникову по $3^1/_2$ руб., а подплавильщикамъ по 25 алтынъ въ мѣсяцъ. Окладъ по тому времени не ничтожный.

Къ 1661 году относится любопытный наказъ [2]), данный 12 мая дьяку Василію Шпилькину, отправленному для отысканія серебряной руды на Каменномъ носу, на Югорскомъ шарѣ и близъ рѣки Косвы. Документъ этотъ показываетъ, съ какимъ усердіемъ искали тогда рудъ драгоцѣнныхъ металловъ. Шпилькинъ долженъ былъ ѣхать изъ Мезени моремъ три дня для осмотра и испытанія руды въ берегѣ морскомъ, найденной умершимъ уже тогда мезенцомъ Машуковымъ. Руда эта была въ становищахъ югорскихъ самоѣдовъ. Наказъ поощрялъ дьяка къ энергіи выраженіемъ: „А буде его Васильевымъ нерадѣніемъ серебряная руда не сыщется, и ему отъ насъ, Великаго Государя, за то быти въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаніи“. Несмотря на трудность пути, тотъ же дьякъ долженъ былъ, если поспѣетъ, съѣздить еще тѣмъ же лѣтомъ посмотрѣть руду „и за Печору, на рѣку на Цылму, не до-

---

[1]) Акты историч., т. IV. № 7.
[2]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. С.-Петербургъ. 1830, т. I, № 296.

ходя до Косвы рѣки за семь дней, а того мѣста десять верстъ, а отъ Москвы будетъ 3500 верстъ“....

Лѣтомъ 1666 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ полковника Густава фонъ-Кемпена на Двину съ порученіемъ отыскивать золотыя, серебряныя и др. руды, алебастръ, слюду, соляные разсолы и мѣста, гдѣ выгодно варить соль изъ морской воды, съ обязательствомъ всѣ открытыя и осмотрѣнныя мѣсторожденія описать подробно и составить чертежи [1]); кромѣ того писалъ онъ кевроло-мезенскому воеводѣ Василію Самарину грамоту [2]) отъ 21 іюля, чтобы онъ, посланнымъ изъ Москвы, рудознатцамъ князьямъ Богдану и Степану Милорадовымъ оказывалъ полное содѣйствіе въ людяхъ, подводахъ и припасахъ для развѣдки рудъ, ранѣе того заявленныхъ на р. Мезени, затѣмъ всѣ донесенія рудознатцевъ посылалъ немедленно, а о дѣйствіяхъ сообщалъ отъ себя въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ. Весьма вѣроятно, что руды на р. Мезени были приняты за серебряныя только по незнанію.

Въ 1668 г. принялся искать руды плавильщикъ Дмитрій Тумашевъ. Въ грамотѣ во всѣ сибирскіе города [3]) говорится, что Тумашевъ ѣдетъ искать на свой счетъ золотыя, серебряныя и мѣдныя руды и драгоцѣнныя камни, потому ему должно оказывать всякое содѣйствіе въ людяхъ и подводахъ, а въ случаѣ отысканія рудъ то и въ деньгахъ. Къ этой грамотѣ на другой же день, 22 декабря, сдѣлано дополненіе [4]), гласившее, что Тумашеву разрѣшается искать вездѣ и желѣзныя руды, неупомянутыя въ предыдущей грамотѣ, съ тѣмъ, что по отысканіи ихъ онъ имѣетъ право вездѣ строить заводы, безъ стѣсненія однако „ясачныхъ и русскихъ людей“ и уплачивая въ казну изъ металловъ десятый пудъ натурою. Первое указаніе на горную подать въ Россіи.

Отъ 1670 г. имѣется позднѣйшее (1708) извлеченіе чрезвычайно любопытнаго документа [5]) (приложеніе № 3), оригиналъ

[1]) Полн. Собран. Закон. Росс. Импер. С.-Петербургъ, 1830, т. I. № 391,
[2]) Тамъ же, № 392.
[3]) Дополн. къ Акт. истор. т. V, № 10. III.
[4]) Тамъ же, № 10. IV.
[5]) Дѣла Государств. Архива (въ С.-Петербургѣ, при министер. иностр. дѣлъ) по внутреннему управленію кабинета. Картонъ № 13, статья № 1.

котораго былъ поднесенъ царю Алексѣю Михайловичу въ одно изъ присутствій его въ Золотой Палатѣ. Тутъ значится, что въ 1669 году былъ возбужденъ вопросъ, откуда могло взяться золото и серебро, находимое въ татарскихъ могилахъ по р. Исети? На это старецъ Лотъ Далматова монастыря [1]) далъ весьма обстоятельное показаніе, полученное отъ башкиръ, что драгоцѣнные металлы находятся въ изобиліи за Ураломъ по рр. Уфѣ, Гадаю и Лику; что добывала ихъ тамъ прежде чудь, а потомъ татаре и калмыки; что отъ прежнихъ работъ, брошенныхъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ, видны остатки; мѣста эти башкиры очень скрываютъ; полученный же металлъ сбывался преимущественно въ городѣ, отстоявшемъ отъ Урала на одиннадцать дней пути, и, по положенію его на р. Иртышѣ, находившемся вѣроятно на мѣстѣ нынѣшняго Семипалатинска. Всѣ другія соображенія старца Лота очень разсудительны.

Въ 1671 году посланъ былъ для рудныхъ поисковъ въ Уральскихъ горахъ нѣкто Михайло Селинъ съ нѣмецкими горными людьми. Въ слѣдующемъ году для той же цѣли и въ тѣ же мѣста былъ посланъ думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитровъ съ сыномъ Венедиктомъ, подъячимъ Еремеемъ Полянскимъ и нѣмцами. Ему приказано было заложить городокъ въ Уральскихъ горахъ по р. Тосмѣ и искать серебряныя руды. Хитровъ присоединилъ къ себѣ партію Селина и два года искалъ руды по р. Тоболу и далѣе, доходя даже до Кузнецка, Томска и Красноярска. Поиски эти остались безъ успѣха, и ему было велѣно возвратиться, а новый городъ (вѣроятно деревянный острогъ) сжечь.

Въ 1675 г., послѣднемъ жизни и царствованія Алексѣя Михайловича, даны проѣзжія жалованныя грамоты [2]) (приложеніе № 4), ко всѣмъ городамъ и уѣздамъ, для поисковъ серебряной и золотой и иныхъ рудъ, дворянину Андрею Виніусу, вологженину Якову Галкину, московскимъ иноземцамъ Петру Марселису и Ере-

[1]) Успенскій—Далматовъ мужескій 3 класса монастырь, въ гор. Далматовѣ, пермской губ., основанъ въ 1644 году.

[2]) Дополн. къ акт. истор., т. VII, № 10. Ш.

мею Фандергатену, церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что у новаго гостинаго двора, попу Дементью Өедорову съ дѣтьми и сотнику Льву Нарыкову съ братьями и товарищами. Въ грамотахъ этихъ точно также повторялось, что всѣ означенныя выше лица имѣютъ право свободно искать и добывать руды, кромѣ золотой и серебряной, а также краски, слюду и различные камни, на всѣхъ безъ различія земляхъ, въ чемъ мѣстныя власти не только не должны имъ препятствовать, но, наоборотъ, оказывать полное содѣйствіе. Содѣйствіе состояло въ дачѣ подводъ за прогоны, людей, конвоя, въ невзиманіи различныхъ пошлинъ и въ посылкѣ вооруженной силы, въ случаѣ чьего бы то ни было сопротивленія поискамъ. Независимо отъ этого Виніусу и Галкину, 19 мая того же 1675 г., дана особая грамота [1]), въ которой разрѣшалась добыча золота, серебряной руды и сѣры, а также устройство всякихъ заводовъ на слѣдующихъ условіяхъ. Поиски руды производятся вездѣ безпрепятственно, затѣмъ на земляхъ казенныхъ и пустопорожнихъ заводы строятся и лѣсъ рубится также свободно, на земляхъ же помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по взаимному договору; все это дѣлается на свой счетъ и наемными людьми. По открытіи руды, 20 лѣтъ добыча и обработка ея производится безпошлинно; по окончаніи же льготнаго срока, назначается платежъ съ каждой плавильной печи по 150 рублей въ годъ; въ случаѣ потребности мѣди для казны, заводчики обязаны уступать ее по 16 алт. 4 ден. за пудъ, но тогда уже пошлинъ за нее не платятъ; съ желѣзныхъ заводовъ будутъ платить они тоже, что Акема и Марселіусъ (смотри ниже), а съ сѣры, согласно торговаго устава; продажа металловъ разрѣшалась свободно и допускался вывозъ ихъ за границу; въ случаѣ найма какихъ либо земель или угодій для заводовъ, заводчики не освобождались отъ оброка за послѣднія.

Смертію царя Алексѣя Михайловича правительственныя заботы о развитіи горной промышленности не прекратились: 7 марта

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. VII. № 10, III.

1676 года по просьбѣ князя Юрія Ивановича Ромодановскаго была ему дана грамота [1]), буквально схожая съ грамотою Виніусу и др. Въ грамотѣ сказано, что для развѣдокъ посланъ Казанскаго Спасова монастыря стряпчій Кондратій Меркульевъ. Въ томъ же 1676 г. царь Өедоръ получилъ прошеніе отъ серебрянаго дѣла мастеровъ Ероөейки Ножевникова съ пятью товарищами, которые, указывая на то, что безъ грамоты царской поиски очень затруднительны и перечисляя льготы Виніусу и Марселіусу, предлагаютъ довольствоваться меньшими льготами и платить болѣе, а именно безпошлинно работать всего 15 лѣтъ, и затѣмъ платить съ завода по 200 рублей въ годъ, мѣдь же уступать въ казну со сбавкою противъ торговыхъ цѣнъ по 20 алтынъ съ пуда. Царь приказалъ удовлетворить эти прошенія [2]). Кромѣ того въ томъ же 1676 году опять была какая-то экспедиція въ Уральскихъ горахъ, въ которой участвовали два нѣмца, Самуилъ Фритшъ и Гансъ Герольдъ. Они привезли съ собою нѣсколько кусковъ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ, но обѣщали мало прочнаго, особенно по дикости тѣхъ мѣстъ [3]).

Горнопромышленныя мѣры въ шестилѣтнее царствованіе Өедора видны еще изъ грамоты [4]), 28 іюня 1681 г., къ селенгинскому воеводѣ стольнику Ивану Остафьевичу Власову, гдѣ царь, укоряя его, что онъ ничего не отвѣчаетъ на запросъ о золотѣ, серебрѣ, камняхъ, оловѣ, свинцѣ, желѣзѣ и пр. въ Восточной Сибири, Китаѣ, Индіи и Америкѣ (sic), поручаетъ ему „серебряныхъ и золотыхъ рудъ и селитряныхъ земель пріискивать всякими мѣрами накрѣпко“, для чего найти знающихъ людей на мѣстѣ; если же таковыхъ нѣтъ, то требовать изъ Енисейка отъ воеводы Александра Салтыкова [5]). О всѣхъ же открытіяхъ селенгинскій воевода обязанъ былъ немедленно и подробно доносить съ при-

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. VII, № 10. I.
[2]) Тамъ же III.
[3]) *И. Ф. Германъ:* Историческое описаніе горнаго производства въ Россіи. Германъ читалъ донесеніе Фритша и Герольда въ подлинникѣ.
[4]) Акты историческіе, т. V. № 72.
[5]) На дочери этого Салтыкова женился потомъ царь Иванъ V Алексѣевичъ.

сылкою образцовъ; если же открытія будутъ близъ китайской границы, то устраивать для защиты заводовъ остроги.

Кое-какія горнопромышленныя мѣры принимались и въ семилѣтній періодъ правительствованія царевны Софіи, какъ доказываетъ это сохранившаяся въ пришивкѣ къ отрывку дѣлъ Пушкарскаго Приказа за 1684 г. „Роспись землямъ и угодьямъ, которыми владѣлъ новгородскій гость Семенъ Гавриловъ въ олонецкомъ уѣздѣ въ шунгскомъ погостѣ въ Ѳоймогубской волости къ *рудосыскному дѣлу*" [1]). Въ слѣдовавшій за тѣмъ семилѣтній же періодъ двоецарствія братьевъ Ивана и Петра Алексѣевичей горнопромышленныя мѣры русскаго правительства становятся болѣе существенными и начинаютъ обѣщать правильное развитіе въ недалекомъ будущемъ. Такъ наприм., 7 мая 1695 г., послано было, за границу къ торговому иноземцу Матвѣю Поппу 10 фунт. серебро-свинцовой руды (неизвѣстно теперь откуда) съ просьбою руду эту изслѣдовать и сообразить, выгодно ли для ея проплавки устроить заводъ, во что обойдется металлъ, какой долженъ быть составъ шихты, будетъ ли богаче руда, идя далѣе въ глубь, такъ какъ образцы взяты на поверхности мѣсторожденія, и т. д. Въ случаѣ положительнаго результата, Поппу поручалось пріискать опытныхъ плавильщиковъ и собрать свѣдѣнія, во что обійдется наемъ ихъ для Россіи [2]). Само собой разумѣется, что въ подобныхъ основательныхъ заботахъ о водвореніи горнаго промысла не принималъ никакого участія „скорбный главою" царь Иванъ Алексѣевичъ. Еще во время двоецарствія дѣлались попытки къ испытанію вновь найденной въ дальнемъ Нерчинскомъ краѣ серебряной руды. Руды эти тамъ были объявлены въ 1691 году двумя тунгусами бывшему въ посольствѣ въ Китай адміралу Головину. По возвращеніи Головина въ Москву отправили въ Нерчинскъ четырехъ русскихъ плавильщиковъ, которые однакожъ не съумѣли выплавить изъ рудъ серебра. Единодержавный царь

---

[1]) *Востоковъ, Опис. русск.* и словен. рукоп. Румянцев. муз. № СII, стр. 171.
[2]) Полн. *Собр. Зак.*, т. III, № 1512.

Петръ не оставилъ безъ преслѣдованія новыя открытія, что видно изъ двухъ распоряженій его отъ 23 ноября и 18 декабря 1696 г. на имя стольника и воеводы Самойла Ѳедоровича Николева въ Нерчинскѣ.

Въ первомъ документѣ [1]) Николеву приказывалось немедленно изслѣдовать серебряныя руды, открытыя по рѣкамъ Мунгучѣ и Алтачѣ, и сообразить, можно ли добыть ихъ тысячи три пудовъ и почемъ обойдется перевозка ихъ въ Аргунскій острогъ. Присланные образцы были найдены греками и за границею признаны богатыми свинцомъ и серебромъ, причемъ плавильные мастера замѣтили, что вглубь вѣроятно будетъ руда еще богаче. Царь Петръ повелѣвалъ взять новыя пробы и, не смѣшивая ихъ между собою, прислать въ особыхъ мѣшкахъ фунтовъ по шести, вмѣстѣ съ описаніемъ мѣсторожденій, откуда эти руды будутъ взяты [2]). Другое горно-промышленное распоряженіе единодержавнаго Петра (Приложеніе № 5) состояло въ томъ, что 18 декабря 1696 г. онъ указалъ ввести, наконецъ, въ Сибири прочныя работы. Для этого отправился грекъ Александръ Левандіанъ (греки изучали тогда металлургію на заводахъ Малой Азіи) съ 10 товарищами, и прежде всего обязался изслѣдовать руды по р. Коштакѣ близъ Томска. Томскій воевода Василій Ржевскій долженъ былъ выдать имъ кормовыя деньги на годъ (Александру по 3 алт. 2 деньги, а товарищамъ 2 алт. 4 деньги въ день), кромѣ того дать желѣзныя трубы, свинецъ, укладъ, желѣза на инструменты, сала для свѣчей и др. принадлежности для рудничныхъ работъ, также 2 кузнецовъ, съ платою по 10 денегъ въ день, 30 работниковъ, съ платою по 6 денегъ, и казаковъ для конвоя. Въ случаѣ нужды, предписывалось огородить поселенія тыномъ и рвами. Левандіанъ долженъ былъ произвести точное изслѣдованіе рудъ и, найдя благонадежныя мѣста, послать описаніе и образцы въ Москву въ Сибирскій Приказъ, приложивъ и разсчетъ, во что обой-

---

[1]) Акты историческіе, т. V, № 258. Другою грамотою отъ того же числа предписано воеводѣ Николеву, чтобъ промышленники, ходя на промыслы по р. Витиму, отыскивали сердоликъ. См. тамъ же, № 257.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. III, № 1561.

дется фунтъ серебра, а самому безотлагательно строить заводы, для чего воеводѣ давать ему по 100 и по 150 человѣкъ, да для выжега угля по 100 опытныхъ углежоговъ, съ платою по алтыну въ день. На расходы Левандіану слѣдовало дать 500 рублей. Затѣмъ изъ каждыхъ 10 пуд. добытаго имъ золота или серебра давать Левандіану съ товарищами по 2 пуда; когда же дѣло пойдетъ, то, послѣ 5 пуда, выдачу имъ кормовыхъ прекратить. Для поисковъ назначалось Левандіану 4 года, въ которые онъ обязанъ былъ учить русскихъ людей плавильному дѣлу. Въ это время хлѣбъ, въ счетъ кормовыхъ денегъ, долженъ былъ доставляться ему изъ Томска; воевода наблюдалъ за спокойствіемъ рудопромышленниковъ, но и послѣдніе никого обижать были не должны. Если же, заключаетъ указъ, Левандіанъ болѣе 1000 или 1500 рублей издержитъ и ничего не найдетъ, то отпустить его въ Москву обратно, выдавъ кормовыя деньги на дорогу. Какъ извѣстно, труды Левандіана увѣнчались успѣхомъ. По всему вѣроятію, не найдя рудъ по р. Коштакѣ, Левандіанъ при китайскомъ караванѣ отправился въ Нерчинскій край, гдѣ на лѣвомъ берегу р. Алгачи построилъ нерчинскій заводъ; выплавка серебра началась уже въ слѣдующемъ столѣтіи. Нерчинскіе заводы, на основаніе которыхъ опасались затратить болѣе 1000 рублей, доставили потомъ на 67 милліоновъ рублей одного серебра!

Еще важнѣе для будущаго горнаго производства въ Россіи было повелѣніе Петра объ устройствѣ большаго желѣзнаго завода на Уралѣ. Подробности этого дѣла видны изъ грамоты [1] (Приложеніе № 6) 15 іюля 1697 года верхотурскому воеводѣ Дмитрію Петровичу Протасьеву. Вслѣдствіе приказа Петра, передъ отъѣздомъ его за границу, прислать магнитной руды, воевода въ 1697 году доставилъ образцы магнитнаго желѣзняка съ р. Тагила и бураго желѣзняка съ р. р. Нейвы и Зыряновки (всего изъ 6 мѣсторожденій), а также полученное изъ магнита желѣзо,

[1] Акты историч., т. V, № 267. Въ томъ же 1697 г. 3 мая верхотурскому воеводѣ велѣно было прислать въ Москву горнаго хрусталя, который добывался жителями Ростенскаго погоста. См. тамъ же, № 265.

котораго вышло изъ пуда только фунтъ безъ 30 золотниковъ. Образцы эти пробовали разныя лица. Бронный мастеръ, иноземецъ Тимошка, изъ желѣза сдѣлалъ 2 винта пищальныхъ и нашелъ, что желѣзо изъ магнита равно тульскому, желѣзо же изъ руды лучше и равно шведскому, впрочемъ оба годятся на ружейное дѣло. Въ Амстердамѣ мастеръ Андрей Ганлусъ Грилль, какъ писалъ бургомистръ Николай Витценъ, нашелъ въ магнитной рудѣ 45% хорошаго желѣза и признаки серебра; въ Ригѣ Еганъ Миллеръ опредѣлилъ въ той же рудѣ 30% желѣза и $2^1/_2$ лота серебра во 100 пудахъ руды. Никита Антуфьевъ, тулянинъ, мастеръ желѣзныхъ заводовъ [1]), сдѣлалъ изъ желѣза два листа на стволы, да стволъ и копье, и нашелъ, что для ружейнаго дѣла это желѣзо лучше шведскаго. Витценъ приписываетъ хорошія качества желѣза изъ магнита большому содержанію (весьма сомнительному) серебра. Заручившись такими благопріятными отзывами, царь Петръ повелѣлъ, въ названномъ выше указѣ, немедленно близъ этихъ рудъ избрать мѣсто для большаго завода, а также возвести плотину и провести дорогу до Уткинской слободы [2]), собравъ свѣдѣнія, во что обойдется провозъ и на какихъ судахъ до Казани, Нижняго, Соликамска и Сольвычегодска. На заводѣ предполагалось лить пушки, гранаты и другіе снаряды для провоза въ разные города и крѣпости, и дѣлать желѣзо связное, прутовое, дощатое, црѣнное и кровельное для вольной продажи и къ камскимъ солянымъ промысламъ. Постройки отлагались, однако, до прибытія знающихъ дѣло мастеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было крестьянъ, обработывавшихъ уже руду, не стѣснять, а собирать только свѣдѣнія, гдѣ эта руда добывается. Предположенный выше заводъ былъ невьянскій, втораго періода, старѣйшій изъ всѣхъ существующихъ теперь желѣзныхъ заводовъ на Уралѣ,

---

[1]) Это извѣстный впослѣдствіи Никита Демидовъ, сынъ тульскаго казеннаго самопальника Демида Григорьева, прозваніемъ Антифьева или Антуфеева, уроженца села Павшина, алексинскаго уѣзда.

[2]) Уткинская слобода или пристань основана въ 1651 году. Это довольно важный пунктъ для сообщенія водою съ Сибирью по р. Чусовой.

мѣсто для него было избрано подъ деревнею Федьковскою, а сооруженіе началось не ранѣе 1700 года.

Вскорѣ и мѣдное дѣло изъ пермскихъ мѣдныхъ песчаниковъ стало упрочиваться на Уралѣ. Грамотою [1]) кунгурскому воеводѣ Ивану Михайловичу Коробьину 4 августа 1699 года предписывалось не мѣшать рабочимъ наниматься для работъ у посланнаго казанскимъ воеводою Кудрявцевымъ рудокопнаго мастера подполковника Лаврентія Нейтора (Нейдгартъ), нашедшаго въ 1697 году мѣдную руду содержаніемъ два фунта мѣди въ пудѣ руды по р. Быкъ, между Осинской слободой и Кунгуромъ. Впослѣдствіи тутъ долго дѣйствовалъ Быковской мѣдиплавиленный заводъ (Суксунскаго округа), закрытый только въ 1862 году.

Приведенныя нами выше извлеченія изъ документовъ показываютъ, что русское правительство XVII вѣка и до Петра далеко не упускало изъ вида цѣлей горнопромышленныхъ, но при Петрѣ соображались они, разумѣется, глубже, и мѣрами Петра, хозяина въ полномъ смыслѣ слова, преслѣдовались эти цѣли сравнительно болѣе раціональнымъ путемъ. Видно также, что рудоискательная горячка охватила одно время всѣ сословія, и въ XVII вѣкѣ и духовные, и военные, и купцы, и иностранцы, и др. лица пытали счастья въ горномъ дѣлѣ. Въ техническомъ отношеніи мѣры эти, по самому состоянію горнозаводской науки, не могли быть удовлетворительны и ограничивались почти исключительно со стороны правительства строгими предписаніями мѣстнымъ властямъ. Администрація русскаго горнозаводства сложилась впервые также только при Петрѣ. До него управленіе горными дѣлами и заводами на мѣстахъ было предоставлено воеводамъ тѣхъ округъ, въ которыхъ руды открывались. Въ другихъ же случаяхъ поручались заводы управленію частныхъ людей, которымъ они отдавались. Особеннаго главнаго управленія горною частью въ столицѣ никакого не имѣлось, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ о томъ никакихъ извѣстій. Въ послѣднюю половину XVII

[1]) Акты историч., т. V. № 289.

столѣтія усматривается изъ дѣлъ, что съ 1650 г. вмѣшивались въ вѣдѣніе горныхъ дѣлъ по разнымъ частямъ: Посольской Приказъ, Приказъ Большой Казны, Сибирскій Приказъ, оружейная палата и пушечный дворъ; а съ 1660 г. поручены оныя были Приказу Большого Дворца [1]). Но въ чемъ состояла обязанность каждаго изъ нихъ по рудному дѣлу—нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій. Изъ хранящихся въ архивахъ бумахъ видно, что къ одному подавались прошенія о выдачѣ жалованья, какъ-то Посольскому Приказу отъ иностранцевъ; отъ другихъ требовались деньги на прогоны; инымъ доносимо было объ успѣхахъ руднаго дѣла; нѣкоторымъ отдавались металлы. Это состояніе горнаго управленія было весьма важнымъ препятствіемъ къ распространенію горнаго промысла [2]). Конецъ подобной безурядицѣ положилъ Петръ только 24 августа 1700 года изданіемъ имяннаго указа, которымъ повелѣвалось: „На Москвѣ золотыя и серебряныя и иныхъ рудъ дѣла вѣдать окольничему Алексѣю Тимофеевичу Лихачеву, да дьяку Козмѣ Борину; а сидѣть имъ въ Приказѣ Большія Казны особо, и писать *приказомъ рудокопныхъ дѣлъ*" [3]). Сфера дѣйствій Новоучрежденнаго Приказа Рудоконныхъ (или рудныхъ) Дѣлъ, лаконическимъ указомъ 24 августа только намѣченная, объясняется подробнѣе другимъ, имяннымъ же, указомъ [4]) (приложеніе № 7), который послѣдовалъ 2 ноября 1700 года. Въ указѣ повелѣно въ городахъ и уѣздахъ, по торгамъ и ярмаркамъ въ торговые дни, кликать бирючамъ, не знаетъ ли кто о существованіи разныхъ рудъ; по полученіи же заявленія, немедленно руды развѣдывать и увѣдомлять Приказъ Рудныхъ Дѣлъ; за открытіе руды обѣщать государево жалованіе, а за сокрытіе—наказаніе. Кромѣ того, если гдѣ въ приказахъ или приказныхъ и губныхъ избахъ имѣются какія либо дѣла о рудахъ, то ихъ всѣ немедленно переслать въ Москву въ Приказъ Рудныхъ Дѣлъ, въ кото-

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ въ 1668 году.
[2]) *Дерябинъ:* Высочайше утвержденные доклады etc., ч. I, стр. 9—11.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. IV. № 1812.
[4]) Тамъ же, № 1815.

рый для занятій отчислить изъ Приказа Большой Казны двѣнадцать подъячихъ [1]). Устройство горной администраціи, кромѣ техническихъ преимуществъ, очень важно было и въ другихъ отношеніяхъ; препятствій къ распространенію горнаго дѣла было не мало, особенно за недостаткомъ рабочихъ: крестьянъ принуждали работать на горныхъ заводахъ, давали весьма малую плату, а иногда совсѣмъ никакой, и изнуряли ихъ работами; поэтому они противились открытію рудъ и заведенію заводовъ, подкупая воеводъ, которые, какъ поэтому, такъ и по невѣжеству въ горномъ дѣлѣ, мѣшали его развитію.

Указы Петра Великаго имѣли въ виду преимущественно Сибирь, минеральныя богатства которой, давно и хорошо извѣстныя русскому правительству, обращали на себя вниманіе и въ томъ отношеніи, что къ разработкѣ и добыванію ихъ не могли быть употребляемы немногія туземныя племена, ведшія постоянно бродячую жизнь и занятыя исключительно звѣроловствомъ. Поэтому, вслѣдъ за покореніемъ Сибири, еще при царѣ Ѳедорѣ I, около 1585 г., переселено было туда, кромѣ стрѣльцовъ и казаковъ, сподвижниковъ Ермака, значительное число земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Каргополя и даже областей примосковныхъ, каковы, напримѣръ, поселенцы изъ Углича въ Пелымѣ. Этими переселенцами и нововысылаемыми по распоряженію правительства казаками застроены города: въ 1586 г. Тюмень, въ 1587 г. Тобольскъ, въ 1590 г. Лозва, въ 1593 г. Пелымъ и Березовъ, сообщеніе съ которыми изъ Европейской Руси производилось черезъ Чердынь, вверхъ по р. Вишерѣ и кряжемъ Югорскихъ горъ до судоваго пути съ р. Лозвы на рр. Тавду и Тоболъ къ р. Иртышу. Въ 1597 г. промышленникъ Артемій Бабиновъ открылъ ближайшую дорогу черезъ Соликамскъ и Югорскія горы прямо къ верховьямъ р. Туры, вслѣдствіе чего городъ Лозва оказался ненужнымъ и упразднился, а вмѣсто него въ 1598 г. заложенъ въ верховьяхъ р. Туры новый городъ, названный по своему мѣсто-

---

[1]) На этотъ вызовъ доставлены были потомъ воеводами мѣдныя и желѣзныя руды изъ 121 города.

положенію Верхотурьемъ. Но дорога изъ Соликамска до Верхотурья, проложенная Артеміемъ Бабиновымъ и сдѣлавшаяся государственною, далеко не была удовлетворительна, какъ видно изъ царской грамоты [1]) верхотурскому воеводѣ, Василію Головину, отъ 22 апрѣля 1599 года, повелѣвавшей дорогу, имѣвшую по описанію 263 версты и 37 мостовъ, содержать въ порядкѣ, иначе по ней нельзя будетъ возить ни лѣтомъ, ни зимою сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ и сибирской казны; да „и ѣздить, прибавляетъ грамота, тою новою дорогою служивымъ людемъ нужа великая“.

Однако служивые люди этою дорогою ѣздили, какъ потому, что, напримѣръ, въ 1635 г. подтверждено строгое запрещеніе ѣздить въ Сибирь всякою другою дорогою, причемъ повелѣно строго осматривать проѣзжающихъ на заставахъ верхотурской, березовской, обдорской, такъ и потому еще, что уже въ 1634 г. берега Енисея, около Красноярска, были заняты селеніями уроженцевъ Вологды, Нижняго, Каргополя, Устюга, Холмогоръ и Архангельска, время отъ времени высылавшихся сюда указами царей. Пелымъ, какъ сказано, былъ заселенъ переселенцами изъ Углича. Но колонизація Сибири, собственно указная, производилась иногда мѣрами, которыя по справедливости могутъ быть названы возмутительными, какова напр. слѣдующая, выраженная въ грамотѣ отъ 30 августа 1648 года [2]). Кузнецкій воевода жаловался, что мѣстные крестьяне не выдаютъ замужъ своихъ дочерей и племянницъ за сосланныхъ въ Кузнецкъ „воровъ и мошенниковъ“, а выдаютъ за казаковъ, уплачивая установленный за то штрафъ въ 5 рублей. На это грамота поручала ему объявить кузнецкимъ пашеннымъ крестьянамъ, чтобы они замужъ дочерей выдавали за ссыльныхъ непремѣнно, дабы послѣднихъ „отъ побѣгу унять и укрѣпить“; въ случаѣ же непослушанія „за то ихъ упрямство учнутъ на нихъ (крестьянъ) имать пеню болшую“. Дикій указъ этотъ, мѣшавшій съ грязью личность русской женщины XVII вѣка, оказывался едва ли нужнымъ, потому что колонизація Си-

[1]) Акты историч., т. II. № 26.
[2]) Тамъ же, т. IV. № 27.

бири въ то время и помимо указовъ совершалась своимъ чередомъ уже не по одной, а по двумъ дорогамъ, изъ которыхъ новѣйшая, по р. Чусовой и далѣе сухимъ путемъ на Кунгуръ и Казань, устроилась съ 1656 г. къ негодованію верхотурскихъ властей, жаловавшихся на уменьшеніе пошлинъ. Вслѣдствіе этого въ 1659 году присланъ былъ изъ Москвы указъ учредить заставу на р. Чусовой и, отсюда, всѣхъ ѣдущихъ въ Сибирь направлять въ Верхотурье, для явки товаровъ и уплаты пошлинъ. Впрочемъ и бабиновская дорога на Верхотурье не лежала въ пустѣ, такъ какъ ею, хотя безъ всякой прибыли для казны, устремлялась въ Сибирь часть неуказной колонизаціи, мало смотрѣвшая на то есть или нѣтъ въ пермскомъ зауральѣ города и слободы, застроенные правительствомъ: Шадринскъ на р. Исети — въ 1662 г., Ирбитъ при р. Ницѣ—въ 1663 г., Камышловъ—въ 1667 г. Свободная колонизація въ Сибирь дѣлала свое дѣло по собственному усмотрѣнію, какъ видно это изъ грамоты [1]), посланной 24 іюня 1683 г., въ періодъ правительствованія царевны Софіи, воеводѣ великопермскому, чердынскому и соликамскому, князю Барятинскому, въ которой, въ виду огромнаго числа бѣглыхъ поселенцевъ, отъ которыхъ никакихъ „оброковъ, денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ нейдетъ", предписывается учредить въ Перми, Соликамскѣ и друг. мѣстахъ заставы, и никого не пропускать. Это движеніе вызвало потомъ цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ, особенно при Петрѣ, установившемъ даже особую печать для выдачи въ Сибирь проѣзжихъ грамотъ и подороженъ, безъ которыхъ никто не пропускался [2]).

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ развитіемъ общихъ горнопромышленныхъ мѣръ русскаго правительства XVII вѣка, а также съ отношеніями къ Сибири, уже обѣщавшей слыть *золотымъ дномъ*, перейдемъ къ обозрѣнію тогдашняго состоянія на Руси металлическаго обихода въ порядкѣ, который принятъ въ изложеніи для предшествовавшихъ вѣковъ.

---

[1]) Полн. Собр. Закон., т. II. № 1030.
[2]) Тамъ же, т. III. № 1559.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

(Продолженіе).

Источники снабженія Россіи въ XVII вѣкѣ благородными металлами.—Таможенныя и пробирныя постановленія.—Цѣнность золота и серебра въ монетѣ и издѣліяхъ.—Положеніе мастерства различныхъ отраслей обработки драгоцѣнныхъ металловъ.—Замѣчательнѣйшіе образцы драгоцѣнныхъ издѣлій, сохранившіеся отъ XVII вѣка.

Благородные металлы на Руси XVII вѣка еще не добывались, но получались изъ-за границы въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ. Главными представителями торговли благородными металлами были англичане, корабли которыхъ приставали преимущественно въ Архангельскѣ. Торговыя связи съ англичанами, установившіяся еще при царѣ Иванѣ IV Грозномъ, оставались и къ XVII вѣку крѣпкими. Дружба между двумя народами продолжалась и, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, англичане уже торговали, кромѣ Архангельска, въ самой Москвѣ, да еще безпошлинно [1]). Политическимъ поведеніемъ своимъ однако навлекли они на себя негодованіе преемника Михаилова, царя Алексѣя Михайловича, который въ 1649 г. выслалъ англичанъ изъ Москвы и обложилъ товары ихъ пошлиной въ Архангельскѣ, велѣвъ сказать депутаціи англійскихъ купцовъ: „потому вамъ, Англичанамъ, въ московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежъ сего торговали вы въ московскомъ государствѣ по государевымъ жало-

---

[1]) Theatrum Europaeum, das ist: Historischer Chroniken. Frankfurt. MDCLXX. t. II. s. 557.

ванныхъ грамотамъ вашего, аглинскаго Карлуса короля, а нынѣ Великому Государю нашему вѣдомо учинилось, что Англичане всею землею учинили большое злое дѣло: государя своего, Карлуса короля, убили до смерти" [1]). Скрытыми причинами этой немилости были однако вѣрнѣе съ одной стороны—корысть и притязанія московскаго правительства, съ другой—коммерческая плутоватость сообразительныхъ англичанъ, явствующія, наприм., изъ царскаго наказа 29 мая 1654 г. назначенному на Двину для вѣдѣнія таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ гостю Ивану Панкратьеву съ товарищами [2]). Товарищами англичанъ по торговлѣ съ Русью XVII вѣка благородными металлами были голландцы, привозившіе въ Холмогоры монету и, преимущественно предъ другими иноземцами, золото и серебро пряденое или цѣвочное, для вышиванья, или въ видѣ канители, бити и проч. По холмогорскимъ „отпискамъ" 1604—1605 гг. видно, напримѣръ, что на одномъ кораблѣ, пришедшемъ 24 іюля изъ Амстердама, между прочимъ товаромъ, находилось: „200 литеръ золота и серебра пряденова, по 5 руб. литра; 8 ожерелей мускихъ канутельныхъ, 4 стоячихъ, а 4 отложныхъ, по 20 руб. ожерелье" [3]). Обстоятельныя извѣстія о золотѣ и серебрѣ этого рода сохранились въ „Книжкѣ описательной" редакціи 1610 г., гдѣ въ статьѣ „О золотѣ цѣвочномъ" сказано: „Въ цѣвочномъ золотѣ на шелку въ цѣвкѣ 6 золотниковъ, а нитей въ цѣвкѣ 60, на развѣсъ на золотникъ купятъ по 10 нитей, а безъ нитей вѣситъ золотникъ противъ 1 алтына и 4 денегъ; а въ иной цѣвкѣ 6 золотниковъ съ новгородкою; а живетъ и 6 золотниковъ безъ новгородки, только рѣдко. А въ литрѣ цѣвокъ 12 живетъ. Въ иной цѣвкѣ нитей 70 живетъ, ино тонки, только рѣдко. Лучше покупать золотникъ съ нитьми, по 11 нитей, а тянетъ всего противъ полуторыхъ денегъ, а безъ нитей коли купишь, ино золотникъ вѣситъ противъ одного алтына и пяти денегъ; а новго-

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 454.
[2]) Дополн. къ Актамъ истор. т. III, № 116.
[3]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. X, прим. 426.

родками или московками вѣсишь, одинако тянетъ. А литру купятъ цѣвочнаго золота по 4 съ полтиною и по 5, а коли дорого по 5 съ полтиною и по 6 рублей“ [1]).

Въ 1603 г. приливъ благородныхъ металловъ на Руси долженъ былъ увеличиться, потому что тогда возобновленъ Борисомъ Годуновымъ торгъ съ ганзейцами, которымъ открылся путь въ Москву, Псковъ и Новгородъ [2]). Въ 1610 г., августа 17, московская боярская дума, низложившая царя Василія Шуйскаго, объявила свободу торговли съ Польшей [3]), королевичъ которой, Владиславъ, былъ избранъ на престолъ русскій. 17 іюля 1611 г. новгородцы, „съ вѣдома бояръ и народа московскаго“, утвердились союзно-торговымъ договоромъ со шведами [4]); такимъ образомъ къ прежнимъ источникамъ полученія благородныхъ металловъ на Руси XVII вѣка прибавилось еще два новыхъ. Но всѣ эти источники не были безукоризненны, что видно изъ „Новоторговаго устава“, царя Алексѣя Михайловича 22 апрѣля 1665 года, гдѣ говорится: „....того ради пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые, поддѣльные какъ въ серебрѣ и въ золотѣ въ литомъ и въ пряденомъ такъ и.... въ иныхъ заморскихъ товарѣхъ, въ царствующій градъ Москву и въ городы великія Россіи привозить, въ которыхъ товарѣхъ подлинно обличены, и такіе худые товары сысканы и русскимъ торговымъ людемъ въ заповѣдѣхъ въ промытѣхъ многіе убытки и домовые разоренья учинились“ [5]). Со всѣмъ тѣмъ русскіе торговые люди безъ чужестранныхъ купцевъ обходиться не могли, и въ послѣднее трехлѣтіе царствованія того же Алексѣя Махайловича въ Архангельскъ, по извѣстіямъ Кильбургера привезено изъ-за границы: въ 1671 г. червонцевъ 27,839, рейхсталеровъ 50,000, серебряной посуды 5 пудовъ; въ 1672 г. червонцевъ 111,320, рейхсталеровъ 56,629,

---

[1]) Торговыя книги. См. Зап. Отд. русс. и слав. археол. Импер. Археол. общ. 1851 т. I, стр. 129.
[2]) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. XI, прим. 107.
[3]) Тамъ же, т. XII стр. 143.
[4]) Тамъ же, стр. 192.
[5]) Полн. Собр. Зак., т. I. № 408.

серебряной посуды 22 фунта, такихъ же кружекъ 3, золотыхъ печатей съ камнями 6, перстней 9, серегъ 17 паръ, проволоки золотой, венеціанской и голландской 3,131 клубокъ, да серебряной 19 клубковъ, бити золотой и серебряной 2 ящика, галуна 70 фунт., канители 206 коробовъ, поддѣльнаго золота и серебра 111,180 клубочковъ, множество серебряной фольги; въ 1673 г. червонцевъ 15,682, рейхсталеровъ 12,000, стакановъ серебряныхъ 4 дюжины, чарокъ такихъ же $2^1/_2$ дюжины, курильница такая же 1, перстней золотыхъ 84, колецъ такихъ же 7, золота и серебра въ проволокѣ до 3,000 клубковъ, бахромы золотой 2 ящика и 2 пуда [1]). XVII вѣкъ замѣчателенъ тѣмъ, что ганзейцы, державшіе почти до конца XVI вѣка иностранную торговлю Россіи въ монопольной зависимости, уступаютъ эту монополію англичанамъ, первенствующимъ въ русской внѣшней торговлѣ и до сихъ поръ. Торговля Ганзы начала клониться къ упадку еще въ началѣ XVI вѣка, и уничтоженіе ея вліянія нужно считать для насъ большимъ выигрышемъ, такъ узко и своекорыстно дѣйствовали всегда ганзейцы [2]).

Золото въ издѣліяхъ получалось на Руси XVII вѣка и отъ турецкихъ грековъ, о чемъ въ грамотѣ царя Ѳедора Алексѣевича, данной въ 1676 г. на торговлю грекамъ въ Путивлѣ, говорится: „....блаженныя жъ памяти при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣе Михайловичѣ... пріѣзжали греческия власти (духовные іерархи) изъ Палестины, а съ собою привозили многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а ихъ братья торговые Гречане, самые знатные люди, и привозили съ собою золото и серебро и узорочные (драгоцѣнные) каменья... а нынѣ духовнаго чину никто не пріѣзжаетъ, а они Гречане учали пріѣзжать самые молотчіе люди и не для прямого торгу... а золота и иныхъ товаровъ, какъ напредъ сего бывало, привозить не учали, да изъ

1) *Костомаровъ*: Очерки торговли московскаго государства. См. Современникъ. 1858. Іюнь. Отд. I, стр. 339—341.

2) *H. Scherer*: Histoire du Commerce, traduit de l'allemand par Richelot et Vogel vol. I, p. 394—470.

нихъ же многіе учали воровать, товары привозить тайно, для кражи пошлины" [1]). Стало быть греки поступали не лучше прочихъ иноземцевъ, торговавшихъ на Руси XVII вѣка. Но за то греки временъ царя Θедора Алексѣевича весьма хорошо сдѣлали, что, по крайней мѣрѣ, „золота... какъ напредъ сего бывало, привозить не учали". Какъ дорого стоили эти греческіе „привозы" московскому двору, а вѣроятно и всему русскому народу XVII вѣка, показываетъ одинъ изъ документовъ [2]) того времени: выпись посольскаго приказа о томъ, что какой-то грекъ изъ Константинополя Иванъ Юрьевъ привезъ діадиму и державу, сходныя будто бы съ діадимою и державою греческаго царя Константина, за что получилъ соболями и др. товарами 26,242 руб.; какимъ-то образомъ еще ранѣе онъ успѣлъ получить за то же самое 4,000 руб.; несмотря на подобное щедрое вознагражденіе, александрійскій патріархъ Паисій просилъ выдать Юрьеву еще 4,000 руб., такъ какъ турки будто бы ограбили этого грека за преданность русскимъ интересамъ. 17 мая 1672 года было снова разрѣшено выдать Юрьеву 400 рублей. То есть въ силу представительства одного изъ восточныхъ патріарховъ, привыкшихъ вообще продовольствоваться московскою милостыней, за двѣ вещи отдано было болѣе 30,000 такихъ рублей, 20-ти которыхъ было бы въ то время достаточно на покупку порядочной деревни. Эти двѣ вещи хранятся до сихъ поръ въ московской оружейной палатѣ: діадима (бармы) украшена 248-ю алмазами, 242-мя яхонтами и 14-ю изумрудами, яблоко (держава)—159-ю алмазами, 8-ю яхонтами и 332-мя яхонтовыми искрами, большими и малыми [3]). Средняя Азія, тогда гораздо болѣе богатая, также доставляла свои благородные металлы на сибирскіе торги XVII в. Хотя отправленные въ 1652 году въ Китай посланники, для провѣдыванія о тамошней торговлѣ, вывезли въ 1665 году въ первый разъ серебро [4]), но торговыя сношенія съ Китаемъ начались

[1]) Полное Собр. Закон., т. II. № 659.
[2]) Дополн. къ акт. историч., т. IV. № 48. II.
[3]) Московская оружейная палата. 860, стр. 50, 51. 56.
[4]) *А. Семеновъ*: Изученіе историч. свѣдѣній о россійск торг., ч. I, стр. 23.

гораздо позже. Въ наказѣ 30 августа 1693 г. таможеннымъ головамъ о сборѣ пошлины въ сибирскихъ городахъ уже сказано: „А съ китайскихъ и бухарскихъ товаровъ, съ золота и съ серебра... пошлины имать товарами вѣсчими, съ золота и съ серебра съ фунтовъ и съ золотниковъ вѣсомъ... и тѣхъ ихъ товаровъ головамъ у всякихъ чиновъ людей осматривать накрѣпко, чтобъ въ оплошкѣ осмотровъ ихъ Великихъ Государей пошлинной сборъ не малился [1]).

Заботливость о неумаленіи пошлиннаго сбора съ драгоцѣнныхъ товаровъ видна еще въ именномъ указѣ царя Алексѣя Михайловича, 25 октября 1653 г., гдѣ, между прочими установленіями, говорится: „А которые всякихъ чиновъ торговые люди учнутъ товары свои, жемчугъ и каменье, золото и серебро, и всякіе узорочные и вѣсчіе и не вѣсчіе товары таити и продажной цѣны у товаровъ убавливати, и у тѣхъ торговыхъ людей тѣ ихъ товары имати на себя, Государя, безповоротно“ [2]). Но, получая золото и серебро отвсюду, русское правительство XVII вѣка старалось не выпускать изъ страны благородныхъ металловъ и именнымъ указомъ 28 февраля 1677 г., о торгованіи „кизыльбашскимъ (персидскимъ) купчинамъ“ съ русскими людьми всякими товарами, кромѣ заповѣдныхъ, повелѣно: „въ серебряномъ ряду, золота въ деньгахъ и въ золотыхъ, и серебра въ сосудѣхъ не продавать... а какъ купчины и люди ихъ тѣхъ заповѣдныхъ товаровъ торговать учнутъ и русскимъ людемъ отказывать имъ, что, по Государеву указу, золото и серебро у нихъ емлютъ въ его Государеву казну“ [3]). А такъ какъ копить у себя благородные металлы сомнительнаго достоинства не стоило, то русское правительство XVII вѣка постоянно слѣдило за чистотою привознаго золота и серебра, что выражено со всею ясностью и царемъ Петромъ, который, въ статьѣ 24-й своего наказа 2 іюня 1700 г. о сборѣ таможенныхъ пошлинъ въ Архангельскѣ съ приходящихъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон., т. III. № 474, п. 13.
[2]) Тамъ же, т. I. № 107.
[3]) Тамъ же, т. II. № 678.

кораблей и съ торгующихъ на ярмаркѣ, писалъ: „Также и иноземцы, торговые люди всѣхъ земель, которыя учнутъ пріѣзжать къ Архангельскому городу для торговаго промыслу, и они бъ привозили всякіе заморскіе товары безъ всякаго обману и подмѣсу, золотые и ефимки чистые, противъ прежнихъ добрыхъ старыхъ золотыхъ и ефимковъ, и вѣсомъ противъ прежнихъ прямыхъ; также и всякое золото во всякомъ дѣлѣ было бъ противъ золотыхъ, а серебро противъ ефимковъ; а плоше бъ золотыхъ золото и серебро въ литрахъ и съ верьху и въ срединѣ, не было, а было бъ ровно и противъ клеймъ прямо, и въ дѣлѣ бъ было золото и серебро чистое“ [1]).

Цѣнность благородныхъ металловъ на Руси XVII вѣка зависѣла конечно отъ обстоятельствъ случайныхъ, уясненіе которыхъ въ настоящее время весьма затруднительно. Для примѣра можно привести конечные выводы оцѣнки благородныхъ металловъ въ деньгахъ и серебра въ слиткахъ, извлеченные изъ приходорасходныхъ книгъ вологодскаго архіерейскаго дома съ 1624 по 1696 годъ:

1) Золотые продавались;		2) Ефимки, вѣсомъ $6^1/_2$—$6^3/_4$ золотн., продавались:		3) Серебро въ слиткахъ продавалось:	
а) Одинакіе	по 1 р. 6 ал. 4 д.		по 14 ал.	а) Фун.	по 7 р.
	„ 1 „ 6 „ — „		„ 15 „	б) Зол.	„ 2 ал. 5 д.
	„ 1 „ 5 „ 2 „	а) Любскіе	„ 16 „ 4 д.		„ 2 „ 4 „
	„ 1 „ 5 „ — „	б) Левки	„ 16 „ 2 „		„ 2 „ 3 „
	„ 1 „ 4 „ — „	в) Палашники	„ 19 „ — „		„ 2 „ $2^1/_2$
	„ 1 „ 3 „ 2 „		„ 18 „ — „		„ 2 „ 1 „
	„ 1 „ 3 „ — „		„ 17 „ 4 „		„ 2 „ — „
	„ 1 „ 2 „ 4 „		„ 17 „ 2 „		„ 1 „ 5 „
	„ 30 „ 10 „		„ 17 „ — „		„ 1 „ 4 „ [2])
	„ 30 „ 8 „				
б) Двойные	„ 2 „ 12 „ — „				
	„ 2 „ 6 „ 4 „				

Благородные металлы въ издѣліяхъ на Руси XVII вѣка оцѣнивались еще неопредѣленнѣе. Вотъ нѣкоторыя данныя по этому предмету: А) *о золотыхъ вещахъ*: въ 1608 г. „чарка золота,

---

[1]) Полн. Собр. Закон. т. IV, № 1795.

[2]) Цѣна золота и серебра въ XVII столѣтіи. См. Извѣстія Императорск. Археологическаго общества. 1861 г., т. II, стр. 248—249.

безполки и без стоянца, гладкая, вѣсу 41 золотникъ; цѣна 28 рублевъ... Запона нѣмецкая золота съ финифты, а въ ней алмазъ невеликъ, а на другой сторонѣ алмаза нѣтъ, да 3 яхонтики червчаты, да яхонтъ лазоревъ, да изумрудъ, да внизу на спнѣ жемчюжокъ, а два спня безъ жемчюговъ, цѣна 15 рублевъ. Запона золота с алмазы и съ яхонты с червчатыми, да на спнѣхъ 3 жемчюги висячихъ, цѣна 12 рублевъ. Запона съ финифты, а въ ней алмазецъ червчатъ, да забирза (бирюза), да на спнѣхъ жемчюгъ, цѣна 4 рубли. 2 запонки невелики золоты съ финифты, а въ нихъ по алмазу; обѣимъ цѣна 4 рубли" [1]); въ 1676 г.— „образъ Спасовъ на престолѣ, вѣнцы и риза и окладъ чеканные золотые, вѣсу во всемъ золота фунтъ 87 золотниковъ; в вѣнцѣ 4 камня, 2 изумруда, да два яхонта красные, въ гнѣздахъ; да по полямъ 4 яхонта лазоревыхъ лала; обнизанъ жемчюгомъ крупнымъ; цѣна 273 рубли 4 алтына. Крестъ золотъ, вѣсу въ золотѣ 64 золотника с полузолотникомъ; да в томже крестѣ 4 камени, 2 яхонта лазоревые граненые, да два изумруда зеленые; во главѣ 4 зерна гурмышскихъ, обнизанъ жемчюгомъ; цѣна 111 руб. 13 алт. 2 ден. Чаша золотая с черныо, в срединѣ яхонтъ лазоревъ, да по краямъ с лица, 4 камени, 2 яхонта лазоревые, 2 изумруда; вѣсу в немъ, с каменьемъ, 88 золотниковъ; цѣна 444 руб. 13 алт. 2 ден." [2]). Б) *О серебряныхъ вещахъ*: въ 1608 г. — кубокъ золоченый; стопокъ, мѣстами золоченыхъ, 6; солонка разъемная; чарокъ, чеканная и гладкая, 2; корчикъ чешуйчатый и ложекъ 5, вѣсу во всемъ 20 гривенокъ (5 ф.) и 5 золотниковъ, „и денгами въ тѣхъ судахъ 60 рублевъ и 10 алтынъ полъ 3 ($2^1/_2$) денги" [3]); въ 1644 г.—кубокъ золоченъ съ кровлею, вѣсу 4 гривенки (1 ф.) 6 золотниковъ, по 9 руб-

---

[1]) Опись и продажа съ публичнаго торга оставшагося имѣнія по убіеніи народомъ обвиненнаго въ измѣнѣ Михайлы (Игнатьевича) Татищева въ 116 (1608) году. См. Временникъ Импер. московск. общ. истор. и древн. росс. 1850, кн. VIII, стр. 34—36.

[2]) Подарки патріарха (Іоакима) царю (Ѳедору Алексѣевичу) при вѣнчаніи. См. тамъ же, 1849, кн. II. Смѣсь, стр. 22.

[3]) Опись и продажа имущества Мих. Татищева. Тамъ же. 1850, кн. VIII. Смѣсь, стр. 34—35.

левъ съ полтиною фунтъ“ [1]); въ 1676 г. — „кубокъ дощатъ с кровлею, золоченъ на оба лица, на кровлѣ травка с нацвѣцы, вѣсу 5 фун. 58 золотн., цѣна по 10 руб. за фунтъ, и того 56 руб. Кубокъ на чеканное дѣло, золоченъ на оба лица, с кровлею, на кровлѣ травка бѣла, вѣсу 5 фун. 30 зол.; цѣна 53 руб. 4 алт. Кубокъ дощатъ, золоченъ на оба лица с кровлею, на кровлѣ травка бѣла, вѣсу 5 фунтовъ безъ 10 золотниковъ; цѣна 49 руб.“ [2]).

Иногда вещь оцѣнивалась по работѣ и стоила тогда, разумѣется, гораздо дороже, какъ доказываетъ это слѣдующій документъ, приводимый, впрочемъ, только по его случайному интересу: „184 (т. е. 1675 г.), октября въ 5 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, шедъ отъ него, государя, съ Верху въ Посолской Приказъ, приказалъ купить игрушекъ серебряныхъ или какихъ добыть мочно. И по тому его, великого государя, указу, взято въ серебряномъ ряду у торговаго человѣка у Ивана Өедорова ящикъ съ малыми сосудцы серебряными, и въ томъ числѣ паникадило, столъ, два шандала стѣнныхъ, два шандала столовыхъ витыхъ, кресла, ловеникъ, солонка, перешница, рукомойникъ, росолникъ съ накрышкою, четыре блюда, четыре тарелки, три ложки; а вѣсомъ въ нихъ серебра два фунта тридцать восемь золотниковъ, цѣною, и съ дѣломъ, по 15 рублевъ фунтъ. И того жъ числа тѣ малые сосудцы изъ Посольскаго Приказу къ нему, великому государю, въ Верхъ внесъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; а въ Посолскомъ Приказѣ велѣлъ записать, что *тѣ сосудцы внесены къ благовѣрному государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу*, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. А серебрянаго ряду торговому человѣку Ивану Өедорову, по цѣнѣ, изъ котораго приказу дать денги, о томъ великій государь какъ укажетъ“. Ре-

---

[1]) *Забѣлинъ*: Матеріалы для исторіи русской иконописи. Тамъ же. 1850, к. VII, отд. II, стр. 10.

[2]) Подарки патріарха царю при вѣнчаніи. Тамъ же. 1849, кн. II. Смѣсь. стр. 22—23.

золюція: „184, октября въ 21 день, по указу великаго государя, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, слушавъ сей выписки, приказалъ: Серебрянаго ряду торговому человѣку Ивану Ѳедорову за малые сосудцы, за два фунта, дать по пятнадцати рублевъ за фунтъ, а за тридцать за восемь золотниковъ, той же цѣны по расчету, безъ передачи, изъ Новгородскаго Приказу изъ доходовъ Новой Аптеки; и послать о томъ изъ Посадскаго Приказу память“ [1]).

Скопленіе благородныхъ металловъ въ деньгахъ и издѣліяхъ въ однѣхъ рукахъ на Руси XVII вѣка бывали огромныя, нисколько не уступавшія богатствамъ вѣковъ предшествовавшихъ и даже превосходившія ихъ. Напримѣръ, царь Борисъ Годуновъ 19 сентября 1602 г., въ день пріѣзда въ Москву Іоанна, герцога датскаго, предназначаемаго женихомъ царевнѣ Ксеніи, прислалъ ему обѣдъ съ своего стола въ ста золотыхъ тяжелыхъ блюдахъ, съ такими же крышками [2]). Очевидецъ, историкъ осады Троицкаго монастыря 1608—1610 гг., въ главѣ „о оскуденіи денежныя казны въ дому чудотворца Сергія“, между прочимъ пишетъ: „... По велицѣмъ же царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ воспріемникъ бываетъ царства его Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ .. Той первіе взя изъ казны чудотворца Сергія взаймы на ратныхъ людей 15,400 рублевъ. По Борисѣ же, Божіимъ попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ, восхищаетъ царство его еретикъ рострига Григорей Отрепьевъ, и той, по своему злому еретическому нраву, взялъ изъ казны чудотворца 30,000 рублевъ. И того судъ Божій вскорѣ постиже: злѣ скончася. Потомъ же царь Василей Ивановичъ Шуйской, и той взятъ изъ обители первѣе 18,355 рублевъ; второе же взя у келаря старца Авраамія Палицына, по осадѣ на Москвѣ, 1,000 рублевъ... паки же въ третіе взя на Москвѣ же во осадѣ 900 рублевъ. И всего взято бысть изъ казны чудотворца Сергія при царѣ Борисѣ, и при ростригѣ, и при царѣ Василію (т. е.

---

1) Дополн. къ Актамъ историч., т, IV, № 18. XX.
2) *Карамзинъ*: Исторія Госуд. Росс. т. XI, прим. 62.

всего въ 10—12 лѣтъ) денегъ 65,655 рублевъ“ [1])—сумма по тому времени громадная. Не говоря о царяхъ и монастыряхъ, даже частныя лица на Руси XVII вѣка оказывались владѣльцами капиталовъ весьма солидныхъ: такъ, напримѣръ, бояринъ Морозовъ, 13 апрѣля 1660 г. пожертвовалъ московскому Успенскому собору великолѣпное шестиярусное паникадило, сдѣланное на заказъ въ Венеціи и вѣсившее 113 пудовъ, въ томъ числѣ одного серебра 60 пудовъ, 12 фунт. 59 зол., стоимость котораго была 31,640 золотыхъ; позолота его обошлась въ 2,000 золот., работа въ 2,000 зол. Этотъ вкладъ Морозова похищенъ французами въ 1812 году [2]).

Самыя мастерства золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ на Руси XVII вѣка были распространены, что доказывается сохранившимися въ разныхъ документахъ именами мастеровъ: золотыхъ дѣлъ—43-хъ, серебряныхъ — 232 челов.; причемъ 16 именъ первой категоріи и 206 послѣдней звучатъ несомнѣнно русскими [3]). Люди эти давно уже составляли корпорацію весьма замѣтную, интересы которой ограждались изданіемъ „Уложенія“ 1649 г., гдѣ въ статьѣ 2 главы V сказано: „А будетъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеры возмутъ у кого золотое и серебряное дѣло, и учнутъ въ золото и серебро мѣшати, мѣдь же и олово и свинецъ, и ихъ, по сыску, за то бити кнутомъ. А что они кому учинятъ убытка тѣмъ, что въ золото или серебро подмѣшаютъ мѣди, или олова, или свинцу, и то, на нихъ доправя, отдати тому, кому они такой убытокъ учинятъ“ [4]). Средоточіемъ дѣятельности русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ въ Москвѣ былъ, такъ называемый, серебряный рядъ Гостинаго Двора; но многіе изъ нихъ жили и работали въ разныхъ частяхъ Москвы, напримѣръ, въ Мѣщанской слободѣ, гдѣ по описи 1677 г. находимъ: про-

---

[1]) *Палицынъ* (Авраамій): Сказаніе о осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря. Москва. 1822, стр. 224—225.
[2]) *Снегиревъ:* Памятники москов. древн., стр. 31.
[3]) *Сахаровъ:* Обозрѣніе русской археологіи, стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О металлич. производствѣ въ Россіи до конца XVII в. стр. 110—136.
[4]) Полн. Собр. Закон., т. I. № 1 (Уложеніе), стр. 7.

мышляющихъ золотымъ мастерствомъ — 4-хъ, серебрянымъ — 28 хозяевъ [1]). Иноземные мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ селились въ Москвѣ почти исключительно въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ указомъ 4 октября 1652 г. „алмазного, и золотаго, и серебрянаго, и канительнаго или кружевнаго дѣлъ Нѣмцамъ мастерамъ" велѣно отводить мѣста, на ряду съ аптекарями, „противъ средней статьи", т. е. „вдоль по 30, поперегъ по 15 саженъ" [2]).

Матеріалъ для работъ московскимъ мастерамъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ доставлялся не всегда однимъ только указнымъ путемъ, но приходилъ и иначе, какъ видно это изъ весьма характеристическаго именнаго указа съ боярскимъ приговоромъ [3]), обнародованнаго 20 февраля 1684 г. по дѣлу подключниковъ Подобѣдова, Воронова и др., воровавшихъ при дворѣ серебряныя блюда и продававшихъ ихъ разнымъ лицамъ. Судя по изложенію дѣла, видно, что тутъ было замѣшано много лицъ, причемъ пытали не мало и невинныхъ. Въ заключеніе указъ постановлялъ двѣ мѣры для предупрежденія дальнѣйшаго воровства: первая состояла въ томъ, что въ серебряномъ ряду воспрещалось покупать ломаную посуду или посуду съ орлами, не распросивъ обстоятельно о происхожденіи; за это отвѣчали старосты серебрянаго ряда, обязанные, въ случаѣ кражи, уплачивать сполна цѣнность украденнаго; вторая мѣра была воспрещеніе, подъ страхомъ ссылки на житье съ женами и дѣтьми въ дальніе города, торговать серебряными издѣліями, иначе какъ въ серебряномъ ряду; до того же, гласитъ документъ, „всякихъ чиновъ люди торговые у овощнаго ряду, подъ столбами и на кресцахъ выжигою и всякою серебряною посудою и ветошнымъ серебромъ и серебряными слитками торгуютъ". Указъ этотъ, радѣвшій преимущественно о цѣлости придворной посуды, былъ преддверіемъ другаго [4]), кото-

[1]) Опись московской Мѣщанской слободы обывательскимъ дворомъ и поимянный списокъ, кто чѣмъ промышляетъ. 7185 (1677). См. чтенія въ Обществѣ истор. и древн. росс. 1860, кн. II. Смѣсь, стр. 1—20.
[2]) Полн. Собр. Закон., т. I. № 85.
[3]) Тамъ же, т. II, приложеніе № 1062.
[4]) Полн. Собр. Закон., т. IV, приложеніе № 1572.

рый, имѣя въ виду скорѣе общую пользу, задуманъ единодержавнымъ Петромъ и обнародованъ 13 февраля 1700 г. (Приложеніе № 8). Указъ этотъ—цѣлый пробирный уставъ того времени.

Онъ установлялъ для золота 4 пробы: 1-ю выше червоннаго, 2-ю—противъ золотаго, 3-ю и 4-ю—ниже золотаго; для серебра также 4 пробы: 1-ю и 2-ю—плавленнаго серебра высшую и низшую, 3-ю—ефимочную, 4-ю—левковую. Затѣмъ требовалось переписать всѣхъ мастеровъ серебряныхъ издѣлій, взявъ съ нихъ за это по рублю, и избрать въ старосты 3-хъ наиболѣе богатыхъ и искусныхъ мастеровъ, которымъ и поручить пробу и клейменіе издѣлій, но не иначе какъ такихъ, на которыхъ будутъ клейма самихъ мастеровъ. Привозныя издѣлія клейменію не подлежали. За клейменіе полагалась фунтовая пошлина, смотря по искусству работы, съ серебряныхъ издѣлій по 3 алтына 2 деньги, по 2 алт. 2 д. и по 8 денегъ съ фунта, а съ золотыхъ по окладу старостъ. Клейменымъ вещамъ велся счетъ, а на продажу ихъ выдавались дозволительныя свидѣтельства. Точно также требовалось свидѣтельство на право производства промысла, выдававшееся по засвидѣтельствованіи, что проситель ремеслу дѣйствительно обучился. За нарушеніе пробирныхъ правилъ приготовленныя вещи ломались и полагались наказанія: въ первый разъ штрафъ 5 рублей, второй разъ штрафъ 25 рублей, въ третій разъ кнутъ, ссылка и конфискація имущества въ пользу государя. Административная мѣра Петра относительно пробы благородныхъ металловъ и мастерства золотыхъ и серебряныхъ издѣлій является уже мѣрою государственною и съ небольшими измѣненіями сохраняется и до настоящаго времени.

Что касается технической стороны мастерства золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, въ особенности перваго, свѣдѣнія о ней такъ скудны, что изъ нихъ едва ли можно составить точное понятіе о томъ, на какой степени находились эти производства на Руси XVII вѣка. Собирая, однако, нѣкоторыя отрывочныя данныя, находимъ напримѣръ, что въ 1627 году по указу Михаила

Өедоровича [1]) „аптекарскаго приказу алхимисту и водочнику Вилиму Симиту за водки, что онъ перепускалъ къ золотому дѣлу, къ карунѣ и къ перфирѣ и къ діадимѣ и къ братинѣ золотой, и къ пуговицамъ государева годоваго жалованія къ старому его окладу къ 50 рублемъ прибавлено 10 рублевъ". Въ грамотѣ патріарха Никона властямъ валдайскаго Иверскаго монастыря 18 ноября 1657 г. читаемъ: „Писали вы къ намъ, что на кресты золота не стало; и мы послали къ вамъ четыреста золотыхъ, и вамъ бы кресты позолотить; а будетъ запарнымъ золотомъ крестовъ за чѣмъ позолотить будетъ не мочно, и вамъ бы хотя по олифѣ позолотить; а будетъ мастеровъ у васъ нѣтъ, и вамъ бы тотчасъ къ намъ, великому государю [2]), отписать; и мы, великій государь, мастеровъ, кому золотить, къ вамъ велимъ тотчасъ прислать" [3]). Изъ золотыхъ же получалось листовое золото, употреблявшееся для стѣнной иконописи; государевы знаменщики 1642 г., смѣчавшіе, во что обойдется выполненіе указа царя Михаила Өедоровича, московскій Успенскій соборъ „подписать въ два лѣта", показали, что „въ церквѣ, по ихъ смѣтѣ, тысяча восмьдесятъ саженъ, а на всякую саженъ золота листоваго надобеть по семи сотъ листовъ въ болшую мѣру. А золото бъ было торгового тельнѣе, какъ было прежъ сего, выходило изъ золотово по сту по двадцати листовъ и по сту изъ золотово. А отъ смѣты что останетца или чего не достанетъ, въ томъ воленъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өедоровичъ всеа Русіи. А цѣны тѣмъ стѣннымъ никакимъ запасомъ въ той ихъ смѣтной росписи не написано. И на то соборное стѣнное писмо на всякіе расходы указалъ Государь Царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи денги имать изъ своей Государевы казны изъ Печатнаго, да изъ Помѣстнаго Приказовъ; а золотые на листовое золото изъ Приказу Казанскаго Дворца, а къ тому купить въ редѣхъ, у

---

[1]) Акты историческіе, т. III. № 304. II.
[2]) Титуломъ „великаго государя" русскіе патріархи пользовались въ сношеніяхъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ.
[3]) Акты историческіе, т. IV. № 109.

кого добудетъ“ [1]). Листовое же золото шло на письмо государственныхъ грамотъ и нѣкоторыхъ царскихъ книгъ, о чемъ сохранился документъ [2]); „роспись государеву золоту, что давано мнѣ золотописцу Гришкѣ Власушину“. Этотъ Гришка писалъ посольскія грамоты: индѣйскую, турскія, молдавскія, кизылбашскія, крымскія, грузинскую, англинскія, литовскія, свѣйскія, голландскимъ статомъ, патріархамъ, митрополиту и т. д., на что въ шесть лѣтъ извелъ 1424 листа золота.

Не удавалось русскимъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ XVII вѣка только канительное дѣло, для водворенія котораго на Руси того времени принимались правительствомъ разныя мѣры, что видно изъ весьма любопытной грамоты [3]) 16 марта 1633 года, въ которой царь Михаилъ Ѳедоровичъ обращается во всѣ „королевства, въ государства, великимъ государямъ, королямъ, и князьямъ, и курфистрамъ, и бурмистрамъ, и ратманамъ, и палатникамъ, и владѣтелямъ“ съ извѣщеніемъ, что, согласно просьбѣ алмазнаго и золотыхъ дѣлъ мастера Мартинова и англійскаго купца Френчикъ Гловерта, имъ разрѣшается приглашать повсюду за границею мастеровъ, чтобы дѣлать „тянутое и волоченое золото и серебро, и канитель и друнцаль, и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло“. Мастера эти должны пріѣхать на свой счетъ и имѣютъ всегда право уѣхать обратно, правительство же обязуется запрещать кому либо въ теченіе десяти лѣтъ производить исчисленныя выше мастерства. Въ грамотѣ упоминается, что Мартиновъ и Гловертъ пытались было работать сами, но понесли на этихъ производствахъ большіе убытки.

Прочія отрасли мастерства золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ на Руси XVII вѣка находились въ состояніи удовлетворительномъ. Русская золотая работа мелкихъ вещей, напримѣръ перстней и пуговицъ, уже тогда не уступала иностранной и употреблялась

---

[1]) *Забѣлинъ*: Матеріалы для исторіи русской иконописи. См. Временникъ Импер. общ. истор. и древн. росс. 1850, кн. VII. Отд. II, стр. 7.
[2]) Дополн. къ акт. историч.. т. III. № 11. II.
[3]) Собран. госуд. грам. и договор., т. III. № 94.

охотно въ быту московскихъ царей того времени, начинавшихъ предпочитать иноземныя искусства русскимъ. Въ описи имущества царя Алексѣя Михайловича, любителя перстней, которыхъ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ онъ штукъ по 9-ти [1]), находимъ разные перстни, работы очевидно русской [2]). Еще живѣе разыгрывалась фантазія русскихъ мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ въ изготовленіи пуговицъ, которыя выдѣлывались тогда разныхъ видовъ: *гладкія, узорчатыя, круглыя, половинчатыя, рѣшетчатыя, грановитыя, угольчатыя, клинчатыя, четверогранныя, осьмигранныя, прорѣзныя, рожками, репейками, карасиками чеканными, ложчатыя, вальяжныя грушею, шатромъ, львиною головкою, камфаренныя, витыя, тарочковыя*. По величинѣ пуговицы эти бывали четырехъ родовъ: самыя большія—*на грушевое дѣло*; большія—*на миндальное дѣло*; среднія—*на шатровое дѣло*; малыя—*на кедровое дѣло*. Пуговицы золотыя и серебряныя украшались драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ и финифтью. Пуговицы имѣли церковныя облаченія, также вседневныя рясы и полукафтанья духовныхъ лицъ, и свѣтскія одежды. „Къ платну [3]), говоритъ одинъ изъ писателей русской старины, пришивались по 6, 10 и 11 пуговицъ, и застегивались отъ верха до подола. На платнѣ царя Михаила Ѳедоровича 1638 года были нашиты пуговицы серебряныя золоченыя, сѣнчатыя, украшенныя финифтью. На платнахъ царя Алексѣя Михайловича пуговицы были разныя:

---

[1]) Выходы государей, царей и великихъ князей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича. Москва. 1844.

[2]) „Перстень съ черным финифтомъ, въ немъ яхонтъ червчатъ продолговатъ, на немъ вырѣзанъ песъ борзой. Перстень съ разными финифты, и на немъ лалъ осмиуголенъ, на немъ вырѣзанъ орелъ двоеглавый, съ короною и подписью. Перстень съ разными финифты, въ немъ камень перелифтъ (халцедонъ) не великъ, на немъ вырѣзано опахальцо. Перстень съ разными финифты, въ немъ яшма, въ яшмѣ вырѣзано клеймо, въ клеймѣ орелъ двоеглавый, надъ клеймомъ коруна. Перстень съ разными финифты, въ немъ яхонтъ лазоревъ граненый, къ верху островатъ, по сторонамъ по изумруду, въ немъ часы. Перстень, въ немъ въ когтяхъ изумрудъ, на немъ на престолѣ вырѣзана персона, а около его подпись: *Великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца*". *Сахаровъ:* Русскія древности. См. Записки Импер. Археол. Общ. 1851, т. III. Отд. 1, стр. 71—72.

[3]) Платно—верхняя одежда при нарядѣ царскомъ, самая великолѣпная.

1) большія золотыя, сѣнчатыя, съ алмазами и червчатыми яхонтами; 2) золотыя съ голубою финифтью; 3) золотыя съ каменьями и жемчугомъ; 4) золотыя сѣнчатыя съ финифтью. На платнѣ царя Ѳедора Алексѣевича было нашито 6 золотыхъ пуговицъ, украшенныхъ большими алмазами въ закрѣпахъ, и золотыя пуговицы прорѣзныя съ червчатыми яхонтами и изумрудцами. Въ московской оружейной палатѣ хранятся золотыя пуговицы съ платнъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Къ опашню [1]) пришивалось по 10, 13 и 15 пуговицъ. На опашнѣ царицы Евдокіи Лукьяновны, скроенномъ въ 1629 г., было нашито 15 пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ. На опашнѣ царевны Ирины Михайловны было нашито 15 пуговицъ большихъ золотыхъ и 15 маленькихъ серебряныхъ, съ финифтью, алмазами, яхонтами червчатыми, въ закрѣпахъ по изумрудику. На опашнѣ царевны Софіи Алексѣевны, передѣланномъ въ 1675 г., было нашито 15 золотыхъ пуговицъ, съ червчатыми яхонтами, съ алмазными искрами въ закрѣпахъ“ [2]).

Намъ остается перечислить замѣчательнѣйшія изъ уцѣлѣвшихъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій русской работы XVII в. Къ первымъ принадлежатъ: сосуды золотые—потиръ съ финифтяными украшеніями, розетами изъ драгоцѣнныхъ камней и четырьмя эмальированными образками, вѣсомъ въ 5 фунт. 60 золотн.; дискосъ; звѣздица, въ видѣ короны, съ вырѣзаннымъ вверху ея, на большомъ изумрудѣ, крестомъ; два блюдца; лжица съ яхонтами, изумрудомъ и сквознымъ лаломъ; копіе съ стальнымъ остріемъ и золотою рукоятью, усѣянное алмазными искрами — вкладъ по бояринѣ Ильѣ Морозовѣ въ московскій Чудовъ монастырь 1674 г. [3]); сосуды золотые, украшенные изумрудами и рубинами, вѣсомъ въ 30 фунт. 58 золотн., вкладъ царя Ѳедора Алексѣевича въ московскій Успенскій соборъ 1680 г. [4]); крестъ золотой съ черневымъ распятіемъ и св. мощами, украшен-

---

[1]) Опашень—лѣтняя верхняя одежда, третья.
[2]) *Сахаровъ:* Русскія древности, стр. 82.
[3]) *Снегиревъ*: Памятники москов. древн. стр. 143.
[4]) Тамъ же, стр. 38.

ный алмазами, жемчугомъ и яхонтами, вкладъ бояръ Морозовыхъ въ московскій Чудовъ монастырь [1]); крестъ большой золотой съ черневою надписью, 1683 года, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ [2]); кадило золотое, украшенное драгоцѣнными камнями, вѣсомъ около $5^1/_2$ фунт., вкладъ царя Михаила Ѳедоровича въ Троице-Сергіевъ монастырь, 1616 г.[3]); окладъ евангелія золотой, длиной $1^1/_4$ арш., шириной 11 вершк., украшенный на верхней доскѣ, семью изумрудными геммами, съ вырѣзанными на нихъ, рельефомъ, изображеніями Господа Вседержителя, Богоматери, Предтечи и четырехъ евангелистовъ, а на нижней—десятью золотыми съ финифтью образами и разсѣянными между нихъ рубинами, сафирами, гіацинтами, алмазными, изумрудными и яхонтовыми травами, наконецъ, розетами; изъ надписи, выведенной чернью по краямъ оклада, видно, что это изящное произведеніе мастеровъ московской оружейной палаты XVII вѣка — вкладъ царей Ивана и Петра Алексѣевичей, съ царицей Натальей Кириловной и 3-хъ-лѣтнимъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, данный московскому Успенскому собору 26 декабря 1693 г. [4]); панагія золотая осьмиугольная, на золотой цѣпочкѣ, отличающаяся особеннымъ изяществомъ отдѣлки и богатствомъ украшеній: „пять разноцвѣтныхъ яхонтовъ значительной величины образуютъ на ней крестъ; а по краямъ, кругомъ, она усѣяна алмазами и рубинами: внизу привѣшено у ней три крупныхъ изумруда и два лала; вверху, надъ крестомъ, наведено по золоту эмалью изображеніе Св. Троицы и четырехъ евангелистовъ, 1663 г.,—въ московской синодальной ризницѣ [5]); отдѣлка золотая, такъ называемой, меньшей митры московскихъ патріарховъ, описываемой такъ: „перекрестье и нижній вѣнецъ ея составлены изъ золотыхъ прорѣзныхъ запонъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, съ фи-

---

[1]) *Снегиревъ:* Памятники московской древности., стр. 144.
[2]) Тамъ же, стр. 32.
[3]) Тамъ же, стр. 34.
[4]) Историч. опис. св. Троиц. Сергіев. лавры. 1852, стр. 49.
[5]) *Савва*, архимандр.: Указат. для обозрѣнія московск. патріаршей ризницы. 1858, стр. 25.

нифтяными травами и цвѣтами; между ними 10 алмазныхъ репейчатыхъ запонъ; между запонъ разсѣяно множество небольшихъ золотыхъ съ черню дробницъ, на подобіе чашечекъ; на передней сторонѣ митры, въ золотой запонѣ наведено финифтью изображеніе Спасителя; по сторонамъ, въ четырехъ мѣстахъ, чеканныя на золотѣ изображенія евангелистовъ; митра эта имѣетъ видъ остроконечной шапки, увѣнчанной золотымъ съ финифтью крестомъ, утвержденнымъ на золотой чашкѣ, по коей съ четырехъ сторонъ наведены черью поясныя изображенія трехъ московскихъ святителей: Петра, Алексія, Іоны, и св. Василія Кесарійскаго; это замѣчательное произведеніе московскихъ мастеровъ, повидимому, первой половины XVII вѣка, хранится въ московской синодальной ризницѣ [1]); митра патріарха Никона, извѣстная подъ именемъ большой, золотная алтабасная [2]), украшенная крупными алмазами, яхонтами, сафирами, изумрудами, жемчужными зернами и проч.“ На верху ея, въ многоугольной золотой звѣздѣ, украшенной алмазами и яхонтами, утвержденъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Съ четырехъ сторонъ митры, въ золотыхъ клеймахъ, финифтяныя изображенія евангелистовъ, внизу коихъ начертана подпись 1653 года; вѣсу въ этой драгоцѣнной утвари 6 фунт. $6^1/_2$ зол.; находится она въ московской синодальной ризницѣ [3]); ковшъ небольшой золотой, въ срединѣ наведенъ черню двуглавый орелъ; ковшъ золотой, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, съ наведеннымъ черню двуглавымъ орломъ, 1618 года, вѣсу 3 фунта 5 золотн.; два такіе же ковша, съ подписью имени и титула царя Михаила Ѳедоровича, вѣсомъ въ 3 фунта 18 зол. и 2 фунта 69 зол.; кубокъ золотой, именуемый въ старыхъ описяхъ стопою [4]); тарелка золотая, украшенная финифтью и 16 яхонтами, съ изоб-

---

[1]) *Савва*, архимандр.: Указат. для обозрѣнія московск. патр. ризн. 1858, стр. 29. Древности россійскаго государства. Отд. I. № 89.

[2]) Алтабасъ—ткань, вродѣ парчи. Названіе алтабаса производятъ отъ арабскаго *al dibadj*, — шелковая матерія, затканная золотомъ.

[3]) *Савва*, архимандр.: Указат. для обозрѣнія московск. патр. ризн., стр. 34. Древности россійскаго государства. Отд. I. № 87.

[4]) Московск. оруж. палата. 1860, стр. 157.

раженіемъ двуглаваго орла, вѣсомъ въ 94 золотн.; братина или чаша золотая, украшенная разноцвѣтной финифтью и драгоцѣнными камнями, 1653 года; горшечекъ золотой, съ надписью: *государя цесаревича, великаго князя Петра Алексѣевича*; чашечка золотая, съ двумя ручками, украшенная финифтью, яхонтами и изумрудами, 1694 г.; тарелочка золотая, съ изображеніями по краю, въ большихъ щитахъ подъ коронами, раздѣленныхъ изумрудами гербовъ: новгородскаго, казанскаго, псковскаго, тверскаго, пермскаго, смоленскаго, сибирскаго и астраханскаго, въ срединѣ двуглавый орелъ, на груди котораго, вмѣсто герба московскаго, изумрудъ въ гнѣздѣ; 1694 года, вѣсу тарелочкѣ, усѣянной по ободку мелкими изумрудами, 58 золотн.; стоянецъ [1]) съ рукомойникомъ золотые, украшенные финифтью и усаженные сплошь алмазами, изумрудами и яхонтами,—московское произведеніе въ восточномъ вкусѣ, вышедшее изъ мастерской Царицыной Палаты 1692 года, какъ гласитъ о томъ наведенная эмалью надпись; вѣсу въ стоянцѣ съ рукомойникомъ 5 фунт. 84 золотн. Послѣднія двѣнадцать вещей хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ [2]).

Изъ серебряныхъ издѣлій русскаго мастерства XVII вѣка, донынѣ сбереженныхъ, заслуживаютъ быть названы: 1) „кадило серебряное на поддонникѣ ложчатомъ съ покрышкою черезъ ложку, золочено, рѣзь позолочена, травы рѣзныя, а на покрышкѣ маковица, а на ней крестъ, по обѣ стороны креста рѣзь. А подпись около кадила рѣзная; да у того же кадила пять цѣпей серебряныхъ не золочены, середи цѣпей четыре херувима серебряныя литыя, по одной сторонѣ золочены; на верху чашки два кольца серебряныя“ [3]); 2) ладанница серебряная, чеканная, съ шатровой крышкой, на которой два, и по сторонамъ ладанницы еще четыре чеканныхъ херувима, и рѣзною на днѣ, снизу, подписью, 1632 года,—хранится въ московской синодальной ризни-

[1]) Стоянецъ—сосудъ, вродѣ корзинки на поддонѣ.
[2]) Московск. Оружейная Палата. 1860, стр. 155—158, 169, 186, 189—190.
[3]) Опись новгородскаго Спасо-Хутынскаго монастыря. 1842. См. Зап. Императ. Археол. общества. 1857, т. IX, вып. II, стр. 447.

цѣ [1]); 3) ладанница серебряная, съ финифтью, узорочной работы, двухъ-ярусная, въ видѣ пятиглаваго храма; изъ надписи на поддонѣ видно, что это — даръ московскому Чудову монастырю, въ 1680 г., отъ боярина Бутурлина по женѣ его Татьянѣ; хранится въ ризницѣ того же монастыря [2]); 4) трисвѣщникъ серебряный, вѣсомъ 1 пудъ 15 фунт., даръ царя Бориса Годунова, въ 1601 г.; хранится въ ризницѣ Троице-Сергіевой Лавры [3]). 5) Лампада серебряная, чеканная, съ черневою позолотой и подписью въ вѣнцѣ, вычеканенной вязью, 1622 года; вѣса въ лампадѣ 6 фунт. 66 золотн. 6) Лампада серебряная золоченая, вѣсомъ 9 фунт. 5 зол.; обѣ лампады хранятся въ московской синодальной ризницѣ [4]); 7) ушатъ серебряный или ладья, съ четырьмя скобками и крышкой, вѣсомъ 2 пуда 46 золотн., вкладъ царя Алексѣя Михайловича, въ 1653 г., для употребленія при водоосвященіи; 8) къ нему же ведро серебряное, для черпанія св. воды на Іорданѣ, вѣсомъ 10 ф. 24 зол., и 9) кружка серебряная, рѣзная, съ рукоятью, вѣсомъ 2 ф. 60 зол., — всѣ три вещи находятся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ [5]); 10) панагія знаменитаго патріарха Іермогена, „серебро-позлащенная, на серебряной цѣпочкѣ, на верхней, выпуклой сторонѣ оной вставленъ топазъ, подъ коимъ видно изображеніе Тихвинской Божіей Матери, а на нижней вырѣзано изображеніе осьмиконечнаго креста, съ тростію и копіемъ; 1603 года; [6]), 11) панагія Филарета, архіепископа смоленскаго, 1661 г., „сребропозлащенная, чеканная, съ золотою цѣпочкою, въ срединѣ образъ Спасителя съ херувимами, вокругъ образа драгоцѣнные камни, по краямъ обнизана мелкими бурмицкими зернами; внутри сокрыты части св. мощей... на оборотѣ мельчайшимъ шрифтомъ написанъ весь символъ вѣры“; хранится въ ризницѣ Саввино-Сторожевскаго монастыря,

---

[1]) *Савва,* архимандр.: Указат. для обозрѣнія московск. патр. ризн., стр. 86.
[2]) *Снегиревъ;* Памятн. московск. древн., стр. 144.
[3]) Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, стр. 49.
[4]) *Савва,* архимандр.: Указат. для обозр. московск. патріарш. ризн., стр. 85.
[5]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн., стр. 38.
[6]) *Савва,* архимандр.: Указат. для обозр. мотковск. патріарш. ризн., стр. 18—19.

въ 1 в. отъ г. Звенигорода, московской губерніи [1]); 12) митра патріарха Никона, извѣстная подъ именемъ большой короны: „по серебряной золоченой дскѣ ея, надъ нижнимъ обручемъ, въ коронкахъ размѣщены финифтью наведенныя изображенія Спасителя и 12 апостоловъ; подъ ними, въ четырехъ клеймахъ, накладныя съ финифтью иконы Богоматери и архангела Гавріила, потомъ, тезоименитыхъ царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Маріи Ильинишнѣ, св. Алексія человѣка Божія и препод. Маріи Египтяныни; перекрестье и нижній обручъ митры составлены изъ разныхъ дорогихъ камней и обнизаны кафимскимъ жемчугомъ; на передней сторонѣ запона изъ крупныхъ алмазовъ; на верху золотой, осыпанный алмазами, крестъ утвержденъ въ двойной звѣздѣ, 1655 года, вѣсу въ коронѣ 6 ф. 80 зол.; 13) посохъ патріарха Никона, серебряный, сканый, съ финифтью, весьма искусной работы, на немъ три яблока, также сканой работы и съ финифтью, украшеныя сердоликами, возглавіе серебряное, сканое, съ загнутыми къ верху зміевидными главами“—обѣ вещи хранятся въ московской синодальной ризницѣ [2]); 14) рипиды серебряныя, золоченыя, круглыя, „на нихъ въ сквозной рѣзьбѣ изображены: съ одной стороны серафимъ, а съ другой херувимъ“, укрѣпленныя въ двухъ деревянныхъ ручкахъ, съ серебряными яблочками, 1656 года; находятся въ томъ же монастырѣ [3]); 15) рака къ мощамъ св. Александра Свирскаго, серебряная, устроеная царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1643 г.; находится въ Троицкомъ-Александро-Свирскомъ монастырѣ, олонецкой губерніи, лодейнопольскаго уѣзда, на берегу озера Ращинскаго, въ 35 верстахъ отъ г. Олонца [4]); 16) оклады иконъ серебрянные, басменнаго дѣла XVII вѣка,—въ верхнемъ поясѣ 4-хъ яруснаго иконостаса Ризположенской или Цечерской церкви, что въ московскомъ кремлѣ, рядомъ съ грановитою палатой [5]); 17) кубокъ чеканный, съ плоскою крышкою,

[1]) *Историческое* описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря. Москва. 1846, стр. 64.
[2]) *Савва*, архимандр.: Указат. для обозр. московск. патріарш. ризн., стр. 35—71.
[3]) *Истор.* стат. опис. первокл. Тихв. Богор. больш. мужск. мон. 1859, стр. 63.
[4]) *Ратшинъ:* Полн. истор. собр. свѣд. о монаст. и прим. церкв. въ Россіи стр. 417.
[5]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн., стр. 161.

на которой литая фигура воина, держащаго въ рукѣ палашъ, а подлѣ щитъ; 18) кубокъ чеканный, ложчатый, съ плоской крышкой, на которой литая фигура воина, держащаго бердышъ въ одной, а щитъ въ другой рукѣ, снизу поддона вырѣзана надпись; настоящаго вѣса въ немъ 2 фунта 67 зол.; 19) стаканъ чеканный съ крышкою, въ пояскѣ которой подпись: *питие во утоление жажды чл҃комъ здравіе сотворяетъ, безмѣрное же вельми повреждаетъ*, 1695 года; 20) разсольникъ, ложчатый, на чеканномъ поддонѣ, внутри и снаружи золоченый, боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго [1]) 21) четыре чашки серебряныя, украшенныя разноцвѣтною финифтью и названныя по описи чашками „усольскаго дѣла“; на днѣ ихъ, въ кругахъ, наведены финифтью изображенія: у одной человѣка въ восточномъ одѣяніи, съ шапкой на головѣ и медальономъ на шеѣ; у прочихъ—по лебедю; послѣднія восемь вещей хранятся въ московской синодальной ризницѣ [2]); 22) братина келейная патріарха Іосифа, серебряная, съ чеканными травами; сохранена въ ризницѣ московскаго Успенскаго собора [3]); 23) братина поминальная, серебряная, золоченая, по сторонамъ рѣзные узоры наведены чернью, по вѣнцу, между рѣзными травами, наведена чернью же подпись; 24) два кулгана серебряныхъ, съ подписью 1640 г., вѣсомъ въ 21 ф. 23 зол. и въ 20 ф. 38 зол.; 25) солонка патріарха Филарета, серебряная съ теремками на кровлѣ и яблочками, вмѣсто ножекъ; вѣсомъ 3 ф. 11 зол.; 26) братина серебряная, чеканная цвѣтами, по бокамъ 4 золоченыхъ клейма [4]); этой братинѣ ударила челомъ жена Третьякова съ дѣтьми 5 іюня 1618 года; 27) кубокъ потѣшный, по описи 1663 г. „серебренъ золоченъ съ мельницею, лощетъ; на трехъ колесахъ безъ кровли, бѣлы; середь водяного выводу лебедь серебренъ бѣлъ; у кубка

[1]) Кн. Ив. Алексѣев. Воротынскій, стольникъ въ 1659, бояринъ съ 1664, ум. въ 1680 г.

[2]) *Савва*, архимандр.: Указат. для обозрѣнія московск. патріарш. ризн., стр. 90—91, 98, 103—104.

[3]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн., стр. 40.

[4]) Этотъ Третьяковъ, думный дьякъ, въ 1613 г. скрѣпилъ грамоту избранія Михаила Өедоровича Романова на царство.

на столбѣ чапля бѣла жъ, литые"; вѣсу 2 ф. 39 зол.; „присланъ этотъ кубокъ съ Верху отъ государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны, въ государеву царевичеву князя Алексѣя Михайловича казну, въ 1630 году; 28) кубокъ серебряный, чеканный, плодами и личинами; на крышѣ воинъ, опирающійся на щитъ, 1648 г., вѣсомъ 3 фунта 15 золотн.; 29) подсвѣчникъ серебряный, 1669 года; 30) ковшъ серебряный съ чеканнымъ внутри орломъ и подписью по вѣнцу: *ковшъ хоромный государыни царевны Софіи Алексѣевны;* 31) чарка серебряная, съ подписью по вѣнчику: *великаго государя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца, рукодѣлье*. Послѣднія десять вещей хранятся въ московской Оружейной палатѣ [1]).

---

[1]) Московск. Оруж. Палата. 1860, стр. 157, 161—162, 167—171, 181, 186.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

(Продолженіе).

Торговля мѣдью и цѣны послѣдней. — Попытки водворить въ Россіи мѣдиплавиленное производство.—Литье колоколовъ.—Литье мѣдныхъ пушекъ.—Состояніе артиллеріи и заботы Петра объ ея улучшеніи.—Паникадильное и котельное производства.

Мѣдь на Руси XVII вѣка еще не добывалась, даже и въ 1677 г., когда именной указъ 28 февраля не только запрещалъ продажу персидскимъ купцамъ свыше 20 пуд. мѣди въ металлѣ или въ дѣлѣ, но, на случай требованія въ Персію этого заповѣднаго товара, повелѣвалъ „русскимъ людямъ отказывать имъ, что, по государеву указу... больше того указнаго числа на продажу мѣднымъ дѣломъ не бываетъ, потому, что въ *Московскомъ государствѣ то не родится*, приходитъ изъ нѣмецкихъ сторонъ“ [1]). Извѣстно, что „Нѣмцами“ и „нѣмецкими сторонами“ русскіе люди того времени называли безразлично всѣхъ европейцевъ, съ ихъ разноименными землями; мѣдь доставляли тогда на Русь англичане, датчане, шведы и голландцы. Мѣдь эта была красная и желтая (латунь), а привозилась въ полицахъ, т. е. штыкахъ, и издѣліяхъ. Такъ, напримѣръ, 24 іюля 1604 года пришелъ къ Колмогорскому городу корабль изъ Амстердама, и на кораблѣ этомъ, между разными другими товарами, показано: „...3 колоколы, а въ нихъ мѣди 30 пудъ, по 2 р. съ полтиною пудъ... 2 лохани мѣдныя, по полтинѣ лохань; 6 подсвѣчниковъ мѣд-

[1]) Полн. Собр. Закон. т. II. № 678.

ныхъ, по 8 алтынъ подсвѣчникъ; 3 рукомойника мѣдные, по полтинѣ рукомойникъ... 15 паникадилъ мѣдныхъ по рублю... 3 пуда мѣди въ тазѣхъ, по $2^1/_2$ р. пудъ..." [1]). Много лѣтъ послѣ того, именно въ 1648 г., Приказъ Большого Прихода, интересуясь узнать какихъ товаровъ въ 1646 году отъ Архангельскаго города къ Москвѣ было отпущено и, между прочимъ, „мѣди въ колоколехъ и полишные (полицами) тонкіе и толстые... въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ что явлено?"—упоминалъ, что въ 1645 году, какъ значится по даннымъ выписямъ, отпущено на одномъ дощаникѣ, въ числѣ прочихъ товаровъ, „шестьдесятъ полицъ мѣди тонкой и въ полицахъ, девятнадцать полицъ мѣди дощатой красной", да на другомъ, съ прочими же товарами, „шестнадцать колоколовъ мѣдныхъ, вѣсомъ двѣстѣ пятдесятъ шесть пудъ" [2]).

Всѣ же вообще сорта и цѣны иностранной мѣди, получавшейся на Руси XVII вѣка, указаны въ „Книжкѣ описательной", новой редакціи 1610 г., настолько дополненной противъ прежней, уже извѣстной намъ редакціи 1575 г., что самое заглавіе „Книжка" расширилось такъ: *„Книжка описательная, како молодымъ людемъ торгъ вести и знати всему цѣну, и отчасти въ ней описаны всякихъ земель товары различные, ихъ же привозятъ на Русь нѣмцы и иныхъ земель люди торговые"*. Тутъ, въ главѣ II, названной: *память товарамъ нѣмецкимъ всякимъ, и ефимкамъ, и золотымъ, и сукнамъ и жемчугамъ, и всякой купеческой рухляди, почему на Москвѣ и на Мурманскомъ* (архангельскомъ берегу) *и въ Нѣмцахъ купятъ и продаютъ,* находимъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ мѣдномъ товарѣ: „Мѣдная проволока, тонкая, колечная, берковецъ купятъ 14 рублей, а коли дорога въ 30 рублей. Въ Голантѣхъ купятъ пудъ по 5 и по 6 ефимковъ. Котельныя изгарины купятъ берковецъ 12 рублей, а коли дорого въ 18 рублей. Въ Голанской землѣ купятъ мѣдь красную по 4 стюверша.

[1]) *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Росс., т. X, прим. 426.
[2]) Дополн. къ акт. историч. т. III. № 40.

Мѣдная толстая проволока, купятъ берковецъ по 15 рублей, а коли дорога въ 25 рублей. Мѣдь тазовая, запрудная, купятъ берковецъ по 14 рублей съ половиною, а коли дорога по 30 рублей. Въ Голантѣхъ купятъ въ шандалѣхъ фунтъ по 2 стюверша. Мѣдь трубчатая, купятъ берковецъ по 14 рублей, а коли дорога въ 24 рубля. Въ Антропѣ (Антверпенѣ) купятъ въ тазѣ и въ шандалѣ по 4 стюверша фунтъ. Мѣдь однопечатная, по краямъ ее добрая знати, чтобы ся не сѣдила и не была обсѣкана; купитъ берковецъ по 13 рублей, а коли дорога въ 20 рублей съ полтиною. Мѣдь троепечатная, пуслишная, купятъ берковецъ въ 14 рублей, а коли дорога въ 24 рубля. Мѣдь казарская, купятъ фунтъ въ 3 рубля. Мѣдь тонкая, зеленая, съ толстою въ одной цѣнѣ. Мѣдь въ полицахъ, красная, пудъ купятъ по 2 рубля съ половиною“ [1]). Впрочемъ, стоимость мѣди и мѣдныхъ издѣлій на Руси XVII вѣка болѣе или менѣе измѣнялась, что доказывается слѣдующимъ фактомъ. Въ 1608 году была продана съ публичнаго торга, между прочимъ, мѣдная посуда: „котелъ ѣстовной въ 7 ведръ, котелъ ѣстовной въ 4 ведра, котелъ ѣстовной въ 2 ведра, котелъ ѣстовной въ полъ 2 ($1^1/_2$) ведра, кубъ винной съ трубами, ведръ 5, вѣсу 35 гривенокъ (фунтовъ); кубикъ винной малой в невеликое ведро; два вѣка, одно долгое, другое круглое; противень невеликъ, да 6 сковородокъ чорныхъ, 5 сковородокъ бѣлыхъ, одна в нихъ велика... Яндовка винная невелика лужена... Кумганъ; невеликое ведро; лохань; 4 тазишка, одинъ в нихъ побивши, край выломленъ, а три невелики. Итого въ мѣдяныхъ судахъ вѣсу 8 пудъ и 34 гривенки, цѣна по 2 алтына и по 4 деньги гривенка, и того 28 рублевъ и 10 алтынъ и 4 деньги... И тѣхъ судовъ... угорѣло противъ прежнево вѣсу и оцѣнки 27 гривенокъ съ полугривенкою въ котлѣхъ, въ которыхъ пиво и ѣсти варили про нѣмецкихъ людей (въ Новгородѣ)“ [2]). Кромѣ „судовъ мѣдяныхъ“, на томъ же

[1]) Торговыя книги. См. Записки отдѣл. русс. и слав. археол. Импер. Археологич. общества. 1851. т. I. Отд. II, стр. 126—127.

[2]) Опись и продажа съ публичнаго торга имущества Мих. Татищева. См. Времени. Импер. общ. истор. и др. 1850. кн. VIII. Отд. III, стр. 22.

торгу объявлены къ продажѣ: „узда санная, ременная, плащи (бляхи) мѣдяны, цѣна 20 алтынъ... узда ветчана (подержаная) мѣдяна, цѣна 5 алтынъ... уѣзда, оковы мѣдяны, ременье черно, цѣна 4 гривны... ошеекъ литовской чеканенъ, по мѣди золоченъ, цѣна полъ 2 рубли... наконечники ошейковые мѣдяные гладкіе, цѣна гривна...“ [1]). При другомъ подобномъ же случаѣ, 1669 г. 1 сентября [2]), „по приказу столника и воеводы князя Константина Осиповича Щербатова, цѣновщики, брянскіе пушкари, посадскіе люди цѣнили въ Брянскѣ, на кружечномъ дворѣ сосуды мѣдные; при этомъ свѣшано: мѣди вѣтоши девять пудъ двѣ четверти, цѣною пудъ по три рубли; мѣди въ дѣлѣ шесть пудъ, цѣною по четыре рубли; мѣди въ дѣлѣ четыре пуда двѣ четверти, цѣною по четыре рубли; да въ томъ же вѣсу, вѣтоши два пуда одна четверть, цѣною пудъ по три рубли“ [3]). Въ 1674 году платили за пудъ мѣди: тазовой—отъ 5 до 7 руб., въ котлахъ отъ $4^1/_2$ до 6 руб., колокольной отъ $4^1/_2$ до 5 руб., кровельной отъ $4^1/_2$ до 6 руб., проволоки—5 руб. Въ 1675 году 8 пуд. мѣди стоили 38 руб. 13 алт. [4]).

За взвѣсъ мѣди продавецъ и покупщикъ платили одинаково казенную пошлину, называвшуюся вѣсчимъ и не взимаемую единственно по привилегіямъ, означеннымъ точно въ жалованныхъ грамотахъ, изъ которыхъ, напримѣръ, грамота, данная Троице-Сергіеву монастырю въ 1625 году и подтвержденная во всей ея силѣ 20 мая 1657 года, между прочимъ, гласила: „И гдѣ поѣдутъ изъ монастыря старцы или бѣльцы... въ которомъ городѣ Троицкая вотчина есть, и они мыто и тамги, головщины, и вѣсчаго... и мѣдянаго, и оловяннаго... и всякихъ нашихъ пошлинъ и податей не даютъ“ [5]). Случайно или нѣтъ, но „вѣсчимъ“, какъ видимъ, обложены были только тѣ металлы, которыхъ, по выраженію имен-

---

[1]) Опись имущества Михаила Татищева, стр. 12.
[2]) День этотъ по нашему январскому численію принадлежитъ не 1669, а 1668 г.
[3]) По чемъ пудъ мѣди въ 7177 г. См. Временникъ Импер. общ. истор. и древн. росс. 1852. кн. XV. Отд. III, стр. 30.
[4]) *Костомаровъ:* Очерки торговли московскаго государства въ XVI и XVII стол. См. Современникъ 1858 г. Іюнь. Отд. I, стр. 339.
[5]) Полн. Собр. Зак. т. I, № 205.

наго указа 28 февраля 1677 года, на Руси „не родится“, хотя отыскиваніемъ ихъ русское правительство озабочивалось уже съ XV вѣка [1]).

Мѣры къ отыскиванію рудъ разныхъ металловъ, принимавшіяся русскимъ правительствомъ въ XVII вѣкѣ, изложены выше подробно, и здѣсь остается только выяснить ихъ по отношенію къ одной мѣди. Надобность въ этомъ общеупотребительномъ металлѣ, разумѣется, была всегда велика, и она-то побудила мѣстное начальство Новгорода въ 1654 г. памятью отъ 9 декабря, по указу государеву, „Тихвина монастыря архимандриту... у пріѣзжихъ и у торговыхъ людей мѣдь переписать, сколько у кого какой мѣди досчатой и шкилевой... объявится; и переписавъ тое мѣдь у всякихъ людей, и съ тою бъ мѣдью выслалъ тѣхъ торговыхъ людей, за поруками, въ Великій Новгородъ, и той шкилевой и досчатой мѣди переписную роспись прислалъ.... а для высылки съ тою мѣдью и той мѣди для переписной росписи посланъ изъ Новгорода тотъ цѣловальникъ Ильюшка Золотаревъ нарочно... А будетъ кто Тихвинцы и иныхъ городовъ пріѣзжіе торговые люди учнутъ про тое мѣдь таить и въ Великій Новгородъ мѣди не повезутъ, и тѣмъ людемъ отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя Росіи Самодержца, быти въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ, безо всякія милости и пощады“.

Та же потребность въ мѣди,—металлѣ нужномъ тогда, вѣроятно, для литья пушекъ,—вызвала и слѣдующее правительственное распоряженіе, объявленное 5 марта 1666 года: „отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... по городамъ столникомъ нашимъ и воеводамъ. По нашему указу, посланъ съ Москвы изъ Новгородскаго Приказу новгородской гость Семенъ Гавриловъ, а съ нимъ плавилщикъ иноземецъ Денисъ Юрьичъ, въ олонецкой уѣздъ, въ толвуйскую волость, для сыску мѣдные руды. А что ему, Семену, къ тому рудокопному дѣлу на покупки и на всякіе

---

[1]) Акты Археог. Экспед. т. IV, № 79.

расходы денегъ и иныхъ запасовъ, и подводъ подъ всякіе запасы, и цѣловальниковъ, и иныхъ какихъ мастеровыхъ людей и толмачей понадобится, и то ему велѣно давать въ Великомъ Новгородѣ и на Олонцѣ... чтобъ у него тому рудокопному дѣлу мѣшкоты и помѣшки ни за чѣмъ не было, и во всемъ ему въ томъ рудокопномъ дѣлѣ чинить всякое вспомогательство, да о томъ писати къ намъ, великому государю..." [1]). Увѣнчались ли успѣхомъ поиски Семена Гаврилова въ толвуйскомъ погостѣ, неизвѣстно. Но развѣдки его въ Олонецкомъ краѣ вообще, и именно по открытію мѣдной руды, не могли быть безуспѣшны, потому что ровно черезъ семь лѣтъ послѣ перваго, сейчасъ приведеннаго распоряженія, находимъ другое [2]), отъ 14 марта 1673 г., гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ олонецкому воеводѣ Богдану Ивановичу Ордыну Нащокину, чтобы онъ исполнилъ всѣ просьбы Семена Гаврилова. Семенъ же Гавриловъ желалъ, во-первыхъ, получить аккуратно необходимыя ему казенныя деньги и запасы, во-вторыхъ, послать повѣреннаго для тайнаго найма въ Швеціи мастеровъ, въ-третьихъ, расчистить дорогу въ $1^1/_2$ версты отъ рудника до завода и, наконецъ, имѣть цѣловальниковъ „самыхъ добрыхъ".

Оставляя до времени труды „новгородскаго гостя" Семена Гаврилова, оправданные исторіей горнаго дѣла олонецкаго края уже въ началѣ XVIII вѣка, настоящему очерку не подлежащаго, перенесемся въ другой край—пермскаго при-уралья, гдѣ, по сказанію новѣйшихъ историковъ русскаго горнаго дѣла, еще при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, слѣдовательно въ XVII вѣкѣ, открытъ былъ мѣдный рудникъ, названный Григорьевскимъ, при горѣ того же имени, близъ Пыскорскаго завода, въ 28 верст. отъ Соликамска. Неизвѣстно, въ которомъ именно году, кѣмъ и какимъ образомъ сдѣлано это открытіе; извѣстно только, что для разработыванія его отправленъ былъ бояринъ (?) Дей Андреевичъ

---

[1]) Дополн. къ актамъ историч. т. V, № 13. I.
[2]) Тамъ же, № 13. II.

Свѣтешниковъ [1]) съ 15 иностранцами; онъ завелъ при Пыскорскомъ монастырѣ (около 1640 г.), на рѣчкѣ Камгоркѣ заводъ (неизвѣстно—были ли тутъ два завода того же имени или одинъ) и выплавлялъ тамъ мѣдь. Работа производилась вольными людьми и заводъ находился нѣсколько лѣтъ въ казенномъ содержаніи; потомъ онъ отданъ былъ въ содержаніе Тумашеву, который черезъ два года уѣхалъ въ Сибирь. На мѣсто его присланъ былъ изъ Москвы иноземецъ, который умеръ, а другіе иностранцы, около 1656 года, отозваны въ Москву для указаній при осадѣ города Риги, и заводъ совершенно оставленъ. Генералъ де-Геннинъ и *капитанъ* Татищевъ осматривали Григоровскій рудникъ и Пыскорскій заводъ въ 1722 г. [2]) и нашли уже только малые остатки строеній; но въ 1724 г. заводъ снова былъ пущенъ въ дѣйствіе [3]).

Сказаніе это, и именно въ части своей, трактующей о событіяхъ на Пыскорѣ въ XVII вѣкѣ, не совсѣмъ согласуется съ нѣкоторыми документами, напечатанными задолго до появленія изслѣдованія гг. Блинова и Полетики. Изъ такихъ документовъ извѣстны двѣ челобитныя [4]) (Приложенія № 9 и 10), одна отъ 20 января 1671 года соликамскихъ воеводъ, другая 1666 года плавильщика Митки Александровича Тумашева [5]). По нимъ видно, что мѣдную руду отыскалъ въ Григоровской горѣ бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и ее испробовалъ; послѣ того Надѣя Свѣтешниковъ и нѣмецъ Аристъ Петцолтъ съ товарищами руду эту добывали и возили внизъ по Камѣ къ заводу подъ Пыскорскимъ монастыремъ на рѣчкѣ Калкаркѣ (а не Камгоркѣ); за ними „многія лѣта“ плавили тутъ мѣдь Богданъ Тушинъ, Тимофей Лодыгинъ и Юрій Телепневъ, пока руда вся

---

[1]) О мнимомъ боярствѣ гостя Свѣтешникова говорено уже выше.

[2]) Въ этомъ 1722 году Татищевъ, Василій Никитичъ, знаменитый историкъ, былъ артиллеріи капитанъ-поручикомъ, а рангъ капитанскій получилъ только въ 1723 г.

[3]) *Полетика и Блиновъ:* Историческія основанія русскихъ горныхъ заводовъ. См. Памятн. книг. для русс. горн. людей. 1862, стр. 194.

[4]) Дополн. къ актамъ историч. т. VI, № 24. I.

[5]) Тамъ же, т. V, № 10. I.

не выработалась. За истощеніемъ руды при Телепневѣ рудникъ былъ брошенъ, и въ 1671 году шахты и ходы уже обвалились. Тумашевъ, подтверждая, что руда истощилась, и прося позволенія ѣхать отыскивать ее въ другія мѣста, сообщаетъ нѣкоторыя подробности о ходѣ дѣла. Первоначально онъ выплавилъ 574 пуда мѣди и отдалъ ее въ казну по 2 руб. пудъ, затѣмъ цѣна была повышена до 3 руб. и мѣди выплавлено 315 пуд. Казенную мѣдь въ частныя руки разрѣшалось продавать въ Соликамскѣ по 4 руб. 25 коп. пудъ. Казна получила такимъ образомъ до 1½ тыс. руб. прибыли, но съ 1657 года плавка мѣди прекратилась. Такова истинная исторія Григоровскаго мѣднаго рудника, едва ли не перваго на Руси, работавшагося по правиламъ горнаго искусства, но въ этомъ самомъ отношеніи, вѣроятно, не единственнаго, потому что мѣдная руда на Руси XVII вѣка нерѣдко отыскивалась большею частью при поискахъ серебряной руды. Оффиціальный разсказъ объ одной изъ такихъ находокъ встрѣчается, напримѣръ, въ „доѣздной памяти“ московскаго стрѣльца Блинова и рудознатца Токарева [1]), которые ѣздили „за Камень (Уралъ) за Поманеную гору, къ Ваграну озеру“ [2]) искать серебряную руду, но нашли, вмѣсто того, мѣдную руду и взяли ея для пробы 2½ пуда; посланный съ ними изъ Чердына серебряникъ Ондрюшка Вятчанинъ руды этой испытать однако не умѣлъ, потому и отправлена она была для пробы въ Москву. Послѣдствія этого „сыска“ неизвѣстны.

Итакъ домашней мѣди на Руси XVII вѣка было немного, а пробавлялись болѣе мѣдью привозною, которая давала хлѣбъ мастерамъ: колокольныхъ, пушечно-литейныхъ, паникадильныхъ и мѣдно-котельныхъ дѣлъ. Древнѣйшимъ изъ этихъ видовъ мастерства мѣдно-литейнаго оставалось колокольное, процвѣтавшее по прежнему. Полякъ Маскевичъ видѣлъ въ Москвѣ 1611 г. колоколъ, висѣвшій на деревянной башнѣ въ 2 сажени вышиной:

---

[1]) Акты историческіе, т. IV, № 73.

[2]) По изслѣдованіямъ Н. К. Чупина (Исторія горнаго промысла въ богословскомъ Уралѣ), Ваграпъ-озеро есть Крылышково озеро въ дачѣ бывшаго Петропавловскаго завода Богословскаго округа.

„языкъ его —пишетъ онъ—раскачиваютъ 24 человѣка. Не задолго до нашего выхода изъ Москвы, онъ подался на литовскую сторону, въ чемъ москвитяне видѣли добрый знакъ, и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ насъ выжили изъ столицы" [1]). Колоколъ этотъ, по свидѣтельству Олеарія, посѣщавшаго Москву временъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, вылитъ при Борисѣ Годуновѣ и вѣсилъ 356 центнеровъ (1200 пуд.); „звонятъ въ него—разсказываетъ Олеарій—только въ торжественныхъ случаяхъ, или по праздникамъ, во время встрѣчи знаменитыхъ посланниковъ, или при шествіи ихъ на торжественную аудіенцію; для этого употребляется больше чѣмъ 24 человѣка: всѣ они стоятъ внизу на площади и звонятъ, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двумъ канатамъ, идущимъ внизъ по обѣимъ сторонамъ колокольни [2]). Мейербергъ, посѣтившій Москву въ 1661—1663 гг., нашелъ тутъ и годуновскій колоколъ, и другой, отлитый въ 1653 г. Объ этомъ колоколѣ, изображеніе котораго приложено и къ описанію путешествія Мейербергова, авторъ пишетъ: „Мы видѣли въ Кремлѣ лежащій на землѣ колоколъ чрезвычайной величины, и что удивительнѣе всего, отлитый русскимъ художникомъ. Этотъ колоколъ превышаетъ величиною извѣстный эрфуртскій и даже славный китайскій въ Пекинѣ... Колоколъ и понынѣ еще лежитъ на землѣ во ожиданіи механика, который бы взялся поднять его на воздухъ, и возбуждаетъ звукомъ своимъ въ торжественные дни благочестіе и набожность москвитянъ... Колоколъ имѣетъ вышины 19 фут.; окружность его внизу 54 фут.; діаметръ или поперечникъ 18 фут., а толщина 2 фута. На него употреблено 11,000 пуд., по 40 ф. каждый; изъ этого числа угару было 3,000 пуд.; а затѣмъ осталось 8,000 пуд. металла, т. е. 320,000 ф. московскаго вѣсу, составляющихъ 288,000 нѣмецкихъ фунтовъ" [3]). Въ 1674 г. колоколъ этотъ, по свидѣ-

[1]) Записки Маскѣвича. См. Сказаніе современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. 1834, ч. V, стр. 71.

[2]) О состояніи Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича (третья книга „Путешествія" Олеарія). Перев. съ нѣмецк.. изд. 1656 г. См. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, касающихся Россіи. 1859. Кн. III, стр. 6.

[3]) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Изд. Аделунгомъ. Перев. съ нѣмецк. С.-Петерб. 1827, стр. 185—187.

тельству Кильбергера, висѣлъ уже на деревянномъ срубѣ, подлѣ Ивана Великаго, а въ пожаръ 19 іюня 1706 г. оборвался, разбился и, въ царствованіе императрицы Анны, перелитъ въ нынѣшній, такъ называемый, Царь-колоколъ [1]).

Техника русскаго колокольно-литейнаго искусства въ XVII вѣкѣ объясняется частію слѣдующей „отпиской", посланной въ іюнѣ 1675 г. казначеемъ вологодскаго архіерейскаго дома къ отсутствующему архіепископу, по поводу неудачнаго опыта—прилить къ колоколу уши: „Вѣдомо тебѣ, государю, буди—пишетъ казначей—отъ колоколново мастеришка не могъ отстоятца, что ушей не наливать; многожды мнѣ билъ челомъ и докучалъ немѣрно, чтобъ ему уши долить, и я ему конечное отказалъ: „не дамъ и посмотрѣть тебѣ доливать". А хотѣлъ я просверливать и придѣловать желѣзныя уши, какъ въ людяхъ водитца, и про болшой колоколъ Спаса Новаго монастыря сказывалъ ему, что уши у нево придѣлываны желѣзныя; и онъ меня убогово не послушалъ, жаловался про то попу Ивану и домовымъ людемъ твоимъ, государевымъ, и многимъ стороннимъ людемъ, что я ему не даю наливать; и они мнѣ о томъ стужали немѣрно, чтобъ ему я далъ уши выливать; и я имъ сказывалъ, что такъ прежней болшой колоколъ огнемъ разжигали, какъ его разбили, и они мнѣ не повѣрили, призвали старца Іасафа и Нестера колокольника, и они говорили, что мочно доливать, и я имъ говорилъ: „конечно испортите". И старецъ Іасафъ имался уши доливать, аималъ онъ у насъ отъ колокола оставшія мѣди и выливалъ кандію (лампаду) неболшую, или разжигалъ для опыту. И мастеришко ему, Иванъ, не далъ доливать, а взялся самъ, что безъ вреда уши долить. И я, опасаясь отъ нихъ къ тебѣ, государю, на себя извѣта, не могая докуки перетерпѣть, мѣдь далъ долить, а сказалъ: „такъ портятъ, а не додѣловаютъ". И какъ онъ сталъ доливать, и колоколъ разжегъ, и пустилъ мѣдь,—и треснула три раза, какъ на рѣкахъ зимою ледъ колетъ. А въ тѣ поры тутъ былъ

---

[1]) *Снегиревъ:* Памятники московск. древн., стр. 118.

Григорей Егоровъ; и послѣ того, какъ землю сымали, и былъ тутъ твой, государевъ, дьякъ Кирило Борисовъ:—ажъ на немъ (колоколѣ) въ три страны три щели, отъ ушей черезъ травы и подпись, а поперегъ—отъ того въ обѣ стороны по полуаршину: и ему приговорили, хто огнемъ промышляетъ. Хочетъ къ тебѣ, государю, послать заручную челобитную, чтобъ ты ево пожаловалъ, велѣлъ вдругоредь переливать: ты, великій архіерей Божій, ему не вѣрь, не давай переливать, удачи ему не будетъ; видѣли мы мастерство ево, паче жъ плутовство, а не мастерство. А какъ онъ сперва мѣдь взялъ и хотѣлъ, чтобъ въ тѣ поры и молебствовать, и я отговорилъ: „такъ не водится; не ростопя, не молебствуютъ"; и призвалъ я протопопа, и протопопъ то жъ ему сказалъ, и уговорилися: въ тѣ поры молебствовать, какъ мѣдь пуститъ въ кожухъ. Мѣдь клали въ печь часъ нощи; у мѣди были, какъ въ печь клали съ вѣсу: Григорей Егоровъ, Кирило Блиновъ, Вавило Швецъ. И по договору, ростопя мѣдь, прислалъ вѣсть къ протопопу молебствовать, и въ тѣ бъ поры мѣдь спускать: и протопопъ съ причтомъ церковнымъ пришелъ, и я, убогой, послѣ приволокся, и велѣлъ ему въ печи вымѣшать шестомъ. И какъ онъ сталъ вымѣшивать и учала мѣдь клоктать немѣрно. И я ему сталъ говорить: „что ты хочешь мѣдь пускать, а она не вся ростопилась?" И оттолѣ онъ ростапливалъ до десятаго часа; протопопъ и я ждали то время не отходя; и мы ево мастерства насмотрѣлись; и мѣдь онъ ростапливалъ шеснатцать часовъ. И тебѣ бъ, государю, на меня, раба твоего, въ томъ праведнаго гнѣву не положить. А къ отвозу къ нему, колокольнику, у вѣсу были: Григорей Егоровъ, Стеѳанъ Филимоновъ, Ѳедоръ Быковъ, Кирило Блиновъ, Вавило Швецъ, я—убогой Іосифъ. Не въ указъ тебѣ, государю, не велѣть ему давать переливать вдругорятъ: не будетъ удачи и въ третьие, потому что не мастеръ; опроче изъяну не будетъ ничево; хорошо бъ ему надъ своею мѣдью учиться" [1]).

[1]) Неудачный опытъ колокольно-литейн. искусства. См. Изв. Имп. Археол. общ. 1861, т. III, вып. I, стр. 54—56.

Въ дополненіе можно привести выдержку изъ приходо-расходной книги того же вологодскаго архіерейскаго дома на 1675 г.: „Въ прошломъ 182 (1674) и въ нынѣшнемъ 183 (1675) годѣхъ, Сумлянинъ Иванъ Порфирьевъ сынъ, колокольникъ, лилъ на Вологдѣ къ соборной церкви Премудрости Слова Божія два колокола, изъ казенной домовой купленой мѣди и олова. И къ тому дѣлу куплено: къ колокольному образцу (формѣ) въ мятье въ глину, отреней на 4 алтына, да для окрѣпки того образца, проволоки желѣзной восмь фунтовъ, дано 26 алт. 4 ден.; глины колоколскіе, возжей конопляныхъ, ужищъ, отъ возки дровъ мѣдь ростапливать, на все издержано 9 алтынъ. И тѣ два колокола онъ, Иванъ, слилъ; одинъ вѣсомъ 62 пуда 11 гривенокъ (фунт.), а другой—$29^3/_4$ пуд. Ряжено ему отъ литья тѣхъ колоколовъ, по его рядной записи, съ пуда по 13 алт. по 2 ден., итого довелось ему дать, за литье тѣхъ колоколовъ, 36 руб. 27 алт. И болшой колоколъ вылился съ поврежденіемъ, и онъ переливалъ снова; и въ той переливкѣ угару мѣди стало 3 пуда; а по уговору за другую переливку угаръ мѣдной его, колокольниковъ. И преосвященный Симонъ архіепископъ его, колокольника, пожаловалъ, указалъ на нево положить угарной мѣди всего полтора пуда; а по покупочной цѣнѣ за тое мѣдь довелось на немъ взять 6 руб. 14 алт. 3 ден. И за то колольное литье дано ему, по рядѣ, 30 руб. 12 алт. 3 ден.; а достальныхъ 6 руб. 14 алт. 3 ден.; по заниси, отъ литья ему не доданы для того, зачтены ему въ платежъ за угарную мѣдь за полтора пуда“ [1]).

Всѣхъ мастеровъ колокольнаго дѣла на Руси XVII вѣка по документамъ извѣстно двадцать; изъ нихъ шесть соединяли это искусство съ пушечно-литейнымъ; одинъ мастеръ именовался „колокольнымъ рѣзцомъ“ (Ѳедка Тарасовъ, 1659—1664) и только одинъ изъ всѣхъ двадцати носилъ не русскую фамилію (Фалькъ, изъ Нюрнберга, 1642 г.) [2]). Замѣчательнѣйшими изъ колоко-

---

[1]) Извѣстія Импер. Археолог. Общ., т. III, стр. 57.
[2]) *Сахаровъ:* Обозрѣніе русской археологіи, стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVIII вѣка, стр. 110—136.

ловъ русскаго литья XVII вѣка остаются донынѣ: на Ивановской колокольнѣ, въ Москвѣ — Реутъ, вѣсомъ 2,000 пуд., въ поперечникѣ 4 арш., безъ двухъ ушей, отбитыхъ французами въ 1812 г., и съ подписью, отлитъ въ 1622 году Андреемъ Тоховымъ; *Вседневный*, вѣсомъ 998 пуд. 30 фунт., отлитъ мастеромъ Емельяномъ Даниловымъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, 1625 г. [1]); въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ—большой колоколъ, 1634 г., отлилъ мастеръ Кирилъ Сомовъ [2]); въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, архангельской губерніи,—бывшій московскій набатный, отъ Спасскихъ воротъ, быть можетъ, перелитый изъ новгородскаго вѣчеваго [3]) и, по преданію, сосланный царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ за необычайный звонъ въ полночь [4]), сдѣланъ въ 1674 г., вѣсу въ немъ 150 пудовъ [5]); въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, въ 1 вер. отъ Звенигорода (моск. губ.), отлитый мастеромъ Александромъ Григорьевымъ 25 сентября 1667 г., вѣсомъ 2125 пудовъ 30 фунт., отличнаго звука [6]); въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ—большой въ 600 пуд., отлитъ 20 сентября 1647 г. по стольникѣ Алексіѣ Никитичѣ Годуновѣ, съ тѣмъ „чтобы дядя его, бояринъ Вас. Ив. Стрѣшневъ, вотчину того Годунова, село Семеновское, продалъ въ Ипатьевскій монастырь, а монастырь за это, въ платежъ, на свои деньги отлилъ бы тотъ колоколъ“ [7]).

Литье мѣдныхъ орудій на Руси XVII вѣка производилось, какъ показываютъ документы, сорока восьмью мастерами, изъ которыхъ шесть были въ то же время колокольниками, и только трое носили имена иностранныя (Фалькъ, 1642 г., и два Нейдгарта, 1662—1664 гг.) [8]). На литье орудій, по свидѣтельству Кото-

---

[1]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн. стр. 114.
[2]) Тамъ же, стр. 141.
[3]) Тамъ же, стр. 302.
[4]) Московскій телеграфъ. 1833. № 15. Смѣсь.
[5]) *Максимовичъ и Щекатовъ:* Словарь географ. Россійск. Госуд. Москва. 1804, ч. III, стр. 740.
[6]) Истор. опис. Савв.-Сторож. мон., стр. 46.
[7]) *Діевъ:* Историч. опис. Костромск. Ипатьевск. мон., стр. 16.
[8]) *Сахаровъ:* Обозрѣніе русск. археолог., стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О металлич. произв. въ Россіи до конца XVII вѣка, стр. 110—136.—Дополн. къ актамъ историч т. V. № 51; т. VII. № 28. I.

шихина, мѣдь привозилась черезъ Архангельскъ (англійская, нѣмецкая), и изъ Швеціи [1]). Средоточіемъ „пушечнаго строенія" была Москва, но мѣдныя орудія отливались также въ Кіевѣ [2]) и даже въ Вологдѣ [3]). Какъ изобиловала Русь XVII вѣка мѣдной артиллеріей домашняго приготовленія, видно изъ того, что только по двумъ сохранившимся описямъ городовыхъ „нарядовъ" (артиллеріи), обѣ за 1677 г., находимъ мѣдныхъ орудій „русскаго литья": на стѣнахъ Смоленска 100 (въ томъ числѣ 60 пищалей и 40 „пинардъ", т. е. петардъ), Кіева — 52 (въ томъ числѣ 1 тюфякъ) [4]). Не видно также, чтобы русское правительство, напримѣръ, временъ царя Михаила Ѳедоровича, очень жалѣло объ артиллеріи, которая при неудачѣ Шеина подъ Смоленскомъ въ 1634 г. была оставлена полякамъ, хотя она состояла изъ 112 орудій, въ томъ числѣ: 2 пушки 6 пуд. калибра, 4-е 4-хъ пудоваго, 1-а 2-хъ пудоваго; 32 пищали полуторныя длинныя, отъ 2 п. 10 фунт. до 3 фунт. калибра; да 73 пищали короткія отъ 4 до 3 ф. калибра [5]).

Техническая сторона русскаго литья мѣдныхъ орудій въ XVII вѣкѣ, особенно до воцаренія Петра въ 1682 г., если и можетъ уясниться нѣсколько, то развѣ изъ тѣхъ же описей смоленскаго и кіевскаго нарядовъ 1677 г. Тутъ въ хронологическомъ порядкѣ времени замѣчаемъ прежде всего — „пищаль мѣдную русскаго литья, въ станкѣ на колесахъ, ядромъ гривенка безъ чети ($^3/_4$ ф.), длиною 3 арш. безъ 5 вершк., въ 1602 г. *дѣлалъ литецъ Юшка Бочкаревъ*; на ней же рѣзаны отъ писма до дула травы, у дула голова звѣриная; вѣсомъ 5 пудъ, къ ней 100 ядеръ" [6]). За этой пищалью слѣдуетъ остатокъ артиллеріи эпохи пер-

---

[1]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе. Изд. 1840, гл. IX, стр. 10.
[2]) Дополн. къ акт. истор., т. VII, № 28. I.
[3]) Тамъ же, т. V. № 51, стр. 307.
[4]) Тамъ же. т. VII. № 28. I.
[5]) Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ, изд. II отд. Собств. Е. И. В. Канц. 1855, т. II, стр. 479.
[6]) Дополн. къ акт. истор. т. V. № 51 стр. 307.

ваго самозванца, который, по свидѣтельству современника, былъ „на враги своя зѣло ополчителенъ и воинство зѣло любляше“ [1]),— воспоминаніе, подтверждаемое описью кіевскаго наряда 1677 г., гдѣ значится: „Пушка болшая верховая мѣдная, 1606 года [2]) 27 сентября; мастеръ Ондрей Чеховъ и пушечный литецъ Проня Ѳедоровъ; и сколько въ ней пудъ, того невѣдомо, для того что въ Кіевѣ такихъ терезей (вѣсовъ) нѣтъ, привѣсить было не на чемъ, къ ней 97 гранатъ болшихъ, по 12 пудъ“ [3]). Далѣе находимъ въ смоленскомъ нарядѣ два орудія, современныя царю Василію Шуйскому; первое изъ нихъ — „пищаль мѣдная русскаго литья, въ станку на колесахъ, ядромъ 2 гривенки (2 ф.), длина 4 арш. безъ полутретья ($2^1/_2$) вершка, 1608 года, дѣлалъ Григорей Наумовъ, да уши (дельфины) съ личинами; вѣсу 27 пудъ“ [4]); другое орудіе—„пищаль мѣдная Руского литья, въ станку на колесахъ, ядромъ гривенка (1 ф.), длина 2 арш. 5 вершк., 1609 года, лилъ Иванъ Москвитинъ; подлѣ писма вылитъ въ кругу звѣрь съ крылами, подлѣ звѣря и къ дулу травы; на ней же уши; у дула глова звѣриная, у дула жъ подпись Рускимъ писмомъ: *Волкъ*; вѣсу 8 пудъ, къ ней 100 ядеръ“ [5]). Еще далѣе встрѣчаемъ въ описи кіевскаго наряда слѣдующіе экземпляры домодѣльной артиллеріи царя Михаила Ѳедоровича: „На Софѣйскомъ выводѣ... пищалей мѣдныхъ... одна мѣрою 4 арш. 2 вершка; къ ней 164 ядра, вѣсомъ по 6 гривенокъ; а сколко пудъ, того невѣдомо, для того, что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить было не на чемъ; дѣлалъ въ 1625 г. мастеръ Григорей Наумовъ. Другая мѣрою 4 арш. безъ семи вершковъ, вѣсу въ ней 20 пудъ; къ ней 216 ядеръ по 2 гривенки; дѣлалъ въ 1623 г. мастеръ Алексѣй Акимовъ. На Ивановскомъ выводѣ... пищаль мѣдная, мѣрю 4 аршина 2 вершка, вѣсу въ ней 35

---

[1]) *Кубасовъ:* Написание вкратцѣ о царяхъ московскихъ, о образѣхъ ихъ, и о возрастѣ і о нравѣхъ. См. Русскія достопамятности. 1815 г. ч. I. стр. 175.
[2]) День этотъ по нашему январскому счету не 1606 а 1605 г.
[3]) Дополн. къ акт. истор. т. VII. № 28. I.
[4]) Тамъ же № 51 т. V. стр. 308.
[5]) Тамъ же стр. 307.

Даже донскіе казаки того времени имѣли у себя пушечно-литейную мастерскую. „Пушки мѣдныя, какъ русскія, такъ и турецкія— наказывалъ Петръ въ февралѣ 1700 г. азовскому губернатору И. М. Апраксину—всѣ взять въ Москвѣ.... а оставить изъ мѣдныхъ, нѣмецкой работы и кои дѣланы ломовыя по разорваннымъ мѣстамъ въ Черкасскомъ“ [1]). Однако мѣдныя пушки „нѣмецкой работы“, упоминаемыя въ наказѣ Апраксину и подразумѣваемыя въ указѣ „компанствамъ,“ доказываютъ, что на Руси XVII вѣка, при довольно развитомъ литейномъ производствѣ и не маломъ количествѣ собственныхъ пушечныхъ мастеровъ, все-таки не могли обходиться еще безъ иностранцевъ. Это подтверждается съ одной стороны извѣстіемъ Котошихина, что иныя пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбургцы и привозятъ ихъ къ Архангельску [2]), а съ другой, доказывается слѣдующими пунктами собственноручной инструкціи царя Петра его „Великимъ Посламъ“ въ мартѣ 1697 г.: „Въ Любекъ послать для подряду литья 30 пушекъ, 24 мортировъ, 12 гоубицъ. А каковы тѣ вышеписанныя вѣсомъ и мѣрою, и тому изготовятся впередъ чертежи; сыскать пушечныхъ мастеровъ въ Москвѣ человѣкъ 3 или 4“ [3]). Отправившись же лично въ свитѣ Великихъ Пословъ за границу, царь Петръ, 7 января 1698 г., изъ Амстердама *доносилъ* князю Ѳед. Юр. Ромодановскому, какъ кесарю: „Въ Любкѣ (Любекѣ) велѣно сдѣлать къ службѣ вашей 8 гоубицъ, да 14 фелштукъ (полевыхъ пушекъ)“ [4]).

Какого рода была мѣдная артиллерія, привозившаяся на Русь XVII вѣка изъ-за моря, показываютъ слѣдующія статьи нарядныхъ описей 1677 г.: смоленской—„пищаль мѣдная, скорострѣльная, съ желѣзнымъ клиномъ, ядромъ полчетверты ($3^1/_2$) гривенки, длина 2 аршина безъ трехъ вершковъ; на ней у казны подпись по латинѣ; лита въ Любекѣ 1660 г.; на ней же уши съ личи-

---

[1]) *Устряловъ:* Истор. царств. Петра Великаго. т. III. стр. 448.
[2]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. гл. IX, стр. 10.
[3]) *Устряловъ:* Исторія царствованія Петра Великаго. т. III. стр. 9.
[4]) Тамъ же, стр. 484.

нами вѣсу 10 пуд. 10 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ.... пищаль (мѣдная) нѣмецкаго литья, на кругломъ станку съ вертлугомъ, ядромъ гривенка безъ чети ($^3/_4$ ф.), длина 2 арш. съ полувершкомъ; на ней гербъ съ каруною да уши съ личиною; подлѣ ушей и у дула травы; у казны подпись по латинѣ: лита въ Анбуркѣ (Гамбургѣ) въ 1662 г.; вѣсу 5 пуд. 30 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ“ [1]); кіевской — „двѣ пищали мѣдныя, Галанскія, мѣрю по 5 аршинъ безъ 5 вершковъ; вылито на нихъ образъ святого Георгія, а по латыни на нихъ же вылито подписи: 1635 г., мастеръ Евергардусъ Сплинтеръ, литы въ городѣ Енгузіе; къ нимъ по 200 ядеръ, вѣсомъ по пуду по 7 гривенокъ; станки и колеса окованы“ [2]).

Эту-то заграничную артиллерію находилъ несовсѣмъ удовлетворительною царь Петръ, недумавшій придерживаться и тѣхъ образцовъ русскаго пушечно-литейнаго искуства XVII вѣка, замѣчательнѣйшими памятниками, которыхъ остаются донынѣ слѣдующія мѣдныя орудія: мортира вѣсомъ 116 пуд. 32 ф., отлитая въ 1606 г. Андреемъ Чеховымъ и Проней Ѳедоровымъ. Съ памятникомъ этимъ, хранящимся въ московскомъ арсеналѣ [3]), соединено другое историческое воспоминаніе: въ 1700 г., когда, вслѣдствіе потери почти всей походной русской артиллеріи подъ Нарвою [4]), состоялось распоряженіе Петра о перелитьѣ множества древнихъ орудій въ полевыя пушки новой конструкціи, „Великій Государь — значится въ одномъ изъ документовъ 1703 г. — по именному своему указу, сего мортира переливать не указалъ“ [5]). Также Чехова работы пищаль 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 пудовъ, 1617 года; она была взята королемъ Карломъ XII въ городѣ Элбингѣ 3 декабря 1703 г.; изъ указа 17 октября 1723 г.

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. т. V. № 51. стр. 307.

[2]) Тамъ же, т. VII. № 28. I.

[3]) *Снегиревъ:* Памятн. москов. древ. стр. 315.

[4]) Въ несчастный день 19 ноября 1700 г. армія царя Петра подъ Нарвою имѣла съ собою: гаубицъ пудовыхъ 7; мортиръ 64; картаунъ 16; пушекъ отъ 3 фун. до пудоваго калибра 94, итого 181 орудіе. Изъ нихъ осталось тогда въ рукахъ шведовъ 145 орудій.

[5]) *Мурзакевичъ:* О пушечн.-литейн. иск. въ Росс. стр. 541.

Даже донскіе казаки того времени имѣли у себя пушечно-литейную мастерскую. „Пушки мѣдныя, какъ русскія, такъ и турецкія—наказывалъ Петръ въ февралѣ 1700 г. азовскому губернатору И. М. Апраксину—всѣ взять въ Москвѣ.... а оставить изъ мѣдныхъ, нѣмецкой работы и кои дѣланы ломовыя по разорваннымъ мѣстамъ въ Черкасскомъ“ [1]). Однако мѣдныя пушки „нѣмецкой работы“, упоминаемыя въ наказѣ Апраксину и подразумѣваемыя въ указѣ „компанствамъ,“ доказываютъ, что на Руси XVII вѣка, при довольно развитомъ литейномъ производствѣ и не маломъ количествѣ собственныхъ пушечныхъ мастеровъ, все-таки не могли обходиться еще безъ иностранцевъ. Это подтверждается съ одной стороны извѣстіемъ Котошихина, что иныя пушки подряжаются дѣлать голланды, любчане и гамбургцы и привозятъ ихъ къ Архангельску [2]), а съ другой, доказывается слѣдующими пунктами собственноручной инструкціи царя Петра его „Великимъ Посламъ“ въ мартѣ 1697 г.: „Въ Любекъ послать для подряду литья 30 пушекъ, 24 мортировъ, 12 гоубицъ. А каковы тѣ вышеписанныя вѣсомъ и мѣрою, и тому изготовятся впередъ чертежи; сыскать пушечныхъ мастеровъ въ Москвѣ человѣкъ 3 или 4“ [3]). Отправившись же лично въ свитѣ Великихъ Пословъ за границу, царь Петръ, 7 января 1698 г., изъ Амстердама *доносилъ* князю Ѳед. Юр. Ромодановскому, какъ кесарю: „Въ Любкѣ (Любекѣ) велѣно сдѣлать къ службѣ вашей 8 гоубицъ, да 14 фелштукъ (полевыхъ пушекъ)“ [4]).

Какого рода была мѣдная артиллерія, привозившаяся на Русь XVII вѣка изъ-за моря, показываютъ слѣдующія статьи нарядныхъ описей 1677 г.: смоленской—„пищаль мѣдная, скорострѣлная, съ желѣзнымъ клиномъ, ядромъ полчетверты ($3^1/_2$) гривенки, длина 2 аршина безъ трехъ вершковъ; на ней у казны подпись по латинѣ; лита въ Любекѣ 1660 г.; на ней же уши съ личи-

---

[1]) *Устряловъ:* Истор. царств. Петра Великаго. т. III. стр. 448.
[2]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. гл. IX, стр. 10.
[3]) *Устряловъ:* Исторія царствованія Петра Великаго. т. III. стр. 9.
[4]) Тамъ же, стр. 434.

нами вѣсу 10 пуд. 10 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ.... пищаль (мѣдная) нѣмецкаго литья, на кругломъ станку съ вертлугомъ, ядромъ гривенка безъ чети ($^3/_4$ ф.), длина 2 арш. съ полувершкомъ; на ней гербъ съ каруною да уши съ личиною; подлѣ ушей и у дула травы; у казны подпись по латинѣ: лита въ Анбуркѣ (Гамбургѣ) въ 1662 г.; вѣсу 5 пуд. 30 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ" [1]); кіевской — „двѣ пищали мѣдныя, Галанскія, мѣрю по 5 аршинъ безъ 5 вершковъ; вылито на нихъ образъ святого Георгія, а по латыни на нихъ же вылито подписи: 1635 г., мастеръ Евергардусъ Сплинтеръ, литы въ городѣ Енгузіе; къ нимъ по 200 ядеръ, вѣсомъ по пуду по 7 гривенокъ; станки и колеса окованы" [2]).

Эту-то заграничную артиллерію находилъ несовсѣмъ удовлетворительною царь Петръ, недумавшій придерживаться и тѣхъ образцовъ русскаго пушечно-литейнаго искуства XVII вѣка, замѣчательнѣйшими памятниками, которыхъ остаются донынѣ слѣдующія мѣдныя орудія: мортира вѣсомъ 116 пуд. 32 ф., отлитая въ 1606 г. Андреемъ Чеховымъ и Проней Ѳедоровымъ. Съ памятникомъ этимъ, хранящимся въ московскомъ арсеналѣ [3]), соединено другое историческое воспоминаніе: въ 1700 г., когда, вслѣдствіе потери почти всей походной русской артиллеріи подъ Нарвою [4]), состоялось распоряженіе Петра о перелитьѣ множества древнихъ орудій въ полевыя пушки новой конструкціи, „Великій Государь — значится въ одномъ изъ документовъ 1703 г.—по именному своему указу, сего мортира переливать не указалъ" [5]). Также Чехова работы пищаль 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 пудовъ, 1617 года; она была взята королемъ Карломъ XII въ городѣ Элбингѣ 3 декабря 1703 г.; изъ указа 17 октября 1723 г.

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. т. V. № 51. стр. 307.

[2]) Тамъ же, т. VII. № 28. I.

[3]) *Снегиревъ:* Памятн. москов. древ. стр. 315.

[4]) Въ несчастный день 19 ноября 1700 г. армія царя Петра подъ Нарвою имѣла съ собою: гаубицъ пудовыхъ 7; мортиръ 64; картаунъ 16; пушекъ отъ 3 фун. до пудоваго калибра 94, итого 181 орудіе. Изъ нихъ осталось тогда въ рукахъ шведовъ 145 орудій.

[5]) *Мурзакевичъ:* О пушечн.-литейн. иск. въ Росс. стр. 541.

видно, что пищаль эта, хранящаяся въ с.-петербургскомъ арсеналѣ [1]), вымѣнена въ Швеціи и доставлена въ С.-Петербургъ купцами Барсуковымъ и Аникіевымъ [2]), которымъ выдано за то по 7 руб. за пудъ изъ с.-петербургской рентереи [3]); единорогъ 2 пуд. калибра, вѣсомъ 779 пудовъ, отличной отдѣлки, 1670 г.; лилъ эту пушку мастеръ Мартьянъ Осиповъ, хранится въ московскомъ арсеналѣ [4]).

Паникадильныхъ мастеровъ, въ 1712 г. включенныхъ царемъ Петромъ въ штатъ чиновъ артиллерійскаго вѣдомства [5]), на Руси XVII вѣка по документамъ извѣстно всего 6 [6]), въ томъ числѣ одинъ иноземецъ, Іоанъ Госомъ, родомъ голландецъ, дѣлавшій 8 мѣдныхъ паникадилъ (хоросовъ) изъ 11, висящихъ между столбами московскаго Успенскаго собора [7]). Не считая этихъ хоросовъ, замѣчательнѣйшими донынѣ сохранившимися памятниками паникадильнаго искусства на Руси XVII вѣка остаются: мѣдное паникадило въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ [8]); такое же трехъ-ярусное, прекрасной работы, паникадило въ московской кремлевской церкви Словущаго Воскресенія, —о десяти перьяхъ и шандалахъ, съ помѣщенными между нихъ литыми изображеніями ангеловъ, держащихъ лиліи, и вдѣланнымъ въ нижнее яблоко циферблатомъ [9]); наконецъ, огромный, о 24 шандалахъ, хоросъ въ Антоніевѣ Сійскомъ монастырѣ, находящемся въ 159 вер. отъ г. Архангельска,—вкладъ патріарха Филарета, присланный монастырю въ 1624 г. и стоившій по тогдашней оцѣнкѣ 104 руб.

---

[1]) *М. Хмыровъ:* Артиллерія и Артиллеристы до-Петровской Руси, Артилл. Жур. 1865. № 9. Отд. IV, стр. 43.

[2]) Этому Аникіеву за патріотическое усердіе его въ пріобрѣтеніи артиллерійскихъ орудій отъ иноземцевъ царь Петръ приказалъ вылить статую—первый образецъ русскаго ваятельнаго искусства, находящуюся во дворѣ С.-Петербургскаго арсенала.

[3]) *Мурзакевичъ:* О пушеч. литейн. иск. въ Росс. стр. 542.

[4]) Тамъ же, стр. 546.—*Снегиревъ*: Памят. Моск. древн. стр. 315.—Артиллерія и Артиллеристы до-Петров. Руси, стр. 53

[5]) Полн. Собр. Зак. т. IV. № 2480.

[6]) *Сахаровъ:* Обозр. русс. археол. стр. 28—45. — *Забѣлинъ:* О металлическомъ произвед. въ Росс. до кон. XVII в. стр. 110–186.

[7]) *Снегиревъ*: Памят. москов. древн., стр. 31.

[8]) Древности Россійскаго Государства, Отд. I, № 70.

[9]) *Снегиревъ:* Памят. моск. древ. стр. 228.

60 к. [1]). Остальные мастера мѣдныхъ издѣлій, не бывшіе спеціально ни колокольными, ни пушечными, ни пиникадильными, назывались безразлично котельными, и къ нимъ причислялись рѣзчики.

Котельныхъ мастеровъ на Руси XVII вѣка по документамъ извѣстно 14, рѣзчиковъ 3, и всѣ они, кромѣ рѣзчика Богдана Исакова, именуемаго „иноземцемъ“, были русскіе [2]). Работы котельнымъ мастерамъ того времени было не мало, потому что мѣдь была давно уже во всеобщемъ употребленіи и мѣдныя издѣлія составляли одну изъ первыхъ необходимостей самаго небогатаго быта. Въ этомъ отношеніи котельнымъ мастерамъ не могъ составить никакого особеннаго благополучія апрѣльскій наказъ 1649 г., которымъ объѣзжему головѣ, съ подъячимъ и рѣшеточными приказчиками, повелѣвалось: „въ своемъ объѣздѣ, сказать всякихъ чиновъ людемъ, чтобъ пожиточные люди, для береженья отъ пожарнаго времени, держали во дворѣхъ своихъ водоливныя трубы мѣдныя“ [3])…. Котельныхъ мастеровъ интересовали гораздо болѣе необязательныя надобности „пожиточныхъ людей“, такихъ, напримѣръ, какъ патріархъ Никонъ, въ описи имущества котораго подъ рубрикой: „суды мѣдные“ читаемъ перечень вещей, вполнѣ характеризующій и объясняющій объемъ мѣдно-котельнаго дѣла на Руси XVII вѣка [4]). Въ имущественныхъ описяхъ частныхъ людей XVII

---

[1]) *Вальневъ:* Сійскій мон. св. Антонія. Изъ путевыхъ зап. См. Отеч. Зап. 1841. стр. 16.

[2]) *Сахаровъ:* Обозр. русс. археол., стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О метал. производ. въ Росс. до кон. XVII в., стр. 110—136.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. I, № 6.

[4]) Вотъ этотъ перечень: „Шесть братинъ мѣдныхъ луженыхъ, гладкихъ и чешуйчатыхъ. Пять укрупниковъ (т. е. укропниковъ) мѣдныхъ, маленькихъ. Пятнадцать чарокъ мѣдныхъ луженыхъ съ лепестми. Мѣдныхъ всякихъ судовъ вѣсу десять пудъ шестнадцать гривенокъ. И въ томъ числѣ: четырнадцать сковородокъ большихъ съ трубками; двадцать семь сковородокъ среднихъ съ трубками; десять сковородокъ меньше тѣхъ съ трубками; двадцать пять сковородокъ среднихъ и меньшихъ луженыхъ съ лепестьми; девять чашъ водоосвященныхъ мѣдныхъ же луженыхъ съ поддонами и съ кольцами; семь чашъ ломпадныхъ луженыхъ; пять котловъ мѣдныхъ; двадцать сковородокъ большихъ и среднихъ и малыхъ, въ нихъ лужено, съ руковедми; ставъ большой мѣдной луженой на оба лица; двѣ лохани мѣдныхъ большихъ; лохань малая; вѣко съ руковедми мѣдное; шесть сковородокъ нелуженыхъ безъ руковедей; ендова большая; ендова средняя; чаша мѣдная, бывала надъ паникадиломъ; два кунгана мѣдныхъ, вѣсу 14 гривенокъ; три трубы мѣдныхъ водоливныхъ, вѣсу 18 гривенокъ; сковорода мѣдная, вѣсомъ 9 гривенокъ; сковородка да братина мѣдные полужены, вѣсомъ полтретьи ($2^1/_2$) гривенки; иготь съ толкачекомъ мѣдные“.

вѣка, между прочимъ, находимъ: у зажиточнаго посадскаго—„два котла мѣдные, ведръ по пяти; три горшка мѣдные жъ, одинъ ведра въ два, а другой ведра въ полтора, третій въ ведро.... да въ анбаре: котелъ мѣдный болшой, ведръ въ пятьдесять.... три безмѣна мѣдные" [1]); у крестьянина—„кореникъ, обложенъ нерпомъ, окованъ желѣзомъ, а въ немъ: горшечикъ, ставчикъ, чарка, чернилница, рванчики ломаные, все мѣдное, вѣсомъ полтретья (2½) фунта" [2]). Задѣльная плата мѣдникамъ того времени видна изъ слѣдующаго: 29 октября 1634 г. въ Рязани „дано котельнику Ждану Савельеву десять денегъ за мѣдь, подѣлывалъ онъ домовыхъ два котла винныхъ [3]).

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ русскаго мѣдно-котельнаго мастерства XVII вѣка остается до сихъ поръ мѣдный шатеръ надъ ризою Господней въ югозападномъ углу московскаго Успенскаго собора, между святительскими гробницами, устроенный въ 1624 г., по указу царя Михаила Ѳедоровича, котельнаго дѣла старостою Дмитріемъ Сверчковымъ. Шатеръ этотъ имѣетъ квадратную фигуру; его полотна состоятъ изъ мѣдныхъ рѣшотокъ съ прорѣзными травами, нѣкогда подложенныхъ изнутри слюдою; на четырехъ углахъ шатра онѣ соединены витыми столбиками; вмѣсто карнизовъ, сдѣланы теремки и закомары; кровля шатровая шахматомъ, изъ мѣдныхъ золоченыхъ и желѣзныхъ посеребреныхъ листовъ, на верху ея деревянный крестъ съ серебрянымъ распятіемъ; вышина этого узорочнаго шатра 9 арш. 13½ верш., ширина 4 арш. 8½ верш.; сдѣланъ онъ въ 1624 г. [4]). Заслуживаютъ также вниманія въ Рисположенской церкви московскаго

Кромѣ того, у святѣйшаго патріарха имѣлось: „пять гривенокъ красной листовой мѣди; 2 пуд. 23 грив. мѣди шкилевой; ломаной и горѣлой и всякой мѣди и вѣтоши, въ разныхъ мѣстахъ, вѣсу 6 пуд. 28 гривенокъ". — Переписная книга домовой казны патріарха Никона. См. Временникъ Имп. Общ. истор. и др. росс. 1852. кн. XV. Матеріалы I. стр. 69.

[1]) Опись имѣнія богатаго вологжанина, посадскаго челов. Ив. Скрябина, составленная въ 1672 г. См. Извѣстія Им. Археол. Об. 1861. т. III, вып. I, стр. 60.

[2]) Опись стариннаго крестьянскаго имѣнія въ XVII ст. Тамъ же, стр. 62.

[3]) Выпись изъ расходной книги за 1634 г. по рязанскому архіерейскому дому. Тамъ же, т. II, стр. 323.

[4]) *Снегиревъ:* Памятн. москов. древн. стр. 31.

кремля мѣдныя на левинахъ, вышиною въ $1^1/_4$ арш., поддоны четырехъ „поставныхъ тощихъ свѣчей“ передъ мѣстными иконами, покрытые узловатыми надписями вязью, означающими, что поддоны эти устроены патріархомъ Іосифомъ въ 1643 и 1645 гг. [1]). Но еще любопытнѣе водосвятная чаша, находящаяся въ вологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ,—мѣдная, чеканной работы; внутри, на срединѣ дна чаши, утвержденъ кружокъ, покрытый узорчатой рѣзьбою; въ 1689 г. чаша стоила 15 руб., въ 1658 г. она вызолочена черезъ огонь [2]).

---

[1]) *Снегиревъ:* Памят. москов. древн. стр. 161.

[2]) *Суворовъ:* Водосвятная чаша вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря. См. Извѣстія Им. Археол. общ. 1861, т. III, в. IV, стр. 285.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

(Продолженіе).

Желѣзное производство.—Виніусъ.—Торговля желѣзомъ.—Открытіе рудъ на Уралѣ и въ Сибири.—Основаніе заводовъ около Тулы, Каширы, Верхотурья и въ Олонецкомъ краѣ.—Исторія заводовъ Акемы, Марселиса, Розенбуша и Морозова.—Отношеніе къ желѣзному производству правительства.

Желѣзо на Руси XVII вѣка было металломъ довольно распространеннымъ, который, издавна пріискиваясь на мѣстѣ, не могъ уже оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ кузнечнаго промысла и выдвигался на широкій путь заводской обработки. Сдѣлать эту дорогу болѣе или менѣе торною—зависѣло отъ доброй воли, такъ какъ самый металлъ во многихъ мѣстностяхъ русскихъ владѣній, особенно въ приуральѣ, находится въ изобиліи. Изучить собственные запасы рудъ и приспособить ихъ къ практическимъ цѣлямъ въ будущемъ—сдѣлалось почтенною государственною заслугою русскихъ горныхъ людей. Но они, въ большей части случаевъ, оказывались тогда неподготовленными къ дѣлу ни практически, ни, тѣмъ менѣе, научно, къ тому же нерѣдко имѣли въ виду исключительно свои личныя выгоды. Только Андрей Андреевичъ Виніусъ, думный дьякъ и начальникъ Сибирскаго Приказа, — одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ, но до сихъ поръ мало оцѣненныхъ сотрудниковъ Петра, повидимому, понималъ истинное значеніе желѣзнаго вопроса на Руси XVII вѣка и относился къ нему какъ слѣдуетъ. Такъ, напримѣръ, извѣстивъ съ радостью Петра объ отысканіи

въ Сибири, близъ Верхотурья и Тобольска, желѣзныхъ магнитныхъ рудъ — чѣмъ самымъ вызвалъ указъ 10 іюня 1697 г. о построеніи въ тѣхъ мѣстахъ большихъ желѣзныхъ заводовъ, „для того, что, по свидѣтельству заморскихъ опытовъ, та руда богата и желѣзо выходитъ самое доброе“ [1])—Виніусъ не остановился, подобно многимъ другимъ начальникамъ, на починѣ дѣла, но черезъ два мѣсяца послѣ изданія этого указа уже просилъ царя, находившагося за границею, о наймѣ на возникающіе заводы иностранныхъ мастеровъ и, какъ-бы въ оправданіе своей просьбы, восторженно доносилъ Петру, отъ 6 августа 1697 г.: „желѣзо предивное изъ магнита. Изволь довѣдаться; мню, отъ бытія міра заводовъ изъ магнита не бывало.“ „Min Her Vinius, отвѣчалъ на это царь, отъ 10 сентября, изъ Амстердама:—Письма твои августа 6 и 13 дней мнѣ отданы, въ которыхъ пишешь ваша милость о мастерахъ: изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружье и замки зѣло доброе, сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а мастеровъ же, которые льютъ пушки, бомбы и прочее, еще не сыскали; а какъ сыщемъ, пришлемъ, не мѣшкавъ“ [2]). Царь и подданный хорошо понимали другъ друга. Но, къ сожалѣнію, Виніусы были тогда рѣдкостью. Въ безкорыстномъ и разумномъ служеніи дѣлу съ Виніусомъ не могли равняться ни Марселисы и Акемы временъ царей Михаила и Алексѣя, ни даже пресловутый Никита Демидовичъ Антуфьевъ.

Въ XVII вѣкѣ русское желѣзо имѣло уже свои, такъ сказать, фамильныя произвища. Наказъ Большой Московской таможнѣ, обнародованный въ іюнѣ 1681 г., узаконяетъ правила насчетъ проѣзда въ столицу „московскихъ иногородныхъ и уѣздныхъ торговыхъ людей“ съ разными товарами, между прочимъ, „со всякимъ дѣланымъ и недѣланымъ *Устюжскимъ*, и *Коряковскимъ*, и *Тихвинскимъ*, и *Тульскимъ* и иныхъ городовъ съ желѣзомъ, и съ укладомъ (сталью)“ [3]). Названія эти относятся преимущественно

---

[1]) Акты Историч. т. 5, № 267. Полн. Собр. Зак. т. III, № 1588.
[2]) *Устряловъ:* Истор. царств. П. В. т. III, стр. 522.
[3]) Полн. Собр. Зак. т. II, № 873.

пудъ; въ 1629 г. дѣлалъ мастеръ Кондратей Михайловъ; къ ней 68 ядеръ, вѣсомъ по 4 гривенки; станокъ и колеса окованы" [1]).

Образчики артиллеріи царя Алексѣя Михайловича въ описи смоленскаго наряда значатся такъ: „четыре пищали мѣдныя, верховыя, руского литья, безъ станковъ, длиною по аршину съ четью; на нихъ вылиты кресты въ травахъ, въ 1655 г. лилъ Ѳедоръ Аникіевъ, вѣсомъ: первая 36 пудъ 20 гривенокъ, другая 35 пудъ 20 гривенокъ, третья 36 пудъ, четвертая 35 пудъ 20 гривенокъ.... Пищаль мѣдная Руского литья, въ станку на колесахъ, ядромъ 2 гривенки, длина 2 аршина безъ шти (6) вершковъ; на ней вылитъ крестъ, 1654 года; на ней же у казны вылитъ левъ да инрогъ (единорогъ) въ травахъ, да уши съ личинами, а подлѣ ушей и у дула травы; лилъ пищаль Иванъ Тимофеевъ; вѣсу 9 пудовъ 10 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ [2]) Въ 1679 г., третьемъ шестилѣтняго царствованія Ѳедора Алексѣевича, видимъ, по разрядамъ, „московскаго выборнаго генерала въ Матвѣевѣ полку Осиповича Кравкова.... 20 пушекъ мѣдныхъ, длиною по 3 аршина по 7 вершковъ; ядро по 2 гривенки; на вертлюгахъ, на цвѣтныхъ станкахъ, станки и колеса окованы [3]). Царь Петръ еще 11-ти лѣтнимъ отрокомъ забавлялся игрушками артиллерійскаго характера, какъ показываетъ это одна современная записка, гдѣ сказано, что 4 іюля 1683 г. стольникъ Гавр. Ив. Головкинъ (впослѣдствіи графъ и канцлеръ) „выдалъ отъ Государя изъ хоромъ въ починку: шестнадцать пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ.... три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдные" [4]). Сдѣлавшись единодержавнымъ, царь Петръ немедленно распространилъ производство мѣднопушечнаго дѣла и на Малороссію, гдѣ въ одномъ и томъ же 1697 г. отлиты туземными учениками московскихъ мастеровъ: „пушка мѣдная, вѣсомъ 208 пуда 30 ф., съ двумя по сторонамъ кольцами, 1697 года; Карпъ

---

[1]) Дополн. къ актамъ историч. т. VII. № 28. стр. 163—164.
[2]) Тамъ же, т. VII. № 28. стр. 163—164.
[3]) Книги разрядныя, т. II. стр. 1313.
[4]) *Забѣлинъ*: О дѣтствѣ Петра Великаго. См. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1854. кн. III, стр. 174.

тому же, что съ Руских людей; а велѣти тѣмъ Татаромъ и Черемисѣ торговати и мѣняти всякіе товары, опричь заповѣдныхъ товаровъ мѣди, и *желѣза*, и олова и свинцу, и зелья пушечного и пищалного, и сѣры горячія" [1].... Стало быть, европейцы XVII вѣка, которыхъ Гороховецкая таможенная грамота не касалась, имѣли случай ознакомиться съ русскимъ желѣзомъ, и не пренебрегли имъ; иначе, въ извѣстной намъ „Книжкѣ описательной" редакціи 1610 г. мы не читали бы подъ рубрикой: *Память, какъ продать товаръ Русской въ Нѣмцехъ* слѣдующихъ статей именно желѣзнаго торга: „Гвоздья сапожнаго 30,000 купять Вологдѣ по 3 рубля, ино 1000 станетъ въ 10 денегъ. Укладу Новгородскаго добраго, на ломъ, купять за 1000 вершковъ по 10 рублей, а веретено станетъ по 1 деньги. Укладъ Тихвинской за 1000 купять въ четыре и въ четыре съ половиною рубля, по тому и по цѣнѣ смотря. Укладъ Корѣльской купять пудъ въ 20 алтынъ, а коли дорого въ 23 алтына съ деньгою. Сошное желѣзо купять большой руки сотню въ 7 рублей, въ 7 съ половиною и въ 8, по желѣзу смотря; а средней руки 10 сохъ купять въ 23 алтына съ деньгою, въ 25 и 27" [2]). Но такъ называемые нѣмцы, т. е. иностранцы, въ накладѣ отъ того не оставались, потому что Русь XVII вѣка, хотя имѣвшая давно собственное желѣзо, все-таки не могла имъ удовлетворяться и, продолжая получать изъ-за границы — отъ шведовъ, голландцевъ, англичанъ, даже персовъ, разныя желѣзныя и стальныя издѣлія, особенно оружіе, нѣкоторымъ образомъ зависѣла по этому предмету отъ иностранцевъ.

Въ той же „Книжкѣ описательной" находимъ такую оцѣнку иностранныхъ привозныхъ желѣзныхъ издѣлій: „Ножи стальные (въ XVI в. стырскіе), черенья желтые, купять 100 паръ въ 20 алтынъ. Ножи Чатцкіе, черенья черные, купять 100 паръ 40 алтынъ. Ножи Свитцкіе, черенья черные, одна сторона сандальная, а другая бѣлая, купять 100 паръ въ 2 рубли. Ножи Угор-

---

[1]) Акты Археогр. Экспед. т. III, № 241.
[2]) Торговая книга. См. Зап. От. Рус. и Сл. Арх. Имп. Арх. Общ. 1851 т. I, стр. 136.

Даже донскіе казаки того времени имѣли у себя пушечно-литейную мастерскую. „Пушки мѣдныя, какъ русскія, такъ и турецкія— наказывалъ Петръ въ февралѣ 1700 г. азовскому губернатору И. М. Апраксину—всѣ взять въ Москвѣ.... а оставить изъ мѣдныхъ, нѣмецкой работы и кои дѣланы лоновыя по разорваннымъ мѣстамъ въ Черкасскомъ“ [1]). Однако мѣдныя пушки „нѣмецкой работы“, упоминаемыя въ наказѣ Апраксину и подразумѣваемыя въ указѣ „компанствамъ,“ доказываютъ, что на Руси XVII вѣка, при довольно развитомъ литейномъ производствѣ и не маломъ количествѣ собственныхъ пушечныхъ мастеровъ, все-таки не могли обходиться еще безъ иностранцевъ. Это подтверждается съ одной стороны извѣстіемъ Котошихина, что иныя пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбургцы и привозятъ ихъ къ Архангельску [2]), а съ другой, доказывается слѣдующими пунктами собственноручной инструкціи царя Петра его „Великимъ Посламъ“ въ мартѣ 1697 г.: „Въ Любекъ послать для подряду литья 30 пушекъ, 24 мортировъ, 12 гоубицъ. А каковы тѣ вышеписанныя вѣсомъ и мѣрою, и тому изготовятся впередъ чертежи; сыскать пушечныхъ мастеровъ въ Москвѣ человѣкъ 3 или 4“ [3]). Отправившись же лично въ свитѣ Великихъ Пословъ за границу, царь Петръ, 7 января 1698 г., изъ Амстердама *доносилъ* князю Ѳед. Юр. Ромодановскому, какъ кесарю: „Въ Любкѣ (Любекѣ) велѣно сдѣлать къ службѣ вашей 8 гоубицъ, да 14 фелштукъ (полевыхъ пушекъ)“ [4]).

Какого рода была мѣдная артиллерія, привозившаяся на Русь XVII вѣка изъ-за моря, показываютъ слѣдующія статьи нарядныхъ описей 1677 г.: смоленской—„пищаль мѣдная, скорострѣльная, съ желѣзнымъ клиномъ, ядромъ полчетверты ($3^1/_2$) гривенки, длина 2 аршина безъ трехъ вершковъ; на ней у казны подпись по латинѣ; лита въ Любекѣ 1660 г.; на ней же уши съ личи-

---

[1]) *Устряловъ:* Истор. царств. Петра Великаго. т. III. стр. 448.
[2]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. гл. IX, стр. 10.
[3]) *Устряловъ:* Исторія царствованія Петра Великаго. т. III. стр. 9.
[4]) Тамъ же, стр. 434.

нами вѣсу 10 пуд. 10 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ.... пищаль (мѣдная) нѣмецкаго литья, на кругломъ станку съ вертлугомъ, ядромъ гривенка безъ чети ($^{3}/_{4}$ ф.), длина 2 арш. съ полувершкомъ; на ней гербъ съ каруною да уши съ личиною; подлѣ ушей и у дула травы; у казны подпись по латинѣ: лита въ Анбуркѣ (Гамбургѣ) въ 1662 г.; вѣсу 5 пуд. 30 гривенокъ; къ ней 100 ядеръ" [1]); кіевской — „двѣ пищали мѣдныя, Галанскія, мѣрю по 5 аршинъ безъ 5 вершковъ; вылито на нихъ образъ святого Георгія, а по латыни на нихъ же вылито подписи: 1635 г., мастеръ Евергардусъ Сплинтеръ, литы въ городѣ Енгузіе; къ нимъ по 200 ядеръ, вѣсомъ по пуду по 7 гривенокъ; станки и колеса окованы" [2]).

Эту-то заграничную артиллерію находилъ несовсѣмъ удовлетворительною царь Петръ, недумавшій придерживаться и тѣхъ образцовъ русскаго пушечно-литейнаго искуства XVII вѣка, замѣчательнѣйшими памятниками, которыхъ остаются донынѣ слѣдующія мѣдныя орудія: мортира вѣсомъ 116 пуд. 32 ф., отлитая въ 1606 г. Андреемъ Чеховымъ и Проней Ѳедоровымъ. Съ памятникомъ этимъ, хранящимся въ московскомъ арсеналѣ [3]), соединено другое историческое воспоминаніе: въ 1700 г., когда, вслѣдствіе потери почти всей походной русской артиллеріи подъ Нарвою [4]), состоялось распоряженіе Петра о перелитьѣ множества древнихъ орудій въ полевыя пушки новой конструкціи, „Великій Государь — значится въ одномъ изъ документовъ 1703 г. — по именному своему указу, сего мортира переливать не указалъ" [5]). Также Чехова работы пищаль 24 ф. калибра, вѣсомъ 220 пудовъ, 1617 года; она была взята королемъ Карломъ XII въ городѣ Элбингѣ 3 декабря 1703 г.; изъ указа 17 октября 1723 г.

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. т. V. № 51. стр. 307.
[2]) Тамъ же, т. VII. № 28. I.
[3]) *Снегиревъ:* Памятн. москов. древ. стр. 315.
[4]) Въ несчастный день 19 ноября 1700 г. армія царя Петра подъ Нарвою имѣла съ собою: гаубицъ пудовыхъ 7; мортиръ 64; картаунъ 16; пушекъ отъ 3 фун. до пудоваго калибра 94, итого 181 орудіе. Изъ нихъ осталось тогда въ рукахъ шведовъ 145 орудій.
[5]) *Мурзакевичъ:* О пушечн.-литейн. иск. въ Росс. стр. 541.

видно, что пищаль эта, хранящаяся въ с.-петербургскомъ арсеналѣ [1]), вымѣнена въ Швеціи и доставлена въ С.-Петербургъ купцами Барсуковымъ и Аникіевымъ [2]), которымъ выдано за то по 7 руб. за пудъ изъ с.-петербургской рентереи [3]); единорогъ 2 пуд. калибра, вѣсомъ 779 пудовъ, отличной отдѣлки, 1670 г.; лилъ эту пушку мастеръ Мартьянъ Осиповъ, хранится въ московскомъ арсеналѣ [4]).

Паникадильныхъ мастеровъ, въ 1712 г. включенныхъ царемъ Петромъ въ штатъ чиновъ артиллерійскаго вѣдомства [5]), на Руси XVII вѣка по документамъ извѣстно всего 6 [6]), въ томъ числѣ одинъ иноземецъ, Іоанъ Госомъ, родомъ голландецъ, дѣлавшій 8 мѣдныхъ паникадилъ (хоросовъ) изъ 11, висящихъ между столбами московскаго Успенскаго собора [7]). Не считая этихъ хоросовъ, замѣчательнѣйшими донынѣ сохранившимися памятниками паникадильнаго искусства на Руси XVII вѣка остаются: мѣдное паникадило въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ [8]); такое же трехъ-ярусное, прекрасной работы, паникадило въ московской кремлевской церкви Словущаго Воскресенія, —о десяти перьяхъ и шандалахъ, съ помѣщенными между нихъ литыми изображеніями ангеловъ, держащихъ лиліи, и вдѣланнымъ въ нижнее яблоко циферблатомъ [9]); наконецъ, огромный, о 24 шандалахъ, хоросъ въ Антоніевѣ Сійскомъ монастырѣ, находящемся въ 159 вер. отъ г. Архангельска,—вкладъ патріарха Филарета, присланный монастырю въ 1624 г. и стоившій по тогдашней оцѣнкѣ 104 руб.

---

[1]) *М. Хмыровъ:* Артиллерія и Артиллеристы до-Петровской Руси, Артилл. Жур. 1865. № 9. Отд. IV, стр. 43.

[2]) Этому Аникіеву за патріотическое усердіе его въ пріобрѣтеніи артиллерійскихъ орудій отъ иноземцевъ царь Петръ приказалъ вылить статую—первый образецъ русскаго ваятельнаго искусства, находящуюся во дворѣ С.-Петербургскаго арсенала.

[3]) *Мурзакевичъ:* О пушеч. литейн. иск. въ Росс. стр. 542.

[4]) Тамъ же, стр. 546.—*Снегиревъ*: Памят. Моск. древн. стр. 315.—Артиллерія и Артиллеристы до-Петров. Руси, стр. 53

[5]) Полн. Собр. Зак. т. IV. № 2480.

[6]) *Сахаровъ:* Обозр. русс. археол. стр. 28—45. — *Забѣлинъ:* О металлическомъ производ. въ Росс. до кон. XVII в. стр. 110—136.

[7]) *Снегиревъ*: Памят. москов. древн., стр. 31.

[8]) Древности Россійскаго Государства, Отд. I, № 70.

[9]) *Снегиревъ:* Памят. моск. древ. стр. 228.

60 к. [1]). Остальные мастера мѣдныхъ издѣлій, не бывшіе спеціально ни колокольными, ни пушечными, ни пиникадильными, назывались безразлично котельными, и къ нимъ причислялись рѣзчики.

Котельныхъ мастеровъ на Руси XVII вѣка по документамъ извѣстно 14, рѣзчиковъ 3, и всѣ они, кромѣ рѣзчика Богдана Исакова, именуемаго „иноземцемъ", были русскіе [2]). Работы котельнымъ мастерамъ того времени было не мало, потому что мѣдь была давно уже во всеобщемъ употребленіи и мѣдныя издѣлія составляли одну изъ первыхъ необходимостей самаго небогатаго быта. Въ этомъ отношеніи котельнымъ мастерамъ не могъ составить никакого особеннаго благополучія апрѣльскій наказъ 1649 г., которымъ объѣзжему головѣ, съ подъячимъ и рѣшеточными приказчиками, повелѣвалось: „въ своемъ объѣздѣ, сказать всякихъ чиновъ людемъ, чтобъ пожиточные люди, для береженья отъ пожарнаго времени, держали во дворѣхъ своихъ водоливныя трубы мѣдныя" [3])…. Котельныхъ мастеровъ интересовали гораздо болѣе необязательныя надобности „пожиточныхъ людей", такихъ, напримѣръ, какъ патріархъ Никонъ, въ описи имущества котораго подъ рубрикой: „суды мѣдные" читаемъ перечень вещей, вполнѣ характеризующій и объясняющій объемъ мѣдно-котельнаго дѣла на Руси XVII вѣка [4]). Въ имущественныхъ описяхъ частныхъ людей XVII

---

[1]) *Вальневъ:* Сійскій мон. св. Антонія. Изъ путевыхъ зап. См. Отеч. Зап. 1841. стр. 16.

[2]) *Сахаровъ:* Обозр. русс. археол., стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О метал. производ. въ Росс. до кон. XVII в., стр. 110—136.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. I, № 6.

[4]) Вотъ этотъ перечень: „Шесть братинъ мѣдныхъ луженыхъ, гладкихъ и чешуйчатыхъ. Пять укрупниковъ (т. е. укропниковъ) мѣдныхъ, маленькихъ. Пятнадцать чарокъ мѣдныхъ луженыхъ съ лепестми. Мѣдныхъ всякихъ судовъ вѣсу десять пудъ шестнадцать гривенокъ. И въ томъ числѣ: четырнадцать сковородокъ большихъ съ трубками; двадцать семь сковородокъ среднихъ съ трубками; десять сковородокъ меньше тѣхъ съ трубками; двадцать пять сковородокъ среднихъ и меньшихъ луженыхъ съ лепестьми; девять чашъ водоосвященныхъ мѣдныхъ же луженыхъ съ поддонами и съ кольцами; семъ чашъ ломпадныхъ луженыхъ; пять котловъ мѣдныхъ; двадцать сковородокъ большихъ и среднихъ и малыхъ, въ нихъ лужено, съ руковедми; ставъ большой мѣдной луженой на оба лица; двѣ лохани мѣдныхъ большихъ; лохань малая; вѣко съ руковедми мѣдное; шесть сковородокъ нелуженыхъ безъ руковедей; ендова большая; ендова средняя; чаша мѣдная, бывала надъ паникадиломъ; два кунгана мѣдныхъ, вѣсу 14 гривенокъ; три трубы мѣдныхъ водоливныхъ, вѣсу 18 гривенокъ; сковорода мѣдная, вѣсомъ 9 гривенокъ; сковородка да братина мѣдные полужены, вѣсомъ полтретьи ($2^1/_2$) гривенки; иготь съ толкачекомъ мѣдные".

вѣка, между прочимъ, находимъ: у зажиточнаго посадскаго—„два котла мѣдные, ведръ по пяти; три горшка мѣдные жъ, одинъ ведра въ два, а другой ведра въ полтора, третій въ ведро.... да въ анбаре: котелъ мѣдный болшой, ведръ въ пятьдесять.... три безмѣна мѣдные“ [1]); у крестьянина—„кореникъ, обложенъ нерпомъ, окованъ желѣзомъ, а въ немъ: горшечикъ, ставчикъ, чарка, чернилница, рванчики ломаные, все мѣдное, вѣсомъ полтретья ($2^1/_2$) фунта“ [2]). Задѣльная плата мѣдникамъ того времени видна изъ слѣдующаго: 29 октября 1634 г. въ Рязани „дано котельнику Ждану Савельеву десять денегъ за мѣдь, подѣлывалъ онъ домовыхъ два котла винныхъ [3]).

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ русскаго мѣдно-котельнаго мастерства XVII вѣка остается до сихъ поръ мѣдный шатеръ надъ ризою Господней въ югозападномъ углу московскаго Успенскаго собора, между святительскими гробницами, устроенный въ 1624 г., по указу царя Михаила Ѳедоровича, котельнаго дѣла старостою Дмитріемъ Сверчковымъ. Шатеръ этотъ имѣетъ квадратную фигуру; его полотна состоятъ изъ мѣдныхъ рѣшотокъ съ прорѣзными травами, нѣкогда подложенныхъ изнутри слюдою; на четырехъ углахъ шатра онѣ соединены витыми столбиками; вмѣсто карнизовъ, сдѣланы теремки и закомары; кровля шатровая шахматомъ, изъ мѣдныхъ золоченыхъ и желѣзныхъ посеребреныхъ листовъ, на верху ея деревянный крестъ съ серебрянымъ распятіемъ; вышина этого узорочнаго шатра 9 арш. $13^1/_2$ верш., ширина 4 арш. $8^1/_2$ верш.; сдѣланъ онъ въ 1624 г. [4]). Заслуживаютъ также вниманія въ Ризположенской церкви московскаго

Кромѣ того, у святѣйшаго патріарха имѣлось: „пять гривенокъ красной листовой мѣди; 2 пуд. 23 грив. мѣди шкилевой; ломаной и горѣлой и всякой мѣди и вѣтоши, въ разныхъ мѣстахъ, вѣсу 6 пуд. 28 гривенокъ“. — Переписная книга домовой казны патріарха Никона. См. Временникъ Имп. Общ. истор. и др. росс. 1852. кн. XV. Матеріалы I. стр. 69.

[1]) Опись имѣнія богатаго вологжанина, посадскаго челов. Ив. Скрябина, составленная въ 1672 г. См. Извѣстія Им. Археол. Об. 1861. т. III, вып. I, стр. 60.

[2]) Опись стариннаго крестьянскаго имѣнія въ XVII ст. Тамъ же, стр. 62.

[3]) Выпись изъ расходной книги за 1634 г. по рязанскому архіерейскому дому. Тамъ же, т. II, стр. 323.

[4]) *Снегиревъ:* Памятн. московск. древн. стр. 31.

кремля мѣдныя на левинахъ, вышиною въ 1¼ арш., поддоны четырехъ „поставныхъ тощихъ свѣчей“ передъ мѣстными иконами, покрытые узловатыми надписями вязью, означающими, что поддоны эти устроены патріархомъ Іосифомъ въ 1643 и 1645 гг. [1]). Но еще любопытнѣе водосвятная чаша, находящаяся въ вологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ,—мѣдная, чеканной работы; внутри, на срединѣ дна чаши, утвержденъ кружокъ, покрытый узорчатой рѣзьбою; въ 1689 г. чаша стоила 15 руб., въ 1658 г. она вызолочена черезъ огонь [2]).

---

[1]) *Снегиревъ:* Памят. москов. древн. стр. 161.
[2]) *Суворовъ:* Водосвятная чаша вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря. См. Извѣстія Им. Археол. общ. 1861, т. III, в. IV, стр. 285.

мени царствованія Михаила Ѳедоровича, когда торговый иноземецъ Андрей Денисовичъ Виніусъ, отецъ думнаго дьяка временъ Петровыхъ, переселившійся въ Москву изъ Голландіи, предпринялъ постройку дѣйствующаго водою завода для отливки чугунныхъ издѣлій и выдѣлки желѣза по иностранному способу; хотя еще съ XVI вѣка попадаются уже свѣдѣнія о разработкѣ желѣзныхъ рудъ въ нынѣшнихъ уѣздахъ боровскомъ и малоярославецкомъ калужской губерніи. По окончаніи надлежащихъ развѣдокъ, Виніусъ съ братомъ своимъ, Авраамомъ, и товарищемъ купцомъ Елисеемъ Вилькенсономъ, подали царю Михаилу челобитную о дозволеніи построить заводъ въ окрестностяхъ Тулы. Отвѣтомъ на это была царская грамота 29 февраля 1632 г., дозволявшая челобитчикамъ поставить „мельничные“ (т. е. вододѣйствующіе) заводы, для обработки желѣзной руды въ доменныхъ печахъ (впервые введенныхъ въ Россіи) въ чугунъ и желѣзо, съ тѣмъ чтобъ изъ чугуна лить пушки, ядра и котлы, а изъ желѣза выковывать доски (листы) и прутья (полосы), „дабы—гласила грамота—впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно; а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать“. Въ облегченіе предпринимаемаго челобитчиками дѣла, положено выдавать изъ казны ежегодно по 3 тыс. руб., которыя долженствовали возвращаться въ казну желѣзомъ и чугуннымъ литьемъ. Кромѣ того, будущіе заводы, со времени начатія дѣйствія ихъ, освобождены на 10 лѣтъ отъ платежа оброчныхъ денегъ; наконецъ, обезпечены запрещеніемъ кому бы то ни было строить на Руси подобные заводы въ теченіе того же льготнаго срока.

Поставивъ въ 12 вер. отъ Тулы, при 4-хъ плотинахъ рѣчки Тулицы, четыре завода, названные Городищенскими, и получая руду въ 5 вер. отъ Дѣдилова, Виніусъ вошелъ въ большіе долги, которыхъ не умаляла приписка къ его заводамъ цѣлой Соломенской волости въ 347 душъ. Это побудило Виніуса прибѣгнуть къ денежному займу у датскаго коммисара, Петра Гавриловича

Марселиса, родомъ голландца, и у голландскаго гостя, Филимона Филимоновича Акемы [1]), которыхъ онъ, вмѣсто уплаты долга, взялъ съ 1639 г. [2]) въ товарищи. Однако новые товарищи не дальше, какъ въ 1643 г., помимо Виніуса, просили о дозволеніи имъ строить другіе заводы въ отдаленіи отъ Тулы, именно: на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ, „гдѣ только удобныя сыщутъ". Въ 1644 г. они получили отъ царя Михаила Ѳедоровича грамоту на владѣніе будущими заводами, безъ платежа оброка и пошлинъ въ теченіе 20 лѣтъ, съ обязательствомъ дѣлать пушки, ядра, котлы, проволоку, жесть и всему тому обучать русскихъ, а ненужныя казнѣ издѣлія вывозить даже за границу. Такая широкая привилегія Марселису и Акемѣ поссорила ихъ съ Виніусомъ, который въ 1645 г. подалъ новому царю Алексѣю Михайловичу жалобу на своихъ соперниковъ, тогда же, вслѣдствіе этой жалобы, оффиціально обвиненныхъ предъ Голландскими Штатами „во многихъ неправдахъ". Г. Соловьевъ [3]) объясняетъ причины ссоры тѣмъ, что Виніусъ, принявшій русское подданство и желавшій даже обратиться въ православную вѣру, стоялъ за русскіе интересы, а товарищи за свои выгоды. Голландскіе Штаты уклонились признать Марселиса и Акему голландцами, а между тѣмъ Городищенскіе заводы, по случаю истеченія 10-ти лѣтней льготы со времени начатія заводскаго дѣйствія, взяты „на Государя". Вскорѣ, впрочемъ, обстоятельства перемѣнились, и за Марселиса съ Акемой стали хлопотать передъ русскимъ правительствомъ не только Голландскіе Штаты, внезапно увидѣвшіе въ бывшихъ соперникахъ Виніуса своихъ настоящихъ подданныхъ, но и Христіанъ, король датскій, писавшій объ нихъ царю Алексѣю Михайловичу. Благодаря такому посредничеству и обѣщанію Марселиса и Акемы сдѣлать большія уступки въ цѣнахъ пушекъ, ядеръ и желѣза, имъ отданы Городищенскіе заводы. Это случилось въ томъ самомъ 1648 г., когда въ Москвѣ, на р. Яузѣ,

---

[1]) Полное имя этого заводчика было Акемъ Тилеманъ-Лусъ.
[2]) По другому извѣстію въ 1637 году.
[3]) *Соловьевъ*: Исторія Россіи съ древнихъ временъ, часть IX.

ствольнымъ мастеромъ Франъ Акиномъ, котораго нанялъ въ Голландіи русскій посолъ Илья Милославскій, устроенъ первый дѣйствующій водою заводъ для приготовленія ружей [1]).

Сдѣлавшись полными владѣльцами Городищенскихъ заводовъ, Марселисъ и Акема не замедлили устроить на р. Скнигѣ, въ нынѣшнемъ алексинскомъ уѣздѣ тульской губерніи, кричныя фабрики на 4 плотинахъ, называвшіяся сначала по имени села, Ведменскими, потомъ отъ названія волости, Соломенными, и принадлежавшія еще во времена Петра Нарышкинымъ [2]). Дальнѣйшая, любопытная для насъ заводская дѣятельность Марселиса и Акемы объясняется лучше всего современнымъ документомъ—жалованною грамотою [3]) царя Алексѣя Михайловича, данною 25 декабря 1665 г. голландцу Филимону Акемѣ съ племянниками на желѣзные заводы въ малоярославецкомъ и (бывшемъ) оболенскомъ уѣздахъ (калужской губерніи). Документъ этотъ (приложеніе № 13) объясняетъ достовѣрно фактическую исторію желѣзныхъ заводовъ средней Руси XVII вѣка,—предметъ, излагаемый болѣе или менѣе сбивчиво во всѣхъ, безъ исключенія, напечатанныхъ трудахъ по этой части.

Изъ грамоты видно, что, кромѣ тульскихъ и каширскихъ заводовъ, по указу 1657 года, Марселисъ и Акема устроили въ малоярославецкомъ уѣздѣ заводъ Угоцкій на р. Угодкѣ въ 90 верстахъ отъ Москвы и получили къ нему для добычи рудъ 100 пустошей и для работъ Вышегородскую волость. Независимо отъ того, взяли они въ аренду на 15 лѣтъ въ оболенскомъ уѣздѣ Поротовскій желѣзный заводъ на р. Ратвѣ у боярина Ильи Даниловича Милославскаго. Въ 1662 году половина заводовъ, которою владѣлъ Марселисъ „за его вину взята на Великаго Государя", а въ 1664 году эта половина разграничена такъ, что Тульскіе и Каширскіе заводы и Соломенская волость сдѣланы ка-

---

[1]) *Гамель*: Описаніе тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи. Москва. 1826 г.

[2]) *Андреевъ*: Историческое извѣстіе о чулковой слободѣ (предмѣстіи), что въ Тулѣ. См. Москвитянинъ. 1854, № 15, стр. 120.

[3]) Дополненіе къ актамъ истор. т. V, № 9.

зенными, а Поротовскіе и Угоцкіе заводы и Вышегородская волость отданы Филимону Филимоновичу Акемѣ и товарищамъ его Филимону Елисѣевичу Акемѣ и Рычарту Томасовичу Андрису. На заводахъ этихъ послѣднихъ должно было дѣлать снаряды и желѣзо, согласно прежнему договору, по которому цѣна въ 1662 г. на прутовое желѣзо была 16 алт. 4 деньги за пудъ. На это Акема подалъ челобитную, гдѣ, изъясняя заслуги свои и товарищей по водвореніи желѣзнаго дѣла въ Россіи, неудавшагося Виніусу и Вилькенсу, по превращенію ветхаго завода Милославскаго въ новый, по выпискѣ другихъ иностранныхъ мастеровъ,— отчего они „одолжали и раззорились конечнымъ раззореніемъ", просилъ дать право заводить новые заводы, а съ Поротовскаго и Угоцкаго ставить только сварное и прутовое желѣзо, не менѣе 15000 пудовъ въ годъ.

На эту челобитную указъ 1665 г., данный, говорятъ, по ходатайству князей Черкаскихъ, и разрѣшалъ Акемѣ не платить оброчныхъ денегъ, по 100 рублей въ годъ съ плавиленныхъ печей, и съ желѣза пошлинъ 20 лѣтъ, начиная, для Поротовскаго завода, съ 1664 года, съ Угоцкаго съ того времени, какъ возведется тамъ доменная печь. Въ казну повелѣвалось сдавать ежегодно по 11250 пуд. прутоваго и 3750 пуд. связнаго желѣза, по 15 алт. 4 деньги за пудъ; приготовленный свыше этого количества металлъ продавать также въ оружейную палату, насторону же никому не отдавать, развѣ желѣзо не будетъ правительству нужно; въ послѣднемъ случаѣ дозволялось его вывозить даже черезъ Архангельскъ за границу; за это желѣзо въ льготный періодъ пошлинъ брать не слѣдовало. Затѣмъ разрѣшалось Акемѣ повсюду въ Россіи на пустопорожнихъ земляхъ заводить новые желѣзные заводы со льготою въ платежѣ пошлинъ по производству и при вывозѣ за границу на 20 лѣтъ. Акема не долженъ былъ, однако, строить заводовъ по большимъ рѣкамъ и мѣшать судоходству. Правительство съ своей стороны обязывалось во все время льготнаго періода никому не дозволять въ тѣхъ же уѣздахъ добывать руду и устроивать желѣзные заводы. Если бы на за-

водахъ Акемы случилось бы несчастіе или недостало бы руды, то онъ отъ своего обязательства временно освобождался; точно также имѣлъ онъ право отказываться отъ выработанныхъ рудныхъ мѣсторожденій и получать отъ казны новыя, или арендовать у помѣщиковъ и монастырей [1]), но отнюдь не покупать. Въ случаѣ истощенія рудъ, если бы заводы Акемы, и старые и новые, остановились, то слѣдовало взять ихъ въ казну, уплативъ за остающіяся издѣлія по оцѣнкѣ. Съ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, податей, кромѣ стрѣлецкихъ и ямскихъ, брать не приказывалось. Акема не имѣлъ права приглашать къ себѣ новыхъ товарищей, принимать безъ дозволенія мастеровъ съ казенныхъ заводовъ и проводить дороги въ чужихъ земляхъ; судиться онъ долженъ былъ въ Оружейной Палатѣ, кромѣ уголовныхъ и духовныхъ дѣлъ. Въ этотъ обширный документъ не вошло еще извѣстіе, сохранившееся въ другихъ документахъ и не безъинтересное, а именно, что въ 1664 г. при взятіи „на Государя“ марселисовой половины желѣзныхъ заводовъ, именно тульскихъ и каширскихъ съ приписною къ нимъ Соломенской волостью, Акемѣ, оставшемуся владѣльцемъ заводовъ Поротовскаго и Угоцкаго, вновь отпущено изъ Оружейной Палаты пять тысячъ рублей „для того, что Тулскіе и Коширскіе заводы Поротовскихъ и Угоцкихъ заводовъ *лутче* и Соломенская волость въ живущемъ болши (Вышегородской)“.

Но тульскіе и каширскіе заводы оставались въ казнѣ не долго. Переданные 5 февраля 1667 г. изъ вѣдомства Оружейной Палаты въ вѣдомство Пушкарскаго Приказа, они 8 мая того же года отданы по прежнему Петру Марселису безденежно „за его Петровы многіе службы и что въ 173 (1665) году посыланъ былъ въ разные государства и промыслъ къ миру съ Королевствомъ Полскимъ въ тайныхъ дѣлѣхъ учинилъ“ [2]). Въ маѣ слѣду-

[1]) Подробности о рудахъ можно видѣть изъ условій нѣсколько разъ заключенныхъ Акемою съ властями Боровскаго Пафнутьева монастыря и донынѣ сохранившихся въ монастырской библіотекѣ.

[2]) Дополн. къ акт. истор. д. V, № 77, IV, стр. 399.

ющаго 1668 г. Марселиса, съ его тульскими и каширскими заводами, велѣно вѣдать не въ Пушкарскомъ, а въ Посольскомъ Приказѣ, и тогда-то поднялся вопросъ объ истребованіи съ Марселиса пяти тысячъ рублей, выданныхъ въ 1664 г. Но Марселисъ не былъ такъ простъ, чтобъ молча заплатить сумму, по времени солидную, и подалъ въ Посольскій Приказъ своеручную „сказку“ [1]), въ которой объяснялъ, что до этихъ денегъ ему дѣла нѣтъ, потому что заводы были тогда казенные и приносили большую прибыль, теперь же отданы ему разоренными и съ обѣднѣвшими крестьянами; другой доводъ Марселиса былъ тотъ, что пользовался онъ тогда заводами съобща съ Акемою, на котораго будто бы также должна падать часть взысканія; несправедливость послѣдняго онъ выводилъ еще изъ того, что передъ прежнимъ своимъ товарищемъ онъ уступалъ казнѣ въ ратныхъ запасахъ 500 руб. и 1000 гранатъ въ годъ, что важнѣе, нежели прежніе оброчные, денежные и хлѣбные доходы. Докладная выписка эта относится уже къ 1671 г., и неизвѣстно, были ли уплачены и кѣмъ 5000 руб. „наддаточныхъ денегъ“. Но для дополненія характеристики русской желѣзно-заводской старины нелишне прибавить, что въ 1668 г., одновременно съ подчиненіемъ Марселиса и его тульско-каширскихъ заводовъ вѣдомству Посольскаго Приказа, Петру Марселису дана была жалованная грамота, „чтобъ ему и дѣтемъ его впредъ держати въ болшомъ заводѣ и всякими желѣзными запасы казну и Московское государство полнити; а что надобно съ тѣхъ заводовъ всякаго мастерства и тому учинити уговоръ, съ прибылью великого государя казнѣ, по вѣсу желѣза и по мастерству; а за отдачею казенною, володно ему продавати на сторону, поволною цѣною; а сколко чего изъ тѣхъ заводовъ выйдетъ и въ государеву казну принято будетъ, и ему, по договору, денги даны будутъ изъ Новгородской Чети; а что надобно будетъ въ Пушкарской Приказъ, и то отсылати и ссылаться о томъ памятьми, чтобъ лишнія казны на то ремесло не исходило, и послати о

[1]) Дополн. къ актамъ истор., стр. 400—401.

водахъ Акемы случилось бы несчастіе или недостало бы руды, то онъ отъ своего обязательства временно освобождался; точно также имѣлъ онъ право отказываться отъ выработанныхъ рудныхъ мѣсторожденій и получать отъ казны новыя, или арендовать у помѣщиковъ и монастырей [1]), но отнюдь не покупать. Въ случаѣ истощенія рудъ, если бы заводы Акемы, и старые и новые, остановились, то слѣдовало взять ихъ въ казну, уплативъ за остающіяся издѣлія по оцѣнкѣ. Съ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, податей, кромѣ стрѣлецкихъ и ямскихъ, брать не приказывалось. Акема не имѣлъ права приглашать къ себѣ новыхъ товарищей, принимать безъ дозволенія мастеровъ съ казенныхъ заводовъ и проводить дороги въ чужихъ земляхъ; судиться онъ долженъ былъ въ Оружейной Палатѣ, кромѣ уголовныхъ и духовныхъ дѣлъ. Въ этотъ обширный документъ не вошло еще извѣстіе, сохранившееся въ другихъ документахъ и не безъинтересное, а именно, что въ 1664 г. при взятіи „на Государя" марселисовой половины желѣзныхъ заводовъ, именно тульскихъ и каширскихъ съ приписною къ нимъ Соломенской волостью, Акемѣ, оставшемуся владѣльцемъ заводовъ Поротовскаго и Угоцкаго, вновь отпущено изъ Оружейной Палаты пять тысячъ рублей „для того, что Тулскіе и Коширскіе заводы Поротовскихъ и Угоцкихъ заводовъ *лутче* и Соломенская волость въ живущемъ болши (Вышегородской)".

Но тульскіе и каширскіе заводы оставались въ казнѣ не долго. Переданные 5 февраля 1667 г. изъ вѣдомства Оружейной Палаты въ вѣдомство Пушкарскаго Приказа, они 8 мая того же года отданы по прежнему Петру Марселису безденежно „за его Петровы многіе службы и что въ 173 (1665) году посыланъ былъ въ разные государства и промыслъ къ миру съ Королевствомъ Полскимъ въ тайныхъ дѣлѣхъ учинилъ" [2]). Въ маѣ слѣду-

---

[1]) Подробности о рудахъ можно видѣть изъ условій нѣсколько разъ заключенныхъ Акемою съ властями Боровскаго Пафнутьева монастыря и донынѣ сохранившихся въ монастырской библіотекѣ.

[2]) Дополн. къ акт. истор. д. V, № 77, IV, стр. 399.

царь Петръ собственноручно выковалъ 18 пудовъ желѣза, за что потребовалъ и получилъ задѣльную плату [1]); вслѣдъ затѣмъ, само правительство устроило, или, вѣрнѣе, перестроило въ 52 вер. отъ Москвы, на р. Истрѣ, Павловскій желѣзный заводъ, дѣйствовавшій уже въ 1674 г. [2]), когда Бутенантъ изъ Гамбурга основалъ первые желѣзные и стальные заводы въ Олонецкомъ краѣ [3]). Послѣ Марселиса, доставшіеся на его долю, заводы перешли къ сыну, а по смерти его, около 1692 г., заводы эти, какъ выморочные, отданы боярину Льву Кириловичу Нарышкину.

Приведенные уже документы показываютъ, что съ давнихъ временъ жители Олонецкаго края занимались приготовленіемъ желѣза прямо изъ рудъ въ сыродутныхъ горнахъ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича олонецкіе желѣзные рудники были отданы на откупъ датчанину Бутенанту фонъ Розенбушу, сначала вмѣстѣ съ Марселисомъ, а потомъ одному. Бутенантъ построилъ въ Кижскомъ погостѣ два завода, Устьрѣцкій (отъ р. Усть-рѣка) и Кедрозерскій на р. Линежмѣ, гдѣ завелъ домны для выплавки чугуна изъ рудъ и приготовлялъ изъ этого чугуна въ казну, по условію, небольшія чугунныя пушки, бомбы, ядра и гранаты, а также для вольной продажи желѣзо, для чего имѣлись горна. Заводами управлялъ родственникъ Бутенанта Герасимъ Тродель; производительность заводовъ была самая малая и они съ трудомъ дѣйствовали [4]). Въ началѣ царствованія Петра, по случаю войны со шведами, Розенбушъ былъ уже не въ состояніи выполнять умножившіяся требованія на орудія и снаряды, по этому заводы его были отобраны въ казну и закрыты. Взамѣнъ, ихъ, уже въ 1702 и 1703 году, были построены заводы Алексѣевскій, Повѣнецкій, Вичковскій и Петровскій. Послѣднимъ управлялъ тотъ же Тродель съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ. Впослѣдствіи заводы Бутенанта отдавались отъ казны въ арендное содержаніе мѣстнымъ

---

[1]) Анекдотическое сказаніе, приводимое во многихъ „исторіяхъ“ Петра Великаго.
[2]) *Полетика и Блиновъ*: Исторія основанія русск. горныхъ заводовъ, стр. 198.
[3]) *Гамель:* Описаніе Тульскаго оружейнаго завода.
[4]) *Ярцевъ:* Исторія горнаго дѣла въ Россіи (рукопись).

жителямъ; но изъ документовъ не видно, было ли ему что либо уплачено за его заводы.

Объ исторіи Павловскаго завода нѣкоторые свѣдѣнія собраны въ архивахъ г. Забѣлинымъ [1]). Большой бояринъ Б. И. Морозовъ занимался желѣзнымъ дѣломъ подъ Москвою и въ нижегородскихъ мѣстахъ, гдѣ оно издавна производилось крестьянами и доставляло имъ большія выгоды. Прежде всего бояринъ сталъ заводить заводъ (рудню) у себя подъ Москвою въ мѣстностяхъ звенигородскаго села Павловскаго. Съ этою цѣлью былъ выписанъ изъ-за границы рудный мастеръ, который и устроилъ вододѣйствующій желѣзо-ковательный заводъ. Бояринъ вѣроятно устраивалъ свой заводъ по образцу Акемы и Марселиса, но у него руда добывалась изъ болотъ и желѣзо выходило плохаго качества. Такъ по крайней мѣрѣ отзывается объ немъ Кильбургеръ, когда Павловскій заводъ, по случаю смерти Морозова, перешелъ въ казенное вѣдомство.

Устраивая Павловскій заводъ, Морозовъ собиралъ свѣдѣнія о рудномъ промыслѣ въ другихъ своихъ вотчинахъ, надѣясь поставить его тамъ на болѣе выгодную ногу, такъ что подмосковный заводъ являлся у него какъ-бы школою для приготовленія подъ нѣмецкимъ руководствомъ болѣе опытныхъ мастеровъ. Съ цѣлью узнать о рудахъ въ Нижегородскихъ мѣстахъ онъ переписывался со своими прикащиками. Мурашкинскій прикащикъ доставилъ ему въ 1651 году подробныя свѣдѣнія о желѣзномъ производствѣ въ сыродутныхъ горнахъ крестьянъ Макарьевскаго монастыря за Волгою по р. Мозѣ. „Руда желѣзная отъ монастыря верстъ въ семъ а емлютъ руду въ болотѣ; а руды много въ болотахъ, лежитъ де въ оборникъ на верху мѣстами, а не съ одново (т. е. сплошь): а выходитъ де у нихъ изъ горнъ на сутки по семи крицъ и по восьми, а крица у нихъ ставится по 4 деньги, а изъ крицы выходить по 4 прута желѣза, а прутъ такой купить по торговому по 8 денегъ; а желѣзо де хвалятъ“.... Дѣло это казалось при-

[1]) Вѣстникъ Европы, февраль 1871 г.

быльнымъ; въ вотчинахъ нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря также было найдено много руды, но ее не умѣли обработывать. Бояринъ приказалъ тогда руды эти заоброчить и собирать кузнецовъ, обѣщая одѣлить искусныхъ въ награду, кромѣ того трехъ изъ нихъ слѣдовало отправить въ Павловскій заводъ учиться у нѣмецкаго мастера.

Пока крѣпостные мастера учились рудному дѣлу, въ Павловскій заводъ явились новые иноземцы-поляки *рудники* (горнорабочіе), выписанные прямо для работъ въ нижегородскихъ вотчинахъ. Предположеніе это г. Забѣлинъ основываетъ на томъ, что они въ Павловскомъ заводѣ оставались безъ всякаго дѣла и постоянно просились на Волгу. Поляки желали взять все производство на свой счетъ съ уплатою извѣстнаго оброка; ихъ было 20 человѣкъ, не считая дѣтей. Осенью 1652 года въ Лысковѣ устроилась уже рудня. Ее началъ собственный мастеръ Ѳедоръ, но по отзыву прикащика оказался „глупъ и упрямъ, столько не дѣлаетъ, что портитъ“; бояринъ послалъ тогда поляковъ Остафья Сущевскаго, Мартына Башинскаго и Якова Сопоцкаго, чтобы рудню додѣлать, „ѳурму направить (т. е. устроить дутье)“ и затѣмъ, если возможно, устроить другую рудню. Иноземцамъ предоставлялось по окончаніи дѣла свободно уѣхать; во время же пребыванія на заводѣ приказывалось ихъ „поить и кормить, чтобы ничѣмъ скудны не были, и вина имъ давать на день по двѣ чарки, а пиво давать всѣмъ и прежнимъ и нынѣшнимъ на день по два ведра“. Производство это, основанное на болотныхъ рудахъ, безъ сомнѣнія могло существовать только сыродутнымъ способомъ, какъ и до сихъ поръ обработываются въ Россіи болотныя руды въ „рудняхъ“ „рудниками“ (въ минской, волынской и др. губерніяхъ); никакой прочной будущности оно не имѣло.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

(Продолженіе).

Производство желѣзныхъ издѣлій.—Приготовленіе желѣзныхъ и чугунныхъ орудій и снарядовъ.—Выписка изъ за-границы.—Оружейное и доспѣшное мастерство.—Мѣры правительства для ихъ поощренія.—Замѣчательнѣйшіе образчики оружія XVII вѣка.—Кузнечныя издѣлія.—Цѣны желѣзныхъ издѣлій.

Производство желѣзныхъ издѣлій на Руси XVII вѣка заключало въ себѣ главнымъ образомъ четыре мастерства: пушечное, оружейное, доспѣшное и кузнечное. Мастеровъ желѣзно-пушечнаго дѣла, называвшихся пищальниками, въ древнихъ документахъ XVII вѣка упоминается десять, въ томъ числѣ два иноземца (Николанъ и Коэта) [1]. Чѣмъ руководились они въ своемъ мастерствѣ—трудно опредѣлить съ точностью, по крайней мѣрѣ, изъ современныхъ документовъ, не всегда ясно различающихъ даже пищали мѣдныя отъ желѣзныхъ. Извѣстно, впрочемъ, что, напримѣръ, Троице-Сергіевъ монастырь въ достопамятную 16-ти мѣсячную осаду его поляками въ 1608—1609 гг. защищался желѣзными пищалями отличной для своего времени работы (быть можетъ не русской), образцы которыхъ хранились прежде въ с. петербургскомъ арсеналѣ [2]. Извѣстно также, что указъ, посланный царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ Устюжну въ 1628 г., пово-

---

[1]) Сахаровъ: Обозр. русс. археол., стр. 28—45.—Забѣлинъ: О металлическомъ производ. въ Россіи до конца XVII в., стр. 110—136.

[2]) Они были доставлены сюда изъ Троицкой лавры по распоряженію гр. П. И. Шувалова въ царствованіе импер. Елисаветы, но куда дѣвались не извѣстно.

лѣвалъ: „дѣлать пищали волконейки въ мягкомъ желѣзѣ и ковать гораздо, и были бы для стрѣльбы казисты, и чтобы разсѣдинъ и раздиранъ въ тѣхъ пищаляхъ не было, и были бы прямы и въ стрѣльбѣ цѣльны“ [1]). Кромѣ Устюжны, такіе же фальконеты изготовлялись и въ Москвѣ, откуда привозились въ Новгородъ и тутъ продавались въ казну частнымъ торгомъ, какъ видно это изъ слѣдующей статьи, современной описи новгородскаго наряда: „2 пищали волконѣйки, куплены во 136 (1628) году у Москвитина у торговаго человѣка у Семена Гласкова“ [2]). Но тогда русское желѣзнопушечное мастерство уже утрачивало свою прежнюю самостоятельность, пріобрѣтенную опытомъ двухъ предшествовавшихъ вѣковъ, и полковникъ Александръ Лесли, отправляясь въ 1630 г. за границу для найма въ русскую службу офицеровъ и разныхъ людей, въ заключеніи своей докладной записки, поданной передъ отъѣздомъ, говорилъ: „Будетъ Государь укажетъ купить въ нѣмецкихъ государствахъ пушекъ желѣзныхъ и ядеръ литыхъ, или мушкетовъ и латъ, и онъ о томъ промышлять радъ; а лучшее де дѣло, чтобъ государь велѣлъ о томъ писати отъ себя, государя, къ свейскому (шведскому) королю, и король за то не постоитъ; а хотя и купить въ Свеѣ, ино передъ иными землями податно, потому что у Свейского (короля) мѣдь и желѣзо готовое, въ Свейской землѣ и мастеровыхъ людей много“ [3]). Отвѣтъ на это заключался въ слѣдующей „памяти“ полковнику Александру Лесли: „Какъ онъ будетъ въ Свейской или въ иныхъ въ которыхъ нѣмецкихъ земляхъ, и Александру приговорити нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному къ новому дѣлу, что дѣлаетъ на Москвѣ пушечный мастеръ Голанецъ Юлисъ Куетъ (Коэта), кузнеца, да станочника, да колесника, да мастера, кто бы умѣлъ лить пушечныя ядра. А приговаривати ему тѣхъ мастеровыхъ людей, которые будетъ похотятъ ѣхати Государю служить на его

---

[1]) *Мурзакевичъ*: О пушечно-литейн. искусствѣ въ Россіи. См. Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1838. Сентябрь. стр. 548.
[2]) Дополн. къ акт. историч. т. Ш, № 53. стр. 178.
[3]) Собр. госуд. грам. и договор. т. Ш, стр. 310.

Государевѣ имени. А будетъ которые похотятъ Государю тѣмъ своимъ ремесломъ послужить на время, и Александру съ тѣми людьми договориться о наймѣ, по чему кому давать на мѣсяцъ, и давать имъ, какъ бы государевѣ казнѣ прибыльнѣе; и въ томъ имъ иматься: какъ они Государю послужатъ и похотятъ ѣхать назадъ въ свою землю, и ихъ Царское Величество пожалуетъ, велитъ отпустить со всѣми своими животы, безо всякаго задержаньи и зацѣпки. Да будетъ Александръ тѣхъ мастеровыхъ людей приговоритъ, и ему вывезти ихъ въ Московское государство съ собою вмѣстѣ; а будетъ мочно, и ему выслать ихъ напередъ себя, съ кѣмъ пригоже; и о томъ ко Государю отписать, кого имянемъ найметъ и на колько лѣтъ, и по чему кому и на колько найму давать, чтобъ Государю про это вѣдомо было. А одноличнo о томъ порадѣть, тѣхъ мастеровыхъ людей приговорить и привезти ихъ къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ, или прислати напередъ себя; а также тѣхъ мастеровыхъ людей въ Свеѣ или въ иныхъ въ которыхъ нѣмецкихъ земляхъ приговорить и напередъ себя въ Московское Государство, на которыя мѣста пригоже, вышлетъ, и полковнику Александру объ нихъ отписати ко Государю, какъ у него съ ними договоръ будетъ и на чемъ съ ними договорится, чтобъ Государю про то было вѣдомо" [1]). Порученіе это Лесли, вѣроятно, исполнилъ въ точности, потому что въ той же описи новгородскаго наряда есть и такая статья: „Да въ прошломъ во 140 (1632) году, по приказу боярина и воеводы князя Юрья Яншѣевича Сулешева съ товарищи, сдѣлана въ Великомъ Новгородѣ вновь пищаль желѣзная съ Нѣмецкаго образца, вѣсомъ 2 пуда 2 гривенки; ядро по кружалу въ четверть гривенки, станокъ обитъ желѣзомъ на Нѣмецкое дѣло" [2]).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича желѣзныя орудія, кромѣ московскаго пушечнаго двора за Неглинной, Устюжны и Новгорода, изготовлялись на желѣзныхъ заводахъ средней полосы тог-

---

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., стр. 321.
[2]) Допол. къ акт. истор., т. III, № 53, стр. 178.

дашней Руси. Такъ, напримѣръ, въ 1667 г., при возвращеніи Марселису тульскихъ и каширскихъ заводовъ, тамъ оказалось желѣзныхъ орудій: на тульскихъ заводахъ: 29 пищалей калибромъ отъ 2 до 5 гривенокъ ядро, на каширскомъ черицовскомъ заводѣ одна пищаль желѣзная кованая въ гривенку ядро, высверлена и обѣлена, не въ отдѣлкѣ, вѣсомъ пудъ [1]). Принявъ обратно эти заводы, Марселисъ обязался ставить ежегодно по 20 пушекъ кованыхъ, а чугунныя сдавать въ казну по 10 алтынъ пудъ [2]). Желѣзныя пушки Поратовскаго завода Акемы были такъ хороши, что выдерживали опыты въ Голландіи [3]). Въ 1683 году между игрушками 11-ти лѣтняго царя Петра находимъ и „двѣ пушки желѣзные безъ станковъ“ [4]); а въ 1692 г. Москва имѣла уже изящные образчики желѣзно-пушечнаго мастерства, о которыхъ въ дѣлахъ Пушкарскаго Приказа сохранилось такое извѣстіе: „Лѣта 7200 (1692) февраля въ 6 день.... Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ указали: для встрѣчи противъ персицкихъ пословъ въ московскіе стрѣлецкіе полки столниковъ и полковниковъ, Ивана Цыклера, Лаврентья Сухарева, дать желѣзныхъ заварныхъ золоченыхъ по три пушки въ полкъ, съ станки и съ колесы, совсѣмъ на ходу, изъ тѣхъ же пушекъ, которые бывали въ стрѣлецкихъ полкѣхъ для такихъ же посолскихъ встрѣчь напередъ сего, а послѣ посолской встрѣчи тѣ пушки изъ тѣхъ полковъ принять въ Пушкарской Приказъ по прежнему“ [5]).

Единодержавный Петръ, жаждавшій во всемъ иностранныхъ образцовъ, въ 1697 г. получилъ въ даръ отъ Карла XII, короля шведскаго, своего будущаго соперника, 300 шведскихъ чугунныхъ орудій двухъ родовъ: одинъ — 150 пушекъ $3^1/_2$ ф. калибра, длиною $2^3/_4$ арш., вѣсомъ отъ 36 до 41 пуда; другой

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. V, № 77, II.
[2]) Тамъ же. I.
[3]) *Костомаровъ:* Очерки торговли московс. госуд. въ XVI и XVII ст. стр. 335.
[4]) *Забѣлинъ:* О дѣтствѣ Петра Великаго. См. Архивъ истор. юрид. свѣд. относ. до Россіи. 1854, кн. III, стр. 174.
[5]) Акты юридическіе, изд. 1838. № 347. V.

150 пушекъ почти 3 ф. калибра, длиною $2^1/_2$ арш., вѣсомъ отъ 25 до 28 пуд [1]). 15 апрѣля 1699 г. Петръ указалъ: „во всѣхъ кумпанствахъ, которыя дробовыя пушки привезены изъ за моря или на заводахъ и на Москвѣ сдѣланы, а вѣсомъ тяжелы и на корабляхъ быть неугодны, и вмѣсто тѣхъ изготовить иныя дробовыя пушки, что называются басы, со всякимъ поспѣшеніемъ и на Воронежѣ поставить по первому зимнему пути 207 (1699) г... Да имъ же во всѣхъ кумпанствахъ на всѣ корабли изготовить.... на дробовыя пушки по 200 зарядовъ дроби (картечи или щебня)" [2]), въ 9 ф. каждый. Изъ вѣдомостей и рядныхъ записей этихъ „кумпанствъ" видно, что желѣзныя пушки 8-ми, 6-ти, 4-хъ и 2-хъ фунт. калибровъ обходились на заводахъ, безъ провоза въ Воронежъ, по 23 алтына, по 2 деньги пудъ, которыхъ въ 8 фунт. пушкѣ считалось 68. „А что стволы на колесахъ (органы т. е. митральёзы)—писалъ къ Виніусу Петръ, отъ 13 іюня 1699 г. изъ Азова—и то самая старая мода и нигдѣ не употребляется больше. А если сдѣлать желѣзныя же кованыя пушки въ пол 2 ($1^1/_2$) фунта ядромъ и въ 9 или 10 калибровъ долиною, изъ которыхъ готовыми кожаными патронами возможно на всякую минуту 10 разъ выстрѣлить, а тяжестью не будутъ тяжелѣе 10 стволовъ,—и тѣ пушки имѣютъ дѣлать на Тулѣ и въ иныхъ мѣстехъ" [3]).

Видоизмѣняя такимъ образомъ самую технику желѣзно-пушечнаго искуства на Руси XVII вѣка, Петръ тѣмъ болѣе нуждался въ образцахъ и заимствовалъ ихъ въ Швеціи, откуда, напримѣръ, въ томъ же 1699 г. привезли въ Новгородъ первыя сто чугунныхъ пушекъ изъ двухсотъ осьмидесяти, заказанныхъ извѣстному тогда стокгольмскому литейщику Эренкрейцу. Заказъ этотъ обошелся русскому правительству сравнительно недорого; что видно изъ донесенія новгородскаго губернатора Апраксина, въ декабрѣ 1698 г., гдѣ говорится что сто пушекъ изъ (Стокгольма)

---

1) *Устряловъ:* Истор. царств. Пет. Вел. т. II, стр. 567.
2) Тамъ же, стр. 525.
3) Тамъ же, т. III, стр. 446.

привезены въ цѣлости къ городу Канцамъ [1]), а туда послано за ними, чтобы привезти въ Новгородъ. Цѣна имъ необыкновенно выгодная: дано съ провозомъ до границы всего по 3 руб. 20 алт. за берковецъ; между тѣмъ какой-то Томасъ Книперъ такія же по 10 руб. Вѣсу во всѣхъ 280 пушкахъ, включая и заказанныя Книперомъ, будетъ 27,000 пудовъ. Предъ иноземнымъ подрядомъ прибыли получено 17,000 руб. [2]).

Образчикомъ русскаго желѣзно-пушечнаго мастерства XVII вѣка остается хранящаяся въ с.-петербургскомъ арсеналѣ желѣзная пищаль 5 пуд. калибра, длиною $7^1/_2$ арш., вѣсомъ 62 пуд., съ красивою золотою и серебряною насѣчкою, узорчатою желѣзною накладкой сверху и остатками оловянной посеребреной, даже кое-гдѣ вызолоченой оболочки, нѣкогда покрывавшей всю пищаль, работы, вѣроятно, устюжинской [3]).

Второю нераздѣльною отраслью желѣзно-пушечнаго мастерства должно считать приготовленіе снарядовъ, развивавшееся на Руси XVII вѣка довольно самостоятельно. Такъ еще при царѣ Василіи Шуйскомъ, въ 1606 г., когда измѣнникъ Болотниковъ укрѣпился въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, „воеводы—разсказываетъ современникъ—по острогу изъ пушекъ биша 3 дни и не могоша разбити, занеже въ земли учиненъ крѣпокъ, а отъ огненнаго въ бою укрывахуся подъ землю, ядра же огненныя утушаху яловичьими сырыми кожами. Потомъ же взяша у нихъ языка (плѣнника, выдающаго своихъ) и увѣдаша вся умышленія ихъ и коварства, и учиниша ядра огненныя съ нѣкоторою хитростью, ихъ же погашати невозможно; но и самѣхъ убиваше ихъ и тѣми огненными ядрами зажгоша острогъ у нихъ; они же, оставивше острогъ, побѣгоша“ [4]). Въ 1607 г. устюжскій подъячій Анисимъ Михайловъ началъ собирать „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки“ и главу его о заго-

---

[1]) Городъ Канцы или Ніенштанцъ, при устьѣ Охты, взятъ русскими въ 1700 г. Развалины его скрываются въ огородахъ нынѣшней Охтенской слободы.
[2]) *Устряловъ*. Истор. царств. Петр. Вел. т. III. стр. 484.
[3]) Артиллерія и артиллеристы Руси до-Петровской, стр. 45.
[4]) Лѣтопись занятій Археографической коммисіи. 1861, вып. I. Матеріалы, с. 55.

товленіи огнестрѣльныхъ снарядовъ началъ такъ: „Должно въ запасѣ имѣть все то, что принадлежитъ къ большому и малому снаряду, великихъ, среднихъ и малыхъ пушекъ, и огненныхъ и сильныхъ опровергательныхъ дѣлъ, и городамъ укрѣпленіе въ совершенную надежду отъ всякаго прихода или подвига сопостатъ. И чтобъ въ готовности было желѣза, свинцу и всякіе потребные огненные составы къ бросанію и стрѣлянію въ достаточныхъ мѣрахъ“ [1]). Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича снаряды изготовлялись и на Олонцѣ; „въ прошломъ во 139 (1631) году—гласитъ одна изъ старыхъ описей новгородскаго наряда—сдѣлано къ новогородцкому наряду запасовъ вновь на Олонцѣ и привезено въ Великій Новгородъ въ государеву казну на Пушечной дворъ, для того, что старыхъ запасовъ у новгородцкаго наряду было мало: къ полуторнымъ къ 17 пищалемъ 1994 ядра, къ полковымъ къ 18 пищалемъ 7050 ядеръ“ [2]). Въ 1633 г. царь Михаилъ выписалъ изъ Голландіи, черезъ торговаго иноземца Томаса Свана, пятнадцать тысячъ пудовъ желѣзныхъ ядеръ [3]). Голландскіе снаряды получались въ Новгородѣ и еще пять лѣтъ спустя, какъ доказываетъ это слѣдующая статья той же описи: „Да нового привозу прошлаго 146 (1638) году принято при бояринѣ и воеводѣ при князѣ Петрѣ Александровичѣ Рѣпнинѣ, прибрано по кружалу къ.... 12 пищалемъ Голанца Андрея Фандрыгена у прикащика у Ариста 502 ядра желѣзныхъ, по 6 гривенокъ съ полугривенкою ядро, а иные по 6 гривенокъ ядро“ [4]).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича снаряды изготовлялись преимущественно на желѣзныхъ заводахъ Марселиса и Акемы. При возвращеніи Марселису въ 1667 г. тульскихъ и каширскихъ заводовъ, тамъ находилось и принято Марселисомъ: 16,340 ядеръ, отъ 3 до 8 гривенокъ ядро и 1304 гранаты отъ пуда до полтора пуда штука [5]). Договорная цѣна снаря-

---

[1]) Отрывки изъ «Устава ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ». См. Русскій Вѣстникъ. 1811 Май.

[2]) Дополн. къ акт. истор. т. III, № 53, стр. 181.

[3]) Собран. госуд. грам. и догов. ч. III. стр. 336.

[4]) Дополн. къ акт. истор. т. III, № 53. стр. 181.

[5]) Тамъ же, т. V. № 77. II.

дамъ въ тульскихъ и каширскихъ желѣзныхъ заводахъ Марселиса въ 1668 г. установлена было за ядра по 8 алтынъ 2 деньги пудъ; за большія гранаты по 10 алтынъ пудъ; ручныя гранаты (въ 4 и 5 гривенокъ) по 3 алтына 2 деньги граната [1]). По этой цѣнѣ сдавалось ежегодно Марселисомъ въ казну: 6,000 ядеръ въ 2, $1^1/_2$, 1, $^3/_4$ и $^1/_2$ грив.; 10,000 ручныхъ гранатъ по 4 и 5 грив. штука; да гранатъ же большихъ и среднихъ „по сколку доведется". Кромѣ этой поставки, Марселисъ, вмѣсто предложеннаго ему уменьшенія запросной цѣны на всѣ вообще издѣлія тульскихъ и каширскихъ желѣзныхъ заводовъ, ежегодно же билъ челомъ государю царю уступкою со всего 500 рублей и 1000-ю ручныхъ гранатъ безденежно [2]). Заказы экстренные сообщались заводамъ съ нарочными при наказахъ весьма внушительныхъ. Такъ въ 1667 году, когда нижнее Поволжье начинало уже трепетать удали Степана Разина, изъ Москвы въ іюлѣ были посланы на тульскіе и каширскіе желѣзные заводы, съ задворнымъ конюхомъ Еремѣемъ Алабышевымъ, для литья ручныхъ гранатъ, пушечные мастеры иноземцы Юстъ Деткерковенъ съ дѣтьми на ямскихъ подводахъ, и велѣно имъ на этихъ заводѣхъ вылить тотчасъ же четыре тысячи гранатъ ручныхъ: „И какъ къ тебѣ ся наша, великаго государя грамота придетъ, писалъ государь, а тѣ иноземцы пріѣдутъ, и ты бъ велѣлъ имъ на тѣхъ заводахъ четыре тысячи разныхъ гранатъ лить на спѣхъ, днемъ и ночью, безо всякаго мотчанья (замедленія), оставя всякія дѣла. А что къ тому дѣлу надобно мастеровыхъ людей и работниковъ и всякихъ снастей, которые на заводахъ есть, и то все далъ бы еси, по сказкѣ Еремѣя Алабышева, тотчасъ, чтобъ ни за кѣмъ тому гранатному литью мотчанья не было. А однолично бъ еси о томъ гранатномъ литьѣ намъ, великому государю, радѣтелство свое показалъ, чтобъ тѣ гранаты, указное число, вылить сполна. А какъ тѣ гранаты выльютъ, и, по нашему, великаго государя, указу,

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., I.
[2]) Тамъ же.

велѣно ихъ послать на Каширу Соломенской волости на крестьянскихъ подводахъ, съ Еремѣемъ же Алабышевымъ; и съ Каширы везти ему тѣ гранаты въ стругу водою на Коломну и отдать въ стрѣлецкіе приказы (полки), которые стрѣльцы посланы будутъ въ Астрахань съ бояриномъ нашимъ и воеводы со княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ...“ [1]). Въ 1693 г. упоминаются чуть ли не въ первый разъ русскіе „гранатные мастера“, они же пиротехники [2]).

Съ началомъ единодержавія Петра встрѣчаемъ, кажется, впервые на Руси бомбы, о которыхъ извѣстный Посошковъ, въ обширномъ представленіи своемъ боярину Ѳ. А. Головину, между прочимъ, писалъ: „Еще жъ, Государь, доношу милости твоей, и сіе видѣлъ я, далъ Инженеръ мѣру лить на заводѣ боярина Льва Кириловича (Нарышкина) девяти-пудныя бомбы, и тѣ, Государь, бомбы, Богъ вѣсть годятся ли къ дѣлу, потому пущены онѣ вельми стѣнисты. И потому его размѣру льются иныя бомбы и по 10 пудъ, и больши; и по моему, Государь, мнѣнію развѣ ихъ набивать добрымъ порохомъ, а если плохимъ порохомъ, или и среднимъ, да къ тому еще отсырѣлымъ ихъ набивать, то не чаю я всѣмъ имъ разрываться, потому что онѣ стѣнисты. И сіе, Государь, вельми нужно, чтобъ ихъ искусити... порохомъ отсырѣлымъ...; и если ихъ разрывать не будетъ, то лучше ихъ на службу не возить и здѣсь ихъ бросить. И если, Государь, изволишь тѣ бомбы опытать, то пожалуй не прогнѣвайся на меня о словеси моемъ, еже реку... ежебъ спросить пороху средняго не для бомбнаго наряду, но для каковыя ни есть иныя потребы, чтобъ взять его сплоха (не выбирая) кой полежалой, и чтобъ его не подсушивая принесли. А если, Государь, увѣдаютъ то, что набивати имъ бомбы, то либо изъ лучшаго пороху возьмутъ, либо подсушатъ... И въ семъ (бомбовомъ дѣлѣ), Государь, вельми нужно поостерещися, нѣтъ ли какой прозяби (умысла) отъ того Инже-

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., № 51. I.
[2]) Акты юридическіе. 1838. № 347. VI.

нера. Ей, Государь, надобно отъ нихъ (иноземцевъ) опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаетъ съ собою русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все ввѣриватися: всегда онъ соплеменнымъ лучше порадѣетъ и того ради надо за ними гораздо смотрѣть... По моему, Государь, расположенію, надобно... и у бомбнаго наряду быть изъ русскихъ людей самому доброму и вѣрному человѣку... И такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ иноземскія руки ввѣривать" [1]). Но Петръ смотрѣлъ на дѣло иначе и 10 сентября 1697 г. изъ Амстердама увѣдомлялъ Виніуса, что мастеровъ, — которые льютъ бомбы и прочее, еще не сыскалъ [2]). Хотя нельзя сказать съ точностью, русскіе или иноземные мастера разумѣлись въ царскомъ распоряженіи 15 апрѣля 1699 г., повелѣвавшаго: „къ мортирамъ, въ которыхъ кумпанствахъ указано мозжеры строить, изготовить ко всякому мозжеру по 2000 бомбовъ" [3]), но изъ вѣдомостей и рядныхъ записей тѣхъ же „кумпанствъ" видно, что бомбы эти, вѣсомъ въ $4^1/_2$ пуда, стоили по 2 р. 25 к. штука, тогда какъ ядра къ „кумпанейскимъ" мѣднымъ пушкамъ, по 500 на каждую, обходились заводамъ безъ провоза на Воронежъ, по 13 алтынъ 2 деньги пудъ, и всякая граната оцѣнивалось въ 5 алтынъ.

Оружейное мастерство, называвшееся на Руси XVII вѣка самопальнымъ дѣломъ, имѣло также многихъ представителей, изъ которыхъ въ документахъ того времени значатся поименно только шесть: 3 ствольника, да 3 замочника — всѣ русскіе [4]). Мастерство это сосредоточивалось тогда, какъ и теперь, главнымъ образомъ въ Тулѣ, гдѣ съ давнихъ поръ существовала цѣлая корпорація самопальщиковъ, по поводу которой еще 30 іюля 1619 г. состоялась весьма любопытная грамота, напечатанная въ одномъ

---

[1]) О ратномъ поведеніи. Донесеніе бояриму Ѳед. Ал. Головину. См. Сочиненія Ивана Посошкова. Москва. 1842 стр. 283.
[2]) *Устряловъ:* Истор. царств. Петр. Вел. т. III, стр. 427.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 525.
[4]) *Сахаровъ:* Обозр. русс. археол. стр. 28—45.— *Забѣлинъ:* О металлическомъ произв. въ Россіи до кон. XVII в. стр. 110—136.

изъ нашихъ забытыхъ періодическихъ изданій, въ которой воеводѣ князю Ивану Михайловичу Катыреву Ростовскому предписывалось, на основаніи челобитной двадцати пяти тульскихъ самопальныхъ кузнецовъ, собрать свѣдѣнія, освобождались ли въ прежнее время самопальники отъ податей, и затѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которые дѣйствительно занимались этимъ мастерствомъ, въ тяглѣ съ посадскими людьми онъ быть не велѣлъ, о чемъ и увѣдомилъ бы Стрѣлецкій приказъ. Къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича тульскіе самопальники, на такъ называемой кузнецкой сторонѣ города Тулы, составляли уже поселокъ въ 48 дворовъ [1]), подъ управленіемъ особаго старосты [2]), — лица, начальственное отличіе котораго характеризуется слѣдующей статьей „Уложенія 1649 г.“, главы XXIV: „А кузнецкимъ старостамъ самопальнаго дѣла безчестья правити по пяти же рублевъ: а рядовымъ самопальнымъ кузнецамъ за безчестья правити по четыре рубля“ [3]). Въ 1652 г. тульскіе самопальники, въ числѣ 121 челов., переданы были Владимірскимъ Приказомъ въ вѣдомство Московской Оружейной Палаты, съ обязательствомъ ежегодно представлять въ казну по 2 пищали на каждаго, причемъ всѣмъ имъ повелѣно: работать по очереди на Ченцовскомъ оружейномъ заводѣ, тогда же основанномъ Марселисомъ и Акемою въ алексинскомъ уѣздѣ.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указами 1678 и 1679 гг. дозволилъ каждому свободному лицу, занимающемуся оружейнымъ мастерствомъ, безпрепятственно водворяться на жительство въ тульской кузнецкой слободѣ, 194 самопальщика которой въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны имѣли уже двухъ старостъ [4]) и выдѣлывали ежегодно по 2000 пищалей. Тутъ-то, въ тульской кузнецкой слободѣ, въ силу указовъ 1678—1679 г.г., поселились алексинцы Антуфьевы, отецъ съ сыномъ, изъ которыхъ послѣдній, Никита Демидовъ, въ 1690 г. наслѣдовалъ достатокъ

[1]) Московскій телеграфъ. 1830, № 5, стр. 121.
[2]) *Афремовъ*: Историческое обозрѣніе тульской губ. 1850, стр. 180.
[3]) Старостой этимъ былъ Еремѣй Баташевъ, предокъ желѣзныхъ заводчиковъ Баташевыхъ.
[4]) Полн. Собр. Зак. т. I, № 1, стр. 157.

своего отца. Въ 1696 г., какъ отличный зватокъ оружейнаго мастерства, онъ сдѣлался лично извѣстенъ царю Петру и, обласканный имъ, тогда же построилъ, при впаденіи р. Тулицы въ Упу, собственный желѣзный заводъ, съ большою плотиною, а для добыванія желѣзной руды къ заводу получилъ нѣсколько десятинъ земли подъ Малиновскою засѣкою, нынѣ такъ называемые „рвы“ по проселочной крапивенской дорогѣ [1]). Кромѣ тульскихъ оружейниковъ въ то время были извѣстны еще какъ спеціалисты замочники въ Кунгурѣ, въ 1678 г. [2]).

Оружейные мастера на Руси XVII вѣка не были далеко явленіемъ повсемѣстнымъ, какъ доказываетъ это грамота царя Ѳедора Алексѣевича, писанная изъ Москвы 30 мая 1677 г., въ Ядринъ къ воеводѣ Лукѣ Васильевичу Лопухину: „Писалъ ты къ намъ, великому государю, что въ Ядринѣ, въ нашей, великаго государя, казнѣ, есть горѣлые и ломаные мушкетные, и пищалные, и самопалные, и карабинные стволы, а починить того ружья въ Ядринѣ мастеровъ нѣтъ, и о томъ велѣти бъ тебѣ нашъ, великого государя, указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша, великаго государя, грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ то ружье починить, а мастеровъ пріискать въ которыхъ городѣхъ мочно; а будетъ починить некому, и тѣ стволы прислать къ Москвѣ по зимнему пути“ [3]).

Изъ произведеній русскаго оружейнаго мастерства XVII вѣка, хранящихся въ московской оружейной палатѣ, болѣе другихъ замѣчательны: времени царя Михаила Ѳедоровича — карабинъ изъ краснаго желѣза, съ серебрянымъ двуглавымъ орломъ подъ двумя коронами и единорогомъ на прикладѣ, станокъ изъ сандальнаго дерева, поднесенная государю окольничимъ Вас. Ив. Стрѣшневымъ; времени царя Алексѣя Михайловича: пищаль шестивинтовочная, отъ казны до половины ствола и около дула рѣзана

---

[1]) *Афремовъ*: Историческое обозрѣніе тульской губерніи, стр. 181—186. Дополн. стр. 74—75.
[2]) Акты историч. т. V, № 27.
[3]) Дополн. къ акт. историч. т. VII, № 39.

обронно съ позолотою, между рѣзьбою сплошь посеребреная въ перевивку, на стволѣ двуглавый, съ тремя коронами, орелъ, въ овальномъ кругу подпись: 7181 (1673) года марта въ 17 день дѣлалъ пищаль Василій Титовъ; пищаль-штуцеръ во всю длину гранями, съ подписью 1654 года; времени царя Ѳедора Алексѣевича—пищаль осьмивинтовочная, съ серебряною насѣчкой, въ травахъ на конѣ изображенъ всадникъ, по рединѣ ствола наведеная серебромъ подпись: боярина и оружничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, станокъ ольховый, убранъ по прикладу вставками изъ кости, на перѣ изображены человѣческія фигуры и звѣри; времени царя Петра Алексѣевича—пищаль шестивинтовочная, съ серебряной насѣчкой, изображеніемъ двуглаваго орла и надписью, 1692 года [1]).

Кромѣ огнестрѣльнаго оружія, изъ домашняго и привознаго желѣза выдѣлывалось на Руси XVII вѣка холодное оружіе, къ которому въ то время принадлежали также всякаго рода доспѣхи, какъ-то: панцыри, брони,. кольчуги, стрѣлы, луки и проч. Изготовленіе ихъ, до размноженія на тогдашней Руси желѣзныхъ заводовъ, сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Москвѣ, при царскомъ дворѣ, современное описаніе котораго за 1610—1613 г.г., между прочимъ, повѣствуетъ: „Вверху назади, въ палатахъ на то устроено мѣсто, гдѣ дѣлаютъ про Государя златые утвари и серебряные и подлѣ того оружейничья полата, приказана боярину да діяку: Государскіе всѣ тутъ сбои, латы и бехтерцы (кольчатыя латы), зерцалы (брони), и юмшаны (кольчужные полукафтанья), и кольчюги, и пансыри, шапки булатные и шеломы (шлемы), сабли, и самопалы, копья и рогатины“ [2]). Мастеровъ доспѣшныхъ дѣлъ въ русскихъ документахъ XVII вѣка поименовывается пятнадцать, въ томъ числѣ стрѣльныхъ дѣлъ 1, лучныхъ 2 чел. и только одинъ иноземецъ (Кальтгофъ, онъ же пищальныхъ дѣлъ мастеръ) [3]). При недостаткѣ такихъ мастеровъ въ

[1]) Московская Оружейная Палата, 1860, стр. 239, 245—247.
[2]) Акты Историч. т. II, № 355 стр. 425.
[3]) *Сахаровъ:* Обозрѣн. русс. археол., стр. 28—45.—*Забѣлинъ:* О металл. произв. въ Росс. до кон. XVII в., стр. 110—136.

Москвѣ, за ними посылали въ Астрахань, какъ это видно изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, отъ 24 апрѣля 1661 года, астраханскому воеводѣ князю Черкасскому [1]), гдѣ требуется немедленнаго найма кавказскихъ „панцырныхъ дѣлъ мастеровъ и булатнаго сабельнаго дѣла сварщиковъ“ за годовое жалованіе и „кормъ большой“; на дорогу же этимъ мастерамъ слѣдовало выдать: панцырнымъ по 8 алтынъ 2 деньги въ день, а булатному по пяти алтынъ.

Независимо отъ заготовленія доспѣховъ въ Москвѣ, нѣкоторые изъ нихъ покупались казной и въ Сибири, какъ показываетъ грамота [2]) 14 іюля 1675 г. верхотурскому воеводѣ Ѳедору Григорьевичу Хрущову, изъ которой явствуетъ, что уже въ 1669 году правительство покупало панцыри въ Тобольскѣ и Томскѣ; въ 1675 году оно приказало покупать всѣ панцыри въ казну, и въ частныя руки ихъ не продавать подъ страхомъ „быть въ опалѣ и въ разореньѣ“. Производство панцырей въ Сибири XVII в. было дѣломъ, конечно, не инородцевъ, но русскихъ поселенцевъ, единственно которыхъ могло касаться также слѣдующее правительственное распоряженіе, объявленное въ томъ же 1675 г., по случаю необходимости исправить починкою вооруженіе сибирскихъ городовъ: „будетъ гдѣ кузнецовъ и бронныхъ мастеровъ нѣтъ, и для того дѣла по самой нуждѣ присылать кузнецовъ и бронныхъ мастеровъ изъ Енисейска и изъ иныхъ Томскаго разряду городовъ и остроговъ, и выучить въ Томску и Томскаго разряду въ городѣхъ и острогахъ, и на Ленѣ въ Якутскомъ, въ Илимскомъ, въ Даурахъ бронному и кузнечному дѣлу учениковъ, взявъ ихъ изъ казачьихъ и изъ стрѣлецкихъ дѣтей; и быть въ городѣхъ и острогахъ новымъ кузнецомъ и броннымъ мастеромъ сверхъ прежнихъ и жалованныхъ кузнецовъ и бронныхъ мастеровъ, по сколку человѣкъ приведетца. А покамѣсто ученики бронному и кузнечному дѣлу учатца и имъ давать изъ нашей, великаго государя, казны кормъ—тѣмъ, кто будетъ выучитца—по четыре денги че-

[1]) Акты историческіе, т. IV, № 155.
[2]) Тамъ же, № 255.

ловѣку на день или, противъ того же, по торговой цѣнѣ хлѣбомъ. А какъ тѣ ученики бронному и кузнечному дѣлу у присылныхъ и у туточныхъ кузнецовъ и бронныхъ мастеровъ выучатца, и присыльныхъ кузнецовъ и бронныхъ мастеровъ отпустить въ тѣ городы, кто откуда; ученикомъ и прежнимъ кузнецомъ и мастеромъ ружье починивать и вновь дѣлать съ великимъ радѣньемъ" [1]).

Склады оружія, изготовлявшагося мастерами доспѣшныхъ дѣлъ или бронными и кузнецами, не ограничивались Оружейною Палатою въ Москвѣ и кремлями по разнымъ городамъ, но имѣлись также въ монастыряхъ, что явствуетъ изъ грамоты, посланной изъ Москвы 20 ноября 1653 г. отъ царя Алексѣя Михайловича на Волокъ-Ламской, въ Іосифовъ монастырь архимандриту Іору съ приказаніемъ изъ монастыря и изъ иныхъ изо всѣхъ монастырей, которые въ городѣхъ, не вѣдомы въ Іосифовѣ монастырѣ, ратную збрую, латы, куяки, пансыри, колчюги, бахтерцы, и наручи, и зарукавья, и наколѣнки, шишаки и шапки, мисюрки и всякую сбрую, отправить тотчасъ же въ Москву [2]). И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ, напр. въ Кирилово-Бѣлозерскомъ, сохраняются остатки прежнихъ складовъ оружія.

Кое-какія понятія о самой техникѣ русскаго доспѣшнаго дѣла въ XVII вѣкѣ могутъ быть выведены развѣ только изъ уцѣлѣвшихъ записей московской мастерской палаты того времени, излагавшихся большею частью такъ: „Въ дѣлѣ (въ работѣ) у доспѣшнаго мастера у Ѳедора у Костентинова государю бахтерецъ [3]) новой, зачатъ дѣлать въ 1643 году при бояринѣ при князѣ Борисѣ Александровичѣ Репнинѣ и сдѣлано по 1644 годъ четыре ряда; и во 1644 году, по государеву указу, тотъ бахтерецъ велѣно наводить золотомъ мишенки (бляшки) и одинъ рядъ въ четырехъ мѣстахъ золоченой" [4]). Важны въ этомъ отношеніи и со-

---

1) Дополн. къ акт. историч. т. VII, № 22.
2) Акты Археограф. Экспед. т. IV, № 66.
3) Бахтерецъ — родъ кольчуги, составленной изъ стальныхъ, соединенныхъ кольцами, пластинокъ, рядовъ въ 20 и больше, съ подзоромъ изъ желѣзной сѣтки внизу.
4) Московская оружейная палата. Изд. 1844, прил. стр. 4.

временныя описанія тогдашнихъ доспѣховъ, напримѣръ: „Бутурлики [1]), косые долики, Григорьева дѣла Вяткина, чрезъ долъ золочены, пряжа и запряжки и наконечники серебряные золочены, тесьма шелкъ червчатъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ, гвоздья серебряные, рѣпейчатые, кольца желѣзные, подложены отласомъ червчатымъ. Калантарь [2]) стальной, доски прорѣзныя, пряжи и наконечники и гвоздья желѣзные золочены, застежки тесьма шелкъ зеленъ, червчатъ съ золотомъ.... Цѣна тысяча рублей. Три куяка [3]) дощатыхъ желѣзныхъ, набиты на червчатомъ бархатѣ, гвозди репейчатые мѣдные, дѣланы по кофтанному; въ томъ числѣ одинъ на сторону съ пряжами, пугвицы на снуркахъ шолкъ вишневъ съ золотомъ, голунъ у двухъ золотой, у третьяго серебряный, подложены сафьяномъ желтымъ, полы подложены у одного стамедомъ зеленымъ, у другаго атласомъ цвѣтнымъ, у третьяго камкою цвѣтною. Латы черные, съ шапкою, съ оплечьемъ и съ полами, безъ зарукавья; двѣ полы задніе и передніе набираны на ремняхъ, гвозди и круги желѣзные золочены. Шапка ерихонская [4]) краснаго желѣза, Микитина дѣла Давыдова, вѣнецъ и на верхъ вѣнца другой вѣнецъ, и подвершье и полка и затылокъ, наведено золотомъ травы, да посреди шапки короны наведены золотомъ... носъ съ лица наведенъ золотомъ травы, и подъ золоченъ гладью, на верху накладная золотая, а на ней ангелъ хранитель, чеканный съ финифтью... Двои лопасти, одне червчатые, другіе желтые отласные. Юмшанъ [5]) московское дѣло стальной, а на немъ рѣзаны травы и позолочены, и промежъ золота наведено серебромъ, безъ пуговицъ“. Въ тѣхъ же описяхъ упоминаются: кирисы (кирасы) [6]) — мерекляные, вороненые, личные,

---

[1]) Бутурлики — стальные наножники изъ трехъ, выгнутыхъ по ногѣ отъ колѣна до плюсны и по икрѣ, бляхъ, соединенныхъ кольцами и пряжками сзади.

[2]) Калантарь—латы изъ стальныхъ дощечекъ, соединенныхъ кольцами.

[3]) Куякъ — латы изъ стальныхъ дощечекъ, нашитыхъ на бархатъ, сукно, даже прямо на кафтанъ; отсюда куяки бархатные, суконные и на кафтанное дѣло.

[4]) Ерихонская, т. е. юргенская или грузинская.

[5]) Юмшанъ—кольчуга, застегивающаяся спереди, какъ полукафтанъ; грудь и спина изъ стальныхъ дощечекъ, соединенныхъ кольцами; рукава, воротъ, оплечья и подзоръ кольчатые.

[6]) Кирисами—отъ богемскаго *kiris*—или кирасами назывался тогда полный *латный* нарядъ, съ шапкой, нарамниками, наколѣнками, рукавицами и сапогами.

малеваные; пансыри — узловатый, хрящевой, коробчатый, острогвоздь, плоскогвоздь; наручи — краснаго булата, стальные, желѣзные вороненые или чеканные, украшенные золотой насѣчкой и драгоцѣнными каменями.

Изъ оружія не огнестрѣльнаго русской работы XVII вѣка въ современныхъ документахъ встрѣчаемъ такія описанія, частію поясняющія и техническую сторону дѣла: „Копье троегранное съ перьемъ, подъ перьемъ яблочко золочено, тулея осмигранная, золоченая и серебреная черезъ грань; подъ тулеею бахрама золота съ серебромъ... дерево черное, наконечникъ желѣзный. Лукъ московское дѣло, писанъ по насыпи золотомъ; кибить и подзоръ и кайма по зеленой землѣ, кости буйволовые, рога рыбей зубъ врѣзывано золото; тетива и живцы оботканы золотомъ пряденымъ. Полосы (сабельныя) булатъ синей московской выковъ. Двѣ полосы стальныя московское дѣло, на литовской выковъ, бывала съ зерны (жемчугомъ). Рогатина булатная прорѣзная, яблочко наведено золотомъ, скепище (ратовище) кость бѣлая, чешуйчатая; на скепищѣ яблочко съ трубкою, три сучка серебряные золочены, уяки шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ по алому хзу (сафьяну), клинъ серебряный. Самострѣлъ [1]) московское дѣло, болтовой станокъ кленовый, опушка кости лосинные, рѣзанъ разводъ по сторонамъ, кости мелкія, промежъ костей разцвѣчено костьми зелѣзеными (желѣзными). Самострѣлъ болшой московское дѣло, прикладъ на обѣ стороны, станокъ яблоновой врѣзываны раковины, около раковинъ разводъ мѣдной, мѣдь золочена, спускъ по пищалному. Четыре топора московское дѣло, стальные, наведены золотомъ, травы розметныя на обѣ стороны, въ травахъ по два льва, въ срединѣ по кругу, въ кругахъ по орлу съ корунами, съ правой стороны въ орлѣ по человѣку на конѣ колютъ змію, а съ лѣвой стороны въ орлѣ по андроку (единорогу). Обухи наведены золотомъ, на обухахъ по два яблока прорѣзные, топорища оправа серебряная

[1]) Самострѣлъ—стальной лукъ съ ложей и стволомъ для стрѣлы, тоже что arquebuse (arc à buse—лукъ съ дуломъ); при самострѣлѣ—воротъ для натягиванья тетивы, назывался коловоротомъ самострѣльнымъ.

чеканная золоченая, на концѣ въ синяхъ хозы бѣлые; въ наконечникахъ по 10 бирюзъ. Торчь [1]) стальной личной съ лѣвою рукою, рука воронена съ шпагою; по щиту и на рукѣ дощечки и гвоздья желѣзные золочены, рѣпейчаты; бахрома около руки и торча шолкъ лазоревъ съ червчатымъ, подложенъ отласомъ червчатымъ, снуръ въ столбецъ и кисти шелкъ бѣлъ, чернъ съ жолтымъ“ [2]). Вотъ еще нѣсколько экземпляровъ оружія и доспѣховъ по описнымъ книгамъ одного монастырскаго склада въ 1668 году: „Сабля, полоса русское дѣло на Черкаское, съ долами; ножни хозъ (сафьянъ) зеленъ; крыжъ (эфесъ) и оковы желѣзные, навожены по нихъ травы серебромъ; по оковамъ же и на крыжу прибито пять травокъ серебряныхъ чеканныхъ; наболдашникъ да два жучка серебряные жъ; поясъ трехъ шелковъ столпчатой. Сабля, русская полоса, съ долами, по ней насѣканы травы и съ лѣтописью; крыжъ и наболдашникъ и оковы на ножняхъ желѣзные, ножны подъ черною кожею; поясъ ременный. Сабля, полоса русская, гладкая, по ней насѣканы травы; ножни подъ черною кожею; крыжъ и наболдашникъ и оковы желѣзные, поясъ ременной. Сабля, полоса русская, съ долами, конецъ вострой; ножни хозъ черной, крыжъ и наболдашникъ и оковы мѣдные, съ травами; поясъ ременной строченой, съ мѣдными пряжи. Сабля, полоса русская, съ долами недомѣрокъ; крыжъ красные мѣди; ножни подъ черною кожею; наболдашникъ и оковы зеленые мѣди; поясъ ременной, съ мѣдными пряжи. Сабля, полоса русская, съ долами, на булатное дѣло, съ травками; ножны подъ чернымъ хозомъ; крыжъ и оковы мѣдные, травы на нихъ чеканныя; наболдашникъ и наконешникъ мѣдные, гладкіе; поясъ ременной. Сабля, полоса русская, съ долами; крыжъ съ накулашникомъ, ножни подъ черною кожею, наболдашникъ и оковы желѣзные; поясъ ременной. Самострѣлъ желѣзной, съ храпами. Двадцать колчановъ безъ налучей. Одиннадцать луковъ русскихъ, съ костьми, державыхъ, иные въ нихъ попорчены, безъ тетивъ. Сто восемьдесятъ стрѣлъ желѣз-

[1]) Торчь—щитъ съ рукою и кинжаломъ.
[2]) Московская оружейная палата. 1844. Приложенія.

ницъ, иные въ нихъ безъ перья [1]). Пятьдесятъ одинъ топорикъ подорожныхъ новыхъ, всѣ съ топорищами крашеными, одинъ въ нихъ съ пистолью и съ обушкомъ. Десять бердышевъ [2]) новыхъ, съ крюками и съ ратовищами вязовыми. Шпага, желѣзо шпанское; ножны русское дѣло, оправа желѣзная. Чеканъ [3]) желѣзной, оправа серебряная, черенъ покрытъ хозомъ чернымъ, наконешники серебряные чешуйчатые, перевитъ проволокою серебряною. Чеканъ, носъ желѣзной, обухъ мѣдной, черенъ покрытъ сафьяномъ чернымъ, по концамъ обито желѣзомъ бѣлымъ, перевитъ проволокою желѣзною. Два шестопера [4]), одинъ о семи перахъ, другой о шти (6). Сто шестьдесятъ кистеней желѣзныхъ. Семдесятъ пансырей. Семь бахтерцовъ. Три шапки мисюрки [5]). Двѣ нагавицы кольчужныя. Четыре наплечника желѣзныхъ дощаныхъ на концахъ. Десятеры латы. Двадцать три шишаки [6]), желѣзныхъ, безъ наушниковъ. Восмь шишаковъ съ наушниками. Тридцать семь шеломовъ“ [7]).

И оружіе и доспѣхи выдѣлывались также на желѣзныхъ заводахъ. Марселисъ въ 1668 г. положилъ такую подрядную цѣну своимъ издѣліямъ этой категоріи: мушкетные стволы по 20 алтынъ стволъ; шпаги, съ крыжами и ножнами, по 20 алтынъ шпага;

---

[1]) Стрѣлы по старымъ описямъ упоминаются: яблоновыя, чипрасовыя, березовыя, кипарисныя, индѣйскаго дерева, камышевыя, нѣмецкаго дерева, кедровыя; ушки—рыбей зубъ, костяныя слоновыя; въ ушкахъ бирюза; перье — бѣлохвосцовое, беркучье (орлиное), павлиное; въ перье перевито золотомъ плащенымъ, подъ перьемъ перевито жъ золотомъ пряденымъ; желѣзца—трехгранныя, четверогранныя, прорѣзныя съ яблочьки, золочены, стальныя, ложчатыя съ долики золочены и воронены. Стрѣлы *съ накосточками*, вмѣсто желѣзцовъ, назывались *северами* и *томариками*. Стрѣлы считались гнѣздами, напримѣръ, «757 гнѣздъ стрѣлъ разныхъ дѣлъ, копейцы желѣзныя».

[2]) Бердышъ—отъ польскаго bardycz—рукопашное оружіе, въ видѣ широкаго на длинномъ древкѣ топора, съ острыми, какъ у луны, рогами, назывался и *сѣкирой*. Въ торжественныхъ случаяхъ употреблялся такъ наз. жильцами.

[3]) Чеканъ—молотъ, съ клевцомъ на другой сторонѣ.

[4]) Шестоперъ—восточный буздыханъ о шести перьяхъ. Тотъ же буздыханъ, но о 7—12 перьяхъ, назывался *пернатомъ* или *перначемъ*.

[5]) Мисюрками или мисюрскими шапки эти назывались потому, что выдѣлывались лучшія въ Каирѣ, арабское названіе котораго *Масръ*. Вотъ полное описаніе шапки—мисюрки: черепъ стальной, наведенъ серебромъ волоченымъ, золоченымъ; крутомъ по вѣнцу слова арабскіе; межъ ими три мишенцы (бляшки); на верху репей да кольцо съ пробоемъ серебряные; бармица (оплечье) желѣзная, подзоръ мѣдной.

[6]) Шишаки—тѣ же шеломы, но не остроконечной, а конической формы и безъ выпуклости, съ наушниками и затылками дощатыми.

[7]) Оружейная палата Кирило-Бѣлоезерскаго мон. по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. Отд. рус. и слов. арх. Им. Арх. об. 1851, т. I, от. III, стр. 5—46.

сабельные полосы по 20 алтынъ; бердыши, противъ образца, по 5 алтынъ бердышъ; за полпики по 4 денги; топорки путные, противъ бердышей, по 5 алтынъ; „а протазаномъ [1]) цѣну скажетъ, смотря образца“ [2]).

Замѣчательнѣйшими образцами оружія и доспѣховъ русской работы XVII вѣка остаются до нынѣ хранящіеся въ московской оружейной палатѣ: А) времени царя Михаила Ѳедоровича—1) зерцало, т. е. броня, составленая изъ желобчатыхъ стальныхъ щитковъ и украшенная золотой насѣчкой; на круглыхъ щитахъ—грудномъ и спинномъ—изображены двуглавые орлы съ московскимъ гербомъ; вокругъ орловъ вычеканены царскій титулъ и подпись; дѣлалъ мастеръ Митрій Коноваловъ, а вытравливалъ и золотилъ нѣмецъ Андрей Тирманъ, въ 1616 году; цѣна этому зерцалу въ описяхъ 1687 г. назначена 1500 руб.; 2) бахтерецъ стальной, наведенъ черезъ рядъ золотомъ, опушка и пряжки желѣзные золоченые, наконечники серебряные; дѣлалъ мастеръ Кононовъ; цѣна 1000 руб.; 3) булава, вмѣсто яблока лазоревый камень; черенъ обтянутъ краснымъ бархатомъ и обвитъ кованою серебряною золоченою съ черныо лентой; 4) два протазана, съ означеніемъ 1634 г.; 5) мечъ булатный большой, безъ ноженъ; на рукояти остатки парчи, принадлежалъ боярину Михаилу Борисовичу Шеину [3]); 6) полоса стальная, московскаго выкова, съ округлыми зубцами; собственность „бояриня Бориса Александровича Рѣпнина“ [4]); 7) шапка ерихонская „боярина князя Алексѣя Михайловича Львова“ [5]); 8) „перо, что бываетъ въ шелому, обдѣлано золотомъ; въ немъ вставливаны лалики и бирюзки, къ

---

[1]) Протазанъ—отъ французскаго *pertuisane*—бердышъ, увѣнчанный рѣзнымъ двуглавымъ орломъ.

[2]) Дополн. къ акт. историч. т. V, № 77, I.

[3]) Этотъ Шеинъ, боярствовавшій съ 1606 г. и проименованный отъ современниковъ *доблимъ*, т. е. доблестнымъ, казненъ въ Москвѣ за неудачу подъ Смоленскомъ въ 1634 г.

[4]) Князь Б. А. Рѣпнинъ, бояринъ съ 1640 года, умеръ бояриномъ и дворецкимъ въ 1670 г.

[5]) Князь А. М. Львовъ, съ 1628 г. окольничій, съ 1634 г. бояринъ и дворецкій съ 1652 г., уволенный отъ дѣлъ и умершій въ 1653 году, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени.

верху шесть прядей жемчужныхъ, да шесть полосокъ золоты съ искорки съ лаловыми и бирюзными, сверху, въ закрѣпахъ, шесть лаликовъ, да шесть зеренъ жемчужныхъ; цѣна двадцать пять рублевъ“; Б) времени царя Алексѣя Михайловича—9) зерцало или броня, съ насѣченными вокругъ орловъ: на переднемъ кругу—царскимъ титуломъ, на заднемъ—подписью; дѣлалъ въ 1670 году мастеръ Григорій Вяткинъ, цѣна 1500 руб.; 10) палашъ—„полоса стальная, врѣзывано золото, травы, черенъ яшмовой; ножны поволочены бархатомъ цвѣтнымъ, земля серебряная; оправа на ножнахъ золотая; въ черену и въ оправѣ врѣзывано золотомъ съ каменьи; купленъ у боярина Семена Волынскаго за сто рублей, 1645 года“; 11) сабля булатная, московскаго дѣла 1661 года; полоса гладкая краснаго булата; рукоять и огниво украшены бирюзами, яхонтами и изумрудомъ; ножны красныя бархатныя въ золотой оправѣ; 12) сабля булатная, черенъ жодовый (яшмовый) по обуху, низу и основу украшена лалами; ножны черныя хзовыя; устье, наконечникъ и обоймы золотые съ яхонтами, алмазами и изумрудами; поднесена царю Алексѣю Михайловичу гостиной сотни Исаіей Шиловцовымъ, 1668 г.; В) времени царя Петра Алексѣевича—13) сабля, полоса булатная съ изображенными золотомъ Богоматерью и Предвѣчнымъ Младенцемъ, надъ ними два ангела, держащіе корону; выше этихъ изображеній вставлены яхонтъ и изумрудъ, съ означеніемъ 1692 г., на другой сторонѣ конное изображеніе св. Георгія, черенъ черепаховой [1]).

Оружіе всякаго рода было распространено на Руси XVII вѣка въ значительной степени, очевидно отъ тогдашней организаціи земскаго войска. „И ты бъ — писалъ царь Алексѣй Михайловичъ 28 октября 1652 г. на Елецъ воеводѣ Борецкому, Елчаномъ дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людемъ сказалъ, чтобъ они къ службѣ совсѣмъ были готовы, и у людей у ихъ и у крестьянъ пищали, и зелья, и свинецъ, и рогатины, и бердыши у всѣхъ были, чтобъ въ татарской приходъ никаковъ человѣкъ безъ ружья

---

[1]) Московская оружейная палата. 1860. стр. 237—258.

(оружія) не былъ“ [1]). Оружейные мастера въ Москвѣ пользовались правительственнымъ вниманіемъ даже въ отношеніи мѣста своего жительства; такъ 23 сентября 1673 года „Великій Государь указалъ: сабельнаго дѣла иноземцевъ Петрушку Васильева, Гришку Литовицкаго, Ѳедьку Мартынова, Ваську Иванова, въ Мѣщанскую слободу не имать, а жить имъ въ Бронной слободѣ, для того, что дѣлаютъ они въ Оружейной Палатѣ всякія оружейныя дѣла“ [2]). Дѣла въ Оружейной Палатѣ происходили подъ смотрѣніемъ особаго сановника, боярина оружейничаго, должность котораго, установленная еще въ 1511 г. [3]), къ концу XVII вѣка совмѣстила въ себѣ обязанности „Проэктомъ устава“ царя Ѳедора Алексѣевича, излагаемыя такъ: Оружейничей устрояетъ въ нашей Царскаго Величества Оружейной Палатѣ всякіе наши Государскіе воинскіе брони, что употребляемъ мы Великій Государь, наше Царское Величество, въ воинское время противъ непріятель. Еще жъ то его должность, чтобъ всего нашего государства рейторскіе и пѣхотные полки устроены были всякимъ ратнымъ устроеніемъ, что къ воинскому дѣлу належитъ, и въ нашей бы, Царскаго Величества, казнѣ всякихъ воинскихъ припасовъ было въ запасѣ излишнее“ [4]). Тутъ, повидимому, разумѣлось одно только холодное оружіе съ мастерствомъ доспѣшныхъ дѣлъ, тогда какъ часть огнестрѣльная продолжала вѣдаться исключительно Пушкарскимъ Приказомъ, кругъ дѣйствій котораго, впрочемъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ русскихъ желѣзныхъ заводовъ, не ограничивалась уже однимъ военнымъ дѣломъ. Такъ въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ изъ дѣлъ Пушкарскаго Приказа, съ 30 ноября 1681 по 1 января 1685 г., составляющемъ книгу въ 289 листовъ разной величины, по описанію одного изслѣдователя, находимъ: „До 49 л. дѣла по челобитьямъ иноземца Христіана Марселиса, о позволеніи ему нани-

[1]) Полн. Собр. Закон., т. I, № 87.
[2]) Тамъ же, № 559.
[3]) *Успенскій*: Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. 1818. ч. II, стр. 282.
[4]) Проектъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по тридцати четыремъ степенямъ, составленный при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. См. Архивъ истор. юрид. свѣдѣн., относ. до Россіи. 1850. кн. I, от. II, стр. 28.

мать въ Дѣдиловѣ работниковъ, добывать желѣзную руду, для успѣшнаго производства казенной работы на его Тульскихъ, Каширскихъ и Алексинскихъ заводахъ; о выдачѣ ему взятыхъ у него въ Посольскій Приказъ крѣпостей на владѣніе тѣми заводами, раздѣльнымъ между братьями его записей и духовной отца его; о поставкѣ имъ въ казну сдѣланныхъ на его заводахъ разнаго рода воинскихъ снарядовъ и о выдачѣ за то по счетамъ денегъ или, вмѣсто оныхъ, солью и другими потребностями и проч.—л. 50. Троицкаго, что въ Козловѣ, монастыря архимандрита Дороѳея съ братіею, о пожалованіи имъ изъ казны на покрытіе соборной церкви желѣза, или денегъ на покупку онаго, 1683 авг. съ 8 по окт. 13. –Л. 53. Указъ царей Іоанна и Петра о вылитіи на Тульскихъ и Каширскихъ желѣзныхъ заводахъ трехъ тысячъ трехъсотъ семидесяти пяти чугунныхъ досокъ, аршинныхъ, головчатыхъ, съ наугольники (не сказано на какое употребленіе; но далѣе изъ бумагъ видно, что таковое количество чугунныхъ досокъ изотовлено было на мостъ Кремля города, что промежъ соборной церкви Успѣнія и Михаила Архангела), и память о томъ иноземцу Марселису 1683 ноября 3.—Л. 55. Указъ царей Іоанна и Петра о вымощеніи чугунными досками половъ въ церквахъ Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ именуемаго) монастыря и о взятіи росписи изъ того монастыря, сколько таковыхъ досокъ надобно, 1683 г. декабря 14.—Л. 58. Объ отпускѣ въ Смоленскъ, къ строенію соборной церкви, связнаго желѣза шестисотъ берковцовъ, по челобитью Симеона, митрополита смоленскаго, 1684 г. февраля 12.—Л. 62. Жалоба заводчиковъ Андрея Бутенанта да Христіана Марселиса на олонецкаго уѣзда Кижскаго погоста старосту Попова, въ причиненныхъ имъ насильствахъ и побояхъ мастеровымъ и рабочимъ людямъ ихъ на Олонецкихъ заводахъ, куда онъ пріѣзжалъ многолюдствомъ съ бердышами, рогатинами и проч. 1684 февраля 27 записана въ Приказѣ—и грамота о томъ на Олонецъ, воеводѣ Ив. Ив. Панину.—Л. 69. Объ отправленіи въ украиный городъ Бѣлополье, для осторожности отъ непріятельскихъ людей, съ Тульскихъ заводовъ пяти пушекъ желѣзныхъ и

къ нимъ по сту ядеръ, 1684 марта 14.—Л. 71. Объ отправленіи съ Тульскихъ заводовъ на Воронежъ, на струговое дѣло, прутоваго желѣза, 1684 марта.—Л. 102. Запись Кирила, Гаврила да Ларіона Болотовыхъ объ отдачѣ ими въ наемъ иноземцу Марселису земли къ желѣзному его заводу, въ Коширскомъ уѣздѣ въ Тѣшиловскомъ стану.—Л. 107. Челобитная Бутенанта и Марселиса на Ѳолмогубца Дорофея Тимофеева въ неправильномъ завладѣніи землями, приписанными къ Олонецкимъ ихъ заводамъ.—Послѣднее дѣло, съ 287 л., 1685 генваря 1 о пріемѣ отъ заводчика Марселиса изготовленныхъ имъ пищалей, ядеръ и гранатъ, и о выдачѣ ему за оныя денегъ 1363 руб. 30 алтынъ" [1]).

Оставаясь въ теченіе всего семилѣтняго періода правленія царевны Софіи при томъ же разнообразіи предметовъ вѣдѣнія, Пушкарскій Приказъ, вскорѣ по устраненіи царевны отъ правительствованія, долженъ былъ, на ряду со всѣми прочими Приказами, подчиниться до того времени неслыханной монополіи, которая доставлялась одному изъ родичей царскихъ слѣдующимъ именнымъ указомъ царей Ивана и Петра Алексѣевичей, объявленнымъ 29 января 1692 г.: „На Москвѣ изо всѣхъ Приказовъ, къ строенію всякихъ полковыхъ припасовъ и каменныхъ и иныхъ дѣлъ, также, во время службъ, въ полки бояръ и воеводъ, и въ городы, для строенія жъ и починки всякихъ полковыхъ же припасовъ, желѣзо покупать на Тульскихъ желѣзныхъ заводѣхъ, по прежнему своему Великихъ Государей указу, какъ на тѣхъ заводахъ желѣзо имано напередъ сего у иноземца у Крестьяна Марселиса. А нынѣ тѣ заводы за бояриномъ за Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ. А за взятое съ сего ихъ Великихъ Государей указу желѣзо деньги изъ Приказовъ давать за пудъ по настоящей торговой цѣнѣ. А окромѣ тѣхъ заводовъ, желѣза изо всѣхъ Приказовъ ни на какіе росходы ни гдѣ ни у кого не покупать" [2]).

---

[1]) *Востоковъ*: Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума. 1842. № СП.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. Ш № 1433.

Послѣднимъ видомъ желѣзнаго дѣла на Руси XVII вѣка былъ, такъ называвшійся тогда, кузнечный промыслъ, который однако въ настоящемъ случаѣ не слѣдуетъ ограничивать однимъ только буквальнымъ его значеніемъ. Въ XVII вѣкѣ русскій кузнечный промыслъ обнималъ собою все, что относилось къ желѣзнымъ подѣлкамъ всякого рода, кромѣ описанныхъ выше, и, слѣдовательно, былъ несравненно обширнѣе нынѣшняго. Кромѣ того, русскій кузнечный промыслъ, вообще, имѣя за собой древность, можно сказать, до-историческую, къ XVII вѣку успѣлъ уже прочно водвориться въ разныхъ мѣстностяхъ тогдашней Руси и, какъ необходимый всѣмъ, кормилъ цѣлые города. Изъ грамоты царя Михаила Федоровича отъ 28 марта 1638 г. къ Игнатію Андреевичу Судакову [1]) видно, что въ Шуѣ, напримѣръ, кромѣ кузнечнаго промысла и печенія хлѣба и калачей, никакого промысла не было. Кузнечный промыслъ приказные очень стѣсняли тамъ подъ предлогомъ пожаровъ и за разведеніе огня въ непоказанные дни били посадскихъ батогами, сажали въ тюрьму и брали два рубли штрафа. Царь отмѣнилъ эти стѣсненія.

Нельзя сказать однако, чтобъ русскіе города XVII вѣка, промышлявшіе желѣзнымъ дѣломъ, имѣли большіе запасы желѣза. Василій Хомутовъ, посланецъ царя Бориса Годунова на Верхотурье въ 1602 г., долженъ былъ захватить съ собою еще въ Вологдѣ, „для мангазейскаго ходу“ двадцать якорей двоерогихъ, „да на сибирскіе расходы сорокъ пудъ желѣза“ [2]), а князь Барятинскій, ярославскій воевода 1608 г., державшій сторону Лжедмитрія II, на просьбу гетмана Сапѣги: „прислать желѣза... сколько въ Ярославлѣ будетъ“, отвѣчалъ: „и въ Ярославлѣ я сыскалъ, у торговыхъ людей, желѣза сто двадцать пудовъ... и то желѣзо послалъ я къ тебѣ съ сыномъ боярскимъ съ Микитою Степановымъ, ноября въ 11 день“ [3]). Исключеніемъ оставалась одна Устюжна-Желѣзопольская. По преданіямъ, собраннымъ на мѣ-

---

[1]) Акты Археограф. экспед. т. III № 278.
[2]) Акты историч. т. II, № 345.
[3]) Тамъ же, № 104.

стѣ г. Поливинымъ, огромное, по всей вѣроятности, количество желѣза свозилось въ Устюжну и тамъ перековывалось въ издѣлія. Въ одно и то же время, какъ тысячи рукъ добывали руду и продували ее въ домницахъ, другія тысячи рукъ трудились надъ превращеніемъ металла въ издѣлія. До восьмисотъ кузницъ стояло по берегамъ рѣкъ Ижмы и Мологи и по краямъ города, и въ нихъ-то, съ утра и до поздней ночи, раздавался стукъ молота; прозвище „кузнецовъ" осталось навсегда за устюжанами, даже за неповинными въ желѣзномъ дѣлѣ ихъ потомками. Кильбургеръ свидѣтельствуетъ [1]), что желѣзные заводы временъ Алексѣя Михайловича прекратили выдѣлку желѣзныхъ издѣлій, такъ какъ дешевизною не могли конкуррировать съ частными мастерами, особеннно крестьянами.

Степень распространенія производства желѣзныхъ издѣлій на Руси въ XVII вѣкѣ указывается уже тѣмъ фактомъ, что въ 1677 г. въ одной только Мѣщанской слободѣ Москвы, имѣвшей оружейную палату въ Кремлѣ, пушечный дворъ за Неглинной, желѣзный рядъ въ гостиномъ дворѣ, а неподалеку и нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, числилось по дворовой описи слѣдующее количество хозяевъ, промышлявшихъ мастерствами желѣзныхъ дѣлъ: броннымъ—1, игольнымъ—5, кузнечнымъ—20, ножевымъ—1, пищальнымъ—4, сабельнымъ—4; торговали желѣзомъ двое... [2]). Отставали по этой части только отдаленныя, глухія мѣстности восточной Сибири: „И въ Якутцкомъ острогѣ—писалъ къ царю въ 1676 г. воевода Барнешлевъ—кузнечный мастеръ одинъ человѣкъ, ссылной новгородецъ Тимошка Гавриловъ, которой, по твоему великаго государя указу, присланъ въ Якутцкой въ посадъ... въ 175 (1667) году, и тотъ, государь, Тимошка старъ и увѣченъ и билъ челомъ тебѣ великому государю, а мнѣ, холопу твоему, подалъ челобитную, чтобъ ты, великій государь, его Тимошку пожаловалъ, велѣлъ за его старость и увѣчье, отъ куз-

---

[1]) *Кильбургеръ*: извѣстія о русскій торговлѣ 1674 г., стр. 169.
[2]) Опись московской Мѣщанской слободы, обывательскимъ дворамъ 1677. См. Чтенія въ Общ. Исторія и Древ. Росс. 1860. кн. II, смѣсь. стр. 1—20.

нечнаго дѣла отставить.... а безъ бронныхъ, государь, и кузнечныхъ мастеровъ въ Якутцкомъ острогѣ никоими мѣры быть не мочно, потому что городъ украинной, и служилые люди, которые посылаютца изъ Якутцкаго на твои, великаго государя, службы, попорченаго ружья починить не умѣютъ и вновь дѣлать нѣкому" [1]). Само собой разумѣется, что ссыльный кузнецъ въ Якутскомъ острогѣ работалъ обязательно; но его собратья въ Москвѣ, справлявшіе казенную работу по найму Разряднымъ Приказомъ, получали поденную плату съ тѣхъ поръ, какъ именнымъ указомъ 23 мая 1660 г. было повелѣно: „Каменьщикомъ и плотникомъ и *кузнецомъ*, которые впредь изъ разряду его государевыхъ дѣлъ на Москвѣ будутъ, государева жалованья на кормъ давать по два алтына человѣку на день" [2]). Не говоря о работахъ казенныхъ, кузнецамъ того времени могло найтись дѣло и у частныхъ людей, конечно, зажиточныхъ, имущества которыхъ, помимо желѣзныхъ издѣлій, представляли запасы желѣза не въ дѣлѣ, едва ли возможные и нужные теперь. Для образца можетъ служить перечень желѣзныхъ вещей въ имуществѣ патріарха Никона [3]).

Въ описи дворянскаго имѣнія 1671 г. находимъ: „замокъ нутряной глездунъ Колмогорское дѣло; четыре замки висячіе ко-

---

[1]) Допол. къ акт. истор. т. VII, № 22.

[2]) Полн. Собр. Закон. т. I, № 275.

[3]) Переписная книга домовой казн. въ 1658 г... Временникъ Имп. Общества истор. и древн. росс. 1852 г. кн. XV, ст. II, стр. 1—134.... „Ставъ съ ножами оболоченъ бархатомъ червчатымъ, по немъ въ длину кладенъ голунъ серебряной, а въ немъ восмь ножей нѣмецкаго дѣла, черенье обложены серебромъ, цѣлые, да два ножа изломанныхъ того жъ дѣла. Ставъ съ ножами, и въ немъ семь ножей нѣмецкаго дѣла, черенье костяные. Три ножа Кириловскіе (?) въ ножнахъ. Девять ножей, черенье рыбьи. Связни, ножны оправлены серебромъ. Ножъ, черенъ хрустальный, обоймицы серебряные. Ножъ большой съ ножонами. Ножъ подсаадшной съ ножонами... Полшесты ($5^1/_2$) пары пистолей колесныхъ, и въ томъ числѣ, одна пара съ олстрами, а полъ пяты ($4^1/_2$) пары безъ олстровъ. Двѣнадцать паръ съ олстрами. Шесть пистолей безъ олстровъ. Семнадцать карабиновъ съ замками. Стволъ желѣзной пищальной, ложа испорчена. Двѣ саблишки. Четырнадцать шишаковъ.... Два кіота образные бѣлаго желѣза.... Вѣкша желѣзная, что воду черпаютъ. Чепь желѣзная съ крюкомъ. Двадцать паръ топоровъ. Сто топоровъ новыхъ. Четыре скобели. Девять засовъ желѣзныхъ. Семьдесятъ сѐмь листовъ желѣза нѣмецкаго двойнаго. Восмь бочекъ цѣлыхъ и сорокъ одинъ листъ желѣза нѣмецкаго двойнаго бѣлаго. Двѣсти двадцать одинъ листъ, да меньшіе статьи сто пятьдесятъ листовъ желѣза бѣлаго двойнаго. Желѣза Свицковаго (шведскаго) пятьдесядъ двѣ доски. Три пуда одиннадцать гривенокъ желѣза листоваго. Семдесятъ семь сошниковъ цѣлыхъ отрѣзовъ. Желѣза ломанаго всякаго десять пудовъ".

пытчатые; замокъ колотчатой“ [1]). Изъ ножей и замковъ составлялись на Руси XVII вѣка почти цѣлыя коллекціи. Любителямъ и собирателямъ всякихъ ножей, на самомъ прощаньѣ съ XVII вѣкомъ, нѣсколько помѣшалъ царь Петръ, именнымъ указомъ Стрѣлецкому Приказу 14 февраля 1700 г., повелѣвшій въ Москвѣ и въ городахъ, всякихъ чиновъ людемъ ножей остроконечныхъ (кинжаловъ) никому ни днемъ ни ночью не носить, потому что многіе въ дорогахъ, на съѣздахъ и сходахъ, въ ссорахъ и въ дракахъ и въ пьянствѣ, межъ собою такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти; также въ ножевомъ ряду такихъ остроконечныхъ ножей не дѣлать, не держать, и никому не продавать; а если подобные ножи нынѣ въ рядяхъ есть, то ихъ передѣлать и сдѣлать тупоконечными къ 31 марта; за ослушаніе же битъ кнутомъ и ссылать въ ссылку [2]).

Цѣны разнымъ желѣзнымъ издѣліямъ на Руси XVII вѣка по документамъ видимъ слѣдующія: въ 1608 г. — „сковорода желѣзная блинная, цѣна 8 денегъ; полтагана повареннаго желѣзнаго, цѣна 5 алтынъ и 2 деньги“ [3]); въ 1627 г. — „декабря въ 14 день, куплено у кузнеца Семенки Малцова къ пещному дѣйству [4]), 58 шенденцовъ: дано 6 алт. 4 деньги; декабря въ 17 день Семену Малцову кузнецу за 28 шенданцовъ къ пещному дѣйству дано 3 алт. 4 денги“ [5]); въ 1628 г. — „декабря 22 дня, дано кузнецу Куземкѣ Никитину, что онъ дѣлалъ къ пещѣ 50 подсвѣшниковъ, да 7 вертлюговъ з гвоздьемъ, да 24 засовца въ вертлюги, дано ему за все 9 алтынъ 2 деньги“ [6]); въ 1649 г. — 6 связей желѣзныхъ, 12 засывней желѣзныхъ, желѣза надобно 66 пудъ, цѣна 30 руб. 6 алт... 16 засывней и съ обушники,

---

[1]) Опись стариннаго дворянскаго имѣнія въ XVII ст. (1671 года). См. Извѣстія Имп. Археолог. общ. 1859. т. I, стр. 377.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. IV, № 1758.

[3]) Опись и продажа съ публичнаго торга имѣнія Михайлы. Татищева во 116 году. См. Временникъ Импер. Общес. истор. и древн. росс. 1850. кн. VIII, отд. III, с. 23.

[4]) Пещное дѣйство—старинный церковный обрядъ, совершавшійся въ воспоминаніе освобожденія ангеломъ 3-хъ ветхозавѣтныхъ отроковъ, ввергнутыхъ «въ пещь огненную».

[5]) О томъ, что въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ въ старину совершался чинъ пещнаго дѣйствія. См. Извѣстія Имп. Археологич. общ. 1859. т. I, стр. 374.

[6]) Археологическія извѣстія о чинѣ пещнаго дѣйствія. Тамъ же, т. II, 1861. стр. 241.

желѣза надобно 48 пудъ, цѣна 23 руб. 8 денегъ, по 16 алт. за пудъ.... 321700 гвоздей желѣзныхъ, цѣна за 1000 по два рубля, и того 643 руб. 16 алт. 4 ден... 100 гвоздей шивалныхъ къ кружаламъ рубль"[1]); въ 1651 г.—„дано Хрисанфу кузнецу восмь алтынъ двѣ деньги, а онъ сдѣлалъ къ митрополичѣ къ лучшей шапкѣ къ деревянному чахлу площъ (бляху) съ концомъ, серебрилъ, да два замка сдѣлалъ... Въ Торжку подковано Софѣйскимъ поль шестьнадцати ($15^1/_2$) лошади, куплено 10 лошадямъ 10-ры подковы большіе новые, даны рубль, да отъ подкованья дано кузнецу, что старые подковы починивалъ, 32 алт. 2 деньги;" въ 1652 г.—„куплено къ погребамъ 2 замка новыхъ, даны 5 алт. 2 ден., да къ полатѣ къ сушилу починенъ замокъ, дано отъ починки 8 денегъ... куплено къ малымъ воротамъ пробой, данъ два деньги[2])"; въ 1668 г. на Тульскихъ и Каширскихъ заводахъ Марселиса — „связное желѣзо, съ обухами и засовами, и прутовое желѣзо по 16 алтынъ по 4 денги за пудъ. Доски кованыя, къ дверямъ по 30 алтынъ пудъ... Иготей по 10 алт. пудъ... Тонкія кованыя доски, на кровлю, по рублю по 15 алт. по 4 деньги пудъ. А иноземецъ Петръ Марселисъ въ Посольскомъ Приказѣ сказалъ; за соху съ палицею, за пару учнетъ онъ имати великаго государя изъ казны по 2 гривны. За отрѣзъ по гривнѣ. За векши болшія по 6 алтынъ, за среднія по гривнѣ. Всякое желѣзо, въ гвоздяхъ, въ оковахъ колесныхъ, и къ телѣгамъ, и къ иной мелочи, по 23 алтына по 2 денги пудъ. Лопаты и заступы по 6 алтынъ. Ручныя желѣзныя хлѣбомолотныя мелницы по 5 рублевъ"[3]); въ 1673 году для постройки Шуйской тюремной избы мелкіе гвозди покупались по 20 алтынъ пудъ[4]); въ 1674 г. желѣзо стоило: у Марселиса полосовое отъ 5 до $5^1/_2$ гривенъ или отъ 16 алт. 4 ден. до 19 алт. 2 ден.,

---

1) Дополн. къ акт. истор., Т. III, № 48.

2) Росходная книга новгородскаго митрополита Никона 7160 г. См. Временникъ Им. Об. ист. и др. росс. 1852. кн. XIII, отд. II, стр. 1—62.

3) Допол. къ акт. историч., т. VII, № 77. I.

4) *В. Борисовъ и Е. Гарелина:* Старинные акты, служащіе къ описанію города Шуи.

листовое по рублю пудъ; у Акемы, на Петровскомъ и Угорскомъ заводахъ, полосовое отъ 6 до $6^1/_2$ гривенъ или отъ 20 алтынъ до 22 алт. 2 денегъ; листовое по 1 рубл. 3 алт. 2 ден., двойное по 1 руб. 6 алт. 4 ден., литыя вещи по полтинѣ пудъ [1]). Между 1689 и 1695 гг. можно было купить: топоръ за гривну, косу за 5 алтынъ, серпъ въ 1 алтынъ [2]). Въ Сибири желѣзо цѣнилось всегда очень дорого, и въ 1640 г. енисейскіе служилые люди покупали топоры по рублю и по полутора [3]).

Замѣчательнѣйшими и едва ли не единственными образцами желѣзныхъ издѣлій для церковнаго употребленія, завѣдомо русской работы XVII вѣка, сохранились подсвѣчникъ запрестольный, съ двуглавымъ орломъ, въ дворцовой церкви св. Іоасафа царевича, въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ [4]); брачные вѣнцы — въ соборѣ уѣзднаго города Звенигорода, московской губерніи [5]); и дароносица, въ ризницѣ новгородскаго Хутыня монастыря [6]).

---

[1]) *Костомаровъ:* Очерки торговли Московскаго госуд. въ XVI и XVII ст. с. 336.
[2]) Приходо-расходныя записки Еремѣева. См. Временникъ Импер. общ. истор. и др. росс. 1854. кн. XX. Отд. III, стр. 29.
[3]) Дополн. къ Акт. историч. т. II, № 71.
[4]) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей. стр. 49.
[5]) Тамъ же, стр. 51.
[6]) Опись новгородскаго Спасо-Хутынскаго монастыря 1842. См. Записки Им. Археологич. общ. 1857. т. IX, вып. II, стр. 449.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ВѢКЪ XVII.

(Окончаніе).

Торговля оловомъ и свинцомъ.— Добыча сѣры.— Селитроваренie.— Солеваренie, его современная техника.— Монетное дѣло.— Мѣдныя деньги.

Объ оловѣ на Руси XVII вѣка еще царь Ѳедоръ Алексѣевичъ въ одномъ изъ указовъ своихъ писалъ, что оно „въ Московскомъ государствѣ не родится, приходитъ изъ нѣмецкихъ сторонъ“ [1]). Цѣна ему была недорога: олово при царѣ Борисѣ Годуновѣ стоило по 1 рублю пудъ, и цѣна эта сохранилась въ примѣрахъ сочиненной тогда же *первой* русской ариѳметики. Въ „Книжкѣ описательной“ редакціи 1610 г., подъ рубрикой „память товарамъ нѣмецкимъ всякимъ... почему на Москвѣ и на Мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продаютъ“, между прочимъ, читаемъ: „Олово брусчатое, безъ желѣзины, прутья купятъ пудъ 40 алтынъ, а коли дорого 60 алтынъ. Олово рогожное большіе свертки, купятъ пудъ по 1 рублю 13 алтынъ 2 деньги, а коли дорого по 2 рубли. Въ Голантѣхъ купятъ фунтъ по 4 стюверша. Олово личное, узкія полосы, купятъ пудъ полтора рубля, а коли дорого въ 3 рубли“ [2]). На какое употребленіе шло тогда олово и по чемъ стоило въ дѣлѣ, показываетъ слѣдующая выдержка изъ оцѣночной описи имущества, проданнаго съ публичнаго торга въ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. т. II, № 678.
[2]) Торговая книга. См. Записки. Отд. русск. и славян. арх. Импер. Археолог. Общ. 1851. т. I, отд. III, стр. 125.

1608 г.: „Суды Оловянные. 4 оловеники большихъ, у дву кровли сломлены; 3 стопы нѣмецкихъ, 2 в нихъ велики; 2 мисы; 14 блюдъ середнихъ, 9 блюдъ меншихъ; росольникъ; 2 судка столовые съ солонками; 3 гривенки олова досчатаго. И всего въ оловянныхъ судахъ вѣсу и з досчатымъ оловомъ, 2 пуда и 35 гривенокъ; цѣна по 2 алтына и по 2 деньги гривенка“ [1]). Впрочемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ начали дѣлать изъ олова и другое употребленіе, на которое царь, въ грамотѣ пермскому воеводѣ Львову, 10 іюня 1646 г., жаловался такимъ образомъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что привозятъ къ намъ, къ Москвѣ, изъ городовъ цѣловальники денежные всякіе доходы и въ тѣхъ доходѣхъ многія худыя воровского дѣла, мѣдныя и *оловянныя* денги, и въ томъ нашей казнѣ чинится истеря; также и у торговыхъ и у всякихъ людей, на Москвѣ и въ городѣхъ, въ товарныхъ покупкахъ бываетъ въ худыхъ воровского дѣла денгахъ смута болшая. И мы указали: на Москвѣ и въ городѣхъ, изъ нашихъ доходовъ и у торговыхъ и у всякихъ людей, изъ денегъ худыя, воровского дѣла, мѣдныя и оловянныя денги, выбирая, держать въ нашей казнѣ“ [2]). Кромѣ того, пунктомъ I главы V „Уложенія“ 1649 г. узаконялось: „Которые денежные мастеры учнутъ дѣлати... оловянныя... деньги... и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнити смертію, залити горло“ (оловомъ же) [3]). Подобная мѣра, вѣроятно, не осталась безъ вліянія и на обращеніе олова въ издѣлія, болѣе этому металлу приличныя. Знаменитый Никонъ въ 1652 г., еще митрополитомъ новгородскимъ, купилъ на Москвѣ для собственнаго употребленія оловянную дароносицу за 26 алтынъ [4]), а въ 1658 г. онъ же, нося санъ патріарха всероссійскаго, обладалъ множествомъ всякой движимости, опись которой представляетъ

---

[1]) Опись и прод. съ публичн. торга имѣнія Мих. Татищева во 116 г. См. Временникъ Импер. Общ. истор. и др. росс. 1850 кн. VIII, стр. 22.

[2]) Акты Археограф. Экспед. т. IV, № 7.

[3]) Пол. Собр. Закон. т. I, № 1. стр. 7.—*Сокольскій:* О нарушеніи уставовъ монетныхъ.

[4]) Расходная книга новгородскаго митрополита Никона. 7160 года. См. Временникъ Им. Общ. ист. и др. росс. 1852. кн. XIII, отд. II, стр. 40.

длинный перечень [1]) олова въ дѣлѣ, вѣсомъ четыре пуда; тутъ упоминаются: мисы, блюда, блюдечка, бруски, кади, кружечки, воронки [2]), стопочки, уксусницы, перешницы, судки, станки судковые, солонки, стаканы, стопки, росольники, оловянники, шандалы, тарелки, рукомойники и четвертины [3]). Впослѣдствіи производство оловяннныхъ издѣлій долженствовало развиться еще болѣе, потому что указомъ 28 февраля 1677 г. олово объявлено заповѣднымъ товаромъ въ русской торговлѣ съ казыльбашами (персіянами) [4]), а 15 мая 1687 г. состоялся указъ о неотпускѣ съ послами азіатскими за границу, между прочимъ, и олова [5]). Документы XVII вѣка называютъ поименно только двухъ мастеровъ оловянныхъ дѣлъ: Бакаръ Армана, выѣхавшаго изъ Германіи въ 1631 г., и Ваську Прокофьева, паяльщика 1687 г. [6]). Но въ подворной описи одной мѣщанской слободы въ Москвѣ за 1677 г. показано уже 2 хозяина, промышлявшихъ издѣліемъ оловянныхъ вещей, причемъ одинъ изъ нихъ приготовлялъ спеціально оловянные стаканы [7]). Что касается задѣльной платы русскимъ оловяничникамъ XVII вѣка, то она видна изъ слѣдующей статьи приходорасходныхъ книгъ вологодскаго архіерейскаго дома: „1636 года декабря 9 дня. Яковъ Дьяконовъ поялъ шесть трубокъ халдѣйскихъ (къ пещному дѣйствію) въ казенномъ бѣломъ желѣзѣ, дано ему отъ дѣла и за олово 4 алтына“ [8]). Лучшимъ оловомъ на Руси XVII вѣка считалось англійское, стоившее при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отъ 5¼ до 7½ руб. пудъ. Доставлялось оно большею частію въ дѣлѣ; такъ, напримѣръ, въ 1671 году

---

[1]) Переписная книга домовой казны патріарха Никона, 7166 года. См. Временникъ Им. Общ. истор. и др. росс. 1852 г. кн. XV. стр. 1—134.

[2]) Воронокъ—сосудъ въ родѣ кувшина, съ узкимъ горломъ и крышкой.

[3]) Четвертина—сосудъ формы круглой, четырехсторонней, шести и осьмигранной, съ втулкой, крышкой, винтомъ и скобой для носки.

[4]) Полн. Собр. Закон. т. II, № 678.

[5]) *Чулковъ:* Словарь юридическій. Москва. 1792 ч. II, стр. 146.

[6]) *Сахаровъ:* Обозрѣніе Русс. Археол. стр. 28—45. *Забѣлинъ:* О металлич. производ. въ Россіи до кон. XVII в. стр. 110—136.

[7]) Опись москов. Мѣщанской слободы обыват. двор., 1677 года. См. Чтенія въ Обществѣ истор. и древ. росс. 1860 кн. II. стр. 1—20.

[8]) Археологическія свѣдѣнія о чинѣ пещнаго дѣйствія. См. Извѣстія Археологич. общ. 1861. т. II, стр. 242.

русскіе получили изъ за-моря 57 боченковъ и 18 ящиковъ блюдъ и тарелокъ, и 117 дюжинъ оловянныхъ стакановъ [1]).

Свинецъ на Руси XVII вѣка былъ также заграничный; его привозили и продавали *свиньями*, вѣса случайнаго. При Борисѣ Годуновѣ пудъ свинца стоилъ 2 руб. [2]). Дороговизна эта зависѣла отъ трудности провоза; неудивительно, что при Василіѣ Шуйскомъ ярославскій воевода, державшій сторону тушинскаго вора и поляковъ, могъ найти въ Ярославлѣ и отправить къ гетману Сапѣгѣ, по его просьбѣ, свинцу только десять свинокъ, вѣсомъ восемьдесятъ два пуда [3]). Въ періодъ междуцарствія стоимость свинца колебалась: „свинцу купять пудъ по полтинѣ, а коли дорогъ въ два съ половиною рубля“—сказано въ „Книжкѣ описательной“ редакціи 1610 г. [4]). Дороговизна свинца объясняется и огромными таможенными формальностями того времени и поборами, о которыхъ даетъ понятіе слѣдующая выписка „изъ Государственныхъ указовъ изъ прежнихъ, и изъ уставныхъ грамотъ и изъ таможныхъ изъ старыхъ книгъ давнихъ лѣтъ“, сдѣланная при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1629 г.: „Которыя Аглинскія и Галанскія земли гости и торговые Нѣмцы являютъ товары свои, и въ таможнѣ... съ вѣсчимъ со всякихъ товаровъ пошлинъ емлютъ съ рубля по десяти денегъ, да подужнаго, на которомъ возу товаръ привезутъ, емлютъ по гривнѣ, да писчаго и хереного съ статьи по два алтына по четыре деньги“ [5]). Въ апрѣлѣ 1649 г. новгородскіе воеводы, князь Ѳедоръ Хилковъ съ товарищи, доносили царю Алексѣю Михайловичу: „И въ Великомъ, государь, Новѣгородѣ торговые нѣмцы *за свинецъ* просятъ за пудъ по тридцати алтынъ безъ гривны (т. е. по 80 к.), и мы, холопи твои, давали имъ за пудъ по двадцати алтынъ (т. е. по 60 к.), и болши того за пудъ давати имъ, безъ твоего госуда-

---

[1]) *Костомаровъ:* Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII стол. стр. 339.

[2]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс., т. X, стр. 145.

[3]) Акты истор., т. II № 104.

[4]) Торговая книга. См. Записки Отд. русс. и славян. археолог. Импер. Археологич. общества. 1851. т. I, отд. III, стр. 125.

[5]) Собр. госуд. грам. и договор., т. III, № 80. стр. 306.

рева указу, мы, холопи твои, не смѣемъ. А имаются (берутся), государь, они свинецъ изъ за рубежа въ Великомъ Новѣгородѣ поставить вскорѣ, недѣль въ десять. А почему пудъ свинцу на Москвѣ купятъ, и мы, холопи твои, московской цѣны не вѣдаемъ. А сколко, государь, свинцу пудъ, и у кого купимъ, и по чему за пудъ изъ твоей государевы казны денегъ дадимъ, и о томъ къ тебѣ, государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, къ Москвѣ мы, холопи твои, отпишемъ" [1]). Чѣмъ разрѣшилось недоумѣніе князя Хилкова—не видно; но тѣ же документы показываютъ, что, напримѣръ, артиллерія Нижняго Новгорода въ 1663 г. заключала въ себѣ, между прочимъ, свинцу $306^1/_2$ пудовъ [2]), а пограничный Сокольскъ въ 1666 г. имѣлъ свинцу сѣченаго только 7 свиней съ 6 гирями (т. е. 5 пуд. 5 фун.) [3]). Въ 1695 г. цари Иванъ и Петръ Алексѣевичи посылали уже въ Германію съ иноземцемъ Матвѣемъ Поппомъ пробные штуфы серебро-свинцовой руды, отысканной въ Сибири [4]), но въ мартѣ 1697 г. царь Петръ, отправляясь впервые за границу, все таки записалъ въ пунктѣ 9 „Памяти" Великимъ Посламъ: „купить... также свинцу на пулки" [5]) Отпускъ на востокъ свинца правительство стремилось регулировать; договоромъ 17 іюля 1679 г. обязалось оно снабжать ежегодно Люку, хана калмыцкаго, 10 пудами свинца [6]); въ 1700 году именнымъ указомъ 28 февраля было запрещено жителямъ Самары вывозить на Яикъ всякіе воинскіе припасы и въ томъ числѣ свинецъ [7]), котораго при русской артиллеріи, двинувшейся въ сентябрѣ того же года къ Нарвѣ, находилось по вѣдомостямъ 5018 пудовъ [8]).

Сѣра на Руси XVII вѣка добывалась близъ Волги, въ ны-

---

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. III, № 58.
[2]) Тамъ же, т. IV, № 134.
[3]) Книга строенія Сокольскаго городка на р. Воронежѣ въ 1666 г. См. Временникъ Им. Общ. ист. и др. росс. 1850 кн. V. отд. III, стр. 29.
[4]) Полн. Собр. Закон., т. III, № 1512.
[5]) *Устряловъ:* Истор. царств. Петра Вел., т. III, стр. 9.
[6]) Полн. Собр. Зак., т. III, № 1591.
[7]) Тамъ же, т. IV, № 1770.
[8]) Артиллерія и артиллеристы въ единодержавіе Петра I, Артилл. Журн. 1865. № 11. Отд. IV, стр. 27.

нѣшней Самарской губерніи, хотя русскіе не умѣли еще очищать ее какъ слѣдуетъ. Въ 1608 г. ярославскій воевода князь Борятинскій могъ найти въ Ярославлѣ и прислать гетману Сапѣгѣ сѣры только четыре пуда [1]). Много времени спустя, наличность сѣры въ городахъ, имѣвшихъ даже артиллерію, не увеличилась значительно: нижегородская артиллерія въ 1663 г. имѣла въ своемъ запасѣ всего одну бочку сѣры, вѣсомъ 15 пудовъ [2]). Впрочемъ, для города и этой пропорціи было достаточно, потому что потребность въ сѣрѣ, собственно военная, не была разорительна: въ 1698 г. на изготовленіе разрывнаго состава для *сотни* ручныхъ гранатъ 2-хъ и 1 фунт. пополамъ, отпускалось только ½ ф. сѣры [3]), а въ 1699 г. каждый пудъ пороха поглощалъ 4½ ф. сѣры [4]). Въ томъ же 1699 г. на Руси найдены новыя сѣрныя мѣсторожденія, „изъ коихъ казанское — свидѣтельствуетъ современникъ — не хуже итальянской сѣры горючей издаетъ.... и изгоря, такой натуральный цвѣтъ той сѣры оказывается, что и хитростію огня лучше произвесть нельзя“ [5]). Но тогдашнее правительство по обычаю относилось къ дѣлу больше, нежели эгоистически, и вовсе не думало поощрять труды прямо полезные: „Сыскалъ я, разсказываетъ извѣстный Посошковъ, самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарю, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ.... Я, истинно, отъ всего усердія своего радѣлъ, да нечего мнѣ стало дѣлать: за сѣрной пріискъ, истинно не лгу, обѣщалъ князь Борисъ Алексѣевичъ (Голицынъ, дядька царя Петра) такое великое учинить награжденіе: ни дѣтямъ-де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ; а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублевъ. А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную и

---

[1]) Акты историч. т. II, № 104.
[2]) Дополн. къ акт. историч. т. IV, № 134.
[3]) Акты историч. т. V, № 288.
[4]) Акты о дѣлѣ пороха. См. Арт. Журн. 1808. № 1. стр. 93 и далѣе.
[5]) *Крюйсъ*, адмиралъ: Розысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ. Сочиненіе 1699 г. См. Отеч. Зап. 1824. Октябрь, с. 48.

въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее (сѣру) за собою, то бы я рублевъ тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ князь Бор. Ал. по десяти рублевъ за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить.... И я, оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то что фунтами, но гдѣ золотникъ и пять шесть сыщется брали на пороховое дѣло. А егда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и князю Бор. Ал. отдалъ, и иноземцы, пріѣхавъ къ нему, взяли по куску и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы, видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановити, повезли по прежнему къ намъ" [1])... Указомъ 28 февраля 1700 г. сѣра поименована въ числѣ товаровъ заповѣдныхъ жителямъ Самары къ вывозу на Яикъ (Уралъ) [2]). Поволжскія сѣрныя мѣсторожденія такъ и остаются съ тѣхъ поръ безъ вниманія.

Селитровареніе на Руси XVII вѣка производилось въ большихъ городахъ, гдѣ дѣлали порохъ, а также въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устюгѣ [3]). Казенный же порядокъ въ этомъ дѣлѣ установился не раньше какъ около половины XVII вѣка, что видно изъ грамоты (Приложеніе № 14) 17 марта 1646 года, посланной на рѣку Лену воеводѣ Василію Никитичу Пушкину [4]). Увѣдомляя, что туда отправляется гостинной сотни Иванъ Еремѣевъ варить селитру, царь пишетъ, что велѣлъ „во всѣхъ русскихъ и сибирскихъ городахъ селитреное варенье вѣдать въ приказѣ нашіе болшіе казны". Позже, если не тогда же, селитровареніе сдѣлалось государственною повинностью, отъ которой разные монастыри освобождались не иначе, какъ особыми грамотами, въ которыхъ, между прочими льготами, означалось именно: „ямчуги не варятъ" [5]). Обращеніе селитроваренія въ государственную повинность, быть можетъ, оправдывалось возрастающею надобностью въ порохѣ, о

[1]) О скудости и богатствѣ. Посошкова. стр. 152.
[2]) Полн. Собр. Закон., т. IV, № 1770.
[3]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. X, стр. 144.
[4]) Дополн. къ акт. историч., т. III, № 10.
[5]) Полн. Собр. Закон., т. I, № 205.

дѣлѣ котораго на Руси XVII вѣка Котошихинъ пишетъ: „А для пороховаго строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ дворы и мелницы; а мастеры у того дѣла бываютъ иныхъ государствъ и русскіе люди, а работники рускіе жъ люди“ [1]). Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ также озабочивался селитровареніемъ и въ грамотѣ 28 іюня 1681 г. наказывалъ воеводѣ селенгинскому, стольнику Власову: „.... селитреныхъ земель пріискивать, всякими мѣрами, накрѣпко; а для пріиску.... селитры, мастеровъ сыскивать изо всякихъ чиновъ людей, кого бъ съ такое дѣло стало, и въ острожкахъ и въ слободахъ велѣть такихъ людей провѣдывать, и сыскивать, и послать ихъ съ селингинскими служилыми людьми на тѣ мѣста, гдѣ... селитряная земля объявится“ [2])... Мѣры, еще болѣе раціональныя, ожидали русское селитровареніе впереди, въ будущихъ преобразованіяхъ царя Петра, великаго хозяина и артиллериста, который 18 февраля 1696 г., только что сдѣлавшись единодержавнымъ государемъ, уже предписывалъ нерчинскимъ воеводамъ „осмотривать вездѣ самимъ по часту.... чтобъ стояли пушки въ бережи и отъ пожарнаго случая безопасно, и надъ ними бы сдѣланы были кровли.... и порохъ бы лежалъ въ сухихъ мѣстахъ, а кой попортился, и тотъ велѣть перекрутить“ [3]); въ 1700 же году, выступая къ Нарвѣ, на долгую брань съ воинственнымъ Карломъ XII, Петръ имѣлъ при своей артиллеріи 12 тыс. пуд. пороха [4]).

Солевареніе на Руси XVII вѣка, до изданія Уложенія 1649 г., производилось на прежнихъ основаніяхъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Отношенія къ нему правительства выражались только жалованными грамотами разнымъ монастырямъ на безпошлинную продажу извѣстнаго количества соли. Такъ, вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю, съ 1619 г., 14,000 пуд. [5]), Кирило-Бѣлозер-

[1]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 1840. Глава IX.
[2]) Акты историч., т. V, № 72.
[3]) Полн. Собр. Закон., т. III, № 1542.
[4]) Артиллерія и артиллеристы въ единодержавіе Петра I, стр. 27.
[5]) Акты историческіе, т. III, № 79.

скому съ 1638 г. 40,000 пуд. [1]), Архангельскому на Двинѣ (гдѣ нынѣ г. Архангельскъ), съ 1641 г. 7,000 пудовъ [2]). Жителямъ Пскова внутренняя торговля солью разрѣшена грамотою 10 іюля 1623 г. [3]), а внѣшняя „за рубежемъ" воспрещалась дважды: 22 января 1624 г. [4]) и 20 ноября 1631 г. [5])—изъ чего видно съ одной стороны, что русская соль тогда покупалась не русскими, а съ другой, что въ соли продолжали у насъ нуждаться. Видно также, что выгоды льготнаго монастырскаго солеваренія побуждали монашествующую братію къ поступкамъ не очень похвальнымъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ весьма любопытная грамота [6]), писанная патріархомъ Филаретомъ 31 января 1633 г. галицкому воеводѣ Ѳедору Андреевичу Олябьеву. Патріархъ говоритъ, что старцы-солевары Симонова солигаличскаго монастыря, чтобы отбить продажу соли отъ варницъ Троицы-Сергіевскаго монастыря, сначала завалили къ послѣдней дорогу и построили въ недозволенномъ мѣстѣ новую варницу, когда же имъ было приказано дорогу очистить и варницу сломать, то они, встрѣтившись со старцами Троицы-Сергіевскаго монастыря, ихъ жестоко избили и даже ограбили. За это патріархъ просилъ виновныхъ представить въ Москву.

Интересна по содержанію доѣздная память [7]), писанная въ 1640 г. послѣ 12 ноября, которую мы выписываемъ, какъ образчикъ развѣдокъ того времени: „Лѣта 7149 (1641) году, ноября въ 10 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, столники и воеводы, Петръ Петровичъ Головинъ да Матвѣй Богдановичъ Глѣбовъ, да діакъ Еуѳимей Филатовъ, велѣли ѣхать письменному головѣ Еналею Бахтеярову, да съ нимъ тобольскому пятидесятнику Потапку Баландину, да енисейскому десятнику Симанку Головачеву, на низъ

[1]) Акты Археограф. Экспед., т. III, № 283.
[2]) Акты историч., т. III, № 207.
[3]) Акты Археогр. Экспед., т III, № 136.
[4]) Акты историч., т. III, № 128.
[5]) Акты Археограф. Экспед.. т. III, 195.
[6]) Акты историч., т. III, № 175.
[7]) День этотъ по нашему счету не 1641, а 1640 года.

Илима рѣки, къ солянымъ росолнымъ ключамъ, и тѣхъ ключей велѣно имъ досмотрѣть накрѣпко, изъ какихъ мѣстъ тѣ ключи текутъ, изъ твердого ль камени или изъ мелкого и не понимаетъ ли того мѣста вешняя вода, и мочно ль на томъ мѣстѣ варницъ устроить? А осмотря тѣхъ росолныхъ ключей и взявъ росолу для опыту, велѣно описать имянно. И въ нынѣшнемъ же 149 году, ноября въ 12 день, писменной голова Еналей Бахтеяровъ... пріѣхали къ тѣмъ росолнымъ солянымъ ключамъ, осматривали и мѣряли. И тѣхъ росолныхъ ключей на 140 саженъ печатныхъ, и тѣ ключи текутъ отъ Лѣнскаго волоку на низъ по Илимѣ рѣкѣ, на правой сторонѣ, у засѣки; и нижніе два ключа бьютъ изъ подошвы: одинъ ключъ къ Илиму рѣкѣ, отъ воды мѣрою съ саженъ, а отъ того ключа до другаго ключа 13 саженъ и бьетъ изъ подошвы къ Илиму рѣкѣ, мѣрою до воды 5 саженъ; а отъ берега отъ материка тѣ ключи текутъ 24 сажени; а изъ тѣхъ ключей, которой ключъ солонѣе, взято росолу соляного для опыту на Илимъ. А верхніе ключи текутъ изъ подъ матерого камени по дрествѣ, и берегъ на томъ мѣстѣ низкой, вешняя вода понимаетъ. А варница на тѣхъ ключахъ поставить мочно ль, или нѣтъ, того, безъ соляного мастера, знать не умѣютъ“ [1]).

Пунктами 15 и 16 главы XIX Уложенія 1649 г. постановлено: „тяглыми соляными варницами не владѣть никому, кромѣ тяглыхъ же людей [2]), а пунктъ 26 „Новоторговаго Устава“ 1667 г. узаконяетъ слѣдующее: „Которая соль будетъ отпущена изъ Астрахани и изъ Перьми и изъ иныхъ мѣстъ отъ варницъ *сырая*, и въ таможнѣ ту сырую соль по вѣсу въ отпускныхъ книгахъ пишутъ сполна и даютъ имъ на ту соль выписи; и гдѣ они ту соль привезутъ въ Нижній и въ иные городы, и у той соли бываетъ у тысячи пудъ увѣску пудовъ по сту и слишкомъ и противъ выписей той увѣсной соли на тѣхъ людѣхъ не спрашивать и имать пошлина съ того вѣсу, сколько у нихъ въ продажѣ будетъ, по гривнѣ съ рубля за всякія мелкія статьи; а вѣс-

[1]) Дополн. къ акт. истор., т. II, № 67.
[2]) Полн. Собр. Закон., т. I, № 1. стр. 111.

чихъ и конторныхъ (пудныхъ) никакихъ денегъ сверхъ гривны не имать. А которые люди положать выписи, что у нихъ та соль куплена на деньги, а съ денегъ они платили пошлины, по пяти денегъ съ рубля, въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль они купили, и положатъ въ тѣхъ платежахъ выписи, и тѣ имъ выписи зачитать имать съ той продажной соли по 2 алтына по 3 деньги, и съ прежними пошлинами тожъ съ той соли сойдетъ по гривнѣ жъ съ рубля" [1]). Въ 1688 г. марта 20 „Великіе государи указали, съ своей Великихъ Государей соли продажной, которая продана будетъ въ городѣхъ торговымъ людемъ, имать таможеннымъ головамъ пошлины *съ денегъ* по пяти денегъ съ рубля; а которые торговые люди тое покупную соль въ томъ же городѣ, гдѣ купили, продадутъ, и съ той продажи имать на нихъ пошлинъ по 2 алтына по 3 деньги съ рубля, а которые торговые люди тое покупную соль изъ того города, гдѣ купили, повезутъ въ иные городы, и тѣхъ торговыхъ людей отпущать съ выписми, а въ выписяхъ писать о той соли и о взятыхъ съ денегъ пошлинъ именно, и въ тѣхъ городѣхъ торговые люди что тое соли продадутъ, и съ той продажи имать на нихъ пошлинъ по 2 алт. по 3 ден. съ рубля, а выписи имъ, которые торговые люди положатъ, зачитать въ платежъ" [2]). Изъ этого документа видно, что тогда уже усышка и утечка соли имѣлась въ виду при уплатѣ налога, а судя потому что процентъ утечки назначенъ большой, видно, что соль была дурнаго качества отъ дурныхъ техническихъ пріемовъ. 18 декабря того же 1688 г. указано за соль, продаваемую въ малороссійскихъ городахъ, безъ взятія выписей на Москвѣ, брать по гривнѣ съ рубля [3]).

Относительно Сибири, пунктъ 5 „Наказа таможеннымъ головамъ", обнародованнаго 30 августа 1693 г., гласилъ: „А у которыхъ людей или монастырскія варницы построены въ сибирскихъ городахъ, на данныхъ или на купленныхъ мѣстѣхъ, и съ нихъ

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. I, № 408.
[2]) Тамъ же, т. II, № 1286.
[3]) Тамъ же, № 1323.

имать въ казну Великихъ Государей выдѣлъ по прежнему, пятой пудъ соли; а будѣ тѣ люди, заплатя пятой пудъ, остаточную соль станутъ продавать въ тѣхъ же городѣхъ или уѣздѣхъ, гдѣ у нихъ варницы, и съ нихъ пошлинъ, сверхъ выдѣлу, не имать; а буде кто, у нихъ купя соль, станетъ продавать въ тѣхъ же городѣхъ и уѣздѣхъ, въ которыхъ та соль варена, и съ тѣхъ перекупщиковъ съ продажи пошлина имѣть по гривнѣ съ рубля; а буде и тѣ люди, которые соль варятъ, заплатя выдѣльную соль по указанію, станутъ остаточную соль посылать или сами возить для продажи въ иные городы и въ уѣзды, и съ продажи той соли въ тѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, гдѣ станутъ продавать, пошлина съ нихъ имать же по гривнѣ съ рубля" [1]. 14 мая 1697 г. пермскіе соляные промыслы, называвшіеся зыряновскими, отданы со всѣми крестьянами и угодьями во владѣніе Григ. Дм. Строганову, обязавшемуся ставить ежегодно по 100,000 пуд. соли въ казну безденежно, да сверхъ того, въ видѣ пошлины за соль, которая выварится свыше 100,000 пуд., платить въ Москвѣ ежегодно же по 11,000 руб. [2]), что однако измѣнено указомъ 30 апрѣля 1700 г., освобождавшимъ Строганова отъ платежа 11,000 руб., съ тѣмъ, чтобы соль его, вывариваемая кромѣ указной, подлежала, какъ и прочихъ, общей пошлинѣ [3]).

Что касается самой техники русскаго солеваренія въ XVII вѣкѣ, то она не объясняется, но нѣсколько указывается слѣдующей выдержкой изъ грамотъ патріарха Никона въ валдайскій Иверскій монастырь 1653—1654 гг.: „Да вѣдомо намъ патріарху учинилось, что въ вашей монастырской вотчинѣ на Яжелобицахъ бывала соляная варница. И вамъ бы послать въ Старую Русу и взять трубнаго мастера, и съ тѣмъ трубнымъ мастеромъ съѣздить тебѣ келарю самому или казначею, и досмотрѣть варничнаго мѣста и варничныхъ трубъ и соляного ключа, и отвѣдать, велѣть поварить въ желѣзномъ горшкѣ, мочно ли завести варницу и ча-

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. III, № 1474.
[2]) Тамъ же, № 1584.
[3]) Тамъ же. т. IV, № 1781.

ять ли быть росолу. Да будетъ мочно варницѣ быть, и вы бъ на варничные трубы велѣли готовить лѣсъ; да о томъ о всемъ для вѣдома, отписали къ намъ, къ Москвѣ, и росолу того ключа прислать въ сосудцѣ, а отписку велѣли подать въ нашемъ Казенномъ Приказѣ, дьяку нашему Ивану Кокошилову" [1]).

Извѣстенъ цѣлый трактатъ о техникѣ тогдашняго русскаго солеваренія, изложенный подъ заглавіемъ: *Роспись, какъ зачать дѣлать новая труба на новомъ мѣстѣ;* но трактатъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобъ приводить его здѣсь, и по языку своему малопонятенъ для читателей настоящаго времени. Однако, чтобъ познакомиться съ этимъ небезъинтереснымъ памятникомъ, по всей вѣроятности, начала XVII вѣка, вотъ выдержка изъ него, касающаяся буренія, которое въ сущности и теперь производится совершенно также на нашихъ солеваренныхъ заводахъ: „А Богъ милости подастъ, матицу посадишъ, сколко по надобью по земли смотря, и подъ литные трубки мѣсто изладишъ, пойдетъ на низъ жерломъ, поведи жерло въ 3 вершка съ четью ($^1/_4$), а трубкамъ малымъ распусти жерло въ 4 вершка, а малымъ жерломъ или пятникъ сколь дологъ. А изошедъ пятникъ и солони нѣтъ, и ты, насадя напарью и подпусти на готово, какъ быть трубкамъ; а подпустя, да опять поди на низъ тако же, изоиди пятникъ малымъ жерломъ, а пятникъ былъ бы длиною саженъ 9, хоша и больше, по нуждѣ ради 8 саженъ или полудевяты ($8^1/_2$), развие лѣсу нѣтъ таковского. А подпуски отнюдъ не закапливался, потому возми себѣ разумъ и самъ; поидешъ на низъ узкимъ жерломъ, то себѣ тяготу понесешъ, а хозяину убытокъ, потому что ставъ станешъ тонить— работнымъ поворотить шестами не смѣть, что будетъ ставъ тонокъ: поворотить ту же,—то сломитъ. А ходить легко, будутъ и подачи хозяину изъ мошни, возми себѣ и самъ; толко хошъ хозяину добро чинить, и ты подпусками не закапливайся; что пятникъ изоидешъ, то и подпусти под трубки начатово, шесты ходятъ толстые и съ ставы толстыя же; работ-

[1]) Акты истор., т. IV, № 71. III.

ной воротитъ не боясъ, и подачи будутъ болше. А отъ трубы отходи менше, толко хошъ въ честѣ быть отъ хозяина, а самъ себя въ честь ве" [1])... чего недоумѣешъ, ино работной зазритца. А поидуть мѣсто солоные, ты иди ихъ бережно, и глины со всякого ходу деннаго бурава снимай, да и огню припекай, да примѣчай, такъ ли все равны солони идуть; будетъ равны, и ты поди весь пятникъ, да тогда скажу, какъ сперва поидутъ солони скахъ (съ коихъ?) мѣстъ. И ты тѣ сажени и вершки помни: въ грамотѣ умѣешъ — ты про себя запиши, а толко не умѣешъ—ты ходы на стенѣ заруби, толко умѣешъ. Да и то тебѣ скажу: сперва пойдутъ солони только не столь солоны, а ниже бываютъ на томъ же шестѣ, и то гораздо попамятуй сажени и вершки и полувершки и четь вер. Заставитъ хозяинъ желонкой ходить на томъ пятникѣ и станетъ имать желонкой росолъ снизу и до верху, да на томъ же пятникѣ врозныхъ саженяхъ и росолъ станетъ откушевать, да толко верхней плоше; станеть у тебя спрашивать, колько саженъ или аршинъ и четвертей или вершковъ, а ты только не помнишъ, что сказать, то дѣется забылъ или залинился написать или по стенѣ зарубить и хозяину не велѣлъ записать, то есть не мастеръ, прокуда. А Богъ подастъ росолъ, и ты позови хозяина на трубу, да выходи с нимъ желонкой, да окажи ему росолъ; буде ему годенъ, подпускомъ до огнѣски вдругъ не доходи съ аршинъ, только на глинахъ или на суходоле; а толко на луде, поди оплоть, не боися, да пусти; а на глинахъ или на суходолѣ обомнешъ и, чистя, да подпусти на готово, на огнѣску ослади" [2]).

Монетное дѣло на Руси XVII вѣка еще не вполнѣ изслѣдовано; повидимому, оно не имѣло по прежнему прочныхъ основанiй и путалось въ отношенiяхъ номинальной цѣнности монетъ къ ихъ внутренному достоинству, по всей вѣроятности, въ видахъ политическихъ, такъ какъ пониженiе пробы до половины XVIII вѣка

---

[1]) Конецъ этого слова не уцѣлѣлъ, потому что старинный переписчикъ забылъ сдѣлать переносъ второй половины слова.

[2]) Старинное описанiе солевареннаго снаряда. См. Извѣстiя Имп. Археолог. общ. 1868. т. VI, отд. I, вып. 3. стр. 244.

было заурядное средство финансистовъ для покрытія дефицитовъ и въ западной Европѣ. Самымъ производствомъ монетъ занимались денежные мастера на казенныхъ денежныхъ дворахъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери. Впрочемъ, право чеканить монету, по сказаніямъ современныхъ иноземцевъ, предоставлялось и нѣкоторымъ знатнымъ лицамъ, даже почетнымъ купцамъ; требовалось только, чтобъ всѣ монеты имѣли на себѣ имя царя и опредѣленное изображеніе [1]). Главнымъ металломъ для чеканки было серебро; монеты золотыя нѣкоторыми царями хотя и чеканились, но въ торговлѣ обращались мало, а выпускъ мѣдной монеты въ 1658 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, окончился народнымъ возмущеніемъ и отмѣною мѣдныхъ денегъ въ 1663 г. Русскія серебряныя деньги первой половины XVII вѣка заключались въ мелкихъ монетахъ, которыхъ 6 составляли алтынъ, 20—гривну, а 200—рубль, дѣлившійся умственно на двѣ полтины. До воцаренія Михаила Өедоровича, такихъ рублей выходило изъ фунта серебра $6^1/_2$; при Михаилѣ Өедоровичѣ—$8^{77}/_{100}$, т. е. въ каждомъ рублѣ 10 зол. $90^{750}/_{877}$ дол., а по нынѣшнему счету 2 р. $18^3/_4$ к., при Алексѣѣ Михайловичѣ—$9^{21}/_{100}$, т. е. въ каждымъ рублѣ 10 зол. $40^{600}/_{921}$ дол., а по нынѣшнему счету 2 р. 8 к. [2]). Въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ вздумалъ увеличить размѣръ русской серебряной монеты и, съ этой цѣлью, приказалъ перечеканить въ рубли, безъ всякой добавки металла, нѣмецкіе рейхсталеры, не стоившіе въ обращеніи и половины русскаго счетновѣсоваго рубля. Вслѣдствіе этого, новые рублевики ходили не по 33 алтына 2 ден., составлявшіе русскій 200-денежный рубль, а только по 21 алт. 2 ден., счетъ, которымъ само правительство начало выпускать рейхсталера безъ перечеканки, снабжая ихъ только наложеніемъ такъ называемыхъ „признаковъ“ [3]).

---

[1]) *Костомаровъ:* Очерки торговли Московскаго Государства, въ XVI и XVII ст. Современн. 1857. № 12. Отд. II, стр. 138.

[2]) *Chaudoir, baron de:* Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies etrangères qui ent eu cours en Russie, depuis les temps les plus reculés jusqu'á nos jours. S Petersbourg. 1836 г. I, p. 124.

[3]) *Котошихинъ:* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современ. соч. 1840. стр. 78.

Вмѣстѣ съ перечеканкою рейхсталеровъ въ рублевики, чеканились вновь рублевыя четверти, ходившія по 5 алт. 2 деньги. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ отношеніе счетнаго 200-денежнаго рубля къ фунту металла оставалось прежнее. Но въ періодъ соцарствія братьевъ Ивана и Петра Алексѣевичей изъ фунта серебра чеканили уже $10^1/_4$ руб., каждый въ 9 зол. $35^5/_{41}$ долей, или, по нынѣшнему счету, 1 руб. $87^1/_2$ коп. Съ началомъ единодержавія Петра, вѣсовая стоимость счетнаго рубля падала больше и больше; въ 1697 г. изъ фунта серебра чеканили монетъ на $10^3/_4$ руб., каждый въ 8 зол. $89^{13}/_{43}$ дол., или, по нынѣшнему счету, 1 руб. $78^3/_4$ коп.; въ 1698 г.—13 руб. 16 к., каждый рубль въ 7 зол. $^{56}/_{1366}$ дол., или, по нынѣшнему счету, 1 р. 45 к.; въ 1699 г.—14 р. 18 к., т. е. въ рублѣ 6 зол. $75^{668}/_{709}$ дол., а на нынѣшній счетъ 1 руб. 35 коп [1]). Если же присоединить къ этому разницу, существовавшую въ народномъ понятіи, между рублями московскимъ и новгородскимъ, изъ которыхъ первый цѣнился почти вдвое дешевле послѣдняго, то неудовлетворительность русской денежной системы XVII вѣка, наполовину воображаемой, станетъ очевидна.

Что касается самой внѣшности золотыхъ и серебряныхъ монетъ, чеканившихся на Руси XVII вѣка, то она не представляетъ большаго разнообразія формъ и признаковъ. Монеты царя Бориса Годунова, только серебряныя, вѣсомъ отъ 14 до $15^1/_2$ дол., имѣютъ на лицевой сторонѣ надпись имени и титуля царскаго, а на обратной—всадника съ копьемъ, скачущаго вправо. Монеты такъ называемаго Лжедмитрія I серебряныя же, вѣсомъ отъ 14 до 18 дол., съ надписою на лицевой сторонѣ и съ изображенімъ на задней скачущаго вправо всадника съ копьемъ иногда въ обѣихъ рукахъ. Монеты Лжедмитрія II, тушинскаго вора, во всемъ подобны предъидущимъ, только вѣсъ ихъ ограничивается $14^1/_2$—15 долями, да шрифтъ надписаній смахиваетъ на бѣлорусскій. Монеты царя Василія Шуйскаго: золотыя—въ 19 дол.—на лицевой сторонѣ

---

[1]) *Chaudoir*: Aperçu sur les monnaies russes etc., p. 124.

двуглавый орелъ съ двумя коронами, кругомъ гуртикъ изъ точекъ, на обратной—надпись; серебряная, вѣсомъ отъ $10^1/_2$ до 16 долей, на лицевой та же надпись, но разными шрифтами, на обратной всадникъ съ означеніемъ подъ нимъ года. Монеты королевича Владислава: золотая, въ 9 дол., съ груднымъ изображеніемъ королевича, въ кругу надписи по-латыни, на лицевой, и эмблематическимъ изображеніемъ на задней сторонѣ; серебряныя, вѣсомъ 11 дол., съ надписью западно-русскимъ шрифтомъ на лицевой и копьеноснымъ, скачущимъ вправо, всадникомъ на обратной сторонѣ. Монеты царя Михаила Ѳедоровича: серебряныя, вѣсомъ отъ 10 до 11 долей, имѣютъ на лицевой старонѣ обычное надписаніе имени и титула царскаго, и на обратной всадника, иногда en face. Монеты царя Алексѣя Михайловича: золотыя, вѣсомъ отъ $20^1/_2$ дол. до 2 зол. 39 дол., съ двуглавыми орлами на лицевыхъ и надписями на обратныхъ сторонахъ, кромѣ одной монеты, самой тяжелой, имѣющей орловъ съ обѣихъ сторонъ и надписи на лицевой и на обратной сторонахъ; серебряные рубли отъ 5 зол. 80 дол. до 7 зол., между которыми нумизматы затрудняются различать подлинные отъ поддѣльныхъ [1]); серебряныя полуполтины или рублевыя четверти, вѣсомъ отъ 1 зол. 59 дол. до 1 зол. 72 дол.; серебряныя копейки, вѣсомъ отъ 9 до 10 дол., иногда съ клеймомъ М под всадникомъ. Монеты царя Ѳедора Алексѣевича, серебряныя копейки, вѣсомъ въ 10 и 11 дол., съ обыкновенными: надписью на лицевой и всадникомъ на обратной сторонѣ. Монеты царя Ивана Алексѣевича, серебряныя: грошъ круглой формы, вѣсомъ въ 15 долей, подъ всадникомъ клеймо М; копейки, въ 9 и $9^1/_2$ долей. Монета царя Петра Алексѣевича, серебряный алтынъ, вѣсомъ 45 долей, на лицевой сторонѣ царь верхомъ, обращенный вправо; кругомъ гуртикъ изъ точекъ [2]).

---

[1]) *Прозоровскій:* О поддѣльныхъ и неподдѣльныхъ рубляхъ царя Алексѣя Михайловича. Извѣст. Им. Археол. общ. 1864., т. V, вып. 5.

[2]) *Карамзинъ:* Истор. Госуд. Росс. т. XII, № 609.—*Курочкинъ*, свящ.: Клады, или старинныя серебряныя деньги царей и великихъ князей московскихъ, найденныя въ землѣ близъ вотчинныхъ селеній въ калязинскомъ уѣздѣ. Журн. Мин. Народ. Просв. 1847. № 6. Отд. VII. стр. 32—36.—*Долгорукій*, кн.: Опис. [illegible] русск,

Внѣшность большихъ серебряныхъ монетъ царя Алексѣя Михайловича, нами только обозначенныхъ, описана самимъ царемъ въ слѣдующемъ началѣ грамоты его 8 апрѣля 1657 г. илимскому воеводѣ Бунакову: „По нашему указу, сдѣланы серебряныя ефимки рублевые, да ефимки жъ съ признаками, и четвертины полуполтинники... На рублевикахъ подпись, Наше имя, и въ письмѣ человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ двоеглавый въ клеймѣ, надъ главою подпись: лѣта 7162 (1654), а въ подножіи подпись: рубль. Да серебряные же ефимки (съ признаками), на нихъ начеканено копѣешнымъ чеканомъ да цыфирными словами.... Серебряныя жъ четвертины полуполтинныя, на нихъ человѣкъ на конѣ, по сторонамъ подпись: полполтины, а на другой сторонѣ подпись, Наше имя“ [1]). Выпускомъ этихъ сравнительно большихъ монетъ московское правительство, по всей вѣроятности, надѣялось затруднить денежныхъ поддѣльщиковъ, не дремавшихъ тогда ни за границей, ни въ самой Руси. Объ иноземныхъ поддѣльщикахъ русскихъ денегъ извѣстно отъ самого царя Петра, который въ двухъ своихъ наказахъ архангельскимъ таможеннымъ головамъ, майскомъ 1699 и 2 іюня 1700 гг., повторяетъ дословно одинъ и тотъ же разсказъ: „въ прошлыхъ годахъ, при Державѣ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича, всея Россіи Самодержца, писали съ Двины прежніе воеводы и дьяки, что у заморскихъ иноземцовъ въ привозѣ объявились многіе русскія деньги, а дѣланы у нихъ на русской московской чеканъ, и тѣ смѣшаны съ мѣдью мало не вполы; и привозили къ городу Архангельскому и давали русскимъ и всякимъ торговымъ людемъ за товары, и на старыя деньги Московскаго Государства промѣнивали, а изъ Московскаго Государства возили къ себѣ старыя деньги чистаго серебра, и отъ того московскимъ

монетъ его собранія. 1850. стр. 17—19.—*Савельевъ:* Описаніе нѣкот. древн. русс. монетъ. Изв. Им. Археолог. общ. 1864. т. V, вып. 5, стр. 364—382.—*Прозоровскій:* Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол. Зап. Им. Археол. общ. 1865. т. XII, вып. II, стр. 639—644.—*Chaudoir*: Aperçu sur les monnaies russes etc. t. 1.

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 204.

торговымъ людямъ чинили многіе убытки и серебру оскудѣніе“ [1]). Кромѣ тайной порчи серебряныхъ денегъ, на Руси XVII вѣка случалась еще открытая, довольно оригинальная, о которой повѣствуетъ грамота [2]) царя Θедора Алексѣевича, отъ 1 іюня 1680 г., смоленскому воеводѣ князю Троекурову, порча это очевидна была вызвана недостаткомъ въ мелкой размѣнной монетѣ. Въ грамотѣ пишется, что для размѣна въ Смоленскѣ разсѣкаютъ копѣйки на двое и собирается подобныхъ денегъ на кружечныхъ дворѣ (въ кабакѣ) по 100 и по 200 рублей. Запрещая впредь пріемъ подобныхъ денегъ, царь сообщаетъ воеводѣ, что для потребностей размѣна высылается изъ Москвы въ Смоленскъ на 200 рублей мѣдныхъ денежекъ.

Исторія мѣдныхъ денегъ на Руси XVII вѣка не безъинтересна. Велѣвъ дѣлать въ 1654 г. мѣдные полтинники, алтынники, грошевики, копейки и денежки, царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ, отъ 8 апрѣля 1657 г., климскому воеводѣ Бунакову самъ описалъ каждую изъ названныхъ монетъ такъ: „На мѣдныхъ полтинникахъ подпись, Наше имя, а въ письмѣ человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ двоеглавый, въ клеймѣ на верху подпись: *лѣта 7162*, а въ подножіи подпись: *полтинникъ*. На мѣдныхъ алтынникахъ и грошевикахъ — человѣкъ на конѣ, да подпись: *алтынникъ;* да на грошевикѣ же, подъ конемъ, подпись: *четыре деньги;* а на другой сторонѣ—Наше имя. На мѣдныхъ копѣйкахъ и деньгахъ признака та жъ, что и на серебряныхъ копѣйкахъ и деньгахъ“ [3]). Мѣдная монета эта была выпущена въ 1658 г., но ей не посчастливилось, и вотъ ея пятилѣтній курсъ: съ сентября 1658 по 1 марта 1659 г. на рубль серебряныхъ денегъ было прибавки только 8 денегъ мѣдными, съ 1 марта по 1 іюля—2 алт. 4 ден., съ 1 іюля по 1 сентября—3 алт. 2 ден., съ 1 сентября по 1 декабря—5 алт., съ 1 декабря по 1 марта 1660 г.—10 алт., съ 1 марта по 1 іюля—20 алт., съ 1

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. III, № 1687, т. IV, № 1795.
[2]) Тамъ же, т. II, № 835.
[3]) Тамъ же, т. I, № 204.

іюня по 1 сентября—23 алт. 2 ден., съ 1 сентября по 1 декабря—26 алт. 4 ден., съ 1 декабря по 1 марта 1661 г. за рубль серебряныхъ денегъ давали мѣдными 2 руб., съ 1 марта по 1 іюня—2 р. 8 алт. 2 ден., съ 1 іюня по 1 сентября—$2^1/_2$ руб., съ 1 сентября по 1 декабря—3 руб., съ 1 декабря по 1 марта 1662 г.—4 руб., съ 1 марта по 1 іюня—6 руб., съ 1 іюня по 1 сентября—8 руб., съ 1 сентября по 1 марта 1663 г.—9 руб., съ 1 марта по 1 апрѣля—10 руб., съ 1 апрѣля по 1 мая—12 руб.; съ 1 мая по 15 іюня—15 руб.[1])! Дѣло это кончилось извѣстнымъ возмущеніемъ и отмѣною мѣдныхъ денегъ. Неудачу своей финансовой операціи царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ, отъ 8 іюля 1663 г., туринскому воеводѣ Трегубову объяснялъ слѣдующимъ образомъ: „Съ прошлаго 164 (1656) года указали мы, Великій Государь, нашимъ ратнымъ всякихъ чиновъ людямъ и кормовымъ на раздачу дѣлать мѣдныя деньги къ серебрянымъ въ прибавку.... А на денежныхъ дворѣхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, которые были у дѣла изъ гостей и изъ иныхъ всякихъ чиновъ торговыхъ людей, за вѣрою святыя евангельскія непорочныя заповѣди Господни и за указнымъ денежнымъ штрафомъ, забывъ свое обѣщаніе, нашу, Великаго Государя, денежную казну многую крали, и сами сносили и свозили, и стороннимъ людямъ сносить и свозить давали, и мѣдь, привозя свою и принимая у стороннихъ людей, въ деньги дѣлали многажды, и отъ того воровства обогатѣли большимъ богатствомъ, и на тѣ воровскія деньги дворы и всякіе заводы и промыслы построили, а покупали и заводили большою дорогою цѣною. Да на тѣхъ же воровъ смотря, съ тѣхъ денежныхъ дворовъ товарищи ихъ, денежные жъ мастеры, бѣгая, воровали на Москвѣ и въ городѣхъ, дѣлали мѣдныя жъ воровскія деньги, и не по своей мѣрѣ заводы себѣ всякіе заводили и товары всякіе, не знаючи, высокою большою цѣною покупали, *и тѣмъ мѣдныя деньги одешевили*, и о тѣхъ ихъ воровскихъ высокихъ цѣнъ въ рядѣхъ всякіе товары и запасы

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. I, № 339.

вздорожати, а ратные всякихъ чиновъ люди и иноземцы отъ того ихъ воровства поизнуждались. И за то ихъ воровство, денежныхъ дворовъ Головамъ, гостямъ, и цѣловальникамъ, и гостиной и суконной сотенъ, и розныхъ слободъ торговымъ и всякихъ чиновъ людемъ, денежнымъ ворамъ, по нашему Государеву указу, учинено наказанье, смотря по винамъ: горла заливаны, а инымъ руки и ноги обсѣчены и съ домами разорены, а иные биты кнутомъ и сосланы въ ссылку въ разные дальные города" [1]).

Такой печальный урокъ введенія и отмѣны мѣдныхъ денегъ не испугалъ царя Петра, который, дѣйствуя вообще отчетливо и впопадъ, 11 марта 1700 г. „указалъ: дѣлать мѣдныя денешки, и полушки и полуполушки, для того, во многихъ Низовыхъ и въ иныхъ городѣхъ, за скудостью денежекъ, на размѣну въ мылкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебряныя копѣйки на двое и на трое, и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ; и въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ, вмѣсто серебреныхъ денежекъ, торгуютъ же кожаными и иными жеребьями. И для соблюденія серебреныхъ копѣекъ, чтобъ въ городѣхъ, за умаленіемъ серебреныхъ денежекъ и копѣекъ не сѣкли, и кожеными и иными жеребьями не торговали, и въ пошлинномъ сборѣ за мѣлкою размѣною лишняго ничего не переходило бъ, нынѣ и впредь ко всякому мѣлкому торгу на Москвѣ и въ городѣхъ, и въ уѣздѣхъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, по всякимъ торжкамъ и на перевозѣхъ, ходить и торговать и въ пошлинной сборъ имать, противъ серебряныхъ денежекъ и на смѣнъ принимать съ товарами, на серебряныя копѣйки, безъ всякаго прекословія мѣдными денежками, и полушками, и полуполушками, которыя нынѣ, по его, Великаго Государя, указу, дѣлаютъ и впредь дѣлать будутъ на Москвѣ, на денежномъ дворѣ, тисненыя, а не литыя и не кованныя. А на тѣхъ денежкахъ и полушкахъ и полуполушкахъ положенъ его, Великаго Государя, гербъ, орелъ двоеглавой съ вѣнцомъ, скипетромъ и державою, а вокругъ того орла, на денежкѣ, его, Великаго Государя, имено-

---

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. I, № 344.

ваніе, а на другой сторонѣ его жъ, Великаго Государя, титло; а на полушкѣ—въ титлѣ съ прекращеніемъ; а на полуполушкѣ—орелъ безъ подписанія; а въ срединахъ, на другой сторонѣ, знательство имъ и годъ 1700" [1]). Изъ иностранныхъ монетъ на Руси XVII вѣка обращались: золотыя—угорскія ($23^3/_4$ карата), голландскія ($23^7/_{12}$ карата), польскія ($23^1/_2$ карата), флорентинскія (въ 72 грана) и рейнскія червонцы или дукаты, англійскія шифенобли или корабленики (въ 45 грановъ) и португалы (въ португальскую унцію) [2]); серебряныя: англійскія шиллинги (=2 алтынамъ), голландскія гульдены (=8 алтын.), нѣмецкія рейхсталеры и многочисленные талеры (=почти полтинѣ), называвшіеся на Руси ефимками, покупавшіеся за 12 алтынъ и перечеканиваемые русскими въ свою монету [3]).

Конецъ.

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. IV, № 1776.
[2]) *Chaudoir:* Apercu sur les monnaies russes etc. p. 62—64.
[3]) Дополн. къ акт. истор. т. V, № 46.—*Костомаровъ:* Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII стол. Современникъ 1857 г., № 12. Отд. II, стр. 139—142.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА НАУМКѢ КОБЕЛЮ НА УСТРОЙСТВО СОЛЯНЫХЪ ВАРНИЦЪ ВЪ ДВИНСКОЙ ЗЕМЛѢ.

„Се язъ Князь Великій Василей Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ есмя Двинянъ, Наумка Кобеля Сазина сына, да Давыдка Степанова сына, да Марка Матвѣева сына, да Олешка Ѳомина сына, да Савку Савина сына. Что ми били челомъ, а сказываютъ: что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ, да отъ Кривца вверхъ по обѣ стороны рѣчки Юры и у Смердьева озерка; а дворы де и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ, и угодья де къ тѣмъ мѣстомъ не пришли никоторыхъ волостей; и мнѣ бъ Наумка и его товарыщовъ пожаловати, велѣти имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣсы сѣчи, и дворы ставити и людей къ себѣ звати, да и пашни пахати отъ Кривца по обѣ стороны рѣчки Юры да рѣчки Смердьи и около Смердья озерка, а по рѣчкѣ по Смердьѣ до устья, да отъ усть Хороги до Гостилова устья да до Залазина ручья, и пожни по тѣмъ мѣстомъ чистити.—И ожъ будетъ такъ, какъ Наумко и его товарыщи сказывали и язъ Князь великій пожаловалъ Наумка и его товарыщевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити, и лѣса сѣчи, и дворы ставити и пашни пахати; и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписменныхъ, добрыхъ, а не ябедниковъ и не татей и не розбойниковъ; а писменныхъ тяглыхъ, да и лихихъ людей, татей или розбойниковъ или ябедниковъ, которые изъ которыхъ городовъ и изъ волостей выбиты, и тѣхъ имъ къ себѣ не принимати. И какъ на тѣхъ мѣстѣхъ розчистятъ колодезь, и лѣсъ розсѣкуть, и дворы поставятъ, и кого къ себѣ на тѣ мѣста призовутъ людей жити, и Наумку съ товарыщи и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ моя Великого Князя дань, ни иные никоторые пошлины на десять лѣтъ; а какъ отсидятъ тѣ свои урочные лѣта, и имъ потянути въ мою Великого Князя дань и во всѣ пошлины, чѣмъ ихъ обложитъ мой Великого Князя писецъ. Также есми Наумка и его товарыщовъ пожаловалъ: намѣстницы наши Двинскіе,

и ихъ тіуны, Наумка и его товарыщовъ да и ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, и доводчиковъ своихъ и праветчиковъ къ нимъ не всылаютъ. и на поруку доводчики ихъ и праветчики Наумка и его таварыщовъ да ихъ людей, которыхъ добрыхъ и не татей и не розбойниковъ и не ябедниковъ, не даютъ, и поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Наумко и его товарыщи сами во всемъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ съ городцкими или съ волостными люди, съ Двиняны, и намѣстниковъ нашихъ Двинскихъ тіуны судятъ, а Наумко и его товарыщи съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Наумкѣ и на его товарыщахъ, ино ихъ сужу язъ Князь Великій или нашъ казначей. А которые у Наумка и у его товарыщовъ учнутъ жити лихіе люди, тати или разбойники или ябедники, которые выбиты изъ городовъ и изъ волостей, и намѣстниковъ нашихъ Двинскихъ доводчики и праветчики Наумка и его товарыщовъ да тѣхъ лихихъ людей даютъ на поруки во всякихъ дѣлѣхъ, да чинятъ имъ срокъ одинъ въ году стати на Москвѣ передо мною передъ Великимъ Княземъ, въ той же день по сборѣ. А коли Наумко и его товарыщи намѣстникомъ Двинскимъ сію грамоту явятъ, и намѣстницы наши, прочетъ сію грамоту, отдаютъ имъ назадь, а не емлютъ у нихъ съ сее грамоты ничего." (Акты Археограф. Экспед. т. I, № 164).

№ 2.

ИНСТРУКЦІЯ ГОЛОВѢ ПОЯРКОВУ ОБЪ ОТЫСКАНИИ СЕРЕБРЯНЫХЪ РУДЪ ВЪ НЕРЧИНСКОМЪ КРАѢ.

„Лѣта 7151 году, іюля въ 15 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Русіи указу, стольникъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ, велѣлъ итить изъ Якутсково острогу письмянному головѣ Василью Даниловичу Пояркову на Зію и Шилку рѣку, для Государева Царева и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Русіи, ясачнаго сбору и прінску вновь неясачныхъ людей, и для серебряной и мѣдной и свинцовой руды, и хлѣба, для того въ прошломъ въ 149 году енисейской служилой человѣкъ, Максимко Перфильевъ, подалъ своею рукою витимскаво тунгуса Камбайка шанана роспросные рѣчи про Шилку рѣку. А самъ онъ Максимко, въ роспросѣ сказалъ, и въ тѣхъ ево рѣчахъ написано, что на Шилкѣ рѣкѣ многіе сѣдячіе пахотные хлѣбные люди, а хлѣбовъ у нихъ родитца разныхъ восемь. Да на Шилкѣ же, де, рѣкѣ на Усть-Уры рѣки живетъ братцкой князецъ Ловкай, а улусныхъ людей съ нимъ, Ловкаемъ, живетъ человѣкъ съ 30; и у тово, де, братцково князца Ловкая на Усть-Уры рѣки въ горѣ, въ утесѣ, въ двумѣстѣхъ серебреная руда, адна въ утесѣ въ горѣ, а другая руда въ водѣ; а верхняя руда водяной руды легче и въ плавкѣ прибыльнѣе; а онъ, де, Камбайко, самъ у той руды былъ. Да на той же, де, рѣкѣ Шилкѣ, внизу, есть свинцовая и мѣдяная руда.... Да въ прошломъ же 149 году посыланы были служивые люди для ясачново сбору съ Тунгусково волоку

вверхъ по Чичюю рѣкѣ, Нехорошко Алексѣевъ, да Максимко Кириловъ съ товарищи; и Максимко Кириловъ, въ роспросѣ на Тулгускомъ волоку, стольнику и воеводѣ, Петру Петровичу Головину, съ товарищи сказывалъ: сошли они на хребтѣ Тунгусовъ человѣкъ съ 20 съ Ангары рѣки, которая впала въ море, и къ тѣмъ онъ, Максимко, Тунгусамъ ходилъ въ юрты, купилъ у бабы тунгусской кругъ серебреной, вѣсомъ 10 алтынъ, да краски крутику синево: а далъ за кругъ и за краску двѣ прядки синево оденую. Да въ прошломъ же въ 150 году въ Якутцкомъ старомъ острогѣ томскіе служивые люди.... да и якутцкіе многіе люди, князецъ мегинской Бодай и многіе иные улусные люди въ роспросѣ сказывали, что есть за Алданскимъ хребтомъ рѣка хлѣбная, хлѣба всяково на той рѣкѣ и серебра много.... И въ нынѣшнемъ же въ 151 году пакарской якутцкой князецъ Барбулакъ сказывалъ, что онъ про ту рѣку хлѣбную слыхалъ отъ лалагирсково тунгуса, отъ Томканея.... а тотъ, де, Томканей многажды бывалъ на той хлѣбной рѣкѣ.... А былъ, де, онъ Томканей, у хлѣбныхъ людей на краю сверху Зіи рѣки у братцково мужика у Керчюляна, а отъ тво, де, Керчюляна, до Шилки рѣки конемъ ѣхать восемь дней; а все, де, до Шилки рѣки по Зіѣ по берегамъ живутъ братцкіе люди хлѣбные многіе.... и серебра, де, у нихъ много.... а отколева серебро къ нимъ идетъ, или тутъ родитца, и того онъ, Томканей, не вѣдаетъ.... И ему, Василью, итить изъ Якутцково острогу внизъ по Ленѣ рѣкѣ до Усть Алдана, и Алданомъ рѣкою вверхъ до Буталсково острожку, и подъ Буталской пришедъ.... итить со всѣми ратными людьми вверхъ по Угеру рѣкѣ до Гономы рѣки.... А перешедъ волокъ на Зію рѣку, и смотря по водѣ, сдѣлать суды и съ великимъ поспѣшеньемъ плыть на Зіѣ рѣкѣ до хлѣбныхъ сѣдячихъ братцкихъ людей.... И на Зіѣ рѣкѣ будучи ему, Василью, распрашивать всякихъ иноземцовъ накрѣпко про сторонные рѣки падучіе, которые въ Зію рѣку пали, какіе люди по тѣмъ сторонным рѣкамъ живутъ, сѣдячіе ль, или кочевные; и хлѣбъ у нихъ иная какая угода есть ли, и серебреная руда, и мѣдная и свинцовая по Зіѣ рѣкѣ есть ли, и что хто иноземцовъ въ роспросѣ скажетъ, и то записывать именно. Да и про то на Зіѣ всякими мѣрами распрашивать иноземцовъ накрѣпко по одному, гдѣ на Шилкѣ серебреная руда, и мѣдная и свинцовая, и сколь далече отъ Зіи Шилка рѣка.... и есть ли на Шилку рѣку изъ Китайсково государства приходъ.... И приведчи на Зіѣ рѣкѣ иноземцовъ подъ государеву царскую высокую руку и ясакъ съ нихъ взявъ и аманатовъ, и поставя острогъ на Зіѣ.... итить на Шилку рѣку; и будетъ недалече на Шилкѣ рѣкѣ отъ Зіи серебреная руда и мѣдная, и люди будутъ въ силу, и чаетъ милостію Божіею и государя царя и великаго князя, Михаила Ѳедоровича, всея Руссіи счастьемъ, можно до серебреной руды дойти и завладѣть ею можно-жъ, и ему, Василью Даниловичу, прося у Бога милости, потому жъ итить на Шилку рѣку до серебреные руды, и пришедъ къ серебреной рудѣ, острогъ поставить и укрѣпитца всякими крѣпостьми, чтобъ въ острогѣ отъ приходу воинскихъ людей сидѣти было безстрашно; и серебреные руды велѣть при себѣ вѣсомъ плавить, и сколько руды вѣсомъ будетъ, и то записать, и серебро велѣть безпрестанно плавить на государя.... Да по распросу иноземскому

и по своему высмотру сдѣлать ему, Василью, Зіѣ рѣкѣ и Шилкѣ и въ нее падучимъ рѣкамъ чертежъ и роспись.... и.... въ которомъ мѣстѣ.... серебренная руда, и мѣдная, и иная какая угода, то.... описать имянно. А будетъ серебрянная руда на Шилкѣ есть, а отъ Зіи далече, а Зія будетъ людна гораздо, и людей будетъ вскорѣ на Зіѣ рѣкѣ подъ государеву руку привесть не мочно, и ему, Василью, о томъ писать въ Якутцкой острогъ, а съ Зіи до указу не ходить.... а на весну, аже дастъ Богъ, что сберетца государева ясака.... и чертежъ и роспись прислать всему за своею Васильевою рукою; и про серебрянную руду, и про мѣдную ... имянно описать. И будетъ милостію Божіею и государскимъ счастьемъ серебрянные руды прислать въ Якутцкой острогъ пуда два, или сколько можно." (Чтенія Импер. моск. обществѣ исторіи. и древ. россійск., 1861 кн. I).

№ 3.

ПОКАЗАНІЯ МѢСТНЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ ВЪ 1669 ГОДУ О РУДНОМЪ ПРОМЫСЛѢ НА УРАЛѢ У ИНОРОДЦЕВЪ.

„Въ прошедшемъ во 177 году, въ вѣдомостяхъ сибирской губерніи исъ Тобольска показано, что въ тобольскомъ уѣздѣ, около р. Исети и въ окружности оной, русскіе люди въ татарскихъ могилахъ или кладбищахъ выкапываютъ золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду, чего ради велѣно взять извѣстія: откуды тѣ Татары въ прежнія лѣта такое золото и серебро получали или изъ котораго государства оное къ нимъ привожено было? На то въ отвѣтствіе Далматскаго монастыря отъ старца именемъ Лота объявлено, что отъ Башкирцевъ увѣдомился: въ уфимскомъ де дистриктѣ, за каменными горами, при устьяхъ рѣкъ Уфы, Гадая и Яика, въ горахъ безчисленное сокровище золотыхъ и серебряныхъ рудъ обрѣтается; и въ прежніе де времена, старинные сибирскіе Татары и Калмыки изъ тѣхъ горъ золотую и серебряную руду добывали и плавили,— что де и нынѣ тѣ признаки плавильныхъ печей и копаныхъ ямъ видны. И объ оныхъ рудахъ тѣ Башкирцы нагайской націи у престарѣлой женщины, которая была въ полону въ улусѣ царевича Рючюка, и оной отъ роду имѣлось болѣе ста лѣтъ, увѣдомились, что въ древнихъ лѣтахъ иные люди, которые въ тѣхъ мѣстахъ жили, означенную руду копали и плавили, и, дѣйствительно, изъ иной золото и серебро получали и всякія изъ того вещи дѣлали; и такія вещи около Исету и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оной народъ, называемый Чуды, жили, въ ихъ могилахъ или кладбищахъ и понынѣ находятся. И ежели бъ въ древнихъ лѣтахъ въ тамошнихъ мѣстахъ никакой золотой и серебряной руды найдено не было, то бъ онымъ людямъ и Татарамъ такого золота и серебра получать было не откуда, и ниже, чтобъ изъ другихъ земель къ нимъ привожено было — отъ Ратайскаго острова, Догадая и Яика рѣкъ разстояніемъ путешествія одиннадцать дней. Не въ дальномъ разстояніи отъ р. Иртыша, на сибирской сторонѣ имѣется городъ, съ великими каменными башнями и съ строеніемъ каменныхъ палатъ. Во оный городъ Башкирцы по вся годы пріѣз-

жаютъ для отправленія своихъ молитвъ и, притомъ, между собою великими клятвами утверждаютъ, чтобъ объ оныхъ рудныхъ мѣстахъ никому не объявлять, дабы о томъ царское величество россійской и шахъ Козылбашской никакого извѣстія получить не могли. И по тому старцову объявленію для подлиннаго провѣдыванія и свидѣтельства означенныхъ горъ посланы были изъ Тобольска нѣкоторые служилые люди, которые въ томъ свидѣтельствѣ объявили, что около помянутыхъ горъ нашли они рѣку, называемую Тасма, которая впала въ рѣку жъ Вай, и гора обстоитъ въ длину на 7 верстъ, шириною въ одну версту, а въ вышину на 200 саженъ или больше. На оной горѣ дубовой и березовой густой лѣсъ; а при той горѣ никакова жилища не имѣется, токмо башкирское кочевье, или жилище, отъ оной горы разстояніемъ состоитъ на одинъ день или съ небольшимъ ѣзды. И отъ того ихъ жилища на оной горѣ проложена дорога, по которой они, пріѣзжая, изъ оной горы добываютъ золотую и серебряную руду, и изъ оной выплавливаютъ золото и серебро, и тайнымъ образомъ продаютъ россійскому народу по 12 рублевъ пудъ. Вышеозначенные посыланные изъ Тобольска какъ прибыли къ р. Иртышу, то для извѣстія въ Тобольскъ, писали: Башкирецъ де, именемъ Батайко, имъ объявилъ, что отъ Иртыша въ заливѣ, на островѣ, видѣлъ городъ, построенный изъ дикаго камня, и около того города каменный ровъ; а при томъ городѣ нашелъ онъ древнихъ лѣтъ построенную плавильную печь и отъ выплавленной руды шлаки или сокъ. По примѣру тотъ городъ шириною 50 саженъ или больше; около того города течетъ рѣка, въ которой находится острая каменная гора, вышиною около 8 саженъ.“ (Рукопись Государственнаго Архива въ Петербургѣ, картонъ 13, статья 1).

№ 4.

ОБРАЗЧИКЪ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ ВЪ 1675 ГОДУ НА ПОИСКИ РУДЪ.

„Какъ они съ Москвы въ которые городы и уѣзды пріѣдутъ и великого государя проѣзжую жалованную грамоту, или списокъ великого государя съ подлинныя грамоты, за дьячьею приписью, объявятъ, и по городомъ бояромъ и воеводамъ и дьякомъ, а великого государя въ дворцовыхъ волостяхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ патріаршихъ, и въ митрополичихъ, и въ архіепископлихъ и епископлихъ, и въ монастырскихъ и бояръ и околничыхъ и думныхъ всякихъ чиновъ людей, въ селѣхъ же и деревняхъ, всякимъ приказнымъ людемъ, велѣно имъ въ рудосыскномъ дѣлѣ, по извѣтчиковымъ рѣчамъ и на чьей земли не прилучитца, давать всякую поволность; а на ослушниковъ, имъ и посылщикомъ ихъ, вездѣ давати стрѣлцовъ и пушкарей и розсылщиковъ, сколко человѣкъ пригоже. А украинныхъ городовъ въ степныхъ мѣстахъ давати имъ служилыхъ конныхъ и пѣшихъ людей, сколко человѣкъ пригоже, а смотря по вѣстямъ съ прибавкою. Да имъ же велѣно вездѣ давати, и подъ посылщиковъ ихъ, и подъ мастеровыхъ и подъ работныхъ и подъ ихъ людей, и подъ снасти, и подъ всякую ихъ рухлядь, ямскія подводы, а водянымъ пу-

темъ суды, со всѣми судовыми снастями и съ корщики и гребцы за ихъ прогоны. Да ихъ же, или кто изъ нихъ куды поѣдетъ, и извѣтчиковъ и мастеровыхъ и работныхъ и ихъ людей, и кто съ ними въ тѣхъ рудныхъ сыскахъ будетъ. вездѣ по городамъ и уѣздамъ пропущать и никакой задержки и остановки не чинить и на мостахъ и на перевозахъ и всякимъ пошлинникомъ, и на дворѣхъ постоялаго имать съ нихъ и съ людей не велѣно. А буде въ томъ сыску обыщутъ гдѣ въ какихъ мѣстехъ, великого государя или на помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земляхъ, какія иныя руды, кромѣ золотой и серебреной, краски или слюду, или какое узорочное или простое пригожее каменье, и тѣми обыскными мѣсты и рудами, и красками, и слюдою, и каменьемъ, противъ великаго государя указу и жаловалныхъ грамотъ, каковы о томъ Андрѣю Виніюсу и Петру Марселису даны изъ Новгородцкаго Приказу, владѣть имъ и на тѣхъ мѣстехъ заводы и промыслы заводить имъ же поволно, и о томъ о всемъ имъ велѣно къ великому государю писать и подъ отписками присылать росписи имянно въ Посольской Приказъ. А буде по городомъ и уѣздомъ, или гдѣ ни есть, его великого государя указу и въ рудосыскномъ дѣлѣ имъ, или посылщикомъ и людемъ ихъ, какую помѣшку и остановку и обиду и иную какую противность кто учинитъ, и тому отъ великого государя быти въ опалѣ и въ пенѣ и въ наказаньѣ; и покамѣста они въ томъ его великаго государя рудосыскномъ дѣлѣ будутъ, во всѣхъ городѣхъ на нихъ съ товарищи ни въ чемъ суда давать не велѣно, чтобъ имъ въ томъ рудяномъ сыску помѣшки не было. А кому до нихъ, или до людей ихъ, какое дѣло по прямому на нихъ челобитью и крѣпостямъ будетъ, и тѣмъ людемъ бити челомъ великому государю на нихъ на Москвѣ, въ Посолскомъ Приказѣ." (Дополнен. къ актамъ историч. т. VII, № 10 III).

№ 5.

УКАЗЪ О ПОСЫЛКѢ ЛЕВАНДІАНА ДЛЯ УСТРОЙСТВА НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

„Великій государь указалъ: Гречанина Александра Левандіана съ товарищи, десяти человѣкъ; послать въ Томской къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ та руда явилась, и дать ему Александру съ товарищи, по уговору, свое Великого Государя жалованье для проѣзда въ Сибирь, и съ чѣмъ ему быть въ Сибири у дѣла, кормовыхъ денегъ на годъ, противъ сказки его, ему Александру по 3 алтына по 2 деньги. а товарищамъ его по 2 алтына по 4 деньги, всего имъ, десяти человѣкомъ, по 27 алтынъ по 2 деньги на день. Да съ нимъ же послать, сдѣлавъ на Москвѣ, для того жъ дѣла 10 трубъ желѣзныхъ по сажени, 10 же трубъ по полуаршину, 50 пудъ свинцу на всѣ четыре года, 10 пудъ укладу, а желѣза на кирки и молотки и на всякія снасти по разсмотрѣнію, сколько по нужной потребѣ къ тому дѣлу будетъ надобно; и сала говяжья на свѣчи, съ чѣмъ ходить въ ямахъ и подкопахъ, и что ему Александру по нуждѣ недорогихъ статей будетъ надобно, давать и посылать изъ Томскаго, чтобъ то дѣло за тѣмъ малымъ въ остановкѣ не учинилось. А какъ они пріѣдутъ въ Томской, и имъ, Александру съ товарищи, сначала того завода, для опыта

руды и подлинаго увѣрепія: та руда, по рѣчкѣ Коштакѣ, прочная ль и будетъ ли въ томъ промыслу Великому Государю прибыль,—дать для кованья желѣзнѣхъ статей, двy человѣкъ кузнецовъ добрыхъ, чтобъ кузнечному всякому дѣлу умѣли да 30 человѣкъ работныхъ людей; и давать тѣмъ кузнецомъ кормовыхъ денегъ по 10 денегъ, а работникомъ по 6 данегъ на день съ того числа, какъ дѣло пойдетъ и въ которые дни будетъ работа; а для бережи, чтобъ отъ непріятельскихъ людей не учинилось тому промыслу и Грекамъ и работнымъ людемъ какой порухи и убивствъ, послать съ ними служилыхъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, сколько человѣкъ пригоже, смотря по дѣлу и по вѣстямъ, и поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ рудоплавныя мѣста явились въ пристойныхъ и крѣпкихъ мѣстѣхъ, избы и огородить тыномъ и обнести рвомъ со всякими крѣпостьми, чтобъ было отъ незапнаго прихода имъ, Александру и работнымъ людемъ, безопасно. И въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ жилы серебряныя руды явятся, чинить ему, Александру съ товарищи, о серебрѣ промыслъ со всякимъ радѣніемъ, как бы скорѣе прочную и прибыльную богатую серебряную руду сыскать и, по крайнему своему радѣнію, до совершенныхъ рудныхъ богатыхъ жилъ, какъ возможно, доходить. А что по опытамъ его и промыслу на которыхъ саженяхъ въ глубину какова руда, и каковы изъ нихъ опыты, и лучше ль она въ глубину пойдетъ. и тѣхъ рудъ образцы фунта по два или по три, и что изъ нихъ выйдетъ, изъ сколькихъ фунтовъ сколько серебра, или что иное, — и то все, съ подписьми, въ мѣшечкѣ, послать въ Томской и отдать воеводѣ Василью Ржевскому, а ему тѣ опыты, серебро и руду добрые, съ нарочными посыльщиками, прислать къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ, на скоро. И буде, по ихъ опытамъ, въ томъ промыслу явится серебряная прочная прибыльная богатая руда, и Великому Государю впредь будетъ за всякими росходы прочна, и въ дѣлѣ учнетъ серебра выходить настоящей цѣны гораздо дешевле, и у него, Александра съ товарищи, воеводѣ о томъ взять на письмѣ сказку: сколько большими людьми въ годъ мочно по тому ихъ опыту руды въ годъ накопать и пудъ серебра выйдетъ и во что, за всякіе харчи вычтя, фунтъ серебра чистаго учнетъ въ казну становиться. А какъ онъ такую сказку дастъ, что, за Божіею помощію, онъ богатую и прибыльную руду обыскалъ, и ему, Александру съ товарищи, для расширенія тѣхъ заводовъ, для работы нанявъ, дать работныхъ людей и вольницы противъ его Александровы сказки, кому землю копать и сѣчь, для большаго заводу по ста и по полтораста человѣкъ, а смотря по дѣлу и съ прабавкою, сколько человѣкъ надобно; а для дровъ и уголья дать сто человѣкъ умѣющихъ людей, чтобъ уголья жечь умѣли; только приставить къ нимъ добраго человѣка, чтобъ надзиралъ и напрасно бы не гуляли и деньги даромъ не имали; а кормовыхъ денегъ давать имъ по алтыну въ день. И поставить въ тѣхъ же мѣстѣхъ двѣ кузницы и горны. А на тѣ расходы послать съ Москвы изъ Сибирскаго Приказу въ Томской къ воеводѣ денегъ 500 рублевъ. А что по промыслу изъ той руды выходить будетъ, и ему Александру съ товарищи; за промыслы и за труды его велѣть давать изо всякихъ 10 пудъ золота или изъ серебра или изъ мѣди, или что по промыслу изъ той руды выходить будетъ, по

своими руками дадутъ, велѣть воеводѣ: у него всякой заводъ описавъ, принять и отпустить его Александра съ товарищи къ Москвѣ и работныхъ людей по домамъ; а ему Александру съ товарищи дать въ дорогу кормовые деньги, на сколько мѣсяцевъ пристойно, какъ ему быть мочно въ Москвѣ, противъ вышеписаннаго жъ по 27 алтынъ по 2 деньги на день. И во всемъ противъ сего вышеписаннаго его Великаго Государя указу въ договорѣ взять на него, Александра съ товарищи, запись и, для увѣренія, съ сего его Великаго Государя указу дать свою государскую грамату съ прочетомъ; а къ воеводѣ въ Томской послать о томъ его Великаго Государя грамоту, а дворянину написать наказъ; а что въ томъ учинится, велѣть воеводѣ о всемъ наскоро къ нему Великому Государю въ Сибирской Приказъ писать, а дворянину, которому у того дѣла быть, дать съ его Великаго Государя указу наказъ, и велѣть ему дать изъ Томскаго подъячаго добраго, чтобъ всякой день, въ которомъ, изъ Томскаго ѣдучи, учнетъ въ томъ дѣлѣ дѣлаться, именно во всякой правдѣ записывалъ и, по совершенію того дѣла, тотъ дворянинъ прислалъ за своею рукою тѣ книги къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ; а деньгамъ 500 рублямъ, и что впредь у воеводы, и за хлѣбъ продажной, прислать и всякому запасу и заводу особь—приходныя и расходныя книги". (Полное Собран. Законовъ, т. Ш, № 1561).

№ 6.

УКАЗЪ ВЕРХОТУРСКОМУ ВОЕВОДѢ ПРОТАСЬЕВУ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ЗАВОДОВЪ НА УРАЛѢ.

„Отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, въ Сибирь, на Верхотурье, столникомъ нашимъ и воеводамъ Дмитрею Петровичу Протасьеву съ товарищи. Въ прошломъ 204 году Іюня въ 26 день, по нашему Великаго Государя указу, послана къ Вамъ на Верхотурье наша Великого Государя грамота, велѣно въ верхотурскомъ уѣздѣ осмотрѣть, въ которыхъ мѣстѣхъ камень магнитъ, и много ль и далеко ль отъ житья, и желѣзная добрая руда есть ли, и изъ тѣхъ рудъ и изъ магниту выплавя опыты, да наломавъ магниту камени и желѣзной руды по пуду, прислать къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ. И Генваря въ 23 день нынѣшняго 205 году писали вы къ намъ Великому Государю: камень де магнитъ сысканъ верхотурскаго уѣзду, Краснопольской слободы, отъ деревни рускихъ ясачныхъ людей Терешки Ѳадеева и отъ рѣки Тагилу версты съ двѣ, въ горѣ, въ длину въ три сажени, въ вышину сажень съ осмью вершками; а желѣзные руды, одна отъ Невьянской слободы въ двадцати въ пяти верстахъ, по правую сторону Нейвы рѣки, въ длину на стѣ на пятидесяти саженехъ, поперечнику на двадцати саженехъ, въ горѣ, лѣсъ въ томъ мѣстѣ сосвякъ и березникъ мелкой; въ другомъ мѣстѣ, по Невьѣ жъ рѣкѣ, въ десяти верстахъ, по рѣчкѣ Зыряновкѣ въ верхъ съ полверсты, длиннику на двустахъ саженяхъ, поперечнику на тридцати саженяхъ, лѣсъ по обѣ стороны рѣчки боръ и березникъ; въ третьемъ мѣстѣ, по Невьѣ жъ рѣкѣ,

и ихъ тіуны, Наумка и его товарыщовъ да и ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, и доводчиковъ своихъ и праветчиковъ къ нимъ не всылаютъ, и на поруку доводчики ихъ и праветчики Наумка и его таварыщовъ да ихъ людей, которыхъ добрыхъ и не татей и не розбойниковъ и не ябедниковъ, не даютъ, и поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Наумко и его товарыщи сами во всемъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ съ городцкими или съ волостными людми, съ Двиняны, и намѣстниковъ нашихъ Двинскихъ тіуны судятъ, а Наумко и его товарыщи съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Наумкѣ и на его товарыщахъ, ино ихъ сужу язъ Князь Великій или нашъ казначей. А которые у Наумка и у его товарыщовъ учнутъ жити лихіе люди, тати или разбойники или ябедники, которые выбиты изъ городовъ и изъ волостей, и намѣстниковъ нашихъ Двинскихъ доводчики и праветчики Наумка и его товарыщовъ да тѣхъ лихихъ людей даютъ на поруки во всякихъ дѣлѣхъ, да чинятъ имъ срокъ одинъ въ году стати на Москвѣ передо мною передъ Великимъ Княземъ, въ той же день по сборѣ. А коли Наумко и его товарыщи намѣстникомъ Двинскимъ сію грамоту явятъ, и намѣстницы наши, прочетъ сію грамоту, отдаютъ имъ назадь, а не емлютъ у нихъ съ сее грамоты ничего." (Акты Археограф. Экспед. т. I, № 164).

№ 2.

ИНСТРУКЦІЯ ГОЛОВѢ ПОЯРКОВУ ОБЪ ОТЫСКАНІИ СЕРЕБРЯНЫХЪ РУДЪ ВЪ НЕРЧИНСКОМЪ КРАѢ.

„Лѣта 7151 году, іюля въ 15 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу, стольникъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ, велѣлъ итить изъ Якутсково острогу письмянному головѣ Василью Даниловичу Пояркову на Зію и Шилку рѣку, для Государева Царева и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, ясачнаго сбору и пріиску вновь неясячныхъ людей, и для серебряной и мѣдной и свинцовой руды, и хлѣба, для того въ прошломъ въ 149 году енисейской служилой человѣкъ, Максимко Перфильевъ, подалъ своею рукою витимсково тунгуса Камбайка шамана роспросные рѣчи про Шилку рѣку. А самъ онъ Максимко, въ роспросѣ сказалъ, и въ тѣхъ ево рѣчахъ написано, что на Шилкѣ рѣкѣ многіе сѣдячіе пахотные хлѣбные люди, а хлѣбовъ у нихъ родитца разныхъ восмь. Да на Шилкѣ же, де, рѣкѣ на Усть-Уры рѣки живетъ братцкой князецъ Ловкай, а улусныхъ людей съ нимъ, Ловкаемъ, живетъ человѣкъ съ 30; и у тово, де, братцково князца Ловкая на Усть-Уры рѣки въ горѣ, въ утесѣ, въ двумѣстѣхъ серебреная руда, адна въ утесѣ въ горѣ, а другая руда въ водѣ; а верхняя руда водяной руды легче и въ плавкѣ прибыльнѣе; а онъ, де, Камбайко, самъ у той руды былъ. Да на той же, де, рѣкѣ Шилкѣ, внизу, есть свинцовая и мѣдяная руда.... Да въ прошломъ же 149 году посыланы были служивые люди для ясачново сбору съ Тунгусково волоку

руда явилась, построить и завесть болшой желѣзной заводъ; и на пристойныхъ мѣстѣхъ, на рѣчкѣ, гдѣ, безъ великихъ трудовъ и росходовъ нашей, Великого Государя, казны, возможно и пристойнѣе, въ недалномъ разстоянiи отъ тѣхъ рудъ и близъ рѣкъ судовыхъ, которыми бы мочно желѣзо водою въ понизовые сибирскiе и въ рускiе городы отпускать, построить болшую плотину, для молотовыхъ и болшихъ мѣховъ подъему и при которыхъ мѣстѣхъ сыщутся многiе пустые лѣса; и собрать лутчихъ тамошнихъ желѣзныхъ заводчиковъ мастеровъ, и съ ними удобные мѣста, гдѣ бы на рѣчкахъ пристойныхъ для строенiя болшихъ заводовъ, близь болшихъ рѣкъ, и рудныхъ мѣстъ и рудъ, осмотрѣть и описать и чертежъ подлинно на бумагѣ учинить: которые слободы въ близости и въ какомъ разстоянiи тѣхъ мѣстъ случатся, и въ которой слободѣ сколко дворовъ, и хлѣбъ тамъ по чему покупаютъ, и работниковъ по чему наймаютъ поденно или недѣлно, и отъ того мѣста до слободы Утки лѣтней телѣжной, а зимою удобной санной путь есть ли, и что разстоянiе, и зимою и лѣтомъ что съ пуда провозу возмутъ, и въ той слободѣ суды дѣлаютъ ли, и что судно станетъ, и что пудъ подыметъ, и во что пудъ лѣтомъ водою до Казани и Нижняго, а зимою до Соли Камской и Соли Вычегодской провозу станетъ. А построить тѣ заводы для того, что, по свидѣтельству заморскихъ опытовъ, та руда желѣзомъ выгодна и богата и самая добрая, и чтобъ на тѣхъ заводахъ лить пушки и гранаты и всякое ружье, для обороны сибирского царства отъ всякихъ иноземцовъ, и для привозу того ружья къ Москвѣ и въ иные понизовые и верховые Великого Государя городы, гдѣ по нашему, Великого Государя, указу понадобится; также на томъ бы заводѣ дѣлать и лить желѣзо связное, прутовое, и дощатое, и цренное, и кровяное, для продажи въ розные городы и къ солянымъ камскимъ промысломъ. —И какъ къ вамъ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы бъ, о досмотрѣ мѣстъ и о всемъ, опричь строенiя, учинили противъ вышеписаннаго нашего Великаго Государя имяннаго указу, не отлагая до иного времени, нынѣшняго-жъ лѣта, и тѣмъ мѣстамъ учинили чертежъ, и на томъ чертежу, сколь далеко мѣсто отъ мѣста и рѣчки и урочища, велѣли подписать имянно, на сколько верстъ, которомъ мѣстѣ, какiе и великiе лѣса на сколко верстъ. А до нашего Великого Государя указу и пока мастеры, кому тѣ заводы разводить, присланы будутъ, плотинъ и никакихъ принасовъ ни заводовъ заводить не велѣли и людемъ уѣзднымъ въ томъ никакой тягости не чинили; а гдѣ неболшiе желѣзные заводы у мужиковъ были и нынѣ есть, какой съ нимъ въ нашу, Великаго Государя, казну былъ доходъ, и нынѣ почему платятъ, и въ которой городъ; а верхотурскимъ уѣзднымъ людемъ сказали: буде кто какихъ рудъ знаетъ или обыщетъ, и про то извѣщать вправду, и тѣхъ рудъ опыты вамъ въ приказной избѣ объявлять; и буде ихъ обысками сыщутся какiе руды добрые и прибылные и прочные, и они отъ насъ, Великого Государя, пожалованы будутъ нашимъ, Великого Государя, жалованьемъ. А учиня подлинной чертежъ и описавъ все противъ вышеписаннаго нашего Великого Государя указу, къ намъ Великому Государю писали, и отписку и чертежъ прислали къ Москвѣ и велѣли подать въ Сибирскомъ Приказѣ". (Акты историч. т. V, № 267).

№ 7.

УКАЗЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРИКАЗА РУДНЫХЪ ДѢЛЪ.

„Великій государь указалъ: для пополненія золота и серебра въ своемъ Великого Государя Московскомъ Государствѣ, на Москвѣ и въ городахъ сыскивать золотыхъ и серебряныхъ и мѣдныхъ и иныхъ рудъ, и о сыску тѣхъ рудъ, въ городы, къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, послать грамоты, и къ бургомистрамъ памяти; велѣть на Москвѣ и въ городахъ и въ уѣздахъ по торгамъ и ярманкамъ, въ торговые дни, кликать бирючемъ по многія времена. Будетъ кто на Москвѣ и городахъ вѣдаетъ или впредь свѣдаетъ, на его Государевыхъ или на чьихъ нибудь земляхъ, золотую, и серебряную, и мѣдную, и иныя какія руды, и тѣмъ людямъ извѣщать; а по тѣмъ извѣтамъ, на Москвѣ изъ дворянъ, а въ городахъ воеводамъ, ѣхать въ тѣ мѣста, на которыя они въ извѣтѣ своемъ скажутъ, съ кѣмъ пристойно, и тѣхъ мѣстъ досматривать, а досмотря, той руды имать по два пуда; а въ какихъ мѣстахъ и на чьей землѣ, и въ городахъ или въ низкихъ мѣстахъ, и при лѣсахъ ли и при водахъ, описывать именно, и ту руду, запечатавъ, присылать къ Москвѣ, въ Приказъ Рудныхъ Дѣлъ, съ нарочными посыльщиками, безъ всякаго мотчанія; и въ томъ сыску рудъ велѣть радѣть неоплошно, чтобъ въ томъ учинить прибыль. А надъ подъячими и надъ посыльными смотрѣть, чтобъ они градскимъ и уѣзднымъ людямъ и извѣтчикамъ, налогъ и взятковъ и никакихъ обидъ отнюдь не чинили. А извѣтчикамъ сказать его Великого Государя указъ, чтобъ они рудъ искали съ немалымъ о томъ прилежаніемъ, и сыскавъ какіе нибудь руды, объявляли; и буде по ихъ извѣтамъ, въ которомъ мѣстѣ сыщется подлинно золотая или серебряная или мѣдная руда, и за тотъ рудной пріискъ извѣтчикамъ дано будетъ его Великого Государя жалованье. А въ которыхъ городахъ Разряды, и тѣхъ городовъ воеводамъ, по такимъ же извѣтамъ, для досмотру рудъ посылать кого пристойно. А буде кто золотыя и серебряныя и иныя какія руды вѣдаетъ или впредь свѣдаетъ, а о томъ не извѣститъ, для чего нибудь, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людямъ по розыску учинено будетъ наказаніе на Москвѣ изъ Приказу Рудныхъ Дѣлъ. А буде на Москвѣ въ Приказахъ, а въ городахъ въ приказныхъ и въ губныхъ избахъ есть извѣты и дѣла и сыскные руды, которыя были прежъ сего, и тѣ дѣла и руды потому жъ прислать въ Приказъ Рудныхъ Дѣлъ. А быть въ Приказѣ Рудныхъ Дѣлъ, у того дѣла, Приказу Большія Казны подъячимъ старымъ дву, молодымъ десяти человѣкамъ. И о присылкѣ изъ Приказу и изъ городовъ руды и рудныхъ дѣлъ. и о посылкѣ послушныхъ грамотъ и памятей въ Разрядъ и въ Ратушу и въ иные Приказы, въ которыхъ городы росправою вѣдомы, а о подъячихъ въ Большую Казну послать памяти». (Полное Собраніе Законовъ, т. IV, № 1815).

№ 8.

УКАЗЪ 1700 ГОДА О ПРОБИРНЫХЪ УЗАКОНЕНІЯХЪ.

„Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, о золотыхъ и серебряныхъ всякихъ дѣлѣхъ, для лучшаго укрѣпленія и истребленія всякихъ, въ тѣхъ дѣлѣхъ, воровскихъ вымысловъ, и для пополненія въ собраніи его, Великаго Государя, казны, опредѣленіе учинить тикое: въ началѣ учинить золотыя пробы четыре, первую—выше червоннаго золотаго, вторую—противъ золотаго, третію и четвертую, дѣльному золоту, ниже золотаго; и положить цѣну, въ что тѣхъ золотыхъ пробъ золотникъ статися можетъ. Также и серебряныя пробы учинить четыре: двѣ—плавленнаго серебра, высшую и низшую, третію—ефимочную, четвертую—левковую; и клейма сдѣлать по пробамъ, съ годовыми литеры.—Въ серебряномъ ряду переписать лавки и въ нихъ торговыхъ, также золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровыхъ людей и золотарей. И для всякаго надъ ними усмотрѣчія и клейменья товаровъ учинить старостъ 3 человѣкъ, изъ мастеровъ знатныхъ и къ тѣмъ дѣламъ искусныхъ людей, на которыхъ у торговыхъ и мастеровыхъ людей серебрянаго ряду взять выборъ за руками и, выбравъ, дать имъ наказъ по состоятельному указу, и вышепомянутыя пробы и клейма, и велѣть имъ всякіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ товары, кромѣ привозныхъ и иноземческихъ, соопаснымъ храненіемъ золота и серебра, противъ пробъ клеймить съ запискою, а въ запискѣ значить именно: чей товаръ и въ какомъ дѣлѣ, и сколько въ которомъ товарѣ фунтовъ и золотниковъ будетъ; и брать за то клейменье фунтовую пошлину, усмотряя искуства ремесла: съ серебряныхъ дѣлъ, съ лучшаго,—по 3 алтына по 2 деньги, съ средняго—по 2 алт. по 2 ден., съ меньшаго—по 8 денегъ съ фунта, и записавъ, давать имъ ярлыки на бумагѣ меньшаго клейма, а за тѣ ярлыки брать деньги, по указной цѣнѣ, съ нихъ же мастеровыхъ людей. А съ золотыхъ всякихъ дѣлъ брать пошлину, усмотряя искуства ремесла и по окладу старостъ, и записавъ, также давать ярлыки. И переписавъ торговыхъ серебрянаго ряда и мастеровыхъ людей, собрать по нихъ поручныя записи и дать имъ вышепомянутыя золотыя и серебряныя пробы и позволительныя письма. А отъ записки съ торговыхъ и мастеровыхъ людей взять по рублю съ человѣка; и въ записяхъ писать съ подкрѣпленіемъ, чтобъ мастера всякія золотыя и серебряныя дѣла дѣлали, а торговые покупали, усмотряя золота и серебра противъ пробъ. А буде кто дѣлать товары учнетъ не противъ пробъ, и такіе товары старостамъ, усмотрѣвъ, ломать, и, за противество Великого Государя указу, брать на такихъ пени по пяти рублевъ, и сказывать такимъ Великаго Государя указъ: если кто гдѣ купитъ золото или серебро ломаное на какія дѣла, ниже указныхъ пробъ, и они бъ то золото и серебро выжигая или лучшаго прибавляя, приводили противъ пробы, а ниже жъ пробъ никакихъ дѣлъ не дѣлали; и буде кто съ такими дѣлами, ниже пробъ, приведенъ будетъ вторично, и такія дѣла старостамъ, усмотряя, ломать же, и брать на такихъ пени по 25 рублевъ съ человѣка, и учиня съ пощадою наказанье, освобождать на чистыя поруки, а за третій приводъ — бить кнутомъ и

темъ суды, со всѣми судовыми снастями и съ кормщики и гребцы за ихъ прогоны. Да ихъ же, или кто изъ нихъ куды поѣдетъ, и извѣтчиковъ и мастеровыхъ и работныхъ и ихъ людей, и кто съ ними въ тѣхъ рудныхъ сыскахъ будетъ вездѣ по городамъ и уѣздамъ пропущать и никакой задержки и остановки не чинить и на мостахъ и на перевозахъ и всякимъ пошлинникомъ, и на дворѣхъ постоялаго имать съ нихъ и съ людей не велѣно. А буде въ томъ сыску обыщутъ гдѣ въ какихъ мѣстехъ, великого государя или на помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земляхъ, какія иныя руды, кромѣ золотой и серебреной, краски или слюду, или какое узорочное или простое пригожое каменье, и тѣми обыскными мѣсты и рудами, и красками, и слюдою, и каменьемъ, противъ великаго государя указу и жаловалныхъ грамотъ, каковы о томъ Андрѣю Виніюсу и Петру Марселису даны изъ Новгородцкаго Приказу, владѣть имъ и на тѣхъ мѣстехъ заводы и промыслы заводить имъ же поволно, и о томъ о всемъ имъ велѣно къ великому государю писать и подъ отписками присылать росписи имянно въ Посольской Приказъ. А буде по городомъ и уѣздомъ, или гдѣ ни есть, его великого государя указу и въ рудосыскномъ дѣлѣ имъ, или посылщикомъ и людемъ ихъ, какую помѣшку и остановку и обиду и иную какую противность кто учинитъ, и тому отъ великого государя быти въ опалѣ и въ пенѣ и въ наказаньѣ; и покамѣста они въ томъ его великаго государя рудосыскномъ дѣлѣ будутъ, во всѣхъ городѣхъ на нихъ съ товарищи ни въ чемъ суда давать не велѣно, чтобъ имъ въ томъ рудяномъ сыску помѣшки не было. А кому до нихъ, или до людей ихъ, какое дѣло по прямому на нихъ челобитью и крѣпостямъ будетъ, и тѣмъ людемъ бити челомъ великому государю на нихъ на Москвѣ, въ Посолскомъ Приказѣ.“ (Дополнен. къ актамъ историч. т. VII, № 10 III).

№ 5.

Указъ о посылкѣ Левандіана для устройства нерчинскихъ заводовъ.

„Великій государь указалъ: Гречинина Александра Левандіана съ товарищи, десяти человѣкъ; послать въ Томской къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ та руда явилась, и дать ему Александру съ товарищи, по уговору, свое Великого Государя жалованье для проѣзда въ Сибирь, и съ чѣмъ ему быть въ Сибири у дѣла, кормовыхъ денегъ на годъ, противъ сказки его, ему Александру по 3 алтына по 2 деньги, а товарищамъ его по 2 алтына по 4 деньги, всего имъ, десяти человѣкомъ, по 27 алтынъ по 2 деньги на день. Да съ нимъ же послать, сдѣлавъ на Москвѣ, для того жъ дѣла 10 трубъ желѣзныхъ по сажени, 10 же трубъ по полуаршину, 50 пудъ свинцу на всѣ четыре года, 10 пудъ укладу, а желѣза на кирки и молотки и на всякія снасти по разсмотрѣнію, сколько по нужной потребѣ къ тому дѣлу будетъ надобно; и сала говяжья на свѣчи, съ чѣмъ ходить въ ямахъ и подкопахъ, и что ему Александру по нуждѣ недорогихъ статей будетъ надобно, давать и посылать изъ Томскаго, чтобъ то дѣло за чѣмъ малымъ въ остановкѣ не учинилось. А какъ они пріѣдутъ въ Томской, и имъ, Александру съ товарищи, сначала того завода, для опыта

руды и подлинаго увѣрепія: та руда, по рѣчкѣ Коштакѣ, прочная ль и будетъ ли въ томъ промыслу Великому Государю прибыль,—дать для кованья желѣзнѣхъ статей, дву человѣкъ кузнецовъ добрыхъ, чтобъ кузнечному всякому дѣлу умѣли да 30 человѣкъ работныхъ людей; и давать тѣмъ кузнецомъ кормовыхъ денегъ по 10 денегъ, а работникомъ по 6 данегъ на день съ того числа, какъ дѣло пойдетъ и въ которые дни будетъ работа; а для бережи, чтобъ отъ непріятельскихъ людей не учинилось тому промыслу и Грекамъ и работнымъ людемъ какой порухи и убивствъ, послать съ ними служилыхъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, сколько человѣкъ пригоже, смотря по дѣлу и по вѣстямъ, и поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ рудоплавныя мѣста явились въ пристойныхъ и крѣпкихъ мѣстѣхъ, избы и огородить тыномъ и обнести рвомъ со всякими крѣпостьми, чтобъ было отъ незапнаго прихода имъ, Александру и работнымъ людемъ, безопасно. И въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ жилы серебряныя руды явятся, чинить ему, Александру съ товарищи, о серебрѣ промыслъ со всякимъ радѣніемъ, как бы скорѣе прочную и прибыльную богатую серебряную руду сыскать и, по крайнему своему радѣнію, до совершенныхъ рудныхъ богатыхъ жилъ, какъ возможно, доходить. А что по опытамъ его и промыслу на которыхъ саженяхъ въ глубину какова руда, и каковы изъ нихъ опыты, и лучше ль она въ глубину пойдетъ, и тѣхъ рудъ образцы фунта по два или по три, и что изъ нихъ выйдетъ, изъ сколькихъ фунтовъ сколько серебра, или что иное, — и то все, съ подписьми, въ мѣшечкѣ, послать въ Томской и отдать воеводѣ Василью Ржевскому, а ему тѣ опыты, серебро и руду добрые, съ нарочными посыльщиками, прислать къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ, на скоро. И буде, по ихъ опытамъ, въ томъ промыслу явится серебряная прочная прибыльная богатая руда, и Великому Государю впредь будетъ за всякими росходы прочна, и въ дѣлѣ учнетъ серебра выходить настоящей цѣны гораздо дешевле, и у него, Александра съ товарищи, воеводѣ о томъ взять на письмѣ сказку: сколько большими людьми въ годъ мочно по тому ихъ опыту руды въ годъ накопать и пудъ серебра выйдетъ и во что, за всякіе харчи вычтя, фунтъ серебра чистаго учнетъ въ казну становиться. А какъ онъ такую сказку дастъ, что, за Божіею помощію, онъ богатую и прибыльную руду обыскалъ, и ему, Александру съ товарищи, для расширенія тѣхъ заводовъ, для работы нанявъ, дать работныхъ людей и вольницы противъ его Александровы сказки, кому землю копать и сѣчь, для большаго заводу по ста и по полтораста человѣкъ, а смотря по дѣлу и съ прабавкою, сколько человѣкъ надобно; а для дровъ и уголья дать сто человѣкъ умѣющихъ людей, чтобъ уголья жечь умѣли; только приставить къ нимъ добраго человѣка, чтобъ надзиралъ и напрасно бы не гуляли и деньги даромъ не имали; а кормовыхъ денегъ давать имъ по алтыну въ день. И поставить въ тѣхъ же мѣстѣхъ двѣ кузницы и горны. А на тѣ расходы послать съ Москвы изъ Сибирскаго Приказу въ Томской къ воеводѣ денегъ 500 рублевъ. А что по промыслу изъ той руды выходить будетъ, и ему Александру съ товарищи; за промыслы и за труды его велѣть давать изо всякихъ 10 пудъ золота или изъ серебра или изъ мѣди, или что по промыслу изъ той руды выходить будетъ, по

два пуда сверхъ всякихъ харчей, что къ тому дѣлу изъ его Великаго Государя казны выдетъ. А какъ заводы пойдутъ благополучно, и съ заводовъ серебра учнетъ явиться не скудно, и казнѣ Великаго Государя за всякими расходы прибыльно, а ему Александру 5-й пудъ по уговору данъ будетъ и съ того числа ему съ товарищи корму не давать, и то число записать и ему сказать. что быть ему довольну тѣмъ, что по дочовору ему достанется изъ тѣхъ заводовъ его пая. А въ казну имать изъ 10 по 8 пудъ, и присылать къ Москвѣ въ Сибирской Приказъ, со всякимъ береженьемъ. А ему, Александру съ товарищи, велѣть у того рудоплавнаго дѣла, противъ его уговора, буде прочная и прибыльная руда въ полгода сыщется, быть 4 года. А въ тѣ годы совершенно ему, Александру съ товарищи, тому рудоплавному и серебряному и всякому дѣлу научить русскихъ охочихъ людей, грамотныхъ и неграмотныхъ изъ Томчанъ, какихъ чиновъ пристойно, опытанъ и всякому мастерству, чему сами умѣютъ, и чтобъ безъ нихъ то дѣло не стало, по 3 человѣка. А хлѣбъ изъ Томска посылать на пропитаніе ихъ: муку ржаную и крупы овсяныя, и соль, для нихъ, съ работниками, пропитаніе, дощеникъ или два, по разсмотрѣнію, и хлѣбниковъ; и давать имъ тотъ хлѣбъ изъ казны въ зачетъ кормовыхъ денегъ или имать по цѣнѣ во что съ подводы тотъ хлѣбъ станетъ, деньги. А какъ тѣ урочные годы отойдутъ, и у него, Александра съ товарищи, вышеписанные заводы, и мастеровыхъ русскихъ людей и всякія снасти велѣть принять и отпустить его съ товарищи, со всѣми его животы къ Москвѣ съ провожатыми; а у того дѣла для надзиранія и ихъ обережи, велѣть быть изъ томскихъ дворянъ кому пристойно, человѣку доброму, котораго бы съ такое дѣло стало, и тому дворянину велѣть дать наказъ, чтобъ со всякимъ радѣніемъ у того дѣла былъ и смотрѣлъ, чтобъ имъ, Александру съ товарищи, никакой обиды и тѣсноты и изгоны ни отъ кого не было, а были бъ отъ русскихъ людей и иноземцевъ во всякой безопасности; а служилымъ людемъ служить изъ своихъ окладовъ и быть по нореймѣнамъ. А къ князцу Мышану велѣть послать, кого пригоже, чтобъ тѣ мѣста онъ своими улусными людьми отъ всякихъ немирныхъ иноземцовъ въ степяхъ оберегалъ, и что услышитъ, о томъ дворянину, кой у того дѣла будетъ, остерегалъ, и гдѣ хотѣлъ еще иныя прибыльныя дѣла указать, показалъ бы, а какъ укажетъ, и тѣ мѣста велѣть описать; и буде какія рудныя мѣста укажетъ, и той руды наломовъ, велѣть имъ же, Александру съ товарищи, учинить опытъ, и сколько что чего выдетъ, описавъ, и рудѣ образецъ прислать къ Москвѣ въ Сибирской Приказъ наскоро. А буде въ томъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Коштанѣ, и въ иныхъ мѣстѣхъ съ того числа, какъ учнутъ работать, впредь до полгода прибыльной богатой золотой и серебряной и мѣдной руды не сыщется, или и сыщется малое число, а расходы, которые на тотъ промыселъ въ расходъ изъ казны будетъ, отплачивать не будутъ, а изъ казны Великаго Государя въ расходѣхъ всякихъ и кормовыхъ денегъ, что на Москвѣ дано, выдетъ больше 1000 или 1500 рублевъ, и ему, Александру съ товарищи, о томъ воеводѣ о всемъ подлинную вѣдомость учинить, чтобъ въ томъ мѣстѣ они полгода трудились и никакого прока и прибыльной рудѣ не сыскали, и то по Христовой евангельской заповѣди подтвердить; и о томъ сказки за

своими руками дадутъ, велѣть воеводѣ: у него всякой заводъ описавъ, принять и отпустить его Александра съ товарищи къ Москвѣ и работныхъ людей по домамъ; а ему Александру съ товарищи дать въ дорогу кормовые деньги, на сколько мѣсяцевъ пристойно, какъ ему быть мочно въ Москвѣ, противъ вышеписаннаго жъ по 27 алтынъ по 2 деньги на день. И во всемъ противъ сего вышеписаннаго его Великаго Государя указу въ договорѣ взять на него, Александра съ товарищи, запись и, для увѣренія, съ сего его Великаго Государя указу дать свою государскую грамату съ прочетомъ; а къ воеводѣ въ Томской послать о томъ его Великаго Государя грамоту, а дворянину написать наказъ; а что въ томъ учинится, велѣть воеводѣ о всемъваскоро къ нему Великому Государю въ Сибирской Приказъ писать, а дварянину, которому у того дѣла быть, дать съ его Великаго Государя указу наказъ, и велѣть ему дать изъ Томскаго подъячаго добраго, чтобъ всякой день, въ которомъ, изъ Томскаго ѣдучи, учнетъ въ томъ дѣлѣ дѣлаться, именно во всякой правдѣ записывалъ и, по совершенію того дѣла, тотъ дворянинъ прислалъ за своею рукою тѣ книги къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ; а деньгамъ 500 рублямъ, и что впредь у воеводы, и за хлѣбъ продажной, прислать и всякому запасу и заводу особь—приходныя и расходныя книги". (Полное Собран. Законовъ, т. Ш, № 1561).

№ 6.

УКАЗЪ ВЕРХОТУРСКОМУ ВОЕВОДѢ ПРОТАСЬЕВУ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ЗАВОДОВЪ НА УРАЛѢ.

„Отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, въ Сибирь, на Верхотурье, столникомъ нашимъ и воеводамъ Дмитрею Петровичу Протасьеву съ товарищи. Въ прошломъ 204 году Іюня въ 26 день, по нашему Великаго Государя указу, послана къ Вамъ на Верхотурье наша Великого Государя грамота, велѣно въ верхотурскомъ уѣздѣ осмотрѣть, въ которыхъ мѣстѣхъ камень магнитъ, и много ль и далеко ль отъ житья, и желѣзная добрая руда есть ли, и изъ тѣхъ рудъ и изъ магниту выплавя опыты, да наломавъ магниту камени и желѣзной руды по пуду, прислать къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ. И Генваря въ 23 день нынѣшняго 205 году писали вы къ намъ Великому Государю: камень де магнитъ сысканъ верхотурскаго уѣзду, Краснопольской слободы, отъ деревни рускихъ ясачныхъ людей Терешки Ѳадеева и отъ рѣки Тагилу версты съ двѣ, въ горѣ, въ длину въ три сажени, въ вышину сажень съ осмью вершками; а желѣзные руды, одна отъ Невьянской слободы въ двадцати въ пяти верстахъ, по правую сторону Нейвы рѣки, въ длину на стѣ на пятидесяти саженехъ, поперечнику на двадцати саженехъ, въ горѣ, лѣсъ въ томъ мѣстѣ сосвякъ и березникъ мелкой; въ другомъ мѣстѣ, по Невьѣ жъ рѣкѣ, въ десяти верстахъ, по рѣчкѣ Зыряновкѣ въ верхъ съ полверсты, длиннику на двустахъ саженяхъ, поперечнику на тридцати саженяхъ, лѣсъ по обѣ стороны рѣчки боръ и березникъ; въ третьемъ мѣстѣ, по Невьѣ жъ рѣкѣ,

по лѣвую сторону, въ горѣ, отъ Невьянской слободы въ пятнадцати верстахъ, подлѣ болота въ увалѣ, длиннику на трехъ стахъ саженяхъ, поперечнику на сорокѣ на пяти саженяхъ, отъ Нейвы рѣки въ тридцати саженяхъ; а рѣка де Невья въ тѣхъ мѣстѣхъ поперегъ тридцать пять саженъ, въ глубину въ два и въ полтора аршина, и вешная вода рудныхъ мѣстъ не понимаетъ. Да на той же рѣкѣ, отъ деревни Ѳедковской въ двy верстахъ, желѣзная руда въ горѣ, длиннику на стѣ на четырнадцати саженяхъ, поперегъ на пятидесяти саженяхъ, въ глубину сажень, а въ иныхъ мѣстѣхъ въ пол-сажени; а Невья рѣка въ ширину пять саженъ, въ глубину въ сажень. И изъ магниту де изъ двy пудъ выплавлено только фунтъ безъ тридцати золотниковъ желѣза; и тотъ выплавокъ, да пудъ магнита, да вышеписанныхъ желѣзныхъ рудъ четыре пуда тридцать пять фунтовъ, прислали вы къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ, въ Сибирской Приказъ. И февраля въ 20 день присылные съ Верхотурья желѣзные опыты отданы бранникомъ, которые присланы въ Сибирской Приказъ изъ Оружейные Полаты, Тимошкѣ иноземцу съ товарыщи, отвѣдать, годятся ли тѣ желѣза въ оружейное дѣло; и Тимошка съ товарыщи изъ того сибирскаго желѣза сдѣлали два винта пищалныхъ, а сказали, что тѣ желѣза противъ тулскаго желѣза, а свицкаго пожесточѣе, а которое изъ руды, что подлѣ болота, и то де будетъ противъ свицкаго, и во всякіе оружейные стволы и замки годится. И по нашему, Великаго Государя, указу, для опыту жъ, камени магниту посылано въ Галанскую землю въ городъ Амстрадамъ шесть фунтовъ, а изъ Амстрадама бурмистръ Николай Витценъ опытнаго мастера Андрея Ганлусгрилла прислалъ письмо, и въ письмѣ писано: у болшого заводу будетъ выходить изо ста фунтовъ магнита по сороку по пяти фунтовъ самого доброго желѣза, да въ той же рудѣ малая частка явилась серебра, и та де руда желѣзомъ зѣло богата и съ прибылью заводы заводить мочно. Да о магнитѣ жъ писалъ изъ Риги Еганъ Миллеръ: по смѣтѣ де и по выкладкѣ, вышло изо ста фунтовъ магнита самого доброго желѣза тридцать фунтовъ, да полтретья лота серебра. Да Марта въ 5 день вышеписанные присланные съ Верхотурья желѣзные руды четыре пуда тридцать пять фунтовъ, изъ Сибирского Приказу, для переплавки, отданы Туленину, желѣзныхъ заводовъ мастеру. Никитѣ Антифьеву; и Никита Антифьевъ сказалъ: желѣзную руду онъ переплавилъ, а желѣза вышло пуда съ два, и изъ того желѣза сдѣлано двѣ доски на ружейные стволы и одинъ стволъ съ замкомъ, да иное онъ сдѣлалъ; а про желѣзо сказалъ: самое доброе, неплоше свицкаго, а ко оружейному дѣлу лутче свицкаго. Да изъ Амстрадама писалъ бурмистръ Николай Витценъ: въ магнитномъ де камени обрѣтается небольшая часть серебра, и мнится, что въ той рудѣ сокровенное серебро; своею добротою. то желѣзо содѣваетъ въ дѣлѣ такъ презрядно, что отнюдь лутче того желѣза добротою и мягкостію быть не возможно, и лутче Луского желѣза и нѣкоторыхъ Свенскихъ, однако самого лутчего Свенского не презошло, но съ тѣмъ равно. И въ нынѣшнемъ 205 году Іюня въ 10 день, указали мы, Великій Государь, по именному нашему, Великого Государя, указу: въ пристойныхъ мѣстѣхъ, гдѣ желѣзные руды сысканы, чтобъ не въ далнемъ разстояніи отъ того мѣста желѣзная и магнитная

руда явилась, построить и завесть болшой желѣзной заводъ; и на пристойныхъ мѣстѣхъ, на рѣчкѣ, гдѣ, безъ великихъ трудовъ и росходовъ нашей, Великого Государя, казны, возможно и пристойнѣе, въ недалномъ разстояніи отъ тѣхъ рудъ и близъ рѣкъ судовыхъ, которыми бы мочно желѣзо водою въ понизовые сибирскіе и въ рускіе городы отпускать, построить болшую плотину, для молотовыхъ и болшихъ мѣховъ подъему и при которыхъ мѣстѣхъ сыщутся многіе пустые лѣса; и собрать лутчихъ тамошнихъ желѣзныхъ заводчиковъ мастеровъ, и съ ними удобные мѣста, гдѣ бы на рѣчкахъ пристойныхъ для строенія болшихъ заводовъ, близь болшихъ рѣкъ, и рудныхъ мѣстъ и рудъ, осмотрѣть и описать и чертежъ подлинно на бумагѣ учинить: которые слободы въ близости и въ какомъ разстояніи тѣхъ мѣстъ случатся, и въ которой слободѣ сколко дворовъ, и хлѣбъ тамъ по чему покупаютъ, и работниковъ по чему наймаютъ поденно или недѣлно, и отъ того мѣста до слободы Утки лѣтней телѣжной, а зимою удобной санной путь есть ли, и что разстояніе, и зимою и лѣтомъ что съ пуда провозу возмутъ, и въ той слободѣ суды дѣлаютъ ли, и что судно станетъ, и что пудъ подыметъ, и во что пудь лѣтомъ водою до Казани и Нижняго, а зимою до Соли Камской и Соли Вычегодской провозу станетъ. А построить тѣ заводы для того, что, по свидѣтельству заморскихъ опытовъ, та руда желѣзомъ выгодна и богата и самая добрая, и чтобъ на тѣхъ заводахъ лить пушки и гранаты и всякое ружье, для обороны сибирского царства отъ всякихъ иноземцовъ, и для привозу того ружья къ Москвѣ и въ иные понизовые и верховые Великого Государя городы, гдѣ по нашему, Великого Государя, указу понадобится; также на томъ бы заводѣ дѣлать и лить желѣзо связное, прутовое, и дощатое, и цренное, и кровяное, для продажи въ розные городы и къ солянымъ камскимъ промысломъ. —И какъ къ вамъ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы бъ, о досмотрѣ мѣстъ и о всемъ, опричь строенія, учинили противъ вышеписаннаго нашего Великаго Государя имяннаго указу, не отлагая до иного времени, нынѣшняго-жъ лѣта, и тѣмъ мѣстамъ учинили чертежъ, и на томъ чертежу, сколь далеко мѣсто отъ мѣста и рѣчки и урочища, велѣли подписать имянно, на сколько верстъ, которомъ мѣстѣ, какіе и великіе лѣса на сколко верстъ. А до нашего Великого Государя указу и пока мастеры, кому тѣ заводы разводить, присланы будутъ, плотинъ и никакихъ принасовъ ни заводовъ заводить не велѣли и людемъ уѣзднымъ въ томъ никакой тягости не чинили; а гдѣ неболшіе желѣзные заводы у мужиковъ были и нынѣ есть, какой съ нимъ въ нашу, Великаго Государя, казну былъ доходъ, и нынѣ почему платятъ, и въ которой городъ; а верхотурскимъ уѣзднымъ людемъ сказали: буде кто какихъ рудъ знаетъ или обыщетъ, и про то извѣщать вправду, и тѣхъ рудъ опыты вамъ въ приказной избѣ объявлять; и буде ихъ обысками сыщутся какіе руды добрые и прибылные и прочные, и они отъ насъ, Великого Государя, пожалованы будутъ нашимъ, Великого Государя, жалованьемъ. А учиня подлинной чертежъ и описавъ все противъ вышеписаннаго нашего Великого Государя указу, къ намъ Великому Государю писали, и отписку и чертежъ прислали къ Москвѣ и велѣли подать въ Сибирскомъ Приказѣ". (Акты историч. т. V, № 267).

№ 7.

УКАЗЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРИКАЗА РУДНЫХЪ ДѢЛЪ.

„Великій государь указалъ: для пополненія золота и серебра въ своемъ Великого Государя Московскомъ Государствѣ, на Москвѣ и въ городахъ сыскивать золотыхъ и серебряныхъ и мѣдныхъ и иныхъ рудъ, и о сыску тѣхъ рудъ, въ городы, къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, послать грамоты, и къ бургомистрамъ памяти; велѣть на Москвѣ и въ городахъ и въ уѣздахъ по торгамъ и ярманкамъ, въ торговые дни, кликать биричемъ по многія времена. Будетъ кто на Москвѣ и городахъ вѣдаетъ или впредь свѣдаетъ, на его Государевыхъ или на чьихъ нибудь земляхъ, золотую, и серебряную, и мѣдную, и иныя какія руды, и тѣмъ людямъ извѣщать; а по тѣмъ извѣтамъ, на Москвѣ изъ дворянъ, а въ городахъ воеводамъ, ѣхать въ тѣ мѣста, на которыя они въ извѣтѣ своемъ скажутъ, съ кѣмъ пристойно, и тѣхъ мѣстъ досматривать, а досмотря, той руды имать по два пуда; а въ какихъ мѣстахъ и на чьей землѣ, и въ городахъ или въ низкихъ мѣстахъ, и при лѣсахъ ли и при водахъ, описывать именно, и ту руду, запечатавъ, присылать къ Москвѣ, въ Приказъ Рудныхъ Дѣлъ, съ нарочными посыльщиками, безъ всякаго мотчанія; и въ томъ сыску рудъ велѣть радѣть неоплошно, чтобъ въ томъ учинить прибыль. А надъ подъячими и надъ посыльными смотрѣть, чтобъ они градскимъ и уѣзднымъ людямъ и извѣтчикамъ, налогъ и взятковъ и никакихъ обидъ отнюдь не чинили. А извѣтчикамъ сказать его Великого Государя указъ, чтобъ они рудъ искали съ немалымъ о томъ прилежаніемъ, и сыскавъ какіе нибудь руды, объявляли; и буде по ихъ извѣтамъ, въ которомъ мѣстѣ сыщется подлинно золотая или серебряная или мѣдная руда, и за тотъ рудной пріискъ извѣтчикамъ дано будетъ его Великого Государя жалованье. А въ которыхъ городахъ Разряды, и тѣхъ городовъ воеводамъ, по такимъ же извѣтамъ, для досмотру рудъ посылать кого пристойно. А буде кто золотыя и серебряныя и иныя какія руды вѣдаетъ или впредь свѣдаетъ, а о томъ не извѣститъ, для чего нибудь, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людямъ по розыску учинено будетъ наказаніе на Москвѣ изъ Приказу Рудныхъ Дѣлъ. А буде на Москвѣ въ Приказахъ, а въ городахъ въ приказныхъ и въ губныхъ избахъ есть извѣты и дѣла и сыскные руды, которыя были прежъ сего, и тѣ дѣла и руды потому жъ прислать въ Приказъ Рудныхъ Дѣлъ. А быть въ Приказѣ Рудныхъ Дѣлъ, у того дѣла, Приказу Большія Казны подъячимъ старымъ двумъ, молодымъ десяти человѣкамъ. И о присылкѣ изъ Приказу и изъ городовъ руды и рудныхъ дѣлъ и о посылкѣ послушныхъ грамотъ и памятей въ Разрядъ и въ Ратушу и въ иные Приказы, въ которыхъ городы росправою вѣдомы, а о подъячихъ въ Большую Казну послать памяти». (Полное Собраніе Законовъ, т. IV. № 1815).

№ 8.

УКАЗЪ 1700 ГОДА О ПРОБИРНЫХЪ УЗАКОНЕНІЯХЪ.

„Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, о золотыхъ и серебряныхъ всякихъ дѣлѣхъ, для лучшаго укрѣпленія и истребленія всякихъ, въ тѣхъ дѣлѣхъ, воровскихъ вымысловъ, и для пополненія въ собраніи его, Великаго Государя, казны, опредѣленіе учинить тикое: въ началѣ учинить золотыя пробы четыре, первую—выше червоннаго золотаго, вторую—противъ золотаго, третію и четвертую, дѣльному золоту, ниже золотаго; и положить цѣну, въ что тѣхъ золотыхъ пробъ золотникъ статися можетъ. Также и серебряныя пробы учинить четыре: двѣ—плавленнаго серебра, высшую и низшую, третію—ефимочную, четвертую—левковую; и клейма сдѣлать по пробамъ, съ годовыми литеры.—Въ серебряномъ ряду переписать лавки и въ нихъ торговыхъ, также золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровыхъ людей и золотарей. И для всякаго надъ ними усмотрѣчія и клейменья товаровъ учинить старостъ 3 человѣкъ, изъ мастеровъ знатныхъ и къ тѣмъ дѣламъ искусныхъ людей, на которыхъ у торговыхъ и мастеровыхъ людей серебрянаго ряду взять выборъ за руками и, выбравъ, дать имъ наказъ по состоятельному указу, и вышепомянутыя пробы и клейма, и велѣть имъ всякіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ товары, кромѣ привозныхъ и иноземческихъ, соопаснымъ храненіемъ золота и серебра, противъ пробъ клеймить съ запискою, а въ запискѣ значить именно: чей товаръ и въ какомъ дѣлѣ, и сколько въ которомъ товарѣ фунтовъ и золотниковъ будетъ; и брать за то клейменье фунтовую пошлину, усмотряя искуства ремесла: съ серебряныхъ дѣлъ, съ лучшаго,—по 3 алтына по 2 деньги, съ средняго—по 2 алт. по 2 ден., съ меньшаго—по 8 денегъ съ фунта, и записавъ, давать имъ ярлыки на бумагѣ меньшаго клейма, а за тѣ ярлыки брать деньги, по указной цѣнѣ, съ нихъ же мастеровыхъ людей. А съ золотыхъ всякихъ дѣлъ брать пошлину, усмотряя искуства ремесла и по окладу старостъ, и записавъ, также давать ярлыки. И переписавъ торговыхъ серебрянаго ряда и мастеровыхъ людей, собрать по нихъ поручныя записи и дать имъ вышепомянутыя золотыя и серебряныя пробы и позволительныя письма. А отъ записки съ торговыхъ и мастеровыхъ людей взять по рублю съ человѣка; и въ записяхъ писать съ подкрѣпленіемъ, чтобъ мастера всякія золотыя и серебряныя дѣла дѣлали, а торговые покупали, усмотряя золота и серебра противъ пробъ. А буде кто дѣлать товары учнетъ не противъ пробъ, и такіе товары старостамъ, усмотрѣвъ, ломать, и, за противество Великого Государя указу, брать на такихъ пени по пяти рублевъ, и сказывать такимъ Великаго Государя указъ: если кто гдѣ купитъ золото или серебро ломаное на какія дѣла, ниже указныхъ пробъ, и они бъ то золото и серебро выжигая или лучшаго прибавляя, приводили противъ пробы, а ниже жъ пробъ никакихъ дѣлъ не дѣлали; и буде кто съ такими дѣлами, ниже пробъ, приведенъ будетъ вторично, и такія дѣла старостамъ, усмотряя, ломать же, и брать на такихъ пени по 25 рублевъ съ человѣка, и учиня съ пощадою наказанье, освобождать на чистыя поруки, а за третій приводъ — бить кнутомъ и

ссылать, заоря, въ ссылки; а дворы и лавки и животы брать на Великого Государя, чтобъ, всеконечно, въ томъ золотѣ и серебрѣ всякой воровской вымыслъ истреблялся. А для лучшаго укрѣпленія и ремеслъ познанія, велѣть мастеровымъ людемъ, здѣлавъ, держать у себя съ назначеніемъ имени своего клейма, и всякія своего мастерства прежде клеймить своимъ клеймомъ, и потомъ приносить къ старостамъ, а безъ мастерскихъ клеймъ, хотя и сходно явится съ пробами, старостамъ не клеймить, также которыя золотыя и серебряныя дѣла мастеровые люди будутъ дѣлать по заказу въ домы, всякихъ чиновъ людемъ, а не на продажу; и тѣ дѣла, по тому же заклеймя мастерскими клеймы, приносить для усмотрѣнія и клейменія, къ старостамъ, и записавъ, брать съ тѣхъ дѣлъ по указу пошлину, и давать ярлики. Которые золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеры, свободные и несвободные, живутъ въ домѣхъ всякихъ чиновъ людей, или изъ которыхъ городовъ для работы приѣдутъ, и похотятъ своимъ ремесломъ кормиться, и тѣхъ мастеровъ потому жъ записывать, и давать имъ пробы, и дѣлать имъ всякія дѣла, усмотря серебра противо пробъ, и въ томъ собрать по нимъ поручныя записи, а отъ записки той брать съ человѣка, въ казну по рублю; а которые мастеры явятся, въ золотыхъ и серебряныхъ дѣлѣхъ, безъ записки, и съ такихъ брать пени по 25 рублевъ съ человѣка, да имъ же чинить наказанье. — Которые золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеры учатъ мастерства своего всякихъ чиновъ людей, и они бъ учениковъ своихъ, во ученьи мастерства своего, приводили въ совершенство, а выуча давали бъ имъ свидѣтельствованныя письма, а въ письмахъ своихъ писали, что они мастерствомъ своимъ промышлять для прокормленія достойны; и такіе новоученные мастеры тѣ свидѣтельствованныя письма объявляли бъ старостамъ, и старостамъ ихъ записывать въ книгу, и записавъ, давать имъ письма, и золотыя и серебряныя пробы, а отъ записки брать съ нихъ по рублю съ человѣка. А кто серебряного ряду изъ торговыхъ людей не похотятъ въ лавкахъ тѣми товары торговать, а мастеровые мастерства своего дѣлѣ дѣлать, и такимъ объявлять себя, и данныя имъ пробы и позволительныя письма отдавать старостамъ. А кто въ серебряномъ ряду похочетъ вновь торговать, и такихъ объявлять себя старостамъ, а имъ, старостамъ, собравъ по нихъ поручныя записи по указу, таковыхъ записывать въ книгу, и давъ пробы и позволительныя письма. и взявъ указное, по рублю съ человѣка; велѣть торговать невозбранно. Золотыми и серебряными товары въ иныхъ рядѣхъ и на крестцахъ и нигдѣ ни кому, кромѣ серебряного ряду, не торговать. А тѣмъ торговымъ и мастеровымъ людемъ, вышепомянутыя позволительныя письма, и свидѣтельствованные. данные отъ мастеровъ; ученикамъ листы. писать средняго герба на бумагѣ, въ которомъ значить по копейкѣ столбецъ. По сему его Великаго Государя указу таковое жъ опредѣленіе учинить и въ городѣхъ: и о томъ послать въ Ратушу въ Бурмистрамъ Великого Государя указъ, а въ городы къ воеводамъ грамоты, чтобъ по всюду въ державѣ его Великаго Государя Всеросійскаго Государства, въ такихъ вышепомянутыхъ дѣлѣхъ, всякое утвердительное было усмотрѣніе". (Полное Собраніе Закон., т. IV, приложеніе № 1572).

№ 9.

Челобитная соликамскихъ воеводъ 1671 годъ о поискахъ мѣдныхъ рудъ на Уралѣ.

„Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, холопи твои Ивашко Монастыревъ, Савка Тютчевъ (воеводы Соликамскіе) челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 179 году, генваря въ 20 день, въ твоей великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, грамотѣ, писано къ намъ, холопемъ твоимъ, къ Соли Камской, а велѣно у Соли Камской разыскать подлинно и къ тебѣ, великому государю, отписать: мѣдную руду, которую сыскивалъ у Соли Камской бояринъ Василей Иванъ Стрѣшневъ и нынѣ тое мѣдную руду сыскиваютъ ли, или та мѣдная руда сыскивать покинута, и для чего покинута? И по твоему, великого государя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу, мы, холопи твои, о томъ у Соли Камской розыскивали. И Соли Камской Пыскорского Преображенскаго монастыря архимандритъ Пафнотей, Келарь старецъ Ѳеодосій, казначей старецъ Илья, съ братіею, сказали, архимандритъ по священству, а старцы по иноческому обѣщанію: то де они помнятъ, какъ бояринъ Василей Ивановичъ Стрѣшневъ былъ у Соли Камской для пріиску мѣдные руды, и пріискали при немъ мѣдную руду на Камѣ рѣкѣ, въ Григоровѣ горѣ, и той-де мѣдной руды опытъ чинили; и послѣ-де того гость Надѣя Свѣтешниковъ, да съ нимъ мастеры нѣмцы: Аристъ Пятцолтъ съ товарищи, въ той горѣ и во многихъ мѣстѣхъ мѣдную руду сыскивали и привозили внизъ Камою рѣкою въ плавильню, что у нихъ, Надѣя съ товарищи, дѣлано была плавилна подъ ихъ Пыскорскимъ монастыремъ на рѣчкѣ Калкаркѣ и плавили изъ тое руды мѣдь; а послѣ Надѣи Свѣтешникова, дворяне: Богданъ Шушинъ, а послѣ Богдана, Тимоѳей Лодыгинъ, Юрье Телепневъ, съ рускими мастеровыми людми, въ горахъ мѣдную руду сыскивая и плавили, въ той же плавилнѣ, многіе лѣта; и какъ въ горахъ мѣдная руда вынялась и признакъ рудныхъ не стало, и отъ того времени руднаго мѣднаго дѣла промыслъ и плавленье покинуто и промышлять перестали, потому что мѣдная руда вся вынялась; а того-де мѣднаго дѣла всякіе снасти и нынѣ въ ихъ монастырской слободкѣ, подъ церковною трапезою, за печатью цѣловалниковъ, Чердынцовъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ. Да Соли жъ камской уѣзду съ Григоровы горы, гдѣ было то мѣдное дѣло, крестьяне Ивашко Денисовъ съ товарищи сказали тѣжъ рѣчи, что и архимандритъ съ братьею сказали; да они жъ, крестьяне, сказали: то де мѣдное дѣло покинуто при Юрьѣ Телепневѣ, что де въ горѣ руды мѣдные не стало, и о томъ де Юрье Телепневъ писалъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ; а нынѣ де и подкопы и шахты обвалились, а нынѣ де въ той Григоровѣ горѣ къ твоему, великого государя, Зырянскому и Соли Камской къ солянымъ къ ворнишнимъ промысломъ ломаютъ каменьс, и рудныхъ де мѣдныхъ признаковъ въ той горѣ нѣтъ и не видали“. (Дополн. къ актамъ историч., т. VI, № 24 I).

№ 10.

ЧЕЛОБИТНАЯ ТУМАШЕВА О ТОМЪ ЖЕ.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и государю благовѣрному царевичу и великому князю Ѳедору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и государю благовѣрному царевичу и великому князю Симеону Алексѣевичу, всея Великія и малыя и Бѣлыя Росіи, бьетъ челомъ холопъ вашъ, мѣднѣе руди плавилщикъ Митка Александровъ Тумашевъ. Въ прошлыхъ, великіе г сударѣ, годѣхъ, по вашему, великихъ государей, указу и по грамотамъ, промышлямъ отецъ нашъ, Александръ, и мы, холопи ваши, въ Усолскомъ уздѣ, на Григоровѣ горѣ и на Пыскорѣ.... мѣднымъ промысдомъ послѣ Нѣмецъ и послѣ дворянина Юрья Телепнева.... руду плавили по договору и мѣдь въ вашу государеву казну у Соли Камской цѣловалнакамъ отдавали, пудъ мѣди по два рубли, и изъ той мѣдной руды выплавили мѣди пятьсотъ семдесятъ четыре пуда; и послѣ того указали вы, великіе государи, отцу нашему и намъ, холопемъ своимъ, въ горахъ мѣдную руду копать и плавить, по договору жъ, пудъ мѣди по три рубли имать въ вашу государеву казну; и мы, холопи ваши, на Григоровѣ горѣ и на Кужгортѣ мѣдную руду копали, и мѣдь плавили, и отдавали въ вашу государеву казну у Соли Камской цѣловалникомъ, триста пятнадцать пудъ, и по вашему государеву указу велѣно тое мѣдь у Соли Камской продавать всякимъ людемъ пудъ по четыре рубли съ четвертью, и вамъ, великимъ государемъ, отецъ нашъ и мы, холопи ваши, своимъ радѣньемъ промышлишкомъ учинили вашей, великихъ государей, казнѣ прибыли болши полуторы тысячи; и со 165 году мѣдною промыслу не стало у насъ, потому что на Григоровѣ горѣ и на Кужъ-горахъ мѣдные руды вынялись. И по вашему государеву указу велѣно намъ, холопемъ вашимъ, въ новыхъ мѣстѣхъ рудъ сыскивать; и мы, холопи ваши, у Соли Камской въ уѣздѣхъ рудъ искали, и обыскать не можемъ, и теперича живемъ на Пыскорѣ безъ промысла. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и.... пожалуйте меня, холопа своего: велите государи въ сибирскихъ городѣхъ, на Верхотурѣ и въ верхотурскомъ уѣздѣ, по рѣкамъ и по горамъ и по лѣсамъ ѣздить, искать всякихъ рудъ безпенно, на ваше, великихъ государей, счастіе либо Богъ откроетъ, и опытъ чинить; и что Богъ объявить и я вамъ, великимъ государемъ, объявляю; и велите, государи, холопу своему для рудныхъ пріисковъ въ Верхотурье пріѣхать и съ собою привезть всякихъ снастей, рудокопныхъ и опытныхъ, безпенно, нынѣшней зимы 174 году. Царь государь и государи благовѣрные царевичи! смилуйтеся пожалуйте. Дополненіе къ актамъ историч. т. V, № 10 I).

№ 11.

ЧЕЛОБИТНАЯ ТУМАШЕВА ОБЪ ОТКРЫТІИ МАГНИТНЫХЪ РУДЪ НА УРАЛѢ.

«Царю Государю и великому князю Алексѣю Михйловичю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, и государю благовѣрному царевичю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичю, всея Великія и Малыя и Бѣыя Росіи, и государю благовѣрному царевичу и великому князю Іоанну Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіп, бьетъ челомъ холопъ вашъ мѣдной руды плавилщикъ Митка Тумашевъ. Въ прошломъ, государи во 176 году дана мнѣ, холопу вашему, ваша великихъ государей грамота велѣно въ Сибири искать желѣзная руда на своихъ проторяхъ. И я, холопъ вашъ, обыскалъ желѣлную руду въ Верхотурскомъ уѣздѣ. выше Краснаго Поля, надъ Нейвою рѣкою, на пустомъ мѣстѣ и вамъ, великимъ государемъ, объявилъ. А то мѣсто отъ людей далече и заводъ заведенъ къ желѣзному плавленью, и нынѣ у меня, холопа вашего, къ тому желѣзному дѣлу кузнецы и руботные люди наняты, и посланы къ желѣзному заводу; и будучи у желѣзнаго заводу, отъ измѣнниковъ башкирповъ опасно. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и.... пожалуйте меня, холопа своего, велите государи мнѣ, холопу своему, у того желѣзнаго заводу острогъ поставить, и на вашъ, великихъ государей, на денежной оброкъ крестянъ прибирать. Царь государь и государи благовѣрные царевичи! смилуйтеся.» (Дополненіе къ актамъ историч. т. V, № 10).

№ 12.

ЧЕЛОБИТНАЯ ТУМАШЕВА О ТОМЪ ЖЕ.

«И въ нынѣшнемъ, государи, въ 178 году, по вашему, великихъ государей, указу, а по моему, холопа вашего, челобитью, дана мнѣ холопу вешему, на Верхотурѣ, изъ вашей, великихъ государей, приказной избы наказнаы память, а велѣно по той памяти мнѣ, холопу вашему, къ тому рудному дѣлу пирбирать и селить вновь крестьянъ на вашъ, великихъ государей, денежной оброкъ; и нынѣ, государи, той проѣзжей землѣ и рѣкамъ и озерамъ я, холопъ вашъ, подалъ чертежъ на Верхотурьѣ, въ вашей, великихъ государей, приказной избѣ. Милосердный государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Векикія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и.... пожалуйте меня, холопа своего, велито, государи, у рудного дѣла тое землю размежевать Краснополскими крестьяны и межи записать; а кои есть, государи, выще желѣзнаго дѣла озера Шигайское съ истоки, велите, государи, тѣми озерами и истоками владѣть изъ вашего, великихъ гасударей, денежнаго оброку; а оброку что вы, великіе государи, укажите имать погодно. Царь государь и государи бзаговѣрные царевичи! смилуйтеся пожалуйте.» (Тамъ же).

№ 13.

ГРАМОТА 1665 ГОДА О ПОЖАЛОВАНИИ АКЕМѢ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

„Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожаловали есмя иноземцовъ Галанскія земли Филимона Филимонова сына Акему, да племянниковъ его, Филимона Елисѣева сына Акему да Рычарта Тамасова сына Андриса, желѣзными заводы, въ Ярославецкомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Угодкѣ, да въ Оболенскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Ратвѣ, потому: въ прошлыхъ годѣхъ, по указу отца нашего, блаженныя памяти великаго государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи, и по жалованной грамотѣ были Тульскіе и Коширскіе желѣзные заводы и къ нимъ, въ Коширскомъ уѣздѣ, наша, великого государя, дворцовая Соломенная волость со крестьяны и со всѣми угодьи, за иноземцы, за Андреемъ Виніюсомъ, да за Петромъ Марселисомъ, да за нимъ, Филимономъ Акемою; да во 156, по нашему государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу изъ Приказу нашихъ, великаго государя, Тайныхъ Дѣлъ, за ними жъ иноземцы, за Петромъ да за Филимономъ, были желѣзные жъ заводы въ Ярославецкомъ уѣздѣ Малаго, на рѣчкѣ Угодкѣ, да къ тѣмъ Угоцкимъ заводомъ, по сыску и по отказнымъ нашимъ, великого государя, грамотамъ изъ Помѣстнаго Приказу, для руднаго копанья къ желѣзному дѣлу и лѣсного угодья на заводное строеніе и для дровъ на угольесженіе; отказано въ Ярославскомъ же уѣздѣ Малаго, въ разныхъ станѣхъ, изъ порозжихъ земель оброчныхъ сто пустошей, да три оселка, да полселца, да лугъ, да для работы дана Вышегородская волость; а Поротовскій желѣзный заводъ, со всякими желѣзными запасы и съ землею, взяли они иноземцы, Петръ Марселисъ да онъ Филимонъ Акема на оброкъ у боярина нашего у Ильи Даниловича Милославскаго, въ прошломъ въ 164 году, на урочные годы, на пятнадцать лѣтъ; а о оброкѣ за владѣнье въ тѣ оброчные годы и послѣ тѣхъ урочныхъ пятнадцати лѣтъ о владѣньѣ жъ, или объ отдачѣ, и о платежѣ оброчныхъ денегъ и желѣза, писано въ той записи, какову они дали на себя ему, боярину нашему Ильѣ Даниловичу Милославскому. И во 170 году, по нашему великаго государя, указу, половина желѣзныхъ заводовъ, которою владѣлъ иноземецъ Петръ Марселисъ, за его вину взята на насъ, великаго государя, а другою половиною желѣзныхъ заводовъ велѣно владѣть по прежнему его, Петрову; товарищу, иноземцу жъ Филимону Акемѣ, и во 172 году указами мы, великій государь, и бояре наши приговорили: Тульскіе и Коширскіе заводы и Соломенскую волость со крестьяны взять на насъ, великого государя, а Поротовскіе и Угоцкіе заводы и Вышегородскую волость со крестьяны отдать иноземцу Филимону Акемѣ, для того, что по нашему, великого государя, указу, во всѣхъ тѣхъ заводѣхъ съ Петромъ Марселисомъ онъ, Филимонъ, былъ товарыщъ и въ нашу, великаго государя, казну желѣзо и ратные запасы ставили вмѣстѣ; а съ тѣхъ Угоцкихъ и Поротовскихъ заводовъ ставить ему, Филимону, въ нашу великого государя, казну желѣза всякого и рат-

ныхъ запасовъ по договорной записи и по послѣдней помѣтѣ, какова цѣна помѣчена на выпискѣ, потому у него и пріимать; а податей съ тѣхъ обоихъ Соломенскія и Вышегородскія волостей въ нашу, великаго государя, казну имать не велѣно, опричь стрѣлецкихъ и ямскихъ, и опричь поборовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, которые поборы указаны будутъ со всей земли. А по послѣдней помѣтѣ, Декабря 15 числа 170, за прутовое желѣзо которое учнутъ они Петръ и Филимонъ ставить въ нашу, великого государя, казну, велѣно давать по шестнадцати алтынъ по четыре деньги за пудъ. И нынѣ намъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Махайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, билъ челомъ иноземецъ Акема: въ прошлыхъ де годѣхъ, по указу блаженныя памяти отца нашего, великаго государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, и по жалованной грамотѣ заводили желѣзные заводы иноземцы Андрей Виніусъ да Елисей Вилкенсъ и тѣхъ де своихъ желѣзныхъ заводовъ въ совершенье не привели; и въ прошломъ де въ 145 году, къ старымъ Тульскимъ желѣзнымъ заводомъ пристали онъ, Филимонъ, съ Петромъ Марселисомъ, и въ двадцать четыре года, обнадѣясь на прежнія наши государьскія жалованныя грамоты и которая имъ Филимону и Петру дана особно, къ тѣмъ прежнимъ Тульскимъ заводамъ въ прибавку, въ Коширскомъ уѣздѣ, завели многіе прибавочные заводы и построили, вѣчно проча себѣ и сродичамъ своимъ. Да они же купили, на рѣкѣ Поротьѣ, у боярина нашего у Ильи Даниловича Милославскаго, ветхой заводъ, да къ тому заводу няняли изъ оброку на пятнадцать лѣтъ земли, да для пополненія желѣзныхъ дѣлъ одолжали въ иныхъ государствахъ мастеровыхъ людей иноземцовъ дорогою цѣною нанимали и изъ-за моря къ Москвѣ вывозили; и учинили де намъ, великому государю, на тѣхъ заводѣхъ, въ желѣзѣ и въ иныхъ желѣзныхъ ратныхъ запасѣхъ, многіе прибыли; и съ тѣхъ де старыхъ и съ новоприбылыхъ заводовъ, желѣзо и всякіе ратные запасы ставили въ нашу великого государя казну по вся годы недорогою цѣною, и отъ того одолжали и разорились конечнымъ разорѣніемъ. И чтобъ намъ, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, нашему царскому величеству, пожаловати его, Филимона, и племянниковъ его, за его прежнее въ желѣзныхъ заводѣхъ радѣнье и въ желѣзѣ и въ ратныхъ запасѣхъ многіе прибыли, велѣть ему о той его половинѣ желѣзныхъ заводовъ, что ему по нашей государьской милости отдано намъ, великого государя, милостивой указъ учинить, чтобъ ему, Филимону, и племянникамъ его тѣми желѣзными заводы владѣть и прибавочные заводы впредъ заводить надежно безо всякаго опасенія. А у выписки иноземецъ Филимонъ Акема сказалъ, что ему съ Поротовскаго и Угоцкаго заводовъ ставить въ нашу, великаго государя, казну толко сварное и прутовое желѣзо, а иныхъ никакихъ ратныхъ запасовъ дѣлать и ставить ему въ нашу, великого государя, казну не мочно, для того, что кромѣ желѣзного дѣла иныхъ никакихъ заводовъ у него нѣтъ, а изъ дѣла де выдетъ у него, съ тѣхъ заводовъ, пятнадцать тысячь пудъ желѣза на годъ. Да Филимонъ же Акема подалъ жалованную грамоту отца нашего, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя всеа

Русiи, какова дана иноземцомъ Петру Марселису и дѣтемъ его, да ему Филимону Акемѣ, въ прошломъ во 152, а въ жалованной грамотѣ написано: заводить имъ желѣзные заводы своими деньгами на трехъ мѣстѣхъ, на Вагѣ, на Костромѣ, на Шекснѣ, или гдѣ индѣ прiищутъ, на нашихъ, великого государя, порозжихъ, а не на мирскихъ и не на помѣстныхъ земляхъ, безоброчно и безпошлинно, на двадцать лѣтъ; а тѣ безоброчные годы велѣно считать съ тѣхъ мѣстъ, какъ у нихъ гдѣ на желѣзныя дѣла плавилные печи поставлены будутъ и желѣзное дѣло учнутъ дѣлать; а съ тѣхъ заводовъ имать у нихъ въ нашу, великого государя, казну желѣзо и ратные запасы по договорнымъ цѣнамъ: а что у нихъ въ тѣ урочные въ двадцать лѣтъ и послѣ урочныхъ лѣтъ, всякаго желѣза и ратныхъ запасовъ будетъ влишкѣ, а въ нашу, великого государя, казну того желѣза и ратныхъ запасовъ принять не укажемъ, и имъ то желѣзо и ратные запасы поволно вывозить въ иныя земли и въ нашемъ Россiйскомъ государствѣ продавать; а какъ тѣ урочные двадцать лѣтъ отойдутъ, и съ тѣхъ заводовъ, со всякой плавилной печи, велѣно въ нашу, великого государя, казну имать оброку по сту рублевъ на годъ и пошлины со всякаго желѣза по указу. А будетъ они Петръ и Филимонъ на нашихъ, великого государя, порозжихъ земляхъ мѣстъ ни гдѣ не обыщутъ, а обыщутъ гдѣ угожiе мѣста на монастырьскихъ и на помѣщиковыхъ и на вотчинниковыхъ земляхъ, у всякихъ чиновъ людей, и имъ тѣ земли поволно у нихъ наймывать или на оброкъ имать погодно, по договору, а не въ куплю и не въ закладъ. И мы, великiй государь царь и великiй князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiя самодержецъ, наше царское величество, пожаловали его, Филимона, и племянниковъ его, Филимона Елисѣева сына Акему да Рычарта Томасова сына Андриса, за строенiе прибавочныхъ Коширскихъ и иныхъ многихъ желѣзныхъ заводовъ, для того, что онъ, Филимонъ, въ желѣзѣ и въ иныхъ желѣзныхъ ратныхъ запасѣхъ учинилъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, многiя прибыли, велѣли ему и племянникомъ его Угоцкимъ заводомъ и Вышегородскаго волостью, съ крестьяны и со всѣми угодьи, владѣть по прежнему нашему, великого государя, указу и по сей нашей, великаго государя, жалованной грамотѣ; а пустошьми по сыску и по нашимъ, великаго государя, отказнымъ грамотомъ, каковы даны изъ Приказу нашихъ, великаго государя, Тайныхъ Дѣлъ и изъ Помѣстного Приказу. А Поротовскимъ заводомъ и съ наемною землею владѣть урочные годы противъ записи, какову они, Филимонъ съ бывшимъ товарищемъ своемъ Петромъ Марселисомъ, дали боярину нашему Ильѣ Даниловичу Милославскому, и послѣ урочныхъ лѣтъ, будетъ заводы за нимъ, Филимономъ, и за племянниками его укрѣпятся; а съ того Поротовского завода, съ плавилныя печи, оброчныхъ денегъ по сту рублевъ на годъ, и съ желѣза пошлинъ имать не велѣли на двадцать лѣтъ; а безоброчные годы указали мы, великiй государь, считать Декабря съ 1 числа прошлого 172 году, какъ тѣ желѣзные заводы, по нашему, великого государя, указу, роздѣлены, до урочныхъ лѣтъ по записи, и послѣ урочныхъ лѣтъ, буде впредь за нимъ, Филимономъ, и за племянники его тотъ заводъ укрѣпится. А съ Угоцкого заводу безоброчные годы считать съ тѣхъ мѣстъ,

съ которого года, мѣсяца и числа у него Филимона на тотъ заводъ плавилная печь сдѣлана будетъ и изъ руды желѣзо учнетъ плавить, впредь на двадцать же лѣтъ безоброчно жъ и безпошлинно, для того, что нынѣ тотъ заводъ заводится вновь и плавилныя печи нѣтъ; а въ тѣ урочные въ двадцать лѣтъ и послѣ урочныхъ лѣтъ, ему, Филимону и племянникомъ его, ставить въ нашу, великого государя, казну, въ Оружейную Палату, съ тѣхъ заводовъ, желѣза добраго и гораздо проварʜваннаго, по пятнадцаты тысячь на годъ, противъ образцоваго желѣза, каковъ ему образецъ данъ за печатью околничего нашего и оружейничего Богдана Матвѣевича Хитрово, и въ томъ числѣ ставить ему по одинадцати тысячь по двѣстѣ по пятидесяти пудъ прутоваго, по три тысячи по семи сотъ по пятидесяти пудъ связнаго, съ обухи и безъ обуховъ, и принимати у нихъ то желѣзо по прежнему на заводѣхъ; а какъ то желѣзо у нихъ принято будетъ, и за то пріемное желѣзо давати ему и племянникомъ его, изъ нашія, великого государя, казны, противъ прежняго нашего, великого государя, указу, по пятнадцати алтынъ по четыре денги за пудъ. А будетъ у него Филимона и у племянниковъ его, въ которомъ году, сверхъ сего указнаго числа, сдѣлана будетъ на заводѣхъ желѣза влишкѣ, и ему, Филумону, и племянникомъ его то желѣзо отдавать въ нашу жъ, великаго государя, казну въ Оружейную Палату, по той же указной цѣнѣ, на желѣзныхъ заводѣхъ; а на сторону никому, безъ нашего, великого государя, указу, отнюдь не продавать. А въ которомъ году, въ урочные годы или послѣ урочныхъ лѣтъ, желѣзо прутовое и связное въ торгу будетъ дешевлѣ той цѣны, по чему у нихъ въ нашу, великого государя, казну велѣно пріимать, и у него, Филимона, и у племянниковъ его въ нашу, великого государя, казну желѣзо велѣли пріимать предъ торговою цѣною съ убавкою по разсмотрѣнію. А буде въ которомъ году мы, великій государь, наше царское величество, того желѣза указнаго числа, пятнадцати тысячь пудъ, что указано имъ поставить, и что сверхъ того указного числа влишкѣ сдѣлано у нихъ будетъ, принять не укажемъ, и ему, Филимону, и племянникомъ его то желѣзо продавать на сторону, въ нашемъ Россійскомъ государствѣ, всякихъ чиновъ людемъ, и къ Архангельскому городу отпускать и продавать иноземцомъ, и на ефимки и на товары мѣнять, позволили въ тѣ государства, которые съ нами, великимъ государемъ, съ нашимъ царскимъ величествомъ, въ совѣтѣ и въ дружбѣ. А которое желѣзо продаетъ онъ и племянники его на ефимки, и тѣ ефимки привозить къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, къ Москвѣ, и отдавать въ казну нашего царскаго величества по нашей указной цѣнѣ, а на сторону ефимковъ никому не продавать. А съ того продажного желѣза, въ тѣ урочное въ двадцать лѣтъ, въ казну нашего царскаго величества, пошлины имать не велѣли, противъ прежней жалованной грамоты отца нашего, блаженныя памяти государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Росіи. А какъ тѣмъ желѣзнымъ заводамъ урочные двадцать лѣтъ отойдутъ, и Поротовской за нимъ же, Филимономъ, и за племянники его и на Угоцкомъ заводѣ плавилная печь будетъ, и ему, Филимону, и племянникомъ его, съ того Поротовского и съ Угоцкого заводовъ, со всякія плавилныя печи платить въ нашу, великого государя,

казну оброку по сту рублевъ на годъ, и съ продажного желѣза, которое у него въ нашу, великого гсударя, казну будетъ не принято, пошлины, по нашему, великого государя, указу, противъ того, почему платятъ съ товаровъ его братья иноземцы. А буде онъ, Филимонъ, и племянники его, на тѣхъ своихъ старыхъ заводѣхъ, похотятъ строить вновь желѣзные заводы и дѣлать сверхъ прутового и связного желѣза, иные какіе желѣзные дѣла, а въ нашу, великого государя, казну буде годно и принять укажемъ, и имъ то все отдавать въ нашу, великого государя, казну, по прежнему нашему, великого государя, указу, какъ желѣзу и ратнымъ запасомъ указная цѣна помѣчена во 170 году Декабря въ 15 день; а на сторону безъ нашего, великого государя, указу, не продавать же. Да его, Филимона, и племянниковъ его пожаловали мы, великій государь: сверхъ тѣхъ Поротовского и Угоцкого заводовъ, велѣли имъ желѣзные заводы заводить, гдѣ они въ нашемъ, великого государя, Россійскомъ государьствѣ вновь пріищутъ, которые мѣста къ тому желѣзному дѣлу будутъ годны, на нашихъ, царского величества, порозжихъ земляхъ, на двадцать лѣтъ безоброчно жъ и безпошлинно; а гдѣ у нихъ тѣ порозжія мѣста подъ заводы и подъ руду пріисканы будутъ, и о томъ объявить въ Оружейной Палатѣ. А буде онъ, Филимонъ, и племянники его, на новыхъ заводѣхъ, того желѣза и ратныхъ запасовъ указное число, что въ годъ велѣно имъ поставить, и что сверхъ того указного числа чего влишкѣ сдѣлано у нихъ будетъ, а въ нашу, великого государя, казну принять не укажемъ, и ему, Филимону, и племянникомъ его то желѣзо и ратные запасы поволили продавать въ нашемъ Російскомъ государьствѣ и за море вывозить, противъ прежнего нашего, великого государя, указу, безпошлинно жъ, а послѣ урочныхъ двадцати лѣтъ, съ тѣхъ новыхъ заводовъ, съ плавилныя печи оброкъ и съ желѣза и съ ратныхъ запасовъ пошлины имать съ нихъ въ нашу, великого государя, казну, противъ тогожъ, какъ писано выше сего, опричь того желѣза и ратныхъ запасовъ, которые приняты у нихъ будутъ въ нашу, великого государя, казну. А на болшихъ рѣкахъ, гдѣ суды ходятъ, тѣхъ новыхъ желѣзныхъ заводовъ ему, Филимону, и племянникомъ его не заводить и въ рѣкахъ, гдѣ напередъ сего былъ судовой и плотовой ходъ для всякихъ промысловъ, и тѣхъ путей не запереть; а будетъ похотятъ гдѣ заводить тѣ новые заводы и на болшихъ рѣкахъ, и имъ учинити судомъ и плотомъ и лѣсу ходить, какъ мочно проходить болшимъ судамъ и плотомъ. А въ тѣхъ урочныхъ годѣхъ и послѣ урочныхъ лѣтъ, по которое время тѣ желѣзные старые заводы, и которые, сверхъ тѣхъ старыхъ, вновь заводы за ними будутъ, въ тѣхъ уѣздѣхъ желѣзной руды иноземцомъ и русскимъ людемъ никому на откупъ и безъ откупу давать и всякаго желѣзнаго дѣла мелничнымъ заводомъ дѣлать и за море вывозить, опричь его, Филимона, и племянниковъ его, никому не велѣли; также и ему, Филимону, и племянникомъ его впредь, опричь желѣзныхъ заводовъ, иныхъ никакихъ заводовъ, безъ нашего, великого государя, указу, нигдѣ не заводить. А будетъ у него, Филимона, и у племянниковъ его на желѣзныхъ заводѣхъ, въ урочные годы и послѣ урочныхъ лѣтъ, волею божіею учинится въ которомъ году какая поруха отъ пожару или отъ болшія воды плотина испортится, или въ рудокопныхъ рвахъ учинится

какая поруха и руды въ зимнее время на весь годъ буде не изготовится, или иная какая великая поруха учинится, и за тѣмъ, противъ нашего, великого государя, указу, желѣза въ нашу, великого государя, казну сполна будетъ не поставлено, и при то, по нашему, великого государя, указу и по сыску, имъ нашъ, великого государя, милостивой указъ будетъ и того въ годовую поставку, по сыску, имать не укажемъ. А которыя пустоши даны ему, Филимону къ Поротовскому и Угоцкому заводомъ, въ Ярославецкомъ уѣздѣ малого, въ Суходровскомъ да въ Заечковскомъ да въ Холковскомъ станѣхъ, для руднаго копанья, и на тѣхъ пустошахъ съ его числа года въ два или въ три желѣзныя руды не сыщется, или имъ которыя пустоши къ заводомъ будутъ негодны, и имъ тѣмъ пустошамъ принести за рукою роспись и, понашему, великого государя, указу, тѣ пустоши укажемъ у него принять; и будетъ на пустоши Лешкахъ, которая у него по записи нанята, и около Поротовскаго и Угоцкаго заводовъ на иныхъ пустошахъ, которыя по грамотамъ отказаны, желѣзная руда вскорѣ выйдетъ, и обыщутъ они для тѣхъ заводовъ угожіе мѣста, въ нашемъ Російскомъ государствѣ, на нашихъ царского величества порозжихъ, или на монастырскихъ или на боярскихъ, или на дварянскихъ и всякихъ чиновъ людей, на земляхъ, и ему, Филимону, и племянникомъ его, для тое руды, поволили на нашихъ, царского величества, порозжихъ земляхъ, а у монастырскихъ и у помѣщиковъ и у вотчинниковъ наймывать или на оброкъ имать погодно, какъ у нихъ съ кѣмъ договоръ будетъ, желѣзныя руды искать и копать; и куплею ни укого никакихъ земель не покупать и подъ закладъ ни въ чемъ не имать. А будетъ тое руды въ пустошахъ, которыя ему даны къ заводамъ, или въ нашемь Російскомъ государствѣ, на нашихъ порозжихъ землихъ, или на монастырскихъ и на помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земляхъ, которыя возмутъ на оброкъ, руды вскорѣ не обыщется и, за рудою, у нихъ конечно Поротовской и Угоцкой заводы станутъ, а сыщется про то допрямо, и ему, Филимону, и племянникомъ его то желѣзо ставити съ новыхъ своихъ зяводовъ, гдѣ вновь заведутъ, по вся годы безпереводно. А буде старые Поротовской и Угоцкой заводы и новые, гдѣ вновъ заведены будутъ, конечно всѣ зарудою станутъ и сыщется про то допряма жъ, и на немъ, Филимонѣ, и на племянникахъ его годовыя поставки желѣза въ нашу, великаго государя, казну и съ плавилной печи оброку съ того времени, не спрашивать, и Поротовской и Угоцкой заводы и Вышегородскую волость со крестьяны и со всѣми угодьи и пустоши, которыя къ тѣмъ заводамъ отказаны, и которые заводи гдѣ у нихъ вновъ заведены будутъ, принять въ нашу, великого государя, казну; и что на тѣхъ старыхъ и новыхъ заводѣхъ, въ то время, объявится у отдачи ихъ желѣза а ратныхъ припасовъ въ отдѣлкѣ и не въ отдѣлкѣ, и желѣзныхъ всякихъ снастей и къ тѣмъ заводамъ всякого строенія, да буде что изъ того доведется у нихъ взять въ нашу, великого государя, казну, и имъ за то заплатить, изъ нашея, великого государя, казны, денги по оцѣнкѣ; а буде чего взяти въ нашу, великого государя, казну не доведется, и то все отдати ему, Филимону, и племянникомъ его. А по которое время тѣ заводы за ними будутъ и Вышегородскія волости со крестьянъ никакихъ податей, по прежнему на-

шему, великого государя, указу не имать,—опричь стрѣлецкихъ и ямскихъ, и опричь поборовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, которые поборы указаны будутъ со всей земли. А которыми пустожьми владѣетъ онъ, Филимонъ, къ желѣзнымъ заводамъ, по указу и по нашимъ, великого государя, грамотамъ, изъ Приказу нашихъ, великого государя, Тайныхъ Дѣлъ, и изъ Помѣстного Приказу, и изъ тѣхъ пустошей о многихъ нынѣ намъ, великому государю, бьютъ челомъ челобитчики, и по крѣпостямъ спорятъ, и впредь либо кто учнетъ бить челомъ: и мы, великій государь, наше царское величество, противъ того челобитья, велѣли имъ нашъ, великого государя, указъ учинить по крѣпостямъ, до чего доведется. Да ему жъ, Филимону, и племянникомъ его, въ тѣ урочныя въ двадцать лѣтъ и послѣ урочныхъ лѣтъ, въ которое время тѣ заводы за нимъ, Филимономъ, и за племянники его будутъ, тѣхъ заводовъ и пустошей, и Вышегородской волости съ крестьяны на сторону, иноземцомъ и русскимъ людемъ, не продавать и не заложить и на откупъ не отдавать, и волостныхъ крестьянъ не розогнать; и въ помочь къ себѣ съ стороны товарищевъ никого, безъ нашего, великого государя, указу, не припускать. А съ которыхъ его, Филимоновыхъ пустошей, къ желѣзнымъ заводамъ, желѣзную руду и уголье и лѣсъ всякой, зимою и лѣтомъ, по проселочнымъ дорогамъ, черезъ околнія вотчинниковы и помѣщиковы земли учнуть возить, и тѣмъ помѣщикомъ и вотчинномъ черезъ тѣ свои земли, будетъ прежъ сего на тѣхъ мѣстахъ дороги бывали, пропускати къ заводомъ по прежнему и старыхъ догоргъ имъ не запирать; также и Филимону и племянникомъ его, мимо старыхъ дорогъ, къ заводамъ, для близости, вновь дорогъ на чужихъ земляхъ и ничего не прокладывать. А которые мастеровые люди, мастеры и подмастеры, русскіе люди и розныхъ земель иноземцы, у него, Филимона, и у племянниковъ его, на Поротовскомъ и на Угоцкомъ заводѣхъ нынѣ живутъ и впредь станутъ жить, да и на новыхъ заводѣхъ, которые будутъ же, и съ тѣхъ ихъ со всѣхъ заводовъ учнутъ отходить на нашее, великого государя, Тульскіе и Коширскіе заводы, и тѣхъ мастеровыхъ людей никого безъ письменного отпуску на тѣ Тульскіе и Коширскіе заводы не прімать; также и съ нашихъ, царскаго величества, съ Тульскихъ и съ Коширскихъ заводовъ мастеровыхъ людей, мастеровъ и подмастеровъ, русскихъ людей и иноземцовъ, ему, Филимону, и племянникомъ его къ себѣ на заводы безъ письменно жъ отпуску не прімати. А по которое время тѣ Поротовской и Угоцкой заводы и Вышегородская волость со крестьяны, или гдѣ впредь, въ нашемъ, царскаго величества, Россійскомъ государствѣ, на порозжихъ или на наемныхъ земляхъ, пріискавъ мѣста, заводы вновь заведутъ, и тѣ заводы за нимъ, Филимономъ, и за племянники его будутъ, и его, Филимона, и племянниковъ его, которые въ сей нашей, великого государя, грамотѣ имяны написаны, и съ тѣхъ заводовъ мастеровыхъ и всякихъ работныхъ мюдей, и Вышегордскія волости крестьянъ, во всякихъ нашихъ дѣлѣхъ и въ исцовыхъ искѣхъ, также и ему, Филимону, и племянникомъ его, и мастеровымъ людемъ, и крестьяномъ, до стороннихъ всякихъ чиновъ людей до кого дѣло будетъ, и ихъ судомъ вѣдати въ Оружейной Палатѣ, опричь татиныхъ и разбойныхъ и убійственныхъ и духовныхъ дѣлъ. Писана ся наша, великого государя, жалованная гра-

мота, въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7174 Декабря 25 дня. А у подлинного, великого государя; съ грамоты списка, по склейкамъ, припись дьяка Семена Кудрявцова." (Дополненіе къ актамъ истор. т. V, № 9).

№ 14.

ГРАМОТА 1646 ГОДА О КАЗЕННОМЪ ЗАВѢДЫВАНІИ СЕЛИТРЕНЫМЪ ПРОИЗВОДСТВОМЪ.

„Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи въ Сибирь, на великую рѣку Лѣну, воеводамъ нашимъ Василью Никитичю Пушкину, да Кирилу Осиповичю Супоневу, да дьяку нашему Петру Стеншину. Указали есмя во всѣхъ русскихъ и сибирскихъ городѣхъ селитреное варенье вѣдать въ Приказѣ нашіе Болшіе Казны, боярину нашему Борису Ивановичу Морозову, да Ивану Матюшкину, да дьяку нашему Назарью Чистого. И для того селитреного варенья.... по нашему указу, посланы изъ Приказу нашіе Болшіе Казны гостиные сотни Иванъ Еремеевъ, да Ярославецъ посадцкой человѣкъ Иванъ Третьяковъ съ товарищи..... И о томъ къ вамъ на великую рѣку Лѣну и во всѣ сибирскіе городы и остроги, къ бояршну нашему и воеводамъ, наше грамоты съ полнымъ нашимъ указымъ посланы изъ Приказу нашіе Болшіе Казны, за приписью дьяка Назарья Чистого, съ ними жъ съ Иваномъ Еремѣевымъ съ товарищи.—И какъ къ вамъ я наша грамота придетъ, а гостиной сотни Иванъ Еремѣевъ съ товарищи въ Сибирь, на великую рѣку Лѣну, съ тѣми нашими указными грамотами пріѣдутъ, и вы бъ имъ на великой рѣкѣ Лѣнѣ велѣли селитру варить, гдѣ они такіе мѣста обыщутъ". (Дополненіе къ актамъ историч., т. III, № 10).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.